

63.3(2Рос-6Хол)

К ПЧЧ

ПОДРОЖНИК

Выпуск 12

The bottom portion of the cover features a stylized illustration of flames. The flames are rendered in shades of white, light grey, and brown, with a jagged, upward-pointing shape. They appear to be rising from the bottom edge of the frame against a dark green background.

ПОДРОЖНИК

Краеведческий альманах

Выпуск 12

Редактор-составитель

В.К. Белобородов

Тюмень

Мандр и Ка — 0125730 —
2010

Государственная
библиотека
Югры

КО

ББК 63.3 (2Рос-6Хан)

П 44

П 44 Подорожник : краеведческий альманах / ред.-сост. Валерий Белобородов. — Тюмень : Мандр и К^а, 2010. — Вып. 12. — 336 с.

- © Белобородов В.К. (автор идеи), 2002.
- © Белобородов В.К. (составление), 2010.
- © Дыба-сын В.В. (обложка), 2005.
- © Государственная библиотека Югры (издание), 2010.
- © Мандр и К^а (оформление), 2010.

ISBN 5-93020-458-6

«Я вам жить завещаю...»

Разлучница война

Автор публикуемых писем Александр Иванович Доронин (18 июня 1914, с. Вагай Тобольской губернии — 15 августа 1944) — учитель, после окончания Тобольского педагогического училища в 1930-е годы преподавал в семилетней школе с. Покур Сургутского района, заочно окончил исторический факультет Омского педагогического института. 4 августа 1941 г. был призван в армию.

Письма адресованы жене, Зое Сергеевне Дорониной, в девичестве Трушниковой (31 декабря 1909, с. Абалак Тобольской губернии — 7 декабря 1995), а также детям Владилену и Маргарите. Писал А.И. Доронин из г. Барнаула, из лагерей под г. Чебаркулем Челябинской обл. и из г. Семенова Горьковской обл., где проходил военную учебу, а затем с разных фронтов действующей армии. Боевой путь командира минометной батареи старшего лейтенанта Доронина, кавалера орденов Красной Звезды и Отечественной войны второй степени, прошел через брянские леса, Западную Украину и Польшу, где он погиб.

Письма предоставлены для публикации дочерью А.И. Доронина, отличником народного просвещения Маргаритой Александровной Сухачевой.

№ 1

1941, октября 7

г. Барнаул

Здравствуй, моя дорогая Зоинька, Владя, Рита и бабушка.

Сообщаю, что от вас получил одно письмо. Радости ему у меня было конца. Читал его раз 5. Очень доволен тем, что хорошо обстоит дело с квартирой. Жить будешь в тепле, а я ежедневно с 6 утра до 11

вечера все время мерзну. Целый месяц чистили в одних гимнастерках лошадей. Вставали в 5 ч[асов] 20 м[инут]. Лошадь чистил, чистил, вымыл мылом, но оценку получил все-таки плохо из-за того, что гриву не промыл. С октября лошадей сдали другому взводу, но вместо них, как общее правило в армии, в 6 часов утра зарядка без рубашек в течение 15 мин.

Соскучился об вас обо всех. Ты пишешь, что ребята меня ждут домой. Но увидимся ли? Как ни говори, а на фронт придется выехать, если не кончится зимой война.

21 сентября дал присягу на верность родине, и как воин рабоче-крестьянской армии я ее буду защищать, но так, чтобы или пасть смертью храбрых, или быть в числе тех, чьи имена войдут в историю как герои. Я со многими участниками войны говорил. Они говорят, что уже не так страшно, к тому же не так просто погибнуть, тем более командиру-минометчику или артиллеристу.

То, что я тебе писал до этого в отношении переводов с З., на все на это наплюнь. Ты просишь меня написать, как я учусь. По артиллерии писали две письменные контрольные работы. Первую написал на «хорошо», вторую «посредственно». Во второй не решил задачу и получил «посредственно». По топографии устно «посредственно», одна письменная «хорошо». Общий балл за сентябрь 3.3. «Хорошо» не получил потому, что по уходу за лошадьёю и физ. подготовке получил двойку.

Время все занято. Свободное время почти отсутствует. Недели две тому назад на взвод добились баяна. Понемногу играю, но особенно не играется. Вспоминаю про игру дома, и все желание отпадает.

Срок обучения 4 или 6 месяцев, в зависимости от исхода войны. Сплю на одном покрывале, одеваюсь шинелью... Пока тепло. Да и большего сейчас спрашивать нечего. К твердому «привык». 4 октября, в выходной, ходили на почту, а потом нас отпустили на 2 часа в город. Ходили вместе с Кошуковым¹. Как водится, выпили в норму, сходили на базар, в один магазин. Мануфактуры всякой и трикотажа полные полки. Богата будешь, шли денег. Купить можно, что только душа желает. Но я бы тебе не советовал этим делом заниматься. Лучше питайся лучше и береги свое здоровье.

¹ Кошуков Роман Никитич — заведующий Усть-Балыкской начальной школой Сургутского района в предвоенные годы.

За месяц учебы я много узнал кое-чего из военного дела. Стрелял из боевой винтовки. Упражнение выполнил на «хорошо». Из трех патронов попал в голову мишени двумя, а третьим как-то промазал. Оружие всех сортов будем изучать, какое только есть в армии.

Теперь опишу про вашу работу. Прежде всего, про нового «завуча». Такие люди, как Логинова, не имеющая специального образования, конечно, плохой завуч. Но РОНО, как известно, ценит людей чаще не по практической работе, а по языку. Мне лично наплевать на них, я сам про себя знал, что работал, о чем и коллектив может подтвердить. В отношении планов по истории. Может быть, Питер бы усовестился при мне их читать и критиковать. Но и на это наплевать. Планы одно, а уметь изложить — другое дело. Факт тот, что они у Логиновой понимают плохо, хотя бы у ней и хорошие планы. Веди себя на работе хорошо, выполняй все, но и критикнуть, где придется, не плошай. Меньше говори о работе той же Логиновой и с другими учителями, а то могут подвести, да дойдет еще до РОНО, так пойдет канитель. Я, если возвращусь, то, конечно, завучем ни под каким видом не буду. Учебники по истории мои приberi и не давай, а то истреплют, особенно хрестоматию по истории.

Пока все. Мои просьбы к тебе. Чтобы ходить по выходным дням в город, ты мне каждую неделю переводи рубля три или пять, но не больше, а то переведу обратно. Я на них хоть выпью пива.

В отношении питания не всегда хорошо. Договорись с Клементьевой, чтобы послать посылку. Пошли больше масла, хоть топленого или сливочного. Это одно. Второе. Сшей из какого-либо дрянного материала наволочку для подушки и матраса и пошли. Мотор приведи в порядок. Я тебе купил новый календарь под названием «Страна социализма». Посмотри его, материал хороший. Но никому не давай, а как получишь, дай телеграмму, что получила. Напиши про него одно слово «получила», чтобы мне знать. Вообще телеграммы давай почаще и сообщай в них о здоровье своем и ребят, и бабушки, чтобы мне быть спокойным за вас.

Пока до свиданья. Остаюсь жив и здоров. Крепко целую вас.

Доронин.

Адрес: Барнаул, почтовый ящик 21 [1 нрзб.]

№ 2

1941, октябрь*

Добрый день!

Здравствуй, моя дорогая Зоинька, Владя, Риточка и бабушка! Шлю вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Сообщаю, что получил от вас три письма и две посылки. Рад был и письму, а особенно посылке и, главным образом, свитре. Свитра меня теперь греет, хорошо в ней, а то я ходил в гимнастерке с нижней рубахой и так мерз все время, что у меня сразу же образовался кашель и до сих пор не прошел, все время кашляю. Ноги тоже все время мерзнут. Печи не топят, и портянки сушить негде, так что они все время мокрые. Шинель тоже старая, ничего не греет. На улице нашел какой-то выброшенный из сукманины пиджак, надел его под шинель, так стало теплее. Сапоги старые, да к тому же один больше, а другой меньше. Вот таковы условия. Но ничего не сделаешь. Все это из-за проклятого Гитлера, чтоб ему кто-нибудь голову свернул проклятому.

К Октябрьской, наверное, выдадут новое обмундирование. Постараюсь сфотографироваться и послать карточку. Питание, по сравнению с домашним, лучше, но все равно не хватает, потому что 18 часов на ногах и есть хочешь здорово. В столовую утром ходим в 7 ч., а обед в 3–35. Ходишь ни сыт, ни голодный. Спасибо тебе, Зоинька, за посылку. Может, только и придется поесть домашнего. С большим аппетитом поел [1 *нрзб.*] и нельмы и тут сразу все вспомнил про дом, расстроился даже, а когда попаду домой — неизвестно, да и вообще-то попаду ли. Ну а если и убьют, так не меня одного. Война без жертв не бывает, кому-то надо все равно пожертвовать своей жизнью во имя родины. Зато ты будешь свободной, ибо сколько Гитлер бы ни старался наступать, ему рано или поздно свернут голову.

Хорошо, что тебе отремонтировали квартиру. Живешь в тепле, подогреваешь Заиньку, а я иной раз целый день на улице дрожу. Письма я тебе пишу часто. Правда, сейчас прошел некоторый перерыв из-за отсутствия бумаги, а главное — конвертов. Мне и самому-то хорошо, когда я получу от тебя письмо. Когда я его читаю, то все равно, что с тобой поговорю. Вот вы в Октябрьскую соберётесь, выпьете пива, закусите, а я только в эти дни буду вспоминать и все завидовать гражданской жизни. Напиши, как проведете праздник.

* Датируется по содержанию письма.

Не обидно хоть тем, что не нас одних с Кошуковым взяли. Костя¹, наверное, не думал, что его возьмут. Все его [1 *нрзб.*] останутся, а Филя «бедная» как живет теперь без защитника? Домой жди, когда кончится война. Работай в школе как следует. Учти, что тебе платят пособие, а самое главное, что ребяташки помогают. Ты хоть напиши, что они делают.

№ 3

1941, ноября 7*

Добрый день!

Здравствуйте, моя дорогая Зоинька, Владик, Рита и бабушка. В день 24-й годовщины шлю вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. В сегодняшний день ещё раз вспомнил нашу семейную жизнь и жизнь вообще на поселке. Сегодня вы, вероятно, собрались, выпили бражки, закусили, выспались досыта, никто над вами не командует, да вы ещё и понятия об этом не имеете, ибо единоначалие в школе не то, что у нас в училище.

Как же я провёл 7-е ноября? Как обычно, в 6 часов утра ежедневно слышишь одно и то же слово дежурного по роте: «Подымайсь!» По этой команде как угорелый соскакиваешь и 15 минут занимаешься зарядкой, затем завтрак и занятия. Сегодня после завтрака ходили на демонстрацию, а потом снова в училище. Пришёл, взял баян, начал играть и вот в этот момент, как я уже писал, ещё раз и вспомнил семейную жизнь. Если бы был дома, собрал бы учителей, и неплохо бы провели время. Но ничего не поделаешь. А всё это из-за проклятого Гитлера, которому в недалёком будущем сломят голову, и тогда, если останусь жив, вновь будем жить вместе.

Что бы ни делал, чем бы ни занимался, а всё время думаю о вас, хотя нам постоянно говорят, что о доме и думать нечего. Но как это можно сделать, как можно забыть хоть на минутку тебя, Зоя, Владю и Риту. Вы мне не менее

¹ Лосев Константин Константинович (р. 1910, с. Демьянское Тобольского уезда) — учитель, в Сургутском районе с 1931 г.: зав. школой д. Кушниковой, инструктор районо, директор и преподаватель физики и математики Ямской, Ново-Покурской, Тундринской школ. В 1941–1948 гг. служил в армии, участник Великой Отечественной войны. После войны продолжал педагогическую работу в Ханты-Мансийском округе.

* Датируется по содержанию письма.

дороги, как и защита Родины, человечества нашей земли от этих зверей-гитлеровцев. О будущем я тебе уже неоднократно писал, что меня ожидает.

Теперь сообщу о результатах своей учёбы. За октябрь месяц с учёбой у меня обстоит дело так. «Отлично» — 4, «хорошо» — 7, «посредственно» — 2. 5 ноября было ротное собрание, и командир роты за хорошую учёбу от лица службы вынес благодарность мне и другим курсантам. В ленинской комнате я занесён на красную доску в число передовиков учёбы, да, кроме того, ещё раз занесён в другой список, как активный участник художественной самодеятельности. Общественную работу выполняю: выпускаю боевой листок во взводе.

Сегодня обещали отпустить в город, но никого никуда не отпустили. После обеда изрядно уснули, и я вот стал писать письмо. Скучно жить одному без вас. Но скоро ли мы увидимся, да и вообще увидимся ли, трудно сказать. Если жив останусь, моё возвращение домой будет зависеть от тебя, если не будет [1 нрзб.] о демобилизации. Хорошо бы хоть осенью или даже зимой возвратиться домой. Владик с Ритой вырастут большими. Ты, наверное, пополнила теперь. Спокойно живёшь в одном отношении, за что ты всегда меня ругала.

Про себя должен сказать, что организм спокоен, да и бушевать не с чего, потому что питание неважное, а устаёшь иной раз, как конь. К тому же никуда не пускают. Да если бы и пускали, то ты хотя и не веришь, но я никогда не позволю что-либо оскорбляющее твоё достоинство. Вот так я живу в новых условиях. Пошли мне посылку. В неё положи конфет, с килограмм масла и сухарей. Если богата будешь деньгами, масла пошли побольше. Сообщи о своём питании. Как обстоит дело с сеном для коровы и травами?

№ 4

1942, января 2*

Добрый день!

Здравствуй, моя дорогая Зоинька, Владя, Рита и бабушка. Шлю вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Получил, Зоя, от тебя за последнее время много писем. Ответ задерживал из-за того, что не готово было фото. Одно письмо получил за 5/XII, а второе за 8/XII. Ты действительно часто пишешь письма, чаще некуда. Это хорошо для

* Датируется по содержанию письма.

меня, потому что я в курсе твоей жизни и жизни школы, хотя она меня теперь мало должна интересовать, потому что с учительской работой решил я проститься. Ты поддерживай связь с Шурой¹. Новый адрес: Новосибирская область, станция Бердск, в/ч, п/я 4111/24. Как узнал? Ходил на почту, дал ему телеграмму, чтобы он мне послал денег. Денег он мне послал, спасибо ему, 100 рублей. Я давал телеграмму в старый адрес, а он, оказывается, переехал. Ты ему напиши, чтобы он с тобой связь не прерывал. Он еще в будущем будет нужен по тем вопросам, о чем я тебя просил обратиться к З. Но, в общем, придется, если буду жив, из Покура уезжать. Командиров надо много, да тем более таких, как по минометному делу.

Живу пока неплохо, но так же, как и тебе, скучно без вас. Хоть бы одним глазком взглянул. Владик и Рита стали большие, пишешь, и умнее. Владик, пишешь, велит поставить капкан на Гитлера. Нет сомнений, что его армия будет разбита, ибо наши войска сейчас перешли в наступление по всему фронту и берут город за городом. Если мы будем учиться еще 2 месяца, то нам придется, может быть, добивать отступающую немецкую армию. Посылки мне никакие не посылай, все, что нужно было, я получил. Денег тоже больше требовать не буду, а когда получу зарплату, тебе еще немного pošлю.

Сейчас у нас проходят контрольные работы. У меня только три «посредственно», а остальные «хорошо» и «отлично»... Сейчас на учебе еще принажму...* Ты не беспокойся обо мне. У тебя и так нервы не в порядке. Плачешь сейчас, а если уеду на фронт, да писем не будет, может, месяца 3–4, тогда ты совсем захиреешь. Сколько ни плачь, а домой сейчас все равно не отпустят. Так что учти это. Я знаю, что тебе нелегко переживать, но не от нас это зависит. Жив буду, работать не будешь, года два-три отдохнешь, а сейчас береги свое здоровье. Оно важнее всего. В питании не отказывай, тряпья не бери. Пальго вышлю или продам, а тебе переведу деньги. Зачем оно мне, а если попаду домой каким-либо образом, то купим. Вообще ты мои манатки продай, если денег не будет. Потом купим, да мне и много их не надо, сама знаешь. Продуктов запасы к весне, особенно картошек. Купи их сейчас, пока есть, а то потом [1 *нрзб.*] не будет. Если с самообразованием не выходит, то больше уделяй

¹ Трушников Александр Сергеевич, брат жены А.И. Доронина Зои Сергеевны, в 1940-е гг. — военный хирург.

* Часть текста не сохранилась, оторван угол листка.

внимания на качество работы. Снять тебя не снимут. Это не просто делается. С Владимиром взаимоотношения не порти, может, где и уступить придется, ничего не поделаешь. Пропиши, с кем крутит муж З.И. Передай привет всем учителям, Журавлеву, Тарасову Ивану и Георгию, Фелистову, Горнову, Фекле, Пайвину. Пока все. Крепко целую вас.

С приветом Дорони.

Сегодня, т.е. 2 января, ходил в фотографию, но карточки не готовы. Пошлю на 10 дней позже, так [как] с 4 января уедем в лагерь на неделю.

№ 5

1942, январь

г. Барнаул

Добрый день, здравствуй, моя дорогая Зоя, Владя, Рита и бабушка.

Шлю я вам свой привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Сообщаю, что получил от тебя, Зоинька, письмо, которое ты писала 16 декабря 1941 г. До этого я тебе отправил письмо 4 или 5 января, а потом уехал в лагерь и жил в них по 12 января. В лагерях ещё получил дополнительно закалку к холоду, ибо первую ночь мало пришлось спать. Жили в землянках, печки не было, в первую ночь посредине развели костёр и сидели так в дыму, а потом достали хорошую чугунную печку, и стало тепло.

Обстановка в лагерях была приближена к боевой, но не боевая, хотя кругом стреляли, но свои. Посылаю тебе фотокарточку. Попроси В.С.¹, чтобы он её увеличил, как с тебя, сделай хорошую рамку к ней и повесь на стену, чтобы не забывать обо мне. Да к тому же, тебе только и придётся смотреть на мой портрет, потому что мне кажется, что меня всё равно убьют. То, о чём я тебя просил поговорить с Зар² и Загваздиной, всё это, может быть, и ни к чему. Справку я тебе высылаю обратно, добейся, чтобы ногу вылечить. Денег мне никаких не посылай, нас, возможно, к концу января выпустят. Я тебе уже писал, чтобы ты поддерживала связь с Шурой. На него только надежда в смысле возвращения после окончания

¹ Кочетков Владимир Степанович, учитель. Род. в 1917 г. в г. Омске, окончил физико-математический факультет Омского учительского института (1937) и был направлен в Сургутский район. Заведовал учебной частью, был директором Покурской неполной средней школы (1937–1944). С середины 1940-х работал в Сургутском райкоме ВКП(б), затем директором школы в пос. Черный Мыс.

² Зар Августа Ивановна, сургутский врач.

войны, хотя бы через год или даже через два, только бы быть живым, а умирать не хочется, оставлять ребят без отца, а тебя без мужа.

Если проучимся до первого марта, то на фронт придётся выехать в апреле или мае, а к тому времени многое изменится. Я писал письмо ученикам [и] Н.Н. Получили или нет его, сообщи, если получили, то почему до сих пор нет ответа. Книжки из райкома со штампом, ты все мои книги перебери, найдёшь и пошли.

Сильно о вас соскучился. Иной раз сижу, раздумуюсь и вот вас всех представляю, какие вы есть. Вижу тебя то ласковой, то чересчур сердитой, какой ты и бывала иногда, а ребят представляю уже большими, толстыми.

Посылку не посылай, всё, что заготовила, употреби в пищу, покорми ребят, не обижай их, они и так, может, будут обижаться, если меня убьют. Ты иной раз ни с того ни с сего накричишь, а они обидчивые, могут воспитаться застенчивыми, обидчивыми. Мотор обязательно продай, он сейчас ни к чему, поговори с Юрой, он, может быть, его продаст кому-нибудь в Сургуте, баян продай к лету, когда поедешь лечиться, а лечиться обязательно поезжай, если я буду жив и возвращусь домой, чтобы ты была здоровая. Предметы эти купить всегда можно. Ты не думай, что распродашь, а думай, чтоб быть здоровой.

Пока всё! Ещё раз пишу: денег не посылай и посылку тоже. Я не голодный, осталось учиться немного, а потом есть досыта буду. Пока всё. Передавай привет всем учителям, а особенно М.А.¹ и П.Г. Я ему писал письмо, получил или нет, сообщи. Остаюсь жив и здоров, здоровье хорошее, только кашель есть. Ещё передай привет Журавлёву с Груней, Фелистову, Горнову, Богдану. Сообщи, как обстоит дело с сеном.

Твой муж Шуринька Доронин.

№ 6

1942, января 31

Добрый день!

Здравствуй, моя дорогая Зоя, Владя, Рита и бабушка. Шлю вам свой горячий привет из Барнаула и желаю вам добрых дел и здоровья в вашей

¹ Кушникова Мария Абрамовна (1898–1977) — учительница начальных классов, работала во многих сельских школах Сургутского района, в Сургуте.

*А.И. Доронин в группе учителей
(внизу справа)*

жизни. Писем в январе получил мало, разбирался с письмами, но не мог так установить сколько. Многие письма снова перечитывал, посмотрел фотографии и как будто с вами поговорил. Не знаю пока, как живешь вообще, но имеешь возможность поспать досыта. Я вот насчет этого не могу похвастать. С первого января получили лошадей, так мы с ними просто смаялись. Ложимся в 10 ч., а встаем в 5.20 ч. Ежедневно не досыпаю я и все остальные курсанты. Целый день сидишь и дремлешь. Мертвого часа не стало. За день так устанешь, что хоть бы на голом полу уснул. А я ведь сплю на «перине» вместе с Кошуковым Романом. Солома в подушке такая грубая, что если не подложишь полотенце, то не уснешь. Вчера, т.е. 29/142 г., всю ночь до 7 часов утра чистили картошку на кухне, а днем спать не дали. Не раз помянешь дом, особенно в такие трудные минуты. Но эти трудности представляют ничто с тем, что ожидает впереди. Учиться осталось ровно месяц. Уже написаны служебные характеристики. На меня командир батареи написал хорошую характеристику, наверное, присвоят звание лейтенанта, повесят два кубаря и будешь их таскать. Лучше бы я два года отслужил рядовым, так знал, что уж потом был бы свободным.

На фронт еще долго не уедешь, минимум как через 2 месяца. Тогда, во-первых, будет тепло, а во-вторых, наши войска по всему фронту поведут большое наступление, и если хоть ранят или убьют, то приберут. Нас всех разбивают на три группы по родам оружия, но я не знаю, куда попаду. Сильно о вас соскучился, все время думаю и вспоминаю нашу совместную жизнь, а встретиться еще долго не придется. Владик с Ритой вырастут большие. Поминают хоть, нет они меня? А то, поди, забыли? В моей жизни никаких существенных изменений не произошло. Посылку от учителей до сих пор не получил, писем, кроме тебя, ни от кого не получал, одно, правда, получил от П. Григорьевича. Шуре писал уже два письма, но ответа ни на одно не получил. Я тебе уже неоднократно писал, что ты с ним связь не прерывай. Он еще мне и тебе будет нужен. Когда ему будешь писать, то попроси его как брата, чтобы он с тобой связь имел.

Напиши, как вообще идет работа в школе, как живет М.А и Кочетков, Павел с Тоней, Н. Николаич и З. Ивановна. Только ответ на это письмо в Барнаул не посылай, потому что меня уже в нем не будет. Я буду находиться в части и пошлю тебе новый адрес, сообщу, когда из Барнаула выеду. Про себя напиши, как у тебя здоровье, как обстоит дело с питанием, дровами, в общем, все напиши, чтобы мне знать. Жи-

вой буду, то домой приеду, как я думаю, не раньше как через год, когда еще кончится война, да прибудешь в часть.

Пока до свидания, моя дорогая Зоинька, Владя и Рита. Крепко целую вас. Одно слово «охота» пойми сама.

Доронин.

О получении фото, телеграмму дай в Барнаул.

№ 7

1942, февраля 4

Барнаул

Добрый день! Здравствуй, моя дорогая Зоя, Рита, Владик и бабушка. Шлю Вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Сообщаю, что письмо, писанное 31 декабря, получил 2 февраля. В этот же день получил письмо от Павла Григорьевича. Письма, по-видимому, не все доходят, а пишу я их часто. В месяц приходится 3–4 письма.

Доволен тем, что у тебя всё в порядке по хозяйству и здоровью. Жаль бабушку, не умерла бы. Ты пишешь, что от Шуры ничего нет. Я сам от него не получил ни одного письма, но вот 2 февраля сижу на уроке, заходит старшина второй батареи и спрашивает: «Доронин здесь?». Я обернулся и что увидел. Шура стоял передо мной. Я сразу выбежал из класса, и мы с ним обнялись и крепко поцеловались. Он сейчас находится в Барнауле, приехал из Новосибирска, вернее, из Томска, т.к. он в последнее время работал в Бердске неподалеку от Новосибирска, потом съездил в Томск к жене и получил назначение в Барнаул и говорил мне, что будет в нём, наверное, до 20 февраля. Совсем неожиданная встреча!

Я после обеда отпросился в город. Он находился в гостинице, а внизу был ресторан. Закусили в нём, и порядочно я выпил. Сколько у меня было радости-то! Он чувствует себя хорошо, стал полный. А сколько бы счастья и радости было увидеть вас всех. Когда я читал твоё письмо, где ты пишешь о ребятишках, так я просто чувствовал себя, что я нахожусь где-то не на земле, а лечу и лечу. Какое-то радостное настроение было. А ты их всё-таки продолжаешь обижать, хотя тебе об этом неоднократно писал, и последний раз тебя предупреждаю: прекрати обижать их. А вы, Рита и Владя, слушайте маму, не шалите, тогда она вас не будет чикать и будет давать вам конфеток больше. Шалить нельзя. Владя, ты Риту не обижай и напиши мне письмо, научись печатными буквами писать и пиши мне письма.

Зоя, передай привет учителям и всем моим знакомым, которых я ранее перечислял в письмах. На Барнаул после этого письма не пиши, меня уже в нём не будет. Адрес новый я тебе сообщу. Если я долго буду в части, то ты мне пошли посылку под видом подарка от коллектива учителей. Пошли только папирос и конфет, а больше ничего не посылай абсолютно.

Пока всё. Остаюсь жив и здоров, чего и вам желаю. Крепко целую вас всех. Учусь последний месяц, а Кошуков кончает уже 10 февраля, а я почему-то позже. Возможно, ещё и оставят пока в Барнауле.

Доронин А.И.

№ 8

1942, февраля 13

г. Барнаул

Добрый день! Здравствуй, моя дорогая Зоя, Рита, Владик и бабушка. Шлю вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Ты, Зоинька, пишешь, чтобы в 1942 г. жить вместе. Конечно, нет для меня более счастья, как это жить вместе с тобой, но ничего не поделаешь, когда этот проклятый всеми Гитлер нарушил нормальную семейную жизнь не одной сотни тысяч людей. За всё это он, конечно, рано или поздно поплатится. И если я останусь жив, то это будет хорошо. Если и не придётся более учительствовать, то всё равно жить будем вместе, хотя мне эта военная работа, как я тебе уже писал неоднократно, абсолютно не нравится. Меня с осени звали вести политподготовку в училище, но я не дал согласия, а теперь каюсь. Не дал я согласия потому, что если останусь жив, то после войны, может быть, возвращусь домой, а останься в Барнауле, так и не выберешься из него, а город он плохой. Учиться осталось две недели, а потом из Барнаула уеду. Отправляют в [1 нрзб.] военный округ, в Приволжский (г. Саратов), в Северо-Кавказский, Сибирский и Уральский. Я хочу написать рапорт, чтобы направили или в Северо-Кавказский или в Приволжский округ, а то и так всё на морозе, а там климат теплее и природа разнообразнее.

Кошукова Р. направили в Приволжский военный округ. 11 февраля я уже выехал из Барнаула. Шура из Барнаула уехал в г. Алейск, неподалёку от Барнаула. Я его ездил провожать на станцию, выпили порядочно, домой пришёл пьяный, а в казарме были два политрука и командир дивизиона. Они меня вызвали в кабинет, поругали, и на этом дело кончилось, а то

другого бы арестовали, а мне как-то прошло. Нехорошо было перед секретарём парторганизации, но проморгался. До этого ходил часто один в город, а теперь и не прошусь: знаю, что не отпустят, да и ходить-то некуда.

На почту ходим коллективно, строим. Я тебе, Зоя, давал три телеграммы, потом, когда будешь писать письмо, сообщи. [1 нрзб.] мне отдал новые чёрные валенки, так что я теперь тёплый. Продавать не буду, пока стоят морозы. Если придётся далеко ехать, они пригодятся. Жить, Зоинька, мне без вас скучно. Иногда ляжешь на койку, раздумаешься про свою прежнюю жизнь и так станет обидно, что сердце занует. Вспоминаю тебя, какая ты была и есть, ребятишек, всю обстановку, в общем, всю свою вольную, тёплую, сытую совместную жизнь и всё думаю, что неужели мне больше не придётся так жить? А что я про себя могу сказать в отношении жизни? — одно: сегодня жив, а через минуту, час, день как и не жил. Убьют, схоронят где-нибудь, тебе сообщат, поплачешь сколько, а потом забудешь, создашь себе иную семейную жизнь и будешь снова жить, может, ещё и лучше, чем со мной. Я, конечно, моя дорогая Зоинька, не хочу этого, и ты не [1 нрзб.] когда будешь читать это письмо, не плачь, ибо ты знаешь жизнь военных людей и их долг защищать родину, а война без жертв не бывает. Ребятишек не обижай, они и так обижены тем, что живут без папы, а вы, Владя и Рита, слушайте маму. Я тебе, Владя, ружье привезу, а тебе, Рита, куклу хорошую. Пока всё. Остаюсь жив и здоров.

Лейтенант Доронин А.И.

Крепко вас целую всех, а особенно тебя. Приеду жив, целый день буду целовать. Передай привет моим знакомым, которым я ранее писал. Сообщи, где находится Клюев и Пайвин Михаил, Костя Лосев, Дрыгалев¹, если знаешь их адреса.

№ 9

1942, февраля 18

Добрый день, дорогая Зоинька, Владик и Риточка. До 18 февраля я ещё прибавлял одно имя — это бабушка. Но сегодня, т.е. 18/II получил днём от тебя телеграмму, в которой ты сообщила об её смерти. Хотя я с ней и скандалил часто, а мне её стало жалко, а ребятишки, наверно, силь-

¹ Дрыгалев Валентин Михайлович, выпускник Омского педагогического института, в предвоенные годы преподавал в Сургутской средней школе.

но о ней плакали, особенно Рита. Ну, ничего не поделаешь. Старость её и переживания взяли своё. Для тебя это большая потеря, особенно в этот момент, когда и меня нет дома, и я вполне понимаю и сознаю твою одинокую жизнь. Но ты, Зоя, крепись, наберись силы воли пережить это, а то своё неважное здоровье ты окончательно надломишь.

Справку я тебе выслал, и ты обязательно достань путёвку на курорт, только ребятишек-то некуда девать. Но тебе на месте виднее, сделаешь, а они месяца 2 и без тебя проживут. Денег я тебе вышлю. Когда поеду на фронт, вышлю тебе денежный аттестат, и тебе будут из райвоенкомата посылать деньги. Продай баян, мотор, но здоровье своё поправь, а то знаешь, как на мне может отразиться, [1 нрзб.] на фронте и получу известие, что ты болеешь, а ты мне о здоровье пиши в каждом письме, а если будешь скрывать, то я от других узнаю.

Пропиши, кто у тебя будет жить. Когда кончится война, напиши Анне, пусть она приедет и будет жить у нас или матери. Выбирай сама, а с чужими не житьё, сама знаешь. Деньги я получил 30 руб. В моей жизни изменений нет. Учиться осталось немного. Жаль тебя, Зоя, что тоже несчастье нас постигло. От Шуры мне ничего нет. Он как уезжал, то говорил, что вызову тебя к телефону, но ни письма, ни вызова нет.

Передай привет учителям и другим моим знакомым. А Павлу я написал про тебя, что ты не пишешь о школе, для отвода ему глаз, а то могут сказать, что ты мне всё сообщаем. А писал, что ты, дескать, в курсе работы школы. Владя и Риточка, вы маму слушайте, теперь бабушки нет у вас, не деритесь, это нехорошо.

Крепко вас целую. Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю.

Ваш папа Доронин А.И.

№ 10

1942, марта 10

Здравствуй, моя дорогая Зоя, Владя, и Рита. Шлю я вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни.

Сегодня решил написать вам ещё очередное письмо, хотя перед этим отправил недавно. Сегодня, Зоя, прошедшей ночью видел тебя во сне. Находился бы я в своей казарме, скрывался бы от зарядки, забежал наверх, а ты бы там на полу лежишь. Я бы к тебе лёг, укрылся одеялом и так сладко заснул, но сон мой прервался, так как дневальный крикнул.

«Первая батарея, подымайсь!» Пришлось встать. Сон этот должен в будущем происходить так наяву. Всё же я должен когда-то возвратиться домой или в отпуск, или в долгосрочный отпуск.

Живу по-прежнему. Никаких изменений в моей жизни нет. Скоро, наверное, будет выпуск, так как уже оформляют документы. Тебе, Зоя, Роман пошлёт свой адрес, а ты мне потом сообщишь. Мы с ним так уговорились. [1 нрзб.] будут выпускать 15 марта. При выезде из Барнаула адрес сообщу.

Анне письмо написал, чтобы она выезжала, но ты на всякий случай свою тётку закажи, чтобы тебе можно [было] ехать или лечиться, или учиться, но мне бы хотелось, чтобы ты сделала первое, а когда придет Анна, сделать второе. Я бы лучше себя чувствовал, а то всё буду думать о твоём здоровье.

Пока писать не о чем. Передай привет моим знакомым, т.е. учителям и некоторым колхозникам и служащим. Остаюсь жив и здоров. От Шуры так до сих пор ничего не получаю. Крепко, крепко вас целую.

Пока всего доброго вам, здоровья.

А. Дорнин, будущий лейтенант.

№ 11

1942, марта 14

г. Барнаул

Здравствуй, моя дорогая Зоя, Владя и Рита!

Шлю вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Сегодня, т.е. 14.3.42 г., закончилась моя боевая учёба, а завтра зачитают приказ о присвоении звания лейтенанта. Многому я научился за этот период, но многое ещё и не знаю, ибо за 6 месяцев немислимо получить действительные знания. Практика дополнит теорию. Куда направят, не знаю. Потом дам телеграмму из части или, если сразу отправят на фронт, то сразу напишу. И вообще, пока буду жив, буду писать часто. Я тебя хочу предупредить об одном. Возможно, что письма с фронта долго не будут доходить, так ты особенно не печалься. Они могут не доходить не потому, что я убит, а могут задержаться где-либо совсем. Зарплату я тебе свою буду переводить, мне надо немного, а ты лучше питайся и ремонтируй своё здоровье.

Тебе Кошуков хотел дать телеграмму о своём адресе. Ты в письме его адрес сообщи. 12 марта я вступил в члены партии. На фронте думаю себя вести и громить своими миномётами немцев так, как это подобает члену

партии. Это не значит, что я буду совать голову, где и не надо. Дело всё в умении и знании, а это у меня есть, хотя и не всё. Может всё получиться. Может получиться, что и до ордена дойдёшь. И если это так будет, то я у вас потом «спрошу», почему в школе низкая успеваемость и что вы делали. Я сейчас кое-что испытал, но впереди самое главное испытание, и если я его выдержу, буду настоящим человеком. Сняться в форме лейтенанта не удалось. Эта карточка для партбилета. Сохрани её.

Пока всё. Остаюсь жив и здоров. Передавай привет знакомым. Нюре написал, чтобы выехала. Крепко целую вас.

Доронин.

№ 12

1942, апреля 1

Станция Чебаркуль

Добрый день! Здравствуй, моя дорогая Зоя, Владя, Рита. Шлю вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Как я уже сообщал тебе, Зоя, из Барнаула я выехал 17 марта, а в Чебаркуль приехал 30 марта. Из Барнаула выехали в час ночи, погрузились в товарные вагоны, причем нетопленные, и первую ночь спать не пришлось. Везли исключительно плохо. До Свердловска доехали на 9-е сутки.

Впервые, как уехал из дому, пришлось попить молока. До Омска молоко было по 10–12 рублей литр. На дорогу нам дали хлеба и по 200 граммов колбасы. Под конец хлеба не хватило, и целый день пришлось сидеть голодом. На станциях купить поесть ничего не было. Ехали все грязные. В общем, за дорогу пришлось всего натерпеться: и холоду, и голоду, и грязи. Такова моя теперь военная жизнь. Ко всему надо привыкать, да и ко многому уже я привык. Только каждый раз, когда приходится трудно в чем-либо, так вспоминаешь невольно про свою прежнюю жизнь нашу. Обида берет, что одни сидят дома, пьянствуют, может быть, и занимаются развратом, а тут целые тысячи и сотни тысяч народу страдают, отдают свою жизнь. В городах ничего не купишь и не поешь. В столовых кормят только по пропускам.

В Свердловске ходил в кино, смотрел картину «Красные дьяволята». Потом приехали в Челябинск. В нем прожили сутки, ходили в кино смотреть картину «Конек-Горбунок», цветной фильм. На этом кончилась моя культурная жизнь.

Куда я попал сейчас? В лес, в лагеря, известные во всем округе Уральском. Причем меня и других бывших курсантов назначили не в часть, а в резерв, из которого лейтенанты при первой же возможности удирают. Почему? Во-первых, потому, что исключительно скверное питание. Утром и вечером варят на воде лапшу из какой-то черной муки и по 200 граммов серого хлеба. В обед тоже лапша и каши немного, хлеба 400 граммов. Такой лапши я, как родился, не едал никогда и не думал есть, но, как видишь, пришлось. Во-вторых, абсолютно никуда не отпускают, хотя и ходить-то некуда. Живу в землянке на самых верхних нарах. Моя постельная принадлежность: рогожа, шинель, одеяло получил и все. На рогожу постлал одеяло четверо, шапка отвечает за подушку, а шинель за одеяло. И вот такой жизнью некоторые командиры живут месяца по 3–4. Может, и мне придется столько жить.

Занятий почти никаких нет. Хожу в столовую и сплю день и ночь сколько влезет. В первые дни такая жизнь казалась странной, но сейчас я уже привык к ней, не я один так живу, а целые сотни, да постарше еще меня некоторые. Чего только не перенесешь и не испытаешь и где только не побываешь. Но где бы я ни был, что бы ни перенес, остаться живым и с победой возвратится домой — вот моя конечная мечта и мысль, и эта мысль внушает мне бодрость духа и умение переносить все лишения и невзгоды.

А о вас я соскучился. Вот через 3 дня будет уже 8 месяцев, как я расстался с вами. Владик и Рита выросли большие, наверное. И сама ты, Зоя, наверное, состарилась: так много у тебя тоже горя, но ничего не поделаешь. У тебя все же Владик с Ритой, учителя, а я один.

На питание у меня будет уходить не больше 120 рублей. Завтрак и ужин стоят по 55 копеек, а обед 1 рубль 50 копеек. Я тебе буду переводить от своей зарплаты рублей 400 или 500. Сейчас у меня еще 450 рублей. Мне этих денег хватит на 2 месяца, так что полочку я тебе всю и пошлю. Ты, Зоя, как только получишь это письмо, дай срочно телеграмму, куда выслать деньги. Если поедешь учиться, то я вышлю их в Ханты-Мансийск или в Покур, в телеграмме укажи обязательно. Я вышлю к весне около 1000 рублей. Первую часть денег я вышлю сразу, 500 рублей — как только получу за апрель, а потом в мае рублей 300 или 400. Если поедешь учиться, запаси продуктов, денег не жалея. Буду жив, деньги у тебя будут. В телеграмме укажи здоровье всех и как живешь.

Передай привет учителям и, если поинтересуются моей жизнью, ничего не говори, кроме М.А., а то разболтают. Если придет Киреев¹, передай ему мое фото и дай почитать письмо. Я ему пока не пишу. От него второе письмо получил еще в Барнауле, а сейчас напишу с фронта или из части, куда буду переведен. Сообщи адрес Кошукова. Живи, не скучай. Жив буду, приеду в Покур если не совсем, то в отпуск и за тобой, если не уволят из армии.

Всем, кто будет спрашивать обо мне, говори так: находится за Челябинском в лагере, живет хорошо. Остаюсь жив и здоров. Крепко, крепко целую вас. Владя и Рита, не шалите. Я вам ружье привезу.

Доронин.

Мой адрес: город Челябинск, станция Чебаркуль, почтовый ящик 83 р. Буква «р» обозначает резерв, и ты пиши не слово, а букву.

Дополнение

Вещи мои пошли в фонд обороны. Я даже и не знаю, когда их и передали. Ты особенно там не распространяйся насчет денег. Достаточно, что я буду на фронте защищать родину. А я попаду в самый решающий момент весенне-летней кампании, когда решится судьба нашей родины в нашу пользу, конечно, но борьба будет кровопролитной.

Зарплата пока моя 550 рублей, но на фронте будет сот 8. Мне присвоили звание лейтенант и назначат командовать взводом или батареей минометной. При окончании училища выдали новую шинель, 3 пары белья: одну теплую и две тонких, так что я богатый в этом отношении. Имею 2 полотенца. В общем, чем плохо: скверно кормят, ничего не делаю, а самое главное — один, скучаю о вас. Вот скоро весна, рыбачить будут, а мне придется нюхать порох. Но не я один. Это ничего, а если сравнить старую жизнь, то все и думаешь. Береги свое здоровье. Баян с мотором продай. Купить их всегда можно. Лучше питайся, а то засохнешь совсем.

¹ Киреев Прокопий Гаврилович (1913, д. Черная Тобольского уезда — 1994, г. Сургут) в 1933 г. окончил Тобольский педагогический техникум и получил назначение на должность заведующего Ватинской начальной школой Сургутского района. В 1948 г. избран председателем Покурского сельсовета. В 1949—1967 гг. работал в Сургутском райисполкоме, в 1967—1971 — в Сургутском горкоме КПСС.

№ 13

1942, мая 31

Чебаркуль

До сих пор все еще живу в Чебаркуле. От Ньюры получил телеграмму, от матери письмо и от Дрыгалова В. Он выучился на сапера-подрывника. Пишет, что ему эта специальность нравится. Сообщил и адрес Пugno¹ и Кондакова², они работают в штабной роте.

Май месяц прожил неплохо, но не пройдет дня и часу, чтобы я не вспомнил о вас. Питание стало намного лучше. Правда, мясного нет, кроме маленькой котлеты ... <...>

Перевел тебе из Чебаркуля 500 рублей, посылаю квитанции. Если денег долго не будет, то напишешь жалобу через почту.

Еще раз пишу: береги здоровье свое и Влади с Ритой. Смени корову. Денег не хватит, что-нибудь продай. Передай привет учителям, Горнову, Журавлеву с Груней, Фелистову. Опиши жизнь школы и отдельных лиц на поселке для интереса.

Адрес для ответа сообщу другой. Может, уеду в другое место.

Крепко вас целую.

Доронин.

№ 14

1942, июня 12

Добрый день! Здравствуй, моя дорогая Зоинька, Рита и Владя.

Сообщаю вам, что вчера, т.е. 11 июня, я прибыл в город Семенов на курсы командиров батарей. Лежачий период мой в резерве кончился, сейчас предстоит один из трудных периодов моей жизни, правда, хотя и небольшой период, 2–3 месяца, но его будешь помнить всю жизнь. Учиться придется трудновато потому, что питание намного хуже, чем в Чебаркуле. Мое меню в Семенове следующее: утром и вечером по 200 граммов ржаного хлеба, по две оладьи-лепешки, чай без сахара, одна конфета. В обед варят на

¹ Пugno Прокопий Прокопьевич, сургутский учитель.

² Кондаков Василий Васильевич (1908, Сургут — 1969, Тюмень), учитель, выпускник Тобольского педтехникума. Трудовой путь начал в 1929 г. в Ватинской начальной школе Сургутского района, затем преподавал в Покуре, Сургуте, Ханты-Мансийске.

З.С. Доронина

одной воде галушки ржаные, или клецки, как их зовут. Вот и все. В Чебаркуле я поправился последнее время хорошо, а сейчас подтянет живот-то.

Я тебе, Зоя, обещал переводить ежемесячно по 300–400 рублей, но сейчас даже не знаю, что делать. Деньги тебе нужны, я это знаю, но мне если есть такую пищу 3 месяца, то я замру. Я решил хоть раз в день брать четверть литра молока по 7 рублей. Буду комбатом, пошлю потом, а ты пока потерпи, лучше что-нибудь продай, но сама и Владю с Ритой не мори. Мне-то уж за одним теперь скитаться, пока буду жив.

Но как бы тяжело ни пришлось, я буду потом командиром батареи, а не взвода. Это намного лучше и в мирное время, и в военное, да и знания свои военные повышу. Правда, меня не покидает мысль возвращения на старую работу, но крайность лучше быть комбатом, чем командиром взвода. На фронт я собирался весной еще, а теперь придется в конце октября или в ноябре, как раз к зиме, а если буду жив, то домой придется приехать не раньше лета или осени 1943 года. Это при условии, если в 1942 году война закончится. Раньше двух лет никак не бывать. За это время Владик и Рита вырастут большие. Так бы я вас и посмотрел. Хорошо, что у меня есть фото, так я часто смотрю.

Пока все. Когда будешь писать, то напиши мне про следующее: как у тебя обстоит дело с питанием, посадила ли огород, думаешь ли сменить корову, о чем я тебе советовал, как закончили учебный год, учишься ли заочно, с кем остались Владик и Рита? Как живут учителя, как дороги стали продукты? Зоя, пошли мне пачек 10 или 20 махорки, если достанешь, а почтальона уговори, чтоб она приняла посылку, а если почему-либо она не будет принимать, то обратись в райвоенкомат, они помогут. Скажи, что я курю, а табаку нет. Я эту махорку продам, куплю что-нибудь поесть и тебе пошлю денег. Кроме махорки, ничего не посылай, разве конфет, если есть, немного, грамм хотя 100. Постараюсь сфотографироваться и пошлю вам фото. Передай привет тем, кому я обычно раньше посылал приветы.

Крепко, крепко, вас целую. Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю. Сообщи адрес Шуры и Кошукова Романа. Табаку можно послать любого, если нет махорки, папирос не посылай, пошли пачку или две, если есть и будешь посылать. Адрес: г. Семенов Горьковской области, почта, до востребования.

Сообщи адрес Кости через Филу. Пошли бумаги, а то на последней написал. Еще не менее 3-х или 4-х месяцев мне обеспечено жизни. Это хорошо.

Зоя, совсем было забыл написать, что окончательно седею. На висках столько седых волос, что самому не верится, а все это с горя и переживаний.

№ 15

1942, июля 12

г. Семенов Горьковской обл.

Здравствуйте, мои дорогие Зоя, Владя, Риточка!

Шлю я вам свой привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Сообщаю, Зоя, получил от тебя письмо, которое ты писала еще 27 апреля. Оно пришло в Чебаркуль, а оттуда мне его переслали в Семенов. Хорошо, что сообщила адрес Шуры. Я ему сразу же написал письмо.

Теперь о своей жизни. Прочулся почти уже месяц, т.е. через 2 дня будет точно месяц. За это время были 4 контрольные работы. Из них по 3-м темам получил хорошую оценку, а по 1 теме уд[овлетворительную]. Причем по последней теме получилась так, что около половины получили плохо, а остальные уд. Завтра, т.е. 13/7-1942г., будет зачет еще по политике, но, как ты знаешь, я в ней разбираюсь неплохо и на «хорошо-то» уж сдам всегда.

Я тебе, Зоя, в одном из писем писал, чтобы ты не продавала велосипед, а оказывается, он уже продан. Лучше бы его сейчас продать. В отношении мотора не написала ничего, продан он или в каком состоянии находится. Если не продан, то приведи его в надлежащий порядок. Буду жив — пригодится, тем более что Владя и Рита ждут меня на катере. Об вас сильно соскучился, но ничего не поделаешь, а когда вернусь домой, еще неизвестно, так как войне и конца еще не видно. Питание сейчас стало лучше по сравнению с первоначальным. Сейчас каждое воскресенье у нас выходной, а то было только два раза в месяц. В субботу и воскресенье разрешают сходить в кино, а так некогда.

Рита и Владя, слушайте маму. Зоя, ты закажи маму мою себе, оно ведь лучше, чем чужая, а Анюта приедет ли. Маме дай телеграмму, пусть она приедет к тебе, а то ей с Марией не житье. Мне об этом сообщи телеграммой, чтобы я знал. Я маме бы дал телеграмму, чтобы она к тебе выехала, но делай это сама, а в общем, ее нельзя бросить на произвол судьбы, и я буду сильно недоволен, если ты будешь держать чужого человека, тогда мне ей придется посылать денег.

Вот пока все. Крепко вас целую. Здоровье у меня хорошее. Зоинька, передай привет учителям и знакомым. Сообщи результаты учебного

года, письма пиши по адресу: Семенов Горьковской области, почта, до востребования, я теперь живу у почты.

№ 16

Здравствуйте, мои дорогие Зоя, Владя, Рита. Шлю я вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Два дня тому назад я тебе, Зоя, написал письмо, но это пишу относительно положения и дальнейшей жизни своей матери. Я получил от них письмо, в котором они мне сообщили, что Нюра сидит в Тюмени. Она, по-видимому, придет к тебе. А тебе я написал, чтобы ты ей дала телеграмму о выезде к тебе. Если они обе съедутся к тебе, то и денег не хватит, хотя я тебе буду посылать рублей по 400 или больше с осени. Я просто не знаю, что и делать с ней. С Марией ей житья не будет, а тебе хватит ли средств, хотя и с моей помощью, прокормить их всех. Реши этот вопрос сама. Конечно, ее бросать нельзя. Она ведь мать, худа ли, хорошая. Ты этот вопрос обдумай и мне сообщи телеграммой, чтобы знать. Про брата писали, что его видел один красноармеец из деревни Березовки, но верно ли это, не знаю. Возможно, он и жив. Сообщаю, что политподготовку сдал на «отлично». Пока все. Письма пиши из расчета до 1 сентября. Наверное, 3 месяца учиться не придется, хотя бы 2 или 2,5 месяца и то было бы хорошо. Потом лучше дашь телеграмму. Передавай привет учителям, Горнову, Фелистову, Богдану, Тарасову Ивану, Журавлеву и Груне. Передай Журавлеву от меня большущее спасибо, что он тебе помогает материально.

Доронин.

№ 17

1942, октябрь*

Чебаркуль

Здравствуйте, мои дорогие, Зоя, Рита, Владик и Нюра. Шлю вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. [1 нрзб.] собрался написать вам письмо, хотя и с большим перерывом, за что прошу прощения, ибо условия мои, как увидишь, не весьма хорошие, отсюда и настроение изменяется, и возникают различные переживания. Я до того дотрепался на работе, что даже уже забыл, что тебе и писал в письме, посланном из Ильино. Если и повторюсь, то не лишнее.

* Датировано по содержанию письма.

Из Семёнова я выехал 11 сентября. Начальник нашего курса сказал мне, что я тебя посылаю на хорошую должность. Я думал, что, верно, куда-нибудь пошлют в формирующуюся часть, а потом узнал, что еду в Ильино, так сразу у меня настроение пало, ибо и до этого я был в Ильино и знал, что там за жизнь. Нас в Ильино направили 4-х человек, в том числе одного командира, с которым я учился в Барнауле. И вот я был один направлен в 4-й учебный полк на должность командира батареи. Жили в землянке, в которой, кроме стен, ничего не было. Строили, строили, потом получили назначение ехать в Златоуст. <...>

До Златоуста доехали, потом нас направили в проклятый Чебаркуль, где я жил и живу сейчас пока. Приехали в совершенно разбитые землянки. Сейчас немного построили, но условия жизни, если бы ты посмотрела первоначально, то сказала, что здесь жить нельзя. В первый же день отремонтировали разбитую печь и спали в тепле, спим в тепле и по сей день, но заедают вши, которых у меня никогда не было. Только что сходили в баню, и наутро уже они ходят, потому что кругом грязь и вши. А какое питание? <...> Хорошо, что в красноармейской столовой достаёт один комвзвода, так поддерживает, а то туго бы было.

Работа у меня как командира батареи идёт не хуже других, а в ином и лучше, но курсанты все молодые, с 1924 г., ребяташки ещё, занимаются воровством, да и сам я теперь что-нибудь могу стащить, конечно, только из лесоматериала, ибо приказывают строить то, другое, а ни лесу, ни брёвен нет, так вот стащишь где-нибудь, так ещё немного сделаешь. Теперь идёт слух, что переезжаем обратно в Златоуст, ибо где мы сейчас находимся, никаких условий к учёбе нет.

И вот, Зоя, я сравню нашу жизнь с тобой и теперь как живу, в каких условиях, так иногда подумаешь, что неужели я этого заслужил, станет обидно, но опять ведь не я один так живу, а постарше меня по званию и должности живут так же. Работать приходится тяжело. Командиры взводов молодые, к работе относятся легкомысленно, старшина тихоня, помогает мало. Приходится много работать самому и, кроме того, ещё приходится вести уроки (практику).

Писем я от тебя, Зоя, не получал давно. Сейчас твои письма есть в Семёново и в Ильино, в Семёново я заказал с одним командиром, должен привезти. Закажу и в Ильино.

№ 18

1943, январь*

Добрый день!

Здравствуйте, мои дорогие Зоя, Владя и Нюра. Шлю я вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Сообщаю, что за последние три дня получил от вас три письма: два от тебя, Зоя, и одно от Владика. Письмам был очень рад. Зоя, ты пишешь, что от меня не получала писем три месяца. Но я тебе не писал письма недели три или около месяца. Перед отъездом из Ильино я тебе написал письмо, а потом два из Чебаркуля, а это уже третье письмо. Я не писал с месяц писем потому, что изменений в моей плохой жизни никаких не было. Но я не хочу этим оправдываться. А ты, Зоя, напрасно уж так беспокоишься, что не спишь даже ночи. Я понимаю, что тебе тоже нелегко, но ты хоть без меня поживёшь по-человечески, с моей жизнью не сравнишь. Но ты, Зоя, правильно пишешь, что у меня уж не такие трудности, какие испытывают на фронте и какие мне придётся ещё испытать. Я являюсь командиром батареи, а он ведёт огонь, ведёт бой. А вести бой в современной войне — это нелёгкое дело. Я тебе, Зоя, писал, что меня в начале января в Чебаркуле не будет, но всё повернулось по-иному. Сейчас я выеду не раньше, чем в конце января или в начале февраля. В марте или в конце его, по-видимому, вступим в бой. Теперь ещё о своей жизни. Ты, Зоя, пишешь, чтобы я работал до весны, но теперь твои хорошие советы уже опоздали. Я из этого полка ушёл и больше в него не возвращусь, хотя и не каюсь. Конечно, я был бы очень рад видеть тебя и Владика с Ритой, но я ещё увижу вас и буду снова с вами жить. Я тебе, Зоя, послал из Чебаркуля тоже 1000 руб., но ты их, оказывается, до сих пор не получила. С февраля месяца я тебе пошлю аттестат.

№ 19

1943, января 19

Чебаркуль

...** Ты пошли доверенность в райвоенкомат или сама выеди и оформи получение денег. Я тебе перевожу, потому что мне на них купить нечего. Ты лучше питайся сама и покорми ребятешек. Если останусь жив, то домой думаю приехать осенью или зимой 43 года.

* Датировано по содержанию письма.

** Начало письма утрачено.

Полтора года как я выехал из дому и расстался с вами. Еще, может, год пройдет. Все может быть. О школе я уже теперь забываю, хотя в тяжелую минуту иногда и вспоминаю. Но, в общем, у меня взгляд на армию совершенно изменился и, конечно, в мирное время в армии будет неплохо.

Пока все. В заключение пишу следующее. Не скучай и не горюй обо мне. Пропиши мне о моторе, баяне и ружье. Пропиши о своей жизни, об отношении к тебе всех, с кем тебе приходится сталкиваться по работе и в жизни. Передай привет моим знакомым.

Владика, Риту и Ньюру не обидь. Ты женщина с характером. Я это знаю.

Ответ на это последнее чебаркульское письмо не пиши, а пиши ответ тогда, когда получишь новый адрес. Пока до свидания. Крепко целую вас.

С приветом к вам

Доронин.

Одет хорошо. Получил суконное обмундирование, ватные брюки и фуфайку, меховые рукавицы и полушубок. Зима не страшна.

№ 20

1943, февраля 25

Действующая армия, полевая почта 1934

Добрый день!

Здравствуйте, мои дорогие Зоя, Владя, Рита и Ньюра. Шлю я вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни.

Сообщаю вам, что завтра, т.е. 26 II 43 г., выезжаем на передовую линию фронта. Я тебе, Зоя, когда поехал из Чебаркуля, давал телеграмму. Ехали мы 17 дней. Сейчас я пишу тебе это письмо из деревни Афанасьевка, что в 30 км от города Елец Орловской области. Дальше мой путь строго на запад. Посмотри по карте, и ты узнаешь, где я буду находиться. Начну свою боевую жизнь с Орловской области, а где придется кончить, неизвестно. Теперь моя жизнь будет зависеть не только от меня, но и от других причин, от меня не зависящих. Во всяком случае, я внушаю себе, а следовательно, и тебе, что я буду жив, ибо принятие решения — это уже половина дела сделана.

Здоровье у меня, Зоя, неплохое, за дорогу хорошо поправился, подготовку для войны имею неплохую. Думаю справиться с поставленными задачами. Теперь, моя Зоинька, мои наставления и правила твоей

жизни. Во-первых, учишься заочно. Материально я тебя поддерживаю. Я тебе из Чебаркуля перевел 1000 рублей. Сейчас оформлю аттестат на 400 или 500 рублей. Во-вторых, посерьезней, относись ко всей работе*. <...>

Я тебе, Зоя, писал несколько писем и просил тебя ответить на ряд вопросов, но ответа не получил. Последний раз спрашиваю: 1) в каком состоянии находится мой мотор? Не то ты его продала или он валяется, как хлам? Напиши об этом. Тоже ружье. Баян не продавай. После войны их трудно будет достать.

Пока все. Пиши чаще письма. Сообщи мой адрес Кирееву. Пусть мне он ответит на открытку. Пропиши, как идет у тебя работа в школе. Может, Владимир напишет два слова, сообщи адрес ему и Ничкасову. Передай привет Марии Абр., Владимиру, Ничкасову [1 нрзб.] и всем тем, кому я раньше писал.

Остаюсь пока жив и здоров. Крепко вас целую: тебя в губки, а Владика и Риту в щечки.

Доронин.

№ 21

1943, лето**

Здравствуйте, мои дорогие Зоя, Владя, Рита и Нюра.

Шлю я вам свой горячий фронтовой привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Зоя, сообщаю тебе, что получил от тебя два письма: одно было написано 8 апреля, другое — 10 мая. Получил их через короткий промежуток времени. Из этих писем я узнал про твою жизнь, жизнь неполноценную, но во много раз лучшую, чем моя.

Я все стою на одном месте. На нашем участке фронта активных боевых действий пока нет, кроме редкой ружейно-пулеметной и артиллерийской перестрелки. Открыто ходить нельзя — сразу могут убить. Моя жизнь — жизнь крота, который большинство своей жизни проводит в земле. Сейчас я нахожусь всего в километре от передовой врага. Даже простым глазом видно его движение и работы, которые он производит. Живу в землянке с одним старшим лейтенантом. Она оборудована неплохо. По обоим бокам койки из земли. За кровать служит соломенный мат, за одеяло — плащ-палатка и шинель, посредине стол, накрытый газетой, а на столе букет цве-

* Далее часть листка утрачена.

** Датировано по содержанию письма.

тов. Стены обиты соломенными матами и уклеены газетами. Вот такова моя «домашняя» обстановка. Не хватает только водки, кормят неплохо.

Возможно, ты и не знаешь, что мне с 18 июня пошел уже 30-й год. В день моего рождения мне разрешили стрелять по пулемету врага. Снаряды легли точно. По результатам стрельбы было видно, что я несколько немцев покалечил. Особых боевых эпизодов, о которых тебе пишет Костя, у меня нет. Вот когда начнутся бои, тогда или грудь «в крестах», или голов в кустах. Тогда и будет о чем писать.

Я тебя, Зоя, неоднократно просил сообщить мне адрес Кости и Шуры, но ты почему-то до сих пор не сообщаем. В следующем письме обязательно сообщи их адреса. Старый адрес Кости есть, а Шурин потерял.

Теперь отвечу на твои вопросы. Денег я тебе из Чебаркуля посылал 2 раза по 500 рублей, а в одном письме послал свою зачетную книжку и профбилет, по-видимому, ты это не получила, раз не пишешь об этом. С фронта я тебе сделал перевод еще в марте месяце 1500 рублей, а с мая ты должна, кроме того, получать по аттестату по 500 рублей в месяц. Аттестат этот придет в Сургут в военкомат, ты об этом узнай в Сургуте. Фото, Зоя, у меня нет. Если представится возможность, то сразу же сфотографируюсь.

Тебя интересует, как я выгляжу. Ношу я брезентовые сапоги, суконные синие брюки и темно-зеленую гимнастерку, на плечах погоны с двумя звездочками и артиллерийская фуражка. Настоящий офицер. Конечно, вид у меня сейчас совершенно не тот. Брюхо подтянуто, да и сам стал поворотливее, упитанности неплохой. Сейчас только и дела, что ешь да спишь вдоволь.

Жаль Кошукова и Комлева, а может, и меня постигнет такая же участь. Ты, Зоя, пошли мне свое фото, и с ребят, и с Нюры. У тебя есть в альбоме хорошее фото, когда ты снималась еще молодая, вот его и пошли, а то у меня уже это фото потрепалось, которое ты мне дала, когда я поехал в армию. Очень хочется посмотреть на вас: на тебя, на Риту с Владиком и Нюру, но я сейчас от вас очень далеко.

№ 22

1943, лето

Добрый день!

Здравствуйте, мои дорогие Зоя, Владя, Рита и Нюра.

Шлю я вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Сообщаю вам, что получил от вас сразу два письма: одно с бума-

гой, а другое — писанное с Ваты. Очень был рад этим письмам. А то я уже получил данные, что ты «собралась в замуж» за другого. Не обидься, это я пишу шутя. Время уже 2 года вот 4 августа будет, можно за это время и с ума сойти. Конечно, я в тебе уверен, что ты этого не позволишь, и все это мои шутки. Хорошо сделала, что послала бумаги и адреса Кости и Шуры. Я сегодня им пишу письма. Получил от Киреева письмо и ему ответ дам.

Сейчас нас перебросили на другое место, и здесь нет таких сильных боев, какие были сначала. Немцы пытаются наступать, но ничего у них уже не выходит. Слабые они стали. Они воюют только тогда, когда у них много танков да авиации, а так они не вояки. Как только они сунутся, мы им поддадим огонька, и они тикают обратно.

Живу я пока неплохо, если представить, что не на войне, часто *дают водку*, питание хорошее. Имею ординарца, он мне готовит с 2–3-х блюд обед. Питаюсь я, Зоя, лучше тебя, конечно, но ты принимай все меры к тому, чтобы улучшить питание. Напиши, получаешь ли по аттестату деньги. В следующем письме пошли еще тетрадку бумаги...

№ 23

1943, июля 30

...* Сам, как видишь, жив и здоров. Я нахожусь на том участке фронта, где немцы 5 июля повели наступление. Вот-то я увидел, что за война. Стоял сплошной ад. Сильно била артиллерия, а в воздухе над нашими головами кружило более 100 самолетов. Я находился на наблюдательном пункте. К нам подошли 3 танка с пехотой. Я взял автомат, дал очередь и видел, как 5 человек немцев пало на землю. Скажи Владику, что я убил 5 немцев сам лично, да много бью их из миномета. Недавно я уничтожил пулемет и с ним 30 немцев.

Сделай конвертов несколько штук и пошли отдельно в письме. Денег мне здесь совсем не надо, купить нечего. У меня и так есть 1300 рублей на вкладной книжке, пока хватит. Зоя, я тебе писал или нет, но я начал курить, правда, легкий табак, но курю [1 нрзб.] Пока все. Пиши чаще письма, работай лучше, агитируй колхозников, чтобы больше рыбы ловили. Я часто ем рыбные консервы. Владя, тебе дрови послать не могу, когда приеду сам, то привезу. Рита, тебе привезу хорошую куклу.

* Начало письма утрачено.

Только не шалите и слушайте маму и тетю Нюру. Владя, ты учишься только отлично. Пока все. Крепко целую вас.

С приветом к вам ваш папа, брат Нюры и муж Зои.

Доронин Ал.

№ 24

1943, августа 16

Добрый день!

Здравствуйте, мои дорогие Зоя, Владя, Рита и Нюра. Шлю я вам свой горячий фронтовой привет и желаю всего хорошего в вашей жизни.

Как видите, что я жив и здоров, за исключением маленького ранения в правую щеку. Произошло это так. 6 августа мы втроем стояли все вместе и наблюдали за полем боя. Метрах в 30 разорвался снаряд. А до этого я уже спустился в ход сообщения и хотел зайти в землянку. Только повернулся, а в это время осколком, который летел около самой земли, ударило в правую щеку, вернее, в верхнюю скулу. Осколок был небольшой и при ударе отскочил. Мне, правда, пробило кожу и ушибло кость. Я не мог кушать целый день, но потом, к вечеру, уже перестала болеть кость, лишь рану немного жгло. Я сделал перевязку, помазал йодом, и все прошло. Ты, Зоя, знаешь, что у меня большая голова, и ее не «скоро пробьешь», надо осколок грамм на 200 или 300. Иной раз снаряд и ближе разорвется, присыплет землей и ничего, а тут я даже и не думал, что может ранить.

Сейчас мы пока в боях не участвуем в связи с переездом на другой участок фронта. Но дня через 2–3 снова вступим в очень сильные бои. Смотри по газетам, где будет новый прорыв линии фронта, там и я, и весь наш полк. Затем я должен тебе сообщить радостную весть. Вчера, т.е. 15 августа, я был награжден орденом «Красная Звезда». На правой стороне груди красуется этот орден. Помнишь, когда-то я смеялся, что у меня грудь будет в орденах. Скоро нам присвоят звание гвардейцев, и еще одно отличие будет на груди.

В этот же день у нас был в лесу концерт. Играл баян с аккордеоном. Концерт в условиях войны неплохой. Конечно, Зоя, ты не представляешь, что за жизнь наша. Сегодня живешь, через минуту тебя может убить, иногда сыт по горло, иногда в день раз поешь, то спишь вдоволь, то почти ночи две или три не спишь.

Зоя, поздравляю тебя с новым учебным годом и с тем же Владика. Пусть он учится только на «отлично» и «хорошо». Пусть будет дисциплинированным и примерным. Ты, Зоя, расскажи ему, что я награжден, и сама работай еще лучше. Зоя, если можно, то пошли папиросы на имя командира полка. Посылай только папиросы и больше ничего. Если можно, то пошли по адресу: полевая почта 36381, командиру части, а в посылку вложи записку: «Передать л-ту Доронину». Пока все. Пиши письма чаще, не дожидаясь моих. У меня время не всегда бывает. Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю.

Крепко целую вас несколько раз, еще бы раз, да нету вас. Сегодня у нас кино.

В письмах пиши число.

Доронин.

№ 25

1943, августа 27

Добрый день!

Здравствуйте, мои дорогие Зоя, Владик, Рита и Нюра.

Шлю я вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Зоя, сообщаю тебе, что от тебя очень часто получаю письма и тебе пишу в среднем 2–3 письма в месяц, но почему-то они до тебя не доходят уже с апреля месяца. Последнее письмо получил от тебя, написанное 2-го июля, а раньше его получил письмо от 17.07.43 г.

В последнем письме я тебе писал, что меня наградили орденом «Красная Звезда», а вчера мне объявили приказ о присвоении очередного военного звания. Я теперь уже старший лейтенант. Фото я тебе выслать пока никак не могу. Если будем на отдыхе или на формировании, то постараюсь сфотографироваться и тогда вышлю. В жизни моей изменений пока нет. Всё воюем, бьём немцев. Трофеев больших нет. Вот вчера принесли конвертов и бумаги. Пишу тебе письмо на трофейной бумаге. Меня очень возмутило поведение Кузнецова. Больно он храбрый среди вашего пола, вот бы его на передовую, так я бы посмотрел, как бы он стал себя вести. В тылу-то мы все герои, а здесь не каждый. Ну, ничего, буду жив, я ему припомню это. Получил от Нюры письмо. Она писала, чтобы мамаше перевёл денег, скажи ей, что я перевёл ей 300 руб. и послал уже вторую открытку, но от неё ничего нет. Может, она вам пишет, так сообщите, как она живёт.

*Учителя Покурской школы супруги М.А. Кушникова
и В.С. Кочетков (верхний ряд),
П.Г. Киреев и З.С. Доронина*

Пока, Зоя, всё. Ты пишешь, Зоя, когда я приеду домой. Так это ещё долго. Было бы кого ждать, а то и ждать-то, может, не придётся. Я не в Покуре и не на Вате, а на передовой. Передай привет моим знакомым.

Крепко целую вас всех, а тебя особенно.

С приветом к вам старший лейтенант, орденосец

А.И. Доронин.

Пошли бумаги.

№ 26

1943, сентября 25

Привет с фронта!

Добрый день! Здравствуй, моя дорогая Зоя, Владик, Рита и Нюра. Шлю вам горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Сообщаю, что я ещё жив и здоров, того и вам желаю.

Уже около месяца не получал от тебя писем, да и мои многие письма к тебе не доходят, хотя в них нет ничего особенного, чтобы не пропустить их военной цензуре. Не доходят потому, что я в ряде писем просил тебя ответить на ряд вопросов, но так и не получил ответа. Теперь напишу о себе. Изменений в моей жизни пока нет. Всё ещё работаю на старой должности.

Сейчас в боях не участвуем. Вот уже как две недели стоим в лесу. Но скоро снова вступим в бой за окончательное уничтожение немецких захватчиков. Нахожусь на Украине. Погода стоит хорошая. Днём тепло. Все ходим в гимнастёрках. Сейчас скоро поедем ещё южнее, где будет ещё теплее.

Зоя, охота домой скорее попасть, посмотреть какие вы есть: Владик с Ритой знаю, что стали большие. У меня, Зоя, много седых волос на голове, особенно на висках. Если буду жив да повоюю ещё столько же, то совсем поседею. Постарел уже. Мне пошёл с 18 июня 30-й год, а дают все лет 35, а некоторые около 40 лет. Но сердце молодое. Когда приеду домой, буду снова на тебе жениться, потому что вот уже с августа пошел 3-й год, как я уехал из дому, и пока ничего не позволял для тебя оскорбительного в своем поведении. Не знаю, как будет дальше, но думаю сохранить свою честь и домой приехать цел...ой.

Зоя, я тебе уже писал, что научился курить, пить и раньше пил. Еще я тебе писал, что я сейчас уже старший лейтенант, награжден орденом «Красная Звезда». Жив буду, еще заработаю ордена 2. Многих моих

друзей-командиров или ранило или убило в первом же бою, но я еще как-то живу долго, хотя несколько раз был на волоске от смерти.

Зоя, ты сейчас снова приступила к занятиям в школе, желаю тебе успехов в работе и всему вашему педколлективу. Не балуй Владика. Поставь его в такие условия, чтобы он вел себя так же, как и все. Риту устрой в садик.

Ну пока писать нечего. Нет писем от матери. Я ей послал два письма и перевод 300 рублей, но никакого ответа не получил. Передай привет всем учителям, которые меня знают, Журавлеву с Груней, Тарасову и другим. Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю.

Крепко целую вас.

С приветом к вам старший лейтенант Доронин.

№ 27

1944, января 4

...* В Новый год я был на двух вечерах. 31 декабря собирал вечер начальник штаба. Он меня пригласил как гармониста. Выпили белой и красной водки. Я им поиграл, в общем, вечер для них прошёл неплохо. Первого января командир полка собирал всех офицеров днём, но тут выпили немного, а вечером ещё добавили. Потом я вечером пришёл в землянку пьяный и стал петь песни про тебя, про Владика и Риту, как туземец, что на ум попадёт, то и пел, а потом мне сделалось так обидно... <...>

...сейчас мы не воюем, а стоим в лесу, ничего не делаем.

Зоя, желаю тебе хорошего здоровья в 1944 г. и успехов в работе, будь здорова. Крепко целую тебя, твой Шура.

Привет Кирееву и остальным учителям.

А. Доронин.

№ 28

1944, января 20

Добрый день! Здравствуй, моя дорогая Зоя, Рита, Владик и Нюра.

Шлю я вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Зоя, сообщаю тебе, что получил от тебя два письма: одно от 14/

* Начало и середина письма утрачены.

XII, другое от 29/XI 43 г. Оба письма получил на одной неделе, включая ещё письмо от Владика. Ответ задержал, потому что ездил на передовую целую неделю.

Знаю, что меня ждёшь ты, Владик и Рита. Знаю, что они уже большие, выросли, и мне бы хотелось посмотреть на вас на всех, но не усочишь, хотя мы сейчас не воюем, а стоим уже два месяца около города ацичеР. Действительно, с Шаховым произошла интересная история. Из твоих рук он выбил козыря как примерный муж своей жены. Я прекрасно помню, как ты с Маруськой обвиняла меня, что я тебе якобы изменяю. Но, во-первых, я этого никогда не делал, во-вторых, недаром говорится, что в тихом болоте все черти сидят. Теперь дело прошлое, я бы тебе мог признаться, но как раз не в чем признаваться, а тем более заниматься этим делом на фронте нет никаких условий. А на фронте стоит вопрос так: ешь, пей, гуляй, пока жив, а убьют, так ничего этого и не надо будет. Нельзя сказать, что я имею основания к измене тебе, раз так стоит вопрос, и не позволю этого. Если разрешишь разок-два, то я могу «исполнить» твою «просьбу».

Но меня ты, Зоя, жди, и я вернусь, только очень жди. Не к лицу нам сейчас объясняться в любви друг к другу и тем более думать о том, будем мы вместе жить или нет после войны? То, что сделал Шахов, я никогда не сделаю. А свадьбу вторую устроим для смеху, тем более у тебя есть теперь кольцо. Вот, Зоя, это тебе ответ на письмо от 14/XII.

Об учебе Владика. Смотрите, вместе с М.А. не избалуйте его, а то ты сама знаешь, как губительно отразится на нем переоценка, а мне кажется, что по русскому письменно вы его переоценили уже. Он в письме мне допустил одну грубую ошибку. Потом ты пишешь, что интересно посмотреть на тебя, каким ты выглядишь бойцом. Во-первых, я не боец, а офицер, старший лейтенант, командир батареи, а выгляжу, как и все военные, в той форме, которая положена командиру.

Ну, кажется, описал все, может, что и лишнее написал, так не ругай. Будьте здоровы. Передай привет учителям и знакомым. Ответь на вопрос: за кого выходят замуж красноармейки и кто? Нам кажется, что там не должно этого быть. Крепко целую вас.

Доронин.

Название города читай обратно.

№ 29

1944, марта 10

Здравствуйтесь, мои дорогие Зоя, Владя, Рита и Нюра. Шлю я вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Сообщаю, Зоя, тебе, что твое письмо последнее получил перед 8-м марта. В день 8 марта я, Зоя, выпил за твоё здоровье 200 грамм водки, и на этом всё моё празднество окончилось, вспоминал, как мы вместе проводили когда-то 8-е марта.

Изменений в моей жизни нет, всё по-старому, всё ещё находимся на отдыхе там, где я тебе писал. Читал много раз письмо Владика. Ты скажи ему, Зоя, рыбачить я летом вряд ли приеду, пусть уж сам этим займётся с кем-нибудь, да смотри тоже его сильно этим не балуй, а то утонет ещё где-нибудь. Где я нахожусь, уже весна, иной раз бывает такое тепло, что ходим в одних гимнастёрках.

Зоя, как хочется увидеть вас. Вот уже три года как мы находимся в разлуке, уж скоро ли кончится эта проклятая война. Я уже всё позабыл. На баяне не могу сыграть абсолютно ничего. Один раз ходил в госпиталь к раненому, мне принесли баян, так я даже самой простой вещи не мог сыграть, придётся заново учиться.

Ну, пока, Зоя, писать не о чем, сам здоров, ничем не болел, чувствую себя хорошо, посылку ещё не получил. Передай привет В.С. и М.А. и П.Г.К. и всем учителям вашей школы.

Крепко целую вас. С приветом к вам

Доронин А.И.

№ 30

1944, марта 16

Здравствуйтесь, дорогая Зоя, Владик, Рита и Нюра.

Шлю я вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Зоя, получил от тебя сегодня письмо, одно место которого меня немного не то сказать обидело, в общем, не могу написать тебе об этом. Это вопрос относительно прихода у вас раненых бойцов и их поведения. Неужели ты до сих пор, прожив со мной 8 лет, ещё сомневаешься, к тому же мы имеем таких милых детей, у которых большое будущее? Да я и

таких мыслей ни раньше, живя с тобой, ни сейчас тем более не допускаю в голове. Я уже забыл давно про те дела, которыми занимаются ваши раненные. Сейчас-то я живу один, и условия к этому есть, так я и то этим делом не занимаюсь, пишу это тебе по совести, а тем более потом, когда увижу тебя, Владика и Риту. Так что, Зоя, ты даже и такие мысли выбрось из головы. Я тебе и так многим обязан, больше, может быть, в 2–3 раза, чем ты мне, тем более ты сейчас живёшь одна, воспитываешь Владика и Риту, и твоё поведение я знаю только с хорошей стороны, о чём мне писал Тарасов И.П. Давай, Зоя, вопросы, касающиеся будущей нашей жизни... мы жизнь сумеем построить так, что будет всё в порядке, и она ещё будут крепче после нашей разлуки, чем была раньше.

Зоя, я тебе сейчас буду деньги переводить по почте, аттестат кончился 1 января 1944 г. Сейчас на меня насчитали тысячи четыре, нужно отдать, так что месяца два я тебе воздержусь посылать, а с мая месяца начну аккуратно слать переводы. М.А. Г. передай, что ей пары нет, есть у меня один командир, но он семейный.

Мы сейчас не воюем и ещё долго будем стоять, а летом будем заканчивать войну, а осенью по домам, хорошо бы так получилось. Ну, пока всё, моя дорогая Зоя, остаюсь жив и здоров, того и вам желаю. Скоро буду капитан.

Крепко целую вас, ваш верный друг жизни ст. л-г

Доронин А.И.

Сохрани это письмо, которое подтвердит: *всё я писал в нём*, как документ.

№ 31

1944, конец апреля*

Добрый день!

Здравствуй, моя дорогая Зоя, Владик, Рита и Нюра!

Шлю я вам свой первомайский привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Сообщаю вам, что на днях получил от вас два письма: от Владика и от тебя, Зоя. Сразу ответить не мог, так как время на это абсолютно не было: был занят строительством. Сейчас, Зоя, мы из Речицы уехали на новое место и находимся недалеко от города Брянска.

* Датировано по содержанию письма.

Стоим в таком лесу, как наша сибирская тайга. Куда ни взглянешь, везде лес, ни воды, ни деревни близко нет. Вот это письмо я пишу тебе накануне первого мая. Все давно спят, а я сижу, пишу и вспоминаю, как мы проводили совместно первое мая, когда я был дома.

Завтра у нас будет офицерский вечер. Соберёмся, выпьем немного и на этом весь праздник и кончится. Хорошо, что хотя есть в части хорошая гармошка, так я на ней играю, а то бы совсем была скука. Зоя, ты не обижайся, что я тебе редко пишу письма. Да и не так уж редко, два письма в месяц, а то и три. Я тебе всегда пишу. Жизнь моя сейчас настолько однообразная, что, собственно, и писать-то часто не о чем. Не обещаю, но, возможно, приеду в отпуск, так как сейчас офицеров хотят отпускать в отпуска. Если это будет, то я постараюсь отпроситься и, когда выеду, сообщу телеграммой. Работаю неплохо, возможно и отпустят.*

№ 32

1944, мая 13

Добрый день! Здравствуйте, моя дорогая Зоя, Владик, Рита и Нюра!

Шлю я вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Сообщаю вам, что получил от тебя, Зоя, письмо и очень рад был. Надо тебе, Зоя, сообщить, что я каждое твое письмо читаю несколько раз. До того скучно.

Сейчас мы живем в брянских лесах, кругом ни воды, ни деревень, неподалеку от города, который освобождали после Орла по пути на запад. В первое мая у нас был офицерский вечер, выпили грамм по 300, время бы прошло весело, но не было тебя, Владика, и Риты. Выпили, попели и разошлись, я только больше расстроился, как вспомнил старину. Вот завтра выходной день, а вечером собрались, я играл на гармошке, а мои боевые друзья пели песни, но сходить некуда. Раньше, бывало, ходили к М.А. или ещё куда, а здесь, куда ни помотришь, кругом лес, лес и лес. И вот так уже скоро три года скитаешься то по лесу, то на передовой линии фронта.

Зоя, я тебе пока аттестат прекратил, но с июня месяца снова оформлю его. Сейчас у меня долгов много, приходится рассчитывать за недостачу имущества. Зоя, ты пишешь, что Костя Мишулин пришёл до-

* Окончание письма утрачено.

мой, а Нинка его вышла замуж. Но это тогда была не жена ему, и он, беря её к себе в жёны, [1 нрзб.] ошибся и ошибся много. Я почему-то в тебе так уверен, что думаю, что ты не только замуж [не] выйдешь, но и другого плохого ничего не позволишь, чтоб народ говорил. Я знаю тебя как твёрдую женщину в этом вопросе и потому на тебя надеюсь, даже если я дома не буду, может быть, ещё года два, если буду жив. На нашу долю выпадет окончательно добить немца на его территории, и мы, в частности я, не опозорю свою фамилию, ещё раз постараюсь приложить все свои знания, чтобы ускорить победу и быстрее возвратиться домой. Я тебе в предыдущем письме писал относительно отпуска, но сейчас их запретили офицерам, так что только после войны встретимся.

Зоя, пожалуйста, береги своё здоровье, не забывай, что у тебя нас трое. Зоя, ты, наверное, видишь по письму моё настроение, но не беспокойся, я сейчас далеко от фронта и ещё долго не поеду на него, а настроение у меня сейчас такое, что я мысленно пробежал всю нашу не весьма долгую совместную жизнь и так нахожусь в возбуждённом состоянии и поэтому тебе так много написал. Сообщаю, пожалуй, не первый раз, что фото твоё получил, и представь, как я был рад, а вот с себя летом тоже вышлю. Ну, пока всего, дорогая моя Зоя. Крепко целую тебя, Риту и Владика. Скажи ему, что он тебя должен больше всех слушать, потому я ему об этом и не написал.

С приветом к вам

ст. л-т Доронин А.И.

№ 33

1944, мая 28

Добрый день! Здравствуй, моя дорогая Зоя, Рита, Владя и Нюра.

Сообщаю, что недавно получил письмо от Владика и был ему очень рад. Владик, ты меня зовешь летом рыбачить, но мне не придется приехать. Я просился в отпуск, но никого не отпустили, в том числе и меня, и если буду жив, то увидимся не раньше 1945 года, потому что в 1944 году нам предстоит совместно с нашими союзниками разгромить немецкую армию и закончить войну. А сейчас мы готовимся к решающим боям в брянских лесах, уже стоим второй месяц, очень скучно.

Вот сегодня выходной день, а сходить и повеселиться негде, вот и бродишь, как волк, по лесу, еще когда работа, так быстрее время прохо-

дит. Зоя, я тебе посылаю групповое фото, а отдельно сфотографироваться пока нет возможности. Это группа офицеров, с которыми я совместно воюю. Рядом со мной и от него через одного офицеры нашей части, фотографировались в лесу на одном из совещаний офицерского состава.

Зоя, ты все обижаешься, что я редко пишу письма. Я тебе через каждые 10 дней пишу, возможно, они не все доходят. Посылку твою так до сих пор и не получил и теперь не получу. Если бы она пришла, так была уже сейчас. Моя жизнь настолько сейчас проходит однообразно, что даже писать-то много не о чем. Вот когда пойдем в наступление, возможно, буду где-нибудь в Польше или еще дальше, так будет разнообразие.

Тебя, Зоя, убедительно прошу, береги свое здоровье, с июля оформлю аттестат на 500 рублей, и будешь получать по нему аккуратно, усилие питание себе и Владуку с Ритой. Пока все. Крепко целую тебя, остаюсь жив и здоров, того и вам желаю. Передавай привет моим знакомым и пиши, что нового у вас в Покуре и школе.

Доронин А.И.

№ 34

1944, лето*

Здравствуй, моя дорогая Зоя, Владик, Рита и Нюра.

Шлю я вам горячий привет и желаю всего хорошего в твоей «неважной» жизни. Слово неважной, Зоя, я ставлю в кавычках, потому что твоя жизнь, Зоя, по сравнению с моей, хорошая, с одной стороны, с другой стороны, действительно твоя жизнь неважная. Было бы глупо мне объясняться тебе в любви, ибо я знаю, что ты меня любила и любишь сейчас так же, как я тебя, особенно я тебя в такие тяжелые дни войны, когда мне приходится очень туго в смысле сохранения своей жизни.

Зоя, ты помнишь мои письма из Барнаула, как мне тогда приходилось тяжело переживать. Да и в Чебаркуле мне тогда не нравилось жить. Но та жизнь была куда лучше. О ней вспоминаешь, как о хорошей жизни, хотя она ничего не стоит против прожитого. Сейчас моя жизнь — это жизнь отдельных минут, часов, дней и недель...**

* Датировано по содержанию письма.

** Часть текста утрачена, т.к. нижний край листа оторван.

... В этот день наши войска, в том числе мы, освободили один крупный населенный пункт, немцы под ударами наших войск отступили. Я пришел на огневую позицию, вечером собрались со своими боевыми друзьям и выпили 3 литра самогонки.

Письмо это тебе, моя дорогая Зоя, я пишу, немного выпивши, и, как ты видишь по письму, я развожу, на первый взгляд, философию, но это не выдуманная философия, а философия правдивая, причем я, мне кажется, не делаю ни одной ошибки, еще помню правила русского языка, а тебе, Зоя, непростительно, что ты в письмах ко мне допускаешь грубые ошибки. Может, и я допускаю, напиши об этом. Но мне простительно: я третий год не занимаюсь русским языком.

Сегодня, Зоя, у меня особенно какое-то приподнятое настроение. Если бы я тебя увидал, Владика, Риту, я замучил бы вас одними поцелуями и объятиями, но, увы, вас нет со мной, приходится только вспоминать...*

№ 35

1944, лето**

Добрый день!

Здравствуй, моя дорогая, Зоя, Владик, Рита и Ньюра.

Шлю я вам свой фронтовой привет и желаю всего хорошего в вашем здоровье и жизни. Зоя, 11.07. 44 г. получил от тебя сразу 4 письма, а не получал более 2-х месяцев. Но твои письма меня не особенно обрадовали, когда я узнал, что ты даже лечилась в Сургуте. Когда я прочитал их, я почти всю ночь думал о тебе и не спал, да и теперь состояние твоего здоровья у меня не выйдет из головы, пока не получу следующее письмо и не узнаю твое здоровье. Я, если буду жив, найду виновников, кто довел тебя до такого состояния. Что я тебе могу посоветовать? Если можно, устройся на другую работу или совсем не работай, аттестат выслал на 500 рублей, или через медицинскую комиссию добейся того, чтобы освободили от всякой работы месяца на 2—3, чтобы поправить нервы. Если бы я знал, что я до конца войны останусь жив, ты могла [бы] не работать совсем, ибо я тебе аттестат выслал бы не на 500 рублей,

* Окончание письма утрачено.

** Датировано по содержанию письма.

а на 700 или более, но моя жизнь сама знаешь какая. Сейчас жив и здоров я, а дальше что будет, не знаю.

Сообщаю тебе, что нахожусь в Западной Украине, недалеко от новой госграницы с Польшей. Здесь очень тепло и живут богато. Много хлеба, фруктов, но фрукты еще не все поспели, красивое место и все дешево, так что здесь можно жить хорошо. В силу военной тайны я тебе не могу написать, где я нахожусь конкретно, но по карте разберись, где я примерно нахожусь, а может, и догадаешься из всего письма. Очень жаль Дрыгалева В.М., не успел еще пожить, а уже и нет его теперь. Ну, ничего не поделаешь. Войны без жертв не бывает.

На праздниках, о которых ты спрашиваешь, бывают только две непутевые, имеющие полевых походных мужей, и все. Больше в нашей части их нет, а гражданских женщин не разрешают. Вот соберемся одни мужики, выпьем, сколько положено, попоем, попляшем и домой. За три года я настолько огрубел, что смотрю на женщин, как на какую-то диковину. Приходится переживать кое в чем, сама знаешь. Журавлеву от меня большой привет. Зоя, пиши чаще о своем здоровье, а то я все буду думать.

Пока все. Крепко целую тебя твой верный муж

Доронин А.И.

Капитана еще не присвоили.

№ 36

1944, августа 5

Добрый день!

Здравствуй, моя дорогая Зоя, Рита, Владик и Нюра. Привет вам из Польши, с реки Вислы. Как видишь, я уже нахожусь далеко-далеко от вас, да и от своей земли тоже. Порядочное расстояние. Вот сейчас я нахожусь на высокой горе около самой Вислы, у меня сейчас пока свободное время, и я решил написать тебе письмо, не дожидаясь твоего, хотя ты мне пишешь чаще, в этом тебе плюс. Погода хорошая, ясная. Утром я ещё спал, но мне подъём сделали пять немецких самолетов, которые бомбили наши переправы. Бомбы бросали прямо в воду и, по всей вероятности, наглушили много рыбы.

Завтра исполнится [1 нрзб.] ровно три года, как проклятая война разлучила нас и вопреки нашей воле заставила жить в отдаленности [2

нрзб.] очень большой. Я за это время немного изменился. Немного постарел, на висках выступила седина, и волосишек на голове стало меньше — от переживаний и от грязи их порядочно вылезло. Но, Зоя, близок день окончания войны. Немцы и за Вислой не выдержали, хотя медленно, но отступают назад. Вот, сидя у реки, я вспоминаю, как дома ездил на охоту и рыбалку с тобой и Владиком.

В Польше утки есть, но очень мало, и охотиться приходится не на них, а на немцев. Состояние здоровья мое хорошее, правда, болит один зуб, но особенного беспокойства не делает. Зоя, ты спрашиваешь насчёт выпивки. Выпиваю я очень часто, как въехал в Польшу, почти без водки не кушал, а вино хорошее, кушаю тоже хорошо. У меня есть хороший красноармеец, который только и знает, чтобы накормить меня, приготовить белье и другие дела по «хозяйству». В Польше много фруктов, особенно вишни, которой я кушал сколько угодно, иногда ем яблоки, груши. Если останусь жив, то уедем жить в Западную Украину. Там и климат лучше, и питание можно наладить, гораздо дешевле все. Но не знаешь, где тебе смерть будет и будет ли вообще.

Зоя, пиши, как твое здоровье. Аттестат я тебе выслал с июля месяца, требуй с райвоенкомата, чтобы выплату производили с июля месяца. Аттестат выслал на 500 рублей. Улучши питание, а если что потребует, то продай. Обо мне не беспокойся. Если буду жив, у меня носить будет что, только оставь баян. Пока все. Напиши о судьбе Журавлева, передавай привет М.А. и В.С.

Крепко целую вас.

Доронин.

Публикация М.А. Сухачевой.

Подготовила к печати А.И. Маслакова.

К участникам третьих чтений

В конце 2007 года Государственной библиотекой Югры впервые были проведены краеведческие Лопаревские чтения. Организаторам они виделись стимулом к изучению истории края и, в частности, Ханты-Мансийска, а также жизни и деятельности нашего выдающегося земляка Хрисанфа Мефодьевича Лопарева, который своим трудом «Самарово: село Тобольской губернии и округа» дал нам образец краеведческого исследования. Имелась в виду и более широкая цель — способствовать популяризации краеведения и созданию краеведческого сообщества в окружном центре.

Первые чтения дали обнадеживающий результат: их участников объединил интерес как к предложенной форме обмена информацией, так и друг к другу, наметилась специфика следующих чтений. Вторые чтения, прошедшие в апреле 2009 года, по отзывам участников, были содержательнее и способствовали репутации окружной библиотеки как консолидирующего центра. Материалы как тех, так и других чтений опубликованы в виде сборников.

Работа прошедших трех лет помогла увидеть новые возможности для расширения наших познаний как в биографии Х.М. Лопарева, так и в истории Самарова и близлежащих мест. Этому способствовали исследовательские поездки некоторых участников чтений в Санкт-Петербург. Теперь мы знаем, что новые сведения по интересующим нас темам можно полной чашей черпать в Петербургском филиале архива Российской академии наук (ПФА РАН), Российской национальной библиотеке и Российском государственном историческом архиве (РГИА), где есть личные фонды Х.М. Лопарева. Это дает возможность планировать темы исследований на ближайшую и отдаленную перспективу.

В начале 2009 г. на базе фонда № 107 ПФА РАН подготовлена и издана в Ханты-Мансийске книга «Самаровский петербуржец: письма

сибиряков к Х.М. Лопареву». Опубликованные в сборнике 148 писем не только сообщают живые черты застывшему хрестоматийному облику Х.М. Лопарева, но и дают существенно новую, обогащенную множеством ранее неизвестных подробностей картину самаровской жизни в конце XIX—начале XX вв. Однако в несколько раз большее количество писем этого же 107-го фонда осталось в тени. Прежде всего это письма сибиряков: Анисимовых (детей и внуков старшей сестры Лопарева Парасковьи Мефодьевны, жившей в Тобольске), Боярских, И.Д. и Т.М. Фарафоновых, учителей С.В. Серкова и Агафьи Сумкиной, директора Тобольской гимназии П.И. Панова и учителя С.И. Гашинского, А.Г. Кумина, В.Н. Пигнатти, Ю.М. Поповой и др.

Обширный материал к биографии Лопарева могут дать письма к нему коллег-ученых Н.Н. Глубоковского, В.Г. Дружинина, В.К. Ернштедта, С.А. Жебелева, И.В. Помяловского, А.И. Соболевского и др., среди которых немало профессоров и академиков.

Особый интерес представляют 65 писем профессора Санкт-Петербургского университета, академика, редактора «Журнала Министерства народного просвещения» Василия Григорьевича Васильевского (1838–1899). Глубокую благодарность своему университетскому учителю Лопарев высказал в «Материалах для моей биографии», хранящихся в том же архиве РАН и опубликованных в 11-м выпуске «Подорожника». Переписка между учителем и учеником продолжалась 15 лет, до самой смерти Васильевского, в письмах Василия Григорьевича содержатся и замечания к работам Лопарева, и советы, и просьбы о разных услугах, и многократные приглашения в гости, и иногда — напутствия близкого человека по важным житейским вопросам.

Так, 12 сентября 1888 г. он писал: «Помню, что Вы доверили мне нечто о своих интимных делах, свои думы и заботы о будущем, сомнения и муки по поводу настоящего. Весьма трудно мне было сказать Вам на бумаге и кратко, что мне приходило в голову <...> О Вашем будущем я нередко думаю и отчасти рассуждаю с другими. Практическое решение наше пока такое, что ради службы Вам бы всего лучше поступить в Археографическую комиссию. Вы уже имеете на это известные права и приобретете их еще больше. <...> Диссертацию-то все-таки нужно писать, потому что, во-первых — она никак не противоречит предполагаемому Вашему амплуа, а, во-вторых, может пригодиться и на какой-

либо такой случай, как открытие, положим, филологического факультета в Томске. Вот Вам краткое изложение моего взгляда на Вашу жизненную программу».

Помимо писем, в 107-м фонде ПФА РАН есть разные другие документы. Среди них — свидетельства деятельности Х.М. Лопарева в Археографической комиссии, Русском географическом и Русском археологическом обществах, а также обществах ревнителей истории, любителей древней письменности, изучения Сибири и улучшения ее быта. Здесь же автографы стихотворений Лопарева, записные книжки, документы, касающиеся денежных дел, и пр.

Небольшой (всего 56 дел), но богатый информацией личный фонд Х.М. Лопарева хранится под номером 1644 в Российском государственном историческом архиве. Пока что состоялось знакомство только с описью фонда. Прежде всего привлекает внимание дело, в котором сосредоточены материалы, собранные для задуманного Лопаревым, но не состоявшегося третьего издания «Самарово»: выписки по истории Югры и народностей Западной Сибири, географии, этнографии, экономике края, хронологический и именной указатели, библиография, вырезки из газет. Затем — научные труды, подготовленный к печати сборник произведений П.П. Ершова и 129 листов писем Лопарева к другу юности Ю.М. Поповой. Если соединить их с письмами Поповой к Лопареву из 107-го фонда ПФА РАН, могла бы состояться публикация эпистолярного диалога, много сообщающая о жизни нашего героя и его родины.

Конечно, упомянутые архивные фонды не близко, но удаленность источников уже не имеет права становиться причиной их недоступности. Активное использование этих фондов — залог преодоления застойности наших представлений о личности Х.М. Лопарева и истории Самарова, много лет державшейся на узости круга источников.

К предстоящим в скором времени третьим Лопаревским чтениям мы публикуем подборку новых для нашего читателя материалов, приобретенных в Петербурге.

Хрисанф Мефодьевич Лопарев (1862–1918)

В лице скончавшегося 30 сентября 1918 г. от тяготы переживаемой экономической разрухи Хр.М. Лопарева русская наука утратила не только крупную, но и ценную по своим редким у нас качествам силу: покойный Х.М. Лопарев совмещал в себе специалиста по византийской истории и литературе со специалистом по истории древней русской литературы — сочетание, правда, у нас обычное ввиду исторических условий нашего прошлого, столь тесно связанного с греческим востоком, но в то же время и редкое: обыкновенно историк русской литературы лишь настолько является византологом, насколько этого требует его русская специальность, не решаясь на специальные работы по Византии, — и обратно, — византолог чаще всего является гостем в древнерусской литературе; Хрисанф же Мефодьевич и в той, и в другой области был у себя дома, так что, читая его труды, нередко приходится задавать себе вопрос: византист ли перед нами или русский словесник? В его лице мы имели перед собой ученого того редкого, ценного типа, каким был у нас, как известно, В.Г. Васильевский: недаром Лопарев и был его учеником.

Кроме того, Х.М. Лопарев, как ученый работник, обращает на себя внимание и еще с одной стороны: большой знаток двух специальностей, он неутомимо, с увлечением стремился в область неизвестного, неисследованного материала, это отразилось на его деятельности тем, что с его именем связан целый ряд открытий в области новых фактов и памятников старинной литературы. Его постоянное стремление рыться в неисследованном материале выработало из него выдающегося библиографа, подарившего науке ряд необходимых справочных пособий в области старинной литературы.

Наконец, как человек, Хрисанф Мефодьевич был необыкновенно привлекателен своей нравственной стороной: идеалист в жизни, он жил целиком только наукой, ее интересами, своеобразный в житейских от-

ношениях, он был редким аскетом-ученым, принесшим, вероятно, многое в жертву своей страсти — науке. Небольшая справка в его биографии и небольшой перечень его трудов подтверждают такое представление о погибшем безвременно ученом.

Хрисанф Мефодьевич родом сибиряк, родился 9 марта 1862 года в селе Самарове Тобольской губернии, был сыном крестьянина; в 1874 г. он кончил деревенскую школу, а затем гимназию в Тобольске, откуда поступил в Петроградский университет на филологический факультет, который и окончил в 1886 году; здесь он занимался преимущественно у проф. В.Г. Васильевского и Е.И. Троицкого, стало быть, больше всего Византией. В 1890 г. он сдал магистерские экзамены, а в 1896 г. поступил на службу в Санкт-Петербургскую Публичную библиотеку, совершив перед тем путешествие в Константинополь и на Афон для занятия греческими рукописями. В 1902 году он совершил поездку в Италию с той же целью. На службе в Публичной библиотеке он и пробыл до самой смерти, довольствуясь скромным положением одного из заведующих отделом; за это время он написал свою магистерскую диссертацию, которую и защитил в Дерпте-Юрьеве в 1915 году. Одновременно со службой в Публичной библиотеке Х.М. работал в Общ[естве] Люб[ителей] Др[евней] письменности в качестве секретаря его. Вот вся изложенная внешняя биография Х.М-ча.

Гораздо сложнее и обильнее фактами была его ученая деятельность. В численном отношении среди ученых трудов Х.М. Лопарева преобладали работы в области древнерусской и славянской письменности, значительная часть их должна быть поставлена в связь с его секретарством в Общ. Люб. Др. Письменности, которое обязано Х.М-чу оживлением своей издательской деятельности: Лопаревым найдено и издано несколько интересных и редких текстов; из них назовем: «Слово в Великую субботу Кирилла Туровского» (1893, Памятн. др. письм., 97), «Слово о гибели Русския земли», вновь найденный памятник литературы XIII века (1892, там же, 84), «Послание митр[ополита] Климента к Смоленскому пресвитеру Фоме» (1892, там же, 90), «Житие Стефана Комельского» (1892, там же, 85), «Слово о патриархе Феоктиристе» (1893, там же, 94), «Житие Евдокима Праведного» (1893, там же, 96), «Слово похвальное на перенесение мощей св. Бориса и Глеба», неизданный памятник литературы XII века (1894, там же, 98), «Чудо св. Георгия о

*Дом графа С.Д. Шереметева в Санкт-Петербурге,
набережная р. Фонтанки, 34, в котором жил Х.М. Лопарев
в бытность его секретарем
странноприимного дома им. С.Д. Шереметева*

болгарине» (1894, там же, 100), «Отразительное описание о новоизобретенном пути самоубийственных страстей», вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения 1691 года (1895, там же, 108), «Сказание о молодце и девице», вновь найденная эротическая повесть народной литературы (1894, там же, 99), «Древнерусские сказания о птицах» (1896, там же, 116). Кроме того, ему же принадлежит трехтомное «Описание рукописей Общества Любителей Древней Письменности» (1892, 1893, 1899. №№ 100, 105, 114 изданий общ.) и в значительной доле «Описание рукописей кн. П.П. Вяземского», принадлежащих тому же обществу (1902. № 119 изд. общ.).

В качестве ученого, совмещавшего в своих занятиях интересы к русской и византийской старине, а потому внимательно изучавшего православный Восток в его отношениях к Руси, Х.М. Лопарев принял деятельное участие и в трудах Палестинского общества; им образцово изданы тексты русских паломников: Василия Познякава (Сборник Прав. Пал. Общ. № 18), Зосимы (там же, № 24), Трифона Коробейникова (там же, № 27), Антония Новгородского (там же, № 51), а, кроме того, несколько небольших статей, касающихся тех же паломничеств, каковы, напр., «Слово о некоем старце», вновь найденный памятник русской паломнической литературы XVII века (Сборн. Отд. яз. и слов. АН, 51, 1890), «Второе хождение Трифона Коробейникова» (ЖМНП, 1887), «Опыт толкования некоторых мест в памятниках древнерусской письменности» (там же, 1897, VI), «Новый список описания Цареграда Антония Новгородского (Библиограф. 1888. № 12) и мн. др.

В области специально-византийской Х.М. Лопарев интересовался преимущественно житийной литературой, большим знатоком коей он и оказывался, как это видно из его магистерской диссертации «Греческие жития святых VIII–IX вв. как исторический источник», посвященный, главным образом, изучению стиля этих житий для суждения об исторической ценности самих памятников; кроме этого исследования, ему принадлежит издание «Подвигов святого Модеста, архиеп. иерусалимского (1892 в Пам. О.Л.Д.П., 91), подложного памятника (что и доказано издателем) византийской письменности, ряд статей в «Византийском Временнике», каковы: «Описание некоторых греческих житий» (1897. № 3 и 4), «Повесть об императоре Феодосии II» (1898, № 1 и 21), работы о Мануиле Филе (1891), рецензия на книгу Рыстенка

о св. Георгии и змии (1913, № 1) и др. О широте и круге интересов Х.М. Лопарева в области русско-византийских отношений позволяет судить опубликованная им программа неизданного, а, быть может, и неоконченного грандиозного по замыслу труда: «Греки и Русь» (СПб., 1898); напечатанное им оглавление этого труда подтверждает сказанное; вот полное заглавие этого проспекта: «Оглавление приготовленного к печати полного собрания историко-литературных и археологических данных для суждения о характере русско-византийских отношений в хронологическом порядке с древних времен до 1453 года». Оглавление это заняло около сорока печатных страниц. Видимо, Х.М. Лопарев решил принять на себя труд, который задумал в свое время и западный известный византолог К. Крумбахер, но как труд *коллективный* (Wyzantinisches Archiv)...

Наконец, для характеристики Х.М. Лопарева как личности следует упомянуть еще один из его своеобразных по форме и настроению печатных трудов, имеющий несомненное автобиографическое значение, это — «Самарово, село Тобольской губернии. Хроника, воспоминания и материалы для его прошлого (СПб., 1896. Изд. 2): большая наблюдательность, тонкий юмор, теплое чувство к быту своего родного села характеризуют этот очерк, по местам не чуждый литературного влияния «Летописи села Горохина»...

М. Сперанский

25-летие научной деятельности Х.М. Лопарева

24 октября текущего года исполнилось 25-летие учено-литературной деятельности выдающегося знатока древнерусской литературы и истории Византии Хрисанфа Мефодьевича Лопарева, занимающего должность библиотекаря императорской публичной библиотеки. Уроженец Сибири, Х.М. Лопарев закончил свое образование на историко-филологическом факультете Петербургского университета, где работал под руководством профессора В.Г. Васильевского. Первая печатная работа его «Покорение Югорской земли» появилась в «Восточном обозрении» (1885 года 24-го октября). Вскоре по окончании университетского курса г. Лопарев стал работать в Императорском обществе любителей древней письменности сначала в качестве библиотекаря, а потом секретаря. Он описал богатое собрание рукописей общества (описание издано в трех томах) и издал ряд замечательных памятников древнерусской литературы. Благодаря неутомимым поискам в разных рукописных собраниях, ему удалось обогатить древнерусскую литературу большим количеством впервые им найденных, обследованных и изданных драгоценных памятников. Из числа их назовем: «Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме» (XII в.), «Слово о погибели Русской земли» (XIII в.), «Грамматика монаха Иосифа», 1559 г. (служившая руководством при обучении царевича Ивана Ивановича), «Сказание о молодце и девице», «Отразительное писание о новоизобретенном пути спасения — самоубийственных смертей», 1691 г. и др. Найденное в библиотеке Псково-Печерского монастыря «Слово о погибели Русской земли» может быть поставлено рядом со «Словом о полку Игореве», до этой находки стоявшем совершенно одиноко. (К сожалению, дошло только начало этого «Слова»). «Отразительное писание» дает богатейший фактический и бытовой материал для истории распространенных среди русских раскольников в XVII веке само-

убийств (особенно самосжигания). Предисловие и комментарии Х.М. Лопарева к этому памятнику считаются образцовыми и получили полное признание среди знатоков раскола. За это издание обществом любителей древней письменности присуждена Лопареву премия имени А.М. Кожевникова. К трудам г. Лопарева по древнерусской литературе относится издание нескольких паломников (например, хождение Антония, архиепископа Новгородского) с обширным и глубоким комментарием. Другой научной областью, в которой много сделано Х.М. Лопаревым, является история Византии. Здесь Лопарев впервые правильно прочитал и истолковал Терновскую подпись IX в., всесторонне обследовал древнегреческое стихотворение Мануила Фила, касающееся византийских войн XIII—XIV вв. Особенным вниманием его пользовались русско-византийские отношения. И тут посчастливилось ему сделать несколько любопытных и ценных открытий. Особенно любопытным является исследование Лопарева о браке Мстиславны, вышедшей в 1122 г. замуж за императора Алексея Комнина, и находка им во Флоренции греческого трактата Евпраксии — Зои Мстиславны, посвященного вопросам гигиены. Факт примечательный: русская женщина XII в. составила медицинский трактат. В настоящее время заканчивается печатание диссертации Х.М. Лопарева о греческих житиях святых VII—IX вв. как историческом источнике. В поисках за материалами для своей диссертации Лопарев изучал рукописи в зарубежных библиотеках: Константинополя, Афона, Флоренции и других.

(Исторический вестник. 1910. Декабрь. С. 1209–1210).

Шеймины

В начале XX века жители Самарова, носившие фамилию Шеймины, принадлежали к кругу наиболее состоятельных граждан села. В Самаровской волости они появились не позднее конца XVII века как ямщики. Откуда — неизвестно. Слово «шейма», давшее начало фамилии и означающее «якорный канат», «якорная веревка», бытовало как на Русском Севере, так и в Поволжье, и принесено в Западную и Восточную Сибирь русскими первопроходцами.

Первое упоминание фамилии в книге Х.М. Лопарева «Самарово» относится к 1686 году, в том году в Самарово служил ямщик Петр Шеймин. В настоящей публикации мы проследим путь во времени ветви рода Шейминых, идущей от Петра, «владельца рыбных ловель и сенных покосов на Оби», опираясь на содержащуюся в труде Лопарева «Родословную Шейминых» и другие источники. Сын его Иван Петрович обитал то в Самарово, то в деревне Белогорской, занимался рыболовством, ямщиной и охотой. Внук Петра Иван Иванович обосновался в Самарово и жил рыболовством, охотой и торговлей с инородцами. В 1813 г. он утонул, оставив сыновей Егора, Григория и Прокопия и троих дочерей. Из них род Шейминых продолжил лишь Егор, так как Прокопий сыновей не имел, а Григорий был взят на военную службу, в 1812 г. под Смоленском попал в плен к французам и домой не вернулся¹.

Егор Иванович добывал рыбу, выкармливал молодых лисиц на пушнину, торговал с остяками реки Назым. Прожил около 80 лет. Из двух его сыновей младший, Иван, умер в 18 лет, а Григорий дожил до старости. С ранних лет обнаружив интерес к рыболовству, он стал заводить малые, а затем и стржевые невода и облавливал угодья на Оби выше устья Иртыша.

¹ Лопарев Х.М. Самарово: село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом с картой, планом и шестью видами. — СПб., 1896. С. 215–217.

Рыбу вывозил на продажу в Тобольск и Ирбит, покупал там мануфактуру и другие товары и продавал инородцам. Кроме того, ходил в извоз, делал лодки. Круглый год Григорий Егорович трудился в своем хозяйстве, да еще, сверх того, служил девять лет самаровскому обществу в должности церковного старосты¹. В конце жизни он получил благословение Святейшего Синода «за сделанные в пользу церкви пожертвования», а от государя императора — серебряную медаль для ношения на груди на Станиславской ленте².

Единственный сын Григория Егоровича Николай Григорьевич Шеймин (9 марта 1833—18 марта 1887) получил в наследство значительное богатство и, благодаря своей предприимчивости и сообразительности, увеличил его. Жившие по берегам Оби и Назыма инородцы брали у него хлеб, другие товары, одалживались деньгами, а взамен поставляли рыбу, пушнину, кедровый орех.

Не пренебрег Николай Григорьевич и таким выгодным делом, как виноторговля, открыв кабак в селе Кондинском Березовского округа. В томской «Сибирской газете» 26 октября 1886 г. была опубликована критическая заметка, начинавшаяся так: «Гришка Шеймин восторжествовал. Кабак открыт и уже производит свое действие: люди слабые раздеваются, беднеют, а семьи голодают». Автор заметки, подписавшийся псевдонимом «Дятел», используя описываемый факт с пропагандистской целью, не вполне точно был осведомлен: Григория Егоровича уже не было на белом свете, он умер в 1878 г., а владел кабаком его сын. Сверх того, Николай Григорьевич имел питейное заведение в Атлыме, склад для вина в Самарове, ренсковый погреб и оптовый склад в Сургуте, лавки в селах Самарове, Романовском, деревнях Белогорской и Чембакчиной.

Расширению торгово-промышленного дела и росту влияния Шейминых на Тобольском Севере благоприятствовали новые родственные связи: дочери Николая Григорьевича вступили в браки с весьма состоятельными людьми — сургутским купцом Г.С. Тетюцким, управляющим фирмой купца 1-й гильдии М.Д. Плотникова Н.Г. Козловым, самаровцами Е.В. Земцовым и Ф.И. Кузнецовым³.

Н.Г. Шеймин имел большое семейство — 9 сыновей и 4 дочери. После его смерти Тобольский окружной суд рассматривал дело об утверждении

¹ Лопарев Х.М. Указ. соч. С. 217–218.

² Тобольские губернские ведомости. 1875. № 13; 1877. № 6.

³ Лопарев Х.М. Указ. соч. С. 220–221.

нии его сыновей Александра, Георгия, Андрея и Николая в правах наследства. Имеющаяся в деле опись имущества дает представление о размерах состояния Н.Г. Шеймина. Ему принадлежал просторный двухэтажный деревянный дом на улице Церковной, оцененный в 1500 рублей. В нем Николай Григорьевич принимал в 1879 г. генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова¹. Кроме того, были еще отдельный дом в Самарово для помещения рабочих, несколько амбаров, вышеупомянутые строения, предназначенные для виноторговли, 6 изб на рыболовных песках по Иртышу и Оби, два каюка для разъездной торговли с инородцами, 14 лошадей, 10 коров, различное другое имущество, товары, наличные деньги, хранившиеся у родственников и деловых партнеров.

Интересен 18-й пункт описи: «Разных долгов как за инородцами, так и за крестьянами разных деревень, находящихся близ Самарова, накопившихся с 70-х гг. и ранее, числится по книгам около 30 тысяч рублей, из коих возможно надеяться получить около 5000 р.»². В литературе — и дореволюционной, и тем более советской — многократно высказывалось мнение, будто дача торгующим товаров в долг служила средством закабаления и источником сверхприбылей. С.К. Патканов, скрупулезно изучавший экономический быт крестьян и инородцев Тобольской губернии в конце XIX века, не столь категоричен. «Если справедливо, что торгующие крестьяне получают при помощи разных операций от своих должников весьма большие проценты, — пишет он, — то не надо забывать, что они вынуждены так поступать ввиду значительного риска, с которым сопряжено их занятие, и тех потерь, которые они постоянно имеют. Умрет, например, инородец, забравший у кого-нибудь из них в долг известное количество хлеба и товара, то часто за ним пропадает его долг. <...> Случается и то, что тот или другой из его клиентов окончательно беднеет... и вследствие этого на долгое время делается плохим платательщиком. Торгующий крестьянин в этом случае нередко находит более выгодным для себя приостановить кредит, хотя бы и с потерей всей ссуженной ему суммы»³.

¹ Лопарев Х.М. Указ. соч. С. 76.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 158. Оп. 15. Д. 23. Лл. 14–17.

³ Патканов С.К. Сочинения в 5 томах. Т. 4: Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Часть третья. — Тюмень, 2003. — С. 234.

Всего, по сообщению Тобольско-Сургутского окружного суда, опубликованному в № 29 «Тобольских губернских ведомостей» за 1897 г., движимого и недвижимого имущества осталось от Н.Г. Шеймина на сумму 38678 рублей.

Характеристика Н.Г. Шеймина будет неполной, если не сказать о его тяготении к делу образования. Он материально поддерживал Самаровское сельское училище и его учителей из собственных средств и за это получил публичную благодарность генерал-губернатора¹. В 1870 г. он отдал сына Петра в Тобольскую гимназию, это был первый гимназист из коренных самаровцев. Естественным следующим шагом Николая Григорьевича стало его участие в 1873 г. в образовании суммы в 3000 рублей, на проценты от которой была учреждена стипендия имени великого князя Алексея Александровича, посетившего в тот год Самарово, для обучения в Тобольской гимназии одного мальчика из Самарова или окрестных сел и деревень, а затем и вступление в Общество вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии².

Петр Николаевич успешно окончил гимназию и юридический факультет Петербургского университета. Незадолго до своей кончины, весной 1886 г., Н.Г. Шеймин приезжал в Петербург для встречи с сыном, который к тому времени уже закончил учебу и сдал магистерский экзамен. Учился в Тобольской гимназии и брат Петра Егор, но, не окончив, поступил на военную службу, в звании унтер-офицера уволился в запас армии и вернулся в Самарово.

В брак сыновья Николая Григорьевича предпочитали вступать с образованными девушками: Александр Николаевич женился на дочери крестьянина из Тюменского округа Марии Ивановне Поповой, учившейся в свое время в Тобольской Мариинской женской школе. Жена Егора Николаевича Юлия Михайловна Петрова получила воспитание в Омской прогимназии³.

Накапливая от поколения к поколению знание окрестных рыбных угодий и способов промысла, имея устойчивые связи с местными ханты и русскими крестьянами, Шеймины и после смерти Николая Григо-

¹ Тобольские губернские ведомости. 1873. № 36. С. 1.

² Лопарев Х.М. Указ. соч. С. 63–64; Тобольские губернские ведомости. 1876. № 45. С. 6.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 409.

рьевича успешно вели торгово-промышленную деятельность и сохранили свою принадлежность к верхушке самаровского общества. О последнем приведу единственное, но красноречивое свидетельство А. Сыромятникова, описавшего встречу самаровцами летом 1891 года наследника российского престола Николая Александровича Романова:

«Крестьянин Самаровской волости И.Г. Кузнецов поднес две собольи шкуры, а девицы той же волости Кузнецова и Шеймина поднесли: первая довольно искусно сделанный венок из различных орехов, а вторая — вышитое полотенце, сделанное 30 лет тому назад. Затем Его Высочество прошел в палатку, к открытому боку которой местный крестьянин И.Н. Шеймин подвел маленького ручного медвежонка... <...> Возвратившись на пароход, Его Высочество изволил выслать: ...Шеймину — три полуимперала...»¹.

После кончины отца семейное дело возглавил Александр Николаевич Шеймин (27 августа 1856–10 апреля 1910), так как старший из братьев Назар Николаевич, живший в Сургуте, умер годом раньше отца в 33 года. Жили самаровские Шеймины все вместе — холостые и женатые братья с семействами, незамужние сестры — в большом доме на улице Церковной. По данным переписи населения 1897 г., под одной крышей обитали девять взрослых и пятеро детей².

Довольно долго они и хозяйство вели совместно. У Х.М. Лопарева есть запись: в 1890 г. Александр Николаевич весновал на семейном уголке Кривошопкине с братьями Андреем и Николаем³. 3 октября 1894 г. А.Н. Шеймин писал Лопареву в Петербург: «Рыбу ныне мы, Шеймины, промышляли по нынешнему году ладно, слава Богу, и выловили из садов благополучно и отправили уже как пять суток в Тобольск для продажи. И завтра двух меньших моих братьев, Василья и Андрея, отправляю для продажи оной, а сам буду жить в селе Самарове и заниматься делами»⁴.

Но год от году работников в семье становилось меньше. По какой-то причине Шеймины не отличались долгожительством. Вслед за Назаром в 1894 г., тоже в 33-летнем возрасте, скончался Иван. Среди братьев он

¹ Сыромятников А. От Сургута до Тобольска // Сибирский листок. — 1891. — 14 июля.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 409.

³ Лопарев Х.М. Указ. соч. с. 88.

⁴ Самаровский петербуржец: письма сибиряков к Х.М. Лопареву. — Ханты-Мансийск, 2008. — С. 77.

держался как-то особняком: рыболовством не занимался, но широко вел виноторговлю и еще при жизни отца распоряжался весомой частью его капитала. На смерть Ивана Николаевича газета «Сибирский листок» откликнулась 13 ноября 1894 г. такой строчкой: «В селе Самаровском на днях умер небезызвестный в северном крае И.Н. Шеймин». Следом умер находившийся в Тобольске по торговым делам Василий всего лишь на 27-м году жизни. В 1902 г. не стало 31-летнего Андрея. А Григорий ушел из жизни в 17 лет, раньше отца и старших братьев.

Один из средних братьев, Егор Николаевич, не особенно, видимо, тяготевший к крестьянскому делу, переехал на жительство в Томск, и остались в Самарове Александр Николаевич и самый младший из братьев Николай Николаевич, на которого и легло в начале XX века бремя семейного хозяйства. А Александр Николаевич в последние годы жизни стал в зимнее время уединяться на заимке близ давней вотчины Шейминых — рыболовного песка Кривошапкино. Там держал на подножном корму девять лошадей, ловил капканами лисиц и мастерил рыболовные снасти. В письме к Х.М. Лопареву 6 января 1908 г. он подробно описал свою жизнь поодаль от Самарова, на заимке¹.

Человек пытливым, наблюдательным, А.Н. Шеймин сообщал Лопареву в письмах и при встречах немало интересного. Когда Хрисанф Мефодьевич работал над книгой «Самарово», Шеймин посылал ему свои заметки о рыбном промысле, некоторые из них включены в книгу. Там же опубликованы 11 документов XVIII века из его коллекции и в качестве приложения — словарик из 350 остяцких слов, записанных со слов инородцев. Нашлось в книге место и для составленной им родословной Шейминых.

Не упускал Александр Николаевич случая упомянуть в письме к Лопареву о событиях самаровской жизни — приездах губернских чиновников, ученых путешественников, находках искателей древностей, открытии рыбконсервного производства... В 1893 г. он писал о посещении им места на правом берегу Оби, против устья Иртыша, на котором осенью 1595 года ратными людьми во главе с воеводой Иваном Мансуровым и казаком Матвеем Мещеряком был построен Обский городок. Здесь на одной из берез он вырезал: «А.Ш. 1893 г. Августа 2»².

¹ Самаровский петербуржец... — С. 165–167.

² Лопарев Х.М. Указ. соч. — С. 5–6.

17 декабря 1905 г. он писал Хрисанфу Мефодьевичу: «Письма, ранее Вами посланные мне, с большим удовольствием читаю и потом подшиваю в свою книгу. Книга моя под названием «Для записи заметок» с 1897 г., с 25 февраля»¹.

О потомстве А.Н. Шеймина известно немного. По метрическим книгам Самаровской Покровской церкви выявлено, что у него был единственный сын Александр, родившийся 9 июня 1882 г. В 1891–1892 учебном году он учился в подготовительном классе Тобольской духовной семинарии, но, по-видимому, вскоре оставил учебу. В 1907 г. Александр-младший женился на дочери крестьянина Василия Матвеевича Корепанова Екатерине. В конце этого же года у них родился сын Константин, за ним — еще шестеро сыновей и дочерей: Павел, Серафим, Александр, Августа, Петр и Анна. В книге «Память» по Тюменской области есть упоминание о втором по старшинству сыне: 12 октября 1943 г. лейтенант Павел Александрович Шеймин погиб на одном из фронтов Великой Отечественной войны.

* * *

К роковому моменту российской истории — Октябрьской революции — в Самарове остались только два главных действующих лица шейминского рода — младший из сыновей Николая Григорьевича Николай Николаевич (родился в 1874 г.) и его племянник Александр Александрович. Николай Николаевич женился на дочери реполовского крестьянина Якова Мотошина Марии. Вскоре овдовел, не успев даже обзавестись детьми, и в 28 лет женился во второй раз на дочери тобольского купца 2-й гильдии, самаровца по происхождению, Федора Константиновича Соскина Марии. Этот брак дал надежную экономическую опору семье, которая стала быстро расти. В метрических книгах Покровской церкви найдены записи о рождении у Шейминых пятерых сыновей и четырех дочерей.

В начале XX века прежний глава шейминского клана Александр Николаевич, обремененный болезнями, стал передавать лидерство младшему брату. Признаки растущего общественного положения Николая Николаевича мы находим на страницах тобольских газет: 1900 г. — утвержден старостой самаровской Покровской церкви на трехлетие, 1908 —

¹ Петербургский филиал архива Российской академии наук (ПФА РАН). Ф. 107. Оп. 2. Д. 536. Л. 55 об.

сделал пожертвование в пользу Тобольского губернского комитета по оказанию помощи семьям воинов, 1911 — избран присяжным заседателем по Тобольскому уезду, 1913 — подал заявление о вступлении в Тобольский отдел Императорского общества судоходства вместе с состоятельными самаровцами Ф.И. и А.И. Кузнецовыми¹.

И Николаю Николаевичу же пришлось пострадать за всех Шейминых от новой власти. Вот один из фактов. 31 мая 1920 г. общее собрание самаровской ячейки сочувствующих РКП(б) постановило по заявлению Карандашова дать бывшему кулаку Николаю Шеймину «наказание — наряд вычистить двор старческого дома» за то, что он «снял со столба красную звезду, оставленную 2-й ротой Северного экспедиционного отряда»². Конечно, этот шаг самаровских большевистствующих активистов был обидным для фамилии Шейминых, задевал их достоинство.

Но следующие шаги были еще чувствительнее: лишение избирательного права, раскулачивание, отъем имущества. В вину Шеймину поставили то, что он до революции занимался разъездной торговлей по деревням и за данные под процент деньги собирал рыбу и продавал ее в Тобольске, что имел большой дом, что в 1921 году содержал беспризорного подростка, привлекая его к домашним работам («эксплуатация»).

Характерно для периода 1920–1930-х годов, что люди, которых ограничивали в правах, не могли с этим мириться и активно протестовали, в архивах хранится множество свидетельств таких протестов. Н.Н. Шеймин решение Самаровского сельского совета и райисполкома о лишении его избирательного права обжаловал, и окружной прокурор предложил президиуму райисполкома пересмотреть дело, но Самаровский райисполком не подчинился. В заявлении, направленном после этого Президиуму ВЦИК в Москву, Шеймин писал, что он, коренной крестьянин-рыбак, не чувствует за собой вины, за которую можно было бы лишить его гражданского права. Да, был богат, но от бывшего богатства ничего не осталось. Он не считал кого-либо вправе делать его изгоем в самаровском обществе.

С таким же заявлением обращался в Уральский облисполком отделившийся от семьи сын — Николай Николаевич-младший. Самаров-

¹ Тобольские епархиальные ведомости. 1900. № 1–2; Тобольские губернские ведомости. 1908. № 15; 1910. № 39; Сибирский листок. 1913. 21 нояб.

² Гос. архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 29. Оп. 1. Д. 28. Л. 9 об.

ский сельсовет признал раздел «фиктивным» и усмотренную им «вину» отца распространил на сына, ограничив и его в гражданских правах. Как Тобольский окрисполком, так и Уральский облисполком и Президиум ВЦИК отклонили заявления Шейминых о восстановлении в избирательном праве¹. Этому права были лишены еще пятеро членов семьи.

Классовая месть не знала усталости, возможность революционного насилия над «бывшими» использовалась с явным удовольствием. Это видно по опубликованным Л.В. Набоковой в «Новостях Югры» материалам окружного архива. В 1931 году у Шейминых отнят двухэтажный дом, в документе поселкового Совета значится: «изъят за недоимку налогов». Что же это были за налоги, если недоимка равнялась стоимости купеческого дома? В 1933 г. 55-летняя купеческая дочь Мария Федоровна Шеймина (в девичестве Соскина) жила с 16-летней дочерью в бане. При этом поселковый Совет требовал от нее подписки на заем, сдачи в виде налога 500 литров молока и отказывался возвращать деньги за лошадь, которая была взята на лесозаготовки и возвращена в таком состоянии, что по заключению ветеринара пришлось сдать ее в контору «Заготскот» на убой. М.Ф. Шеймина писала прокурору Остяко-Вогульского округа: «Когда мне предложено было подписаться на заем в таком большом размере, я заявила, что не могу этого сделать, так как, уже три раза лишенная собственности, я не имею для этого никаких средств».

И совсем уже курьезный факт: Николай Николаевич-младший уехал в Свердловск, подальше от просветленных революционным сознанием односельчан, и устроился там истопником в военный госпиталь — Самаровский райисполком направил в Свердловский горисполком секретное (!) письмо с просьбой уволить его. Таково было качество новой власти².

* * *

Совершенно необычная судьба выпала Петру Николаевичу Шеймину. В его лице самаровский крестьянский род выпустил весьма жизнеспособный, яркий росток в Европейскую Россию. Его отец Николай Григорьевич сам тяготел к учению и в конце первой половины XIX века был одним из немногих грамотных самаровцев. Х.М. Лопарев писал: «В

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 434. Оп. 3. Д. 51.

² Революция ликвидировала купечество как класс // Новости Югры. — 2001. — 6 нояб.

те времена в Самарове просвещение шло весьма медленными шагами. В 1839 году училось всего двое — Петр Семенович Скрипунов и Николай Григорьевич Шеймин. Первый из них учил под руководством хромого А.И. Ковалева псалтырь, а второй — часослов; писать оба они учились в 1845 году на дому у другого любителя И.В. Ужинцова...»¹.

И, наверное, хотелось Николаю Григорьевичу, чтобы кто-нибудь из сыновей шагнул дальше его. Заметив способности у сына Петра, он в 1870 году отвез его в Тобольскую гимназию. Это был первый гимназист из коренных самаровцев. Читаем опять у Лопарева: «Мой друг П.Н. Шеймин кончил курс гимназии в 1879 году, поступил на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1883 году с золотой медалью, полученною им за конкурсное сочинение «Паспортная система в России»; ныне он состоит приват-доцентом в Новороссийском (в Одессе) университете по кафедре полицейского права»².

Долгое время иных источников сведений о П.Н. Шеймине, кроме книги «Самарово», мы не знали. Автор этих строк обращался письменно в Одесский университет с просьбой прислать хотя бы копию формулярного листка приват-доцента Шеймина — письмо осталось без ответа. Но вскоре обнаружился кладезь информации в другом месте — в Санкт-Петербурге. В фонде Х.М. Лопарева в Петербургском филиале архива Российской академии наук (ПФА РАН) нашлось дело № 538: 52 письма П.Н. Шеймина к Лопареву, другу гимназических и студенческих лет. Эти письма когда-нибудь дождутся внимательного исследователя, а нам дают возможность бегло проследить жизненный путь нашего земляка-самаровца, — к сожалению, не до конца, оставляя загадку.

Поселившись в Одессе в 1886 году, Шеймин преподавал студентам право, работал над магистерской диссертацией. В 1889 году посылал ее Лопареву, попросив сделать поправки, что тот, отличавшийся безусловной обязательностью, и исполнил. Разрабатывал учебные курсы, в 1893 году занимался переписью населения Одессы, читал публичную лекцию о переписях.

Одесская жизнь, по-видимому, чем-то не устраивала Шеймина. В письме Лопареву 5 февраля 1897 года он просил: «Буде узнаешь что-либо положительное в Министерстве народного просвещения об от-

¹ Лопарев Х.М. Указ. соч. С. 53–54.

² Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. — СПб., 1892. — С. 45.

крытии юридического факультета в Томском университете, сейчас мне черкни для соображений». В 1900 году Шеймин оставил Одессу и «получил профессорство в Новоалександрийском институте сельского хозяйства и лесоводства в Люблинской губернии», близ Варшавы.

Этот переезд знаменует важный поворот в судьбе Петра Николаевича: здесь он, служа в институте, все больше и больше втягивался в дело организации народного просвещения. Уже в 1903 г. он руководил частным четырехклассным училищем с программой казенных гимназий и намерен был идти дальше, так как министр народного просвещения дал разрешение на открытие гимназии. В 1906 г. гимназия Шеймина в Новой Александрии открылась. В 1910 г. он добился перевода ее в Варшаву. На 1915 год состоялось семь выпусков гимназии: четыре в Новой Александрии и три в Варшаве, окончили курс около двухсот учащихся.

Почти все это время, до июля 1914 года, учредитель гимназии Шеймин состоял профессором института сельского хозяйства и лесоводства по кафедре общего законоведения, сельскохозяйственных и лесных законов, имел приличное жалованье, чин статского советника и уже выслужил пенсию, но вовсе не думал оставлять так удачно развивавшегося дела. Семейный шейминский дух предприимчивости увлекал его вперед.

Организация учебного дела порой, а возможно, даже и часто давала Шеймину почувствовать на себе силу неблагоприятных обстоятельств. Он их не боялся. Так, 2 августа 1907 года Петр Николаевич писал Лопареву: «Кандидатов ловлю в гимназию мою вдоволь. Здесь времена забастовки поставили меня в такое положение, что я принужден был сделать из училища, потом и гимназии долгов 5 тысяч рублей. Словом, меня описали и вычитали за долги $\frac{1}{3}$ жалованья. Но в 1906/7 учебном году дела поправились: я уплатил 3 тысячи рублей, а две уплачу в августе и буду иметь хорошее чистое, без долгов, дело...».

Из письма 1 января 1912 г.: «В прошлом учебном году я понес на Варшавской гимназии большой убыток, ибо 60 учеников-евреев, учившихся в моей бывшей Новоалександрийской гимназии, министерство не пустило в мою Варшавскую гимназию. Отсюда убыток в 12–14 тысяч рублей. Кроме того, гимназия сделала около 15 тысяч рублей долга. В текущем году из 15 тысяч рублей... долга останется 3–3 $\frac{1}{3}$ тысячи рублей на будущий год. В прошлом учебном году было 200, ныне 260, да еще на днях примем около 20 учеников. Кроме того, с окончанием в

1911 г. школьного бойкота русских учебных заведений поляками число учеников-поляков все более и более увеличивается».

Беспокойства и неприятности не отбивали у Шеймина охоты к рискованным затеям, в письмах к другу он делился новыми планами: открыть среднее мужское земледельческое училище, двухлетние юридические курсы, коммерческий институт в Варшаве. Вот что повествуют о жизни П.Н. Шеймина в тревожные 1913–1915 годы два его письма.

П.Н. Шеймин – Х.М. Лопареву

1913 г., 19 июня

г. Новая Александрия

Дорогой Хрисанф Мефодиевич!

Твое письмо от 5 мая с.г. получил. Спасибо тебе за твое письмо, равно за пересылку письма брата Николая. Твое письмо, адресованное мне в г. Новую Александрию, переслали мне в г. Варшаву, куда я уехал по делам моей Варшавской гимназии, откуда приехал сюда только четыре дня тому назад. В институте мои дела окончились только около 1 мая.

В мае месяце было у меня много забот о гимназии. В текущем году моя Варшавская гимназия делала первый выпуск. Экзамены зрелости закончились 7 июня. Все 11 учеников VIII класса получили аттестаты зрелости; в числе их и Созонов, племянник министра иностранных дел Созонова; три ученика получили серебряные медали. На будущий учебный год предстоит блестящий выпуск.

Предстоявшая война с Австрией чуть-чуть не натворила мне бед. И Новая Александрия, и Варшава находились бы тогда под первыми выстрелами. Но уже одна угроза войной вызвала здесь сильный финансовый кризис, который отозвался и на мне тяжело. Я вел и веду дело гимназии, пользуясь кредитом в 7–8 т[ысяч] р[ублей]. Вот этот кредит в 7–8 т. р. мне и закрыли благодаря угрозе войной. Теперь политические отношения успокоились, и я восстановил кредит. За квартиру для гимназии я платил в истекшем учебном году 14500 р.; квартирные деньги директору гимназии 1800 р.; плата директору и учителям 2800 р. в месяц. В гимназии 8 основных классов, параллельные отделения при первом и втором классах и приготовительный класс. Всех учащихся 320. Преподавателей 25 человек. Гимназия пока дохода чистого не дает.

Она находится в самом центре Варшавы, именно на Театральном плацу около Большого театра. В Варшаву езды из г. Новой Александрии 3 часа по жел. дороге. В Варшаву приходится ездить отсюда раз или два в месяц. Эта езда за три года существования гимназии в Варшаве порядочно мне наскучила. Я уже становлюсь стар и малоподвижен.

В этом году имел еще столкновение из-за гимназии с учебным округом, который это столкновение довел до Министерства нар[одного] просвещения. Г[осподин] министр нар. пр. Л.А. Кассо сам разбирал дело и привел учебный округ к «одному знаменателю», т.е. стал на мою сторону. Ох уж эта «кураторская канцелярия». Недаром поминал ее худыми словами сам Ломоносов и терпеть не мог Миллер, историограф Екатерины В[еликой].

Наш институт находится с прошлого года в ведомстве Главного управления землеустройства и земледелия. Думаю прослужить до 1 мая 1914 г. и бросить службу. Пенсию в 2 т.р. я уже выслужил. К 1 мая 1914 г. будет 30 лет моей службы. Очень жалею, что по окончании курса в университете не выбрал адвокатской профессии.

Аля в 4-м классе гимназии; в этом классе придется оставить его на второй год и по лености его, да и возраст его для 5-го класса мал. Глеб перешел во 2-й класс.

Брату Николаю, тетушке Анне, родным и родственникам передай мой поклон. Кланяйся также Кузнецовым и всем, кто меня еще помнит. Все собираюсь с детьми съездить летом на родину и все собраться не могу: дела, дела и дела. Передай мой поклон и твоим родным от меня.

Крепко тебя обнимаю.

Твой П.Н. Шеймин.

Мой адрес: г. Новая Александрия Люблинской губ., Институт сельского хозяйства и лесоводства. Проф. П.Н. Шеймину¹.

П.Н. Шеймин — Х.М. Лопареву

г. Москва,

16 сентября 1915 г.

Дорогой Хрисанф Мефодиевич, наконец после долгих странствований из г. Варшавы по России судьба забросила меня неожиданно и нега-

¹ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 538. Л. 105–106 об.

данно в г. Москву, где я по указанию уч[ебного] округа нашего открываю мою Варшавскую гимназию в здании гимназии Страхова у Сухарева башни. Вот мой адрес: г. Москва, Садовая-Спасская ул., д. № 6, гимназия г. Страхова, П.Н. Шеймину.

Москва не нравится ни мне, ни сыновьям. Да и погода здесь стоит неважная. 8 июля я покинул Варшаву, оставив все свое имущество на произвол судьбы, отдав ключи от гимназии и квартиры управляющему домом. Все имущество стоило мне около 25–30 т. р. Но я не унываю, получая пенсию в 2 т. р. Из Варшавы я уехал в мест. Белую Церковь Киевской губ., где прожил до 20 авг. Там я и дети, купаясь в реке, отдохнули. Оттуда я уехал в Одессу, где прожил с детьми до 2 сент. В Одессе мы устроились очень хорошо и недорого. Дети остались очень довольны Одессой. Я предался старым воспоминаниям, навещая добрых старых знакомых. Там случайно предложили мне взять одну частную гимназию на очень выгодных условиях. И сам попечитель Одесского учебного округа выразил полное желание о том, чтобы я взял эту гимназию, владелец которой по болезни оставляет свое дело в мое владение. Но все это я должен был прервать, ибо г. попечитель нашего Варш[авского] уч. окр. кн[язь] Куракин выразил желание, чтоб я приехал в Москву и открыл здесь свою гимназию для учеников-беженцев. Я решил ехать сюда и кланяться «старым божкам».

За гимназию г. Страхова я плачу 6 т. р. в уч. год, где поведу занятия с 4 ч[асов] д[ня] до 9 ч[асов] веч[ера]. Что из этого будет — увидим.

В Одессе я встретил добрейшего Ф.И. Успенского¹ и его супругу; она выглядит молодцом. Вспомнили старину и тебя. Возьмут Царьград — перенесу туда мою учредительскую деятельность. Если я здесь настрою гимназию, то здесь же открою и другие свои уч[ебные] заведения. В Варшаве уже так настраивалось дело, что я мог открыть свое высшее уч. заведение «Коммерческий институт». Но, увы, Вильгельм мерзопакостный разбил все мои планы! Ну, я не унываю. Открою еще уч[ебное] высшее заведение в Константинополе, куда на открытие и тебя приглашу; там и кончу мое земное странствование. Во взятии Константинополя уверен так же, как в своей руке.

¹ Успенский Федор Иванович (1845–1928), русский историк, член Петербургской академии наук с 1900 г. В 1894–1914 гг. — директор Русского археологического института в г. Константинополе. Один из корреспондентов Х.М. Лопарева.

Ну, будь здоров. Дети и я тебе кланяемся. Передай мой поклон твоим хозяйшкам. Крепко тебя обнимаю.

Твой П. Шеймин¹.

Организовать гимназию в Москве было не просто, занятия в ней начались только 28 сентября по старому стилю. 190 ее учащихся собрались из разных средних учебных заведений Варшавского, Виленского, Киевского и Рижского учебных округов, вытесненные из родных мест Первой мировой войной. Петр Николаевич, учитывая трудности семей беженцев, уменьшил плату за обучение. Интересная частности учебного процесса: для желающих предлагался курс польского языка.

Энергия, предприимчивость и жизненная стойкость Шеймина проявились и в московский период его деятельности. Мало ему было хлопот о гимназии, он еще задумал открыть с мая 1916 года частное высшее четырехклассное училище для детей беженцев, частные общеобразовательные курсы для взрослых обоого пола и частные же специальные курсы среднего и низшего разрядов. Разрешение на их открытие было получено еще в Варшаве в мае 1915 года. Для беженцев, раненых воинских чинов и их детей, для военнослужащих Шеймин также устанавливал льготную плату за обучение. Он полагал необходимым в условиях войны не прекращать забот об образовании. Кроме того, Шеймин возбудил ходатайство перед попечителем Московского учебного округа об открытии в Москве учебно-педагогического просветительного кинематографа.

Осуществились ли эти планы и что дальше было с Петром Николаевичем Шейминым и его семьей — неизвестно. Совсем близко было грозное время сложного выбора, перед которым каждого российского гражданина поставили революция и Гражданская война. Где искать его след — в Москве, Варшаве, Константинополе?.. Хочется надеяться, что чей-то настойчивый поиск даст новые сведения об этом незаурядном человеке.

* * *

Наше затянувшееся повествование о Шейминых будет неполным, если не рассказать то небольшое, что мы знаем о сургутской ветви этого рода.

Деловая активность Шейминых распространялась не только на Самарскую волость и южную часть Березовского уезда, но захватывала и Сургут, там поселился, женившись на купеческой дочери Александре

¹ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 538. Л. 108–109 об.

Григорьевне Тетюцкой, старший сын Николая Григорьевича Назар. В браке он прожил всего 11 лет, оставив в Сургуте сына Александра и дочь Евдокию. Малолетний Александр рос, по-видимому, под влиянием Тетюцких, которые вели рыбный промысел, как и некоторые другие предприимчивые сургутяне, близ устья р. Пур и в Тазовской губе. Как сообщает литературный источник, среди доверенных Тетюцкого на дальнем севере был Шеймин, который впоследствии завел самостоятельное дело. Это был Александр Назарович.

Хорошо осведомленный в промысловом деле сургутянин Николай Васильевич Пугно оставил описание некоторых подробностей быта тех смельчаков, которые выезжали на промысел дорогой рыбы на далекий север. Отвечая на запрос сургутского краеведа Ф.Я. Показаньева, в 1963 г. он писал:

«Были здесь еще рыбопромышленники Александров Д. с сыном (дом на углу ул. Просвещения и Красных партизан), Шеймин А.Н. (дом на углу против амбулатории), Чукчеев А.Н. (дом, где теперь военкомат), Панкин Д.Т. (дом против старого Дома культуры), Макушин Ф. (дом по ул. Красноармейская за усадьбой милиции). Они имели своих оленей и на лето уезжали на реки Пур и Таз ловить белую рыбу. Там у них были свои рыбопромысловые заведения. Летом на песках ловили неводами, рабочих нанимали из ненцев. Всю добытую летом рыбу солили, а в большинстве сушили.

Осенний лов рыбы производился подледно самоловами — главным образом осетра, который в мороженом виде доставлялся на оленях в Сургут вместе с остальной продукцией. Одновременно рыбопромышленники скупали у ненцев пушнину белого песка. Приезжали рыбопромышленники в Сургут примерно в конце декабря, к новому году, а рыба шла гужом на оленях и прибывала в Сургут в течение января. Всю добытую продукцию (рыбу, пушнину) сдавали местным купцам. Главным образом, дело имели с купцами Силиным К. и Тетюцким И., они отпускали необходимые товары, кредитовали их.

Рыбопромышленники жили в Сургуте 2–2½ месяца, в это время выполняли свои торговые дела: сдавали рыбу, пушнину, закупали товары, отгружали их и т.д., и так до 15 марта. Не позднее 15 марта они снова уезжали. Семьи уезжали с ними, даже с маленькими ребяташками. Для семей делались балки — на большой оленьей нарте делалась деревянная

обрешетка, которая обтягивалась изнутри и снаружи оленьими шкурами, а затем сверху брезентом, делалось небольшое окошко, ставилась небольшая железная печь. Высотой балок был не больше полутора метров, так что взрослые могли только сидеть. Впрягали под балок не меньше четырех крупных оленей-быков. В таком экипаже и продолжался их путь до места примерно суток 40, так что на свои промысла они прибывали в конце апреля. С продуктами, необходимыми на дорогу, следовал караван из нескольких нарт.

Примерно в 1910–1912 гг. эксплуатацию рыбных и пушных богатств Крайнего Севера взяли в свои руки крупные капиталисты братья Плотниковы, они начали посылать туда свои пароходы, завозить товары, рабочую силу и постепенно мелких рыбопромышленников вытеснили. Однако некоторое время и при Плотникове осенний улов рыбы доставлялся в Сургут, сюда приезжал доверенный Плотникова и переправлял рыбу гужом на лошадях до Тобольска»¹.

Александр Назарович Шеймин родился в Сургуте в 1881 году, крестными его были родной дядя Григорий Николаевич и дочь сургутского мещанина Анна Григорьевна Тегюцкая. В феврале 1907 г. он женился. В качестве поручителей при венчании присутствовали упомянутые в воспоминаниях Н.В. Пугно рыбопромышленники Алексей Николаевич Чукчеев и Федор Георгиевич Макушин, а невестой была дочь сургутского мещанина Павла Ивановича Кайдалова Татьяна. Встретив эту запись в метрической книге Сургутской Троицкой церкви, я неожиданно узнал о своем дальнем родстве с Шеймиными: ведь Павел Иванович Кайдалов и мой прадедушка Митрофан Иванович были родными братьями, и с потомками Павла Ивановича наша семья долгое время поддерживала родственные отношения. И тут я впервые представил, как в дореволюционные времена при стабильности населения Обь-Иртышского Севера в течение многих десятилетий социумы сёл, волостей, уездов все гуще, плотнее прорастали родственными связями, и в результате образовывалась прочная структура, похожая на корневую систему растительного сообщества. Наверное, эта «дернина» давала устойчивость социуму, повредить или разрушить который могло только внешнее вмешательство.

Александр Назарович пережил революцию и Гражданскую войну, с установлением советской власти одно время занимал должность слу-

¹ Сургутский городской архив. Ф. 217. Оп. 1. Д. 26. Л. 29–30.

жащего кооператива. В 1926 году он был еще жив, но в списке лишенных избирательных прав на 1931 год значится только его жена «торговка» Татьяна Павловна Шеймина¹, по-видимому, уже вдова.

У Александра Назаровича было большое семейство, но ни об одном из его детей сведений мы не имеем. Пришли новые — чужие люди, завели новые порядки — сургутская почва стала неудобной для Шейминых, и, по крайней мере, часть семейства перебралась... в Москву. Туда Сургутский загс высылал копию свидетельства о рождении родной сестры Александра Назаровича Евдокии. Там же много лет прожила двоюродная сестра моей бабушки Анны Митрофановны Татьяна Павловна Шеймина, о чем не раз доводилось слышать от родственников, переписывавшихся с нею и останавливавшихся погостить во время поездок. Уж не теплившаяся ли связь профессора Петра Николаевича Шеймина с оставшимися в Сибири родными способствовала этой миграции и прививке самаровско-сургутского «дернового слоя» в российской столице?

Валерий Белобородов

¹ Сургутской городской архив. Ф. 1. Оп. 5. Д. 3.

На медленном жертвенном огне*

Хуторская жизнь. Богатые и бедные

Мои родители, как говорила мать, до женитьбы не знали друг друга. Но их старики-родители встречались, совместно покупали делянку соснового леса в Еткульском бору для постройки домов. Осенью 1911 года мой дед Родион Карпович со свахой и женихом — сыном Петром — приехали смотреть невесту. Встречу устроили в горнице вновь выстроенного дома и объявили, что с сегодняшнего дня молодые являются женихом и невестой. После этого стали делать запой — договоренность о проведении свадьбы, а молодые пошли спать: мама — на полаты, а Петя (как впоследствии всю жизнь она называла нашего отца) лег спать в ограде, в своем ходке. Далее начались приготовления к свадьбе. Все делалось быстро, так как осенние работы требовали торопиться. До венца у невесты с женихом особенных разговоров не было, да и встречаться наедине почти

Автор воспоминаний Николай Петрович Родионов 21 год своей молодой жизни провел вдалеке от родных мест — на территории нынешнего Ханты-Мансийского района среди таких же, как он, раскулаченных крестьян-хлеборобов юга Урала и Западной Сибири. До этого Родионовы, предки которых переселились на Урал из Курской губернии, жили в деревнях Шумаковка и Петровское и на хуторе Родионов (ныне — Нижнеуфельский район Челябинской области).

Существует целый пласт такого рода письменных источников. Их авторы, как правило, не наделенные писательским даром, тем не менее брались за литературный труд из единственной потребности — засвидетельствовать хотя бы для своих родных правду о судьбах тех, кто попал под каток сталинской репрессивной машины. Публикация подобных документов будет актуальной до тех пор, пока не прекратятся восхваления «осчастливившего советский народ» товарища Сталина.

В тексте вы не найдете ни общественно ориентированных суждений, ни апелляций к чувствам читателя — одна лишь череда фактов, окрашенных затаенной горечью.

Воспоминания печатаются в сокращенном виде. — *Ред.*

не приходилось, но в душе как будто они этим браком были довольны. Свадьба проходила при соблюдении всех старинных обычаев. Гуляли более трех суток. Сразу после свадьбы молодым было объявлено, чтобы на жительство ехали на хутор Родионов. Там в основном и провели свою молодую жизнь мои родители. Они были с одинаковыми привычками, так как росли в семьях выходцев из Курской губернии, были религиозными, верили в разные предрассудки, знахарство.

После смерти дедушки Родиона Карповича, гибели на фронте дяди Павла и мужа тетки Пелагеи наш отец оказался в доме единственным мужчиной и хозяином всего имущества. По унаследованной традиции он стал вкладывать как свои силы, так и силы членов семейства на возрождение и увеличение хозяйства. Из деревни Шумаковка к 1922 году были перевезены все постройки за исключением дома, который перевезли в 1926 году...

Наше семейство считалось маленьким, так как дети в большинстве умирали. Я считался единственным наследником хозяйства. В 1924 году родилась Нина, а в 1929 году Егор. Смерть шестерых младенцев, переносилась как тяжелая утрата...

Я родился 19 декабря 1913 года в деревне Шумаковка, и в честь праздника зимнего Николы меня назвали Николаем. В деревнях выходцев из Курской губернии не было принято называть детей ласкательным именем, поэтому меня звали просто Колька. Кроме настоящего имени присваивали еще и кличку. Такое прозвище было и у меня — Петровишка.

Жизни своей в деревне Шумаковка я не помню, так как в детстве был увезен на хутор Родионов. Здесь и провел свои детские годы. В семействе нас было два пацана — еще сын тетки Пелагеи Василий. Он был старше меня почти на год, но хилее, и при всяких наших детских драках, которые начинал обычно он, верх был всегда на моей стороне.

Я помню Гражданскую войну. Через наш хутор шло много войск, но боев каких-либо не происходило. Мы с Васькой в отдаленных лесах сохраняли скот, чтобы военные не могли его угнать с собой. Но однажды у нас были реквизированы три лучшие лошади <...>

Мне припоминаются 1921–1922 голодные годы. Очень большое количество нищих шло из Рождественки, Ключей, Хуторков и даже из Петровского куста. Всем давали небольшой, граммов 200–300, кусок хлеба, а некоторых знакомых вдобавок кормили обедом и оставляли ночевать. Говорят, что в деревнях была большая смертность, но из наших родственников

никто не умер. В то же время многие, видимо, недостаточно питались. Помню такой случай. Бабушкин сын от первого брака Дубровин В.И. к голодным годам пришел со слабым хозяйством, и во время неурожая они оказались без запасов продуктов. Зимой 1921/22 года к нам пришел его старший сын Иван, до неузнаваемости истощенный. При виде его у нас в доме ахнули. Бабушка заплакала и стала посылать отца съездить попроведать их семейство. Отец взял хлеба, сколько-то муки и поехал. Обрато привез младшего брата Ивана Гришку, который был на грани голодной смерти. Тетка Пелагея стала его подстригать, а в голове оказалось вшей, как муравьев на кочке. Они с Иваном прожили у нас зиму и лето, помогали в хозяйстве и пасли скот. Для их семейства было посеяно пшеницы около десятины. Урожай был хороший, и их семейство оказалось обеспечено хлебом. Гришка продолжал жить у нас около двух лет. Зимой ухаживал за скотом, летом пас его, так как у нас был отдельный табун.

Одно время я с матерью был у старшей ее сестры Марины, которая в то время проживала в деревне Кривое. Она была вдовой и воспитывала пятерых детей. Они питались хлебом из травы лебеды, вереска и катуна и нас угощали этим черным хлебом. Вместе с ее ребятами я ел без всякого пренебрежения. Мать оставила им сколько-то муки. Тетка Марина сказала, что из этого они будут делать лапшу.

После голодного года началось бурное развитие частных хозяйств. Каждый старался увеличить поголовье скота, земельную площадь, обновить инвентарь и построить жилые и скотские помещения. Наряду с этим многие хозяйства продолжали распродавать постройки, чтобы купить скот, хлеб и семена для продолжения своего существования. Было много желающих работать по найму. Так как производств каких-либо тогда не было, то они шли в домработники.

Наше семейство также включилось в расширение своего хозяйства. Вместо сараев и примитивных хлевов, крытых соломой, выстроили из бревен навесы для инвентаря, помещения для скота и покрыли все железом. Скот увеличивался от приплода. Кроме этого, были куплены кобылица и жеребец чистой орловской породы вороной масти. Был приобретен заново сельхозинвентарь и транспортные средства. Увеличение хозяйства продолжалось примерно до 1928 года. К этому времени у нас было 10–12 лошадей, из них 6–7 рабочих, 17–18 голов крупного рогатого скота, в том числе 8–10 дойных коров, 40–50 овец. Посевная площадь

составляла около 40 гектаров. Наше хозяйство по общему объему было небольшое, но так как у нас семейство было маленькое, всего пять душ, мы считались в первых списках зажиточных.

На нашем же хуторе еще жили четыре брата — Андрей, Григорий, Василий и Иван, которые нашему отцу доводились двоюродными братьями. У них хозяйство были гораздо больше нашего, но у них были большие семейства — от 20 до 30 душ. Они и посевной площади имели до 100 гектаров, лошадей до 30–40 голов и много другого скота.

В общем, была самая настоящая конкуренция за увеличение хозяйства. Своей земли стало не хватать, ее арендовали у бедных хозяйств деревень Рождественка, Модвиновка, Хуторка. Хуторов, как наш Родионов, было в нашем сельсовете несколько на расстоянии один от другого два-три километра. Это Чуйков, Лавров 1-й, Винокуров, Лавров 2-й, Кузнецов, Родионов 2-й, Алябьев 1-й, Алябьев 2-й, Собачье, Кислюям и другие.

В нашем хозяйстве почти всегда жили один домработник и одна домработница, в большинстве из родственников. Они помогали в работе отцу и матери. На сезонные работы, как на уборку и обмолот хлеба, нанимали поденщиков. Летом работали плотники, человека 3–4. Отец с матерью, возможно, по напутствию бабушки, были щедры на питание как для рабочих, так и для посторонних людей. Последние почему-то всегда под каким-либо предлогом были у нас. Питание состояло в основном из мяса и молочных продуктов. Мать любила печь шаньги с творогом, сметаной и картошкой, а рождественцы любили их кушать. У них даже было прозвище — «шанешники». К нам всегда находилось много желающих работать. Оплата поденщикам за день была два-три рубля. А цены на продукты в то время в городе Троицке были следующие: пшеница за пуд — 0,80–1 руб., масло скотское топленое — один рубль килограмм.

Обедали все за одним столом. Бабушка садилась в передний угол, мое место было между бабушкой и отцом, далее гости или работающие. Мать садилась в конце стола, так как ей часто приходилось подавать или добавлять кушанье.

После обмолота хлеба устраивали богатый оwin, было много песен и пляски. Плотники частенько выпивали под разными предложениями: то начало стройки, то кладка маток или конец стройки. Часто заезжали представители властей, тех угощали особо, в горнице. Заезжало и духовенство. Один священник, который был переведен в Рождественку из

Дуванкульского прихода, был хороший друг бабушкиной сестры тетки Натальи, а через нее впоследствии был хорошим приятелем нашей бабушки. Он часто у нас проводил праздники, напивался пьяным, сначала с бабушкой пел псалмы, а далее доходило и до революционных песен. Отец с матерью вином не увлекались, выпивали для приличия в праздники, а с гостями выпивали не более 100–200 граммов водки.

В доме была изба и горница, мебель состояла из буфета, столов и стульев. Спали на полотах и полу. Постели состояли из шерстяных кошм, одеял, пуховых подушек, перин. Летом спали в большинстве под навесами...

Власти для укрепления хозяйств создавали условия. Давали возможность приобретать сельскохозяйственный инвентарь в кредит. Семена низкого качества обменивали на сортовые и проводили работы на увеличение хозяйства как в посевной площади, так и в скоте. Этим, видимо, преследовалась цель, чтобы больше вывозилось продуктов на рынок или сдавалось государственным заготовительным организациям. К жителям, имевшим малочисленное хозяйство, относились с пренебрежением и всегда их подталкивали, чтобы выходили в люди.

Впоследствии государственная пропаганда стала сводиться к тому, что зажиточные крестьяне — это кулаки, которые сами не работали и эксплуатировали чужой труд, за счет разного обмана, жульнических приемов создавали себе богатство. Но я этого не наблюдал. Среди окружающих нас этого не было. Все зажиточные исключительно были покорны властям и не в меру трудолюбивы. В хозяйстве если же и держали домработников, то сами работали в два раза больше. Одевали и обували работников в то же, в чем ходили сами. Были и скряги-скопидомы, но такие были широко известны и не всегда к ним шли на работу.

Почему были богатые и бедные, я показываю на примере своих близких родственников. Нашему отцу крепкое хозяйство досталось от отца, и он старался напрячь все силы, чтобы сохранить его и даже увеличить, чтобы в окружающей среде про него не было плохой славы. И это ему удавалось. Два моих родных брата, Стефан и Василий, после голодного года оказались со слабыми хозяйствами. И они часто поочередно работали у нас. За это наш отец как за работу, так и по долгу родства помогал им в посеве, обзаведении скотом. И они, стремясь к самостоятельному ведению хозяйства, стали жить с достатком. Выстроили дома, обзавелись скотом, лошадьми и стали с нашим отцом при равной славе.

Было и противоположное. Отцову брату по матери Дубровину Егору Ивановичу дедушка Родион в деревне Рождественка построил дом и дал достаточный надел. Но он оказался характера легкомысленного, любитель выпить и поиграть в карты. Надел, данный отчимом, прокутил. К этому времени умерла его жена, остались четверо малых детей. К голодному году он оказался без своей квартиры, ничего не имея в хозяйстве. По просьбе бабушки наш отец купил ему избу, давал скот и несколько раз пособлял обрабатывать и засеивать землю. Но все же самостоятельным хозяйством он не жил. Если что и появлялось, то под разными предложениями — то с горя, то с радости — пропивал и всю жизнь с детьми влачил нищенское существование. Частенько они жили в домработниках, и когда началась пропаганда за ликвидацию частной собственности, то он с сыновьями всегда выступал как рьяный пролетарий, работающий на кулаков, больше всех призывал к изъятию у них имущества, чтобы иметь возможность его прокутить.

Жители хуторов в большинстве были безграмотные. Наш отец в солдатах немного научился писать и читать, а мать всю жизнь не знала ни одной буквы. Школы были только в деревнях, и наши родители считали, что нас отдавать в школу, да еще с жительством в чужих людях было бы большим конфузом. Однако по настоянию властей они нанимали учителя за свой счет, и он объединял несколько хуторов и учил нас на дому. То есть одну неделю у одного ученика, другую — у другого. Учились мы по два-три месяца в течение трех зим. Парт не было. Сидели за столами на скамейках. Учились писать, задачи решать и читать. Писали грифельными на досках. Книжки для чтения и задачки были разные, кто что приобретет.

С малолетства нас приучали к работе. Я хорошо помню: боронить верхом стал на седьмом году, косить хлеб лобогрейками, верхом на лошадях — на девятом. А двенадцати лет я полностью производил посев пятилемешным букором, в который запрягал пять лошадей, а шестую, с бороной, привязывал сбоку. Далее моя работа заключалась в пастьбе лошадей и других хозяйственных делах. Зимой — уход за скотом и уборка навоза. Излюбленной моей работой был уход за лошадьми, за маленькими жеребятами. Часто устраивали состязания на лошадях. В Масленицу на хороших лошадях ездили в деревню Петровское, в которую съезжались жители десятка деревень и хуторов. Там целых три дня происходило катание, вечерами — бега на рысаках, а утром на озере устраивали круг и соревновались на ска-

кунах. Об этих встречах было много разговоров. В последнее время разговорам задавал тон и я со своим орловским жеребцом.

Часто мы с отцом ездили в город Троицк продавать пшеницу, овес, масло и мясо. Базары были отдельные — мясной, продуктовый, зеленый, дровяной. На каждый съезжались сотни подвод. Один раз в неделю, по четвергам, был базар в Петровском. Один раз ездили в Челябинск, возили два воза мяса. Там базары были даже больше, чем в Троицке.

В обстановке вышеизложенного в основном и проходило мое детство. Прожитое мною при воспоминании кажется грубым, бескультурным, но во всей моей жизни оно сохраняется как светлейшие годы.

Ликвидация

Начиная с 1927 года зажиточные хозяйства стали зажимать, облагать непомерными налогами. Эту работу предоставлено было проводить неимущим, у которых не было ни кола, ни двора. Поэтому они брались очень активно. Им завсегда перепало на перепой.

Как происходила ликвидация частных зажиточных хозяйств, я показываю на нашем хозяйстве. Во-первых, нас стали приневоливать к сдаче хлеба государству и запрещать вывозить его на рынок. На проезжих дорогах выставлялись посты из неимущих и, если хлеб везли на рынок, его реквизировали, а хозяев на несколько дней сажали в карцер. Жителям доводили план на сдачу хлеба государству и если те его не сдавали, то закрывали ворота, окна и объявляли «бойкот». Члены семейства не имели права выходить из дома, и к ним запрещалось входить. Скот оставался без корма и водопоя. Это продолжалось несколько дней, и было много случаев падежа скота.

Впоследствии это отменили. К нам же применили другой метод. Летом 1927 года перемерили посевные площади и установили, что у некоторых были излишки, а у других — недостачи. Этот излишек стали квалифицировать как укрывательство от налога, а недостачу — как обман государства путем приписки посева. У нас был установлен излишек около 0,5 гектара. За это было реквизировано две рабочие лошади, две дойные коровы и 10 овец. Весь скот, собранный у жителей, передали рождественскому колхозу, в котором наш дядюшка Дубровин Е.И. был членом правления. Некоторые дальновидные мужики стали сокращать свои хозяйства. Об этом говорили и нашему отцу. Лавров П.В. с соседнего хутора предлагал распродать все и уехать подальше от родных мест, так как жить своим хозяйством нам все равно бы не дали. Но наш отец,

а тем более мать и бабушка слушать об этом не хотели. Говорили, что за ликвидацию хозяйства нас все просмеют. Скажут, что расстранили нажитое дедами. Наши деды здесь похоронены, никуда отсюда не поедем. Нами был продан только один жеребец.

Весной 1928 года приехал милиционер и опечатал все наши амбары, а через несколько дней подогнали подводы и реквизировали весь хлеб, около 1500 пудов. Оставили только на семена. Это было проделано в четырех хозяйствах нашего сельсовета для устрашения других, чтобы добровольно везли хлеб государству. В этом же году, летом, под мотивом того, что у нас изъяли только 1500 пудов хлеба, а должны были — примерно 2000, изъяли еще и большую часть скота, а также весь сельскохозяйственный инвентарь. Оставили только постройки, двух лошадей, двух коров и 10 овец. Остальной скот и инвентарь отправили в рождественский колхоз, так как там не оказалось ранее взятого скота: часть его погибла с голоду, а часть поели колхозники. Но большинство жителей, в том числе и наши родители, продолжали держаться за остатки своих хозяйств, не зная никаких перспектив и надеясь на авось.

Непредвиденное свершилось в начале 1930 года. Из деревни Рождественка выехали бригады активистов, подобранные из любителей чужого добра, и предложили нам освободить свои дома. Мы в том, что было на нас, перешли к тетке Пелагее, а в наш дом заехал с семьей один бедняк, который до этого жил в землянке на хуторе Собачьем. В выдворении семейств из своих домов активно участвовала неимущая беднота, особенно по наущению старших — подростки-комсомольцы, в том числе отцов племянник Григорий Дубровин. Если кто пытался при выходе из дома взять что-то с собой, то они все нахально отбирали. Если на ком-то были новые валенки или шуба, то их снимали, а взамен давали свое бедняцкое барахло. Все это сопровождалось громким смехом и одобрением присутствующей бедноты. Григорий в выведении нас из дома не участвовал, но после, как знающий наши тайники, с сорванцами наподобие его перерыл все подполье и чердаки. Но спрятанного ничего не нашли. Затем он пытался сделать обыск в хозяйстве тетки Пелагеи, у которой мы жили, чтобы изъять наши вещи.

Со стороны бедноты к раскулачиваемым было совершено много грубых насильственных поступков, и в этом власть их поддерживала. Со стороны раскулачиваемых сопротивления никто оказывать не пытался, потому что люди были запуганы, старались не разлучаться со своими

Н.П. Родионов

семействами и не попасть в застенки ГПУ. Припоминается случай в конце выселки. Уполномоченный ГПУ опрашивал хозяев из раскулаченных семейств, куда делись золотые вещи. Наш отец показал, что были только золотые карманные часы, принесенные им с фронта. Во время выдворения нас из дома один бедняк взял их себе в карман.

Тем, кто был выведен из своих домов, было объявлено под расписку, чтобы они из домов, куда их переселили, не отлучались. Въехавшие в дома стали распоряжаться всем движимым и недвижимым имуществом по своему усмотрению. Ненужное им вывозили в Троицк для продажи, а на вырученные деньги устраивали гулянки.

Высылка

Ко времени коллективизации весь наш хутор, состоявший из 17 дворов, был занесен в списки зажиточных. Осенью 1929 года трудоспособные мужчины с хутора в большинстве были мобилизованы на лесозаготовки. Под мобилизацию попадал и я, но в райцентре Увельском меня освободили, так как мне в то время шел 16-й год. В то время на хуторе все были охвачены страхом, не зная, что будет с ними завтра. Беднота, занимавшая кулацкие дома, пьянствовала, устраивала дебоши, надругательства над коренными жителями хутора и драки между собой. 27 февраля 1930 года наших стариков предупредили, чтобы были готовы завтра поехать в ссылку. С собой разрешили взять один комплект верхней одежды и несколько пар белья, запастись продуктами за счет родственников на 10 дней. Ночь на 28 февраля 1930 года прошла в приготовлениях к неизвестной дороге, в слезах и заботах. Что нам готовит новая жизнь?

Утром все семейство: бабушка, которой в то время было 80 лет и которая почти ничего не видела, Егор в возрасте одного года и Лина (Нина) в возрасте пяти лет пошли проститься с нашим домом. Новые жители дома нас ни в чем не оговаривали. Отец попросил нас присесть на лавку. Потом мы встали, помолились Богу, а отец сказал: «Не обижайтесь, покойные предки, на нас. Переданное вами хозяйство мы оставляем не по своей воле». А жителям дома сказал: «Живите в добром здоровье. Мы на вас не в обиде. Так, видимо, Богу угодно». После этого все вышли за ворота, немного постояли, еще раз посмотрели на дом с пристройками и пошли готовиться к отъезду.

На семейном совете было решено бабушку Пелагею ввиду ее слабого здоровья оставить у ее дочери тетки Пелагеи, и если наша жизнь

устроится, то отец обещал приехать за ней. А больше надеялись, что нас вернут обратно. Далее началось расставание с ближайшими родственниками. Бабушка нас всех благословила по старому русскому обычаю — иконой. Было много пролито слез. На проводах, кроме хуторских тетки Пелагеи с сыном Василием, который провожал нас до Увелки, и семейства Дубровина Е.И., никого не было, так как отдаленные родственники не знали о дне нашей высылки. В Рождественке для укутывания малышей нам дали изъятые у кого-то ранее шерстяное и ватное одеяла и самовар. Но последний в Увелке отобрали, сказав, что чай не обязательно пить из самовара, можно и из чугуна.

По Рождественскому сельсовету к высылке нас собрали несколько десятков семейств и окружили верховым конвоем из неимущих комсомольцев. При выезде из деревни вновь учинили обыск. Если у кого оказывалось недозволенное, отбирали. К высылке на станции Нижнеувелка нас собралось из нескольких сельсоветов, видимо, столько, чтобы полностью загрузить эшелон. Вагоны были товарные. Их после погрузки закрыли замками. Поступили с нами как с великими преступниками, но народ терпел, даже и не думая оказывать какое-либо сопротивление. На станции нас под охрану взяли сотрудники ГПУ. В наших вагонах были двухъярусные нары, и нас натолкали, как селедку в бочки. Места было мало, лежать было невозможно, могли только стоять и сидеть. Для опорожнения кишечника дали ведро, куда ходили мужчины и женщины. Из нашей среды выбрали двух человек, которых на больших станциях выпускали, чтобы они приносили воды и выносили испражнения. Куда нас везут, нам было неизвестно.

Примерно через двое суток дали команду выгружаться на станции Тюмень. Нас, как преступников, окружили верховые ГПУ и объявили, что мы не имеем права никуда отлучаться. Позже подали подводы. На нашу семью полагалась одна телега с лошадью. Всего же обоз состоял более чем из 300 подвод, которые взяли путь по Тобольскому тракту. Верховой конвой нас проводил только за окраину города, а далее сопровождали человек пять конвоиров, ехавших в обозе. В каждом населенном пункте нас встречали вооруженные бедняки и провожали до конца своих сел. Там, где предназначалась ночевка, размещали по домам, жителям было приказано спрятать топоры, вилы, чтобы кулаки-бандиты не смогли поубивать местных жителей и охрану.

Погода стояла холодная, морозы доходили до минус 35–40 градусов. Многие пообморозились и попростывали, на каждой остановке стали оставлять умерших человек до десяти. Умирали особенно дети грудного возраста. Всех мертвецов сносили в одно место, обычно в церковь или часовню, и оставляли без погребения родственниками. Обоз же продолжал следовать. У нас малышей было двое: Гоша одного года и Лина пяти лет. С ними в санях поочередно находились мать с отцом, стараясь укутать и сберечь их от холода. Остальные шли пешком.

Езда от Тюмени до Тобольска продолжалась восемь суток. Каждый день проезжали более 30 километров. Теплой одежды было недостаточно, очень многие простыли и при приезде в Тобольск заболели разными простудными заболеваниями. Нас поместили в Тобольском кремле, в главной церкви. Мы узнали, что до нас не выдержали наскоро сколоченные из досок четырехъярусные нары, несколько человек искалечило, некоторых задавило насмерть. Эта церковь служила пересыльным пунктом. Через двое суток нас перевели в другие церкви, находящиеся на горе. Там также были выстроены трехъярусные нары. Мы своей семьей расположились на третьем ярусе.

Дорога как в вагоне, так и на лошадях не прошла бесследно для нашего семейства. Мы перенесли грипп, а Гоша перестал ходить. Дорожные невзгоды и жизнь в тесноте, смраде, на сквозняках, продолжали отражаться на здоровье. Люди ежедневно умирали. Мне пришлось много участвовать в рытье могил и похоронах родных и близких людей. За время дороги и жизни в Тобольске осталось мало семейств, которые не потеряли родственников. Некоторые хоронили по нескольку человек. У нашего Родионова Андрея Васильевича умерло четверо. В нашем семействе все время продолжал болеть Егор, мать несколько раз была с ним в больнице.

В Тобольске таких, как мы, ссыльных было в несколько раз больше, чем местных жителей. Заполнены были все церкви, общественные здания и переполнены частные квартиры. В Тобольске мы прожили около двух с половиной месяцев. В продуктах особой нужды не ощущали, так как деньги были почти у каждого, а на рынке можно было купить муки ржаной и ячменной, картофеля и других продуктов. Работать заставляли мало, и мы, молодежь, свободное время проводили на берегу Иртыша и у памятника Ермаку.

Второго мая из Тюмени пришел пароход «Китай» с нашими мужчинами, которые были мобилизованы на лесозаготовки, а семьи выселе-

ны без них. 13 мая наш корпус (церковь) предупредили, чтобы мы были готовы для погрузки на пароход. 14-го подали несколько подвод для доставки маленьких детей и больных, а остальным было приказано на пристань идти пешком. Поместились на пароходе «Воткинский завод», большая часть людей в трюме, а в третьем классе — матери с маленькими детьми и больные. На верхнюю палубу вход нам был запрещен. С нами вместе погрузились семейства Родионовых Ивана Ивановича и Андрея Васильевича, жившие на частных квартирах, чтобы ехать на Север вместе с родственниками. Но их сняли с парохода и увезли в тобольский изолятор. Усиленный конвой охранял нас в пути. Сходить с парохода разрешалось только людям, специально назначенным на доставку дров для топки парохода.

16 мая 1930 года на рассвете на пристани Цингалы примерно третьей части ссыльных, в том числе и нам, приказали выгрузиться на берег.

На новом месте

Пристань была на той же стороне, что и деревня Цингалы, но их разделяла протока, переправляться пришлось на лодках. Эта первая в жизни езда на лодках для нас, молодежи, была очень интересной. Работники ГПУ, которые высадились с парохода вместе с нами, с участием местных властей расселили нас по домам местных жителей. Нас поселили к Чагорову Павлу Маркеловичу, по национальности остяку. Перед этим в Цингалах было общее собрание, на котором представители ГПУ предупредили, что к ним в скором времени привезут тунеядцев, нарушителей общественных порядков, поэтому местным жителям следует спрятать оружие, топоры и даже ножи и вилки. Хозяйка дома Мария Ивановна разговаривать с нами избегала. Но на другой день с рыбалки приехал хозяин дома Павел Маркелович, который приветствовал нас как пострадавших и этим положил конец недоверию.

В деревнях Севера принудительная коллективизация еще не началась, хотя колхозы были почти в каждой деревне. Они были организованы из бедноты и особого влияния на население не имели. Жители жили при полном расцвете своих частных хозяйств. Местная молодежь почти каждый вечер собиралась для игр на специальную площадку, но нам через несколько дней запретили навещать площадку и клуб, чтобы мы не общались с местной молодежью. Нас разбили на десятки и выбрали старших, чтобы они каждый день докладывали о нашем нахождении комен-

данту. Кроме того, и хозяева, у которых мы жили, об исчезновении кого-либо из нас немедленно должны были доложить коменданту. На пристанях были выставлены комсомольские посты, они запрещали нам входить на пристающие пароходы. Всех способных к труду назначили на заготовку дров для пароходов на лесомассивах Чугас и Перевесная грива. Оплата за работу не производилась, отоваривали мукой.

В начале июня 1930 года переселенцев, способных работать, направили для постройки поселка. Мы ехали в нескольких больших лодках (неводниках) и к вечеру остановились у рыбацкой избушки на берегу рыбацкого сора (где впоследствии сделали кладбище). На следующее утро, когда стали осматривать место для поселка, назначенное цингалинской партийной организацией, оказалось, что это место омывается со всех сторон речками. Наши старики просили, чтобы это место заменили на другое, так как здесь некуда было выгонять скот и негде разводить огороды. Комендант с партийцами, что сопровождали нас, посоветовавшись, разрешили переехать на левый берег первой речки. Наши стали просить выбрать место на одной из возвышенностей (грив), ближе к Цингалам. Тогда комендант выхватил из кобуры наган, стал им размахивать и угрожать тем, кто смеет протестовать против постройки поселка на месте, указанном им.

Для строительства из деревни были выгнаны все — и старики, и подростки. Вначале выстроили здание комендатуры с карцером и склад для продуктов, а далее начали строить дома размером 6х7 метров. Какая-либо техника отсутствовала, все работы выполнялись вручную. Работать приходилось с утра до вечера по 14–16 часов в сутки. Кормили в основном ржаным или ячменным хлебом (600 граммов) и кашей из перловой крупы. Иногда подмазывали постным маслом.

Всякий выход со стройки был запрещен. Если кто был замечен в слабой работе или нетактичном разговоре с начальством, того лишали дневного пайка хлеба или каши, а иногда и того, и другого вместе. Очень часто на ночь сажали в карцер. Многим приходилось питаться ягодами и грибами. Никакой одежды и обуви не выдавалось, а та, которая была привезена из родных мест, приходила в негодность. Бани не было. Вши ходили табуном. Не было и никакой медицинской помощи. Очень многие страдали желудочными болезнями. Seriously заболевших отправляли в Цингалы, где был фельдшер.

К концу лета выстроили около 60 домов. В сентябре дали команду переселить в поселок все семьи ссыльных. Это было поручено активистам деревни Цингалы. Они нахальным образом, невзирая на протесты хозяев домов, говоривших, что переселенцы им не мешают, вытаскивали из домов стариков, детей, больных и гнали их в поселок пешком. От первых прибывших на стройку мы узнали, что наших стариков и малышей гонят, как скот. Уже темнело, и мы поспешили родственникам на встречу. Мать я встретил километра за три от стройки. Она несла на руках полторагодовалого Егора и узелок с продуктами, а за ней шла шестилетняя Лина, которая также несла узел с разными вещами.

В поселке разместились в только что построенном доме, в котором лежать было негде. Спали сидя, дети — на руках у взрослых. Дома в большинстве были некрытые, так как продольные пилы пришли с большим опозданием. На другой день пошел дождь, и все дома стали промокать, с потолков побежала вода вместе с грязью. Когда был напилен тес, им закрыли крыши домов. Часть семейств отправили обратно в Цингалы. Нам же на четыре семейства дали отдельный дом с двумя небольшими окнами. Мы этому были очень рады: стало тепло и с потолка больше не бежало. Такая скотская жизнь для многих не прошла бесследно. Многие переболели простудными заболеваниями, наш Егор опять перестал ходить. Так как хлеб давали строго ограниченно, все, не жалея сил, старались запастись ягодами и грибами, чтобы зимой не умереть с голоду.

В ноябре 1930 года трудоспособных мужчин, женщин и подростков отправили на лесозаготовки в Денщики по речке Бобровка. Детные матери и ветхие старики производили заготовку леса в поселке. Я угодил на лесозаготовительный пункт Кожурка вверх по речке Бобровка. Там стояли два ветхих барака, в которых мы прожили всю зиму, круглосуточно топя чугунные печки. Кормили нас более сносно. К тому же мы покупали у местных жителей лошадей на мясо. За работу денежной оплаты не полагалось. Продукты выдавались по списку. Тем, кто оказывался совершенно босой или с грешным телом на виду, выдавалось что-нибудь из обуви и одежды, в том числе и мне были выданы бродни малого размера. Так как наворачивать на ноги было нечего, то в январе 1931 года в мороз более 40 градусов на вывозке леса я ознобил правую ногу и был отправлен в поселок. Специального лечения не было. У меня сошли ногти, а пальцы болели до апреля.

В поселке, который называли Черемуховским, жизнь шла своим чередом, продолжали лесозаготовки. Продуктов давали граммы. Комендант давал увольнительные в местные деревни для покупки лошадей и другого скота на мясо и обмена вещей, привезенных из дома, в основном на ячмень, который на жерновах рушили на крупу и муку. У нас мама в течение зимы ходила несколько раз, выменивала по несколько ведер ячменя и привозила на санках. Отец также ходил в деревни, где покупал на мясо лошадей, которые были дешевы, так как и в Сибири началась принудительная коллективизация, и жители старались за бесценок избавиться от своего скота. Благодаря обмену и покупке мы в течение зимы особой голодовки не пережили.

В первой половине апреля 1931 года часть рабочих с лесозаготовок была отозвана для продолжения строительства поселка, а часть — на лесосплав. Я попал в группу из 20 человек, которая направлялась на реку Конду. Из поселка мы вышли 19 апреля 1931 года, имея за спиной котомки с продуктами, бельем и постельными принадлежностями. На полях снега уже не было, сохранился он только в лесах и логах. На Иртыше лед еще не подняло, но уже были забереги, которые мы приспособились переходить по жердям.

До деревни Заводные в основном шли Иртышом, а далее напрямиком на Конду лугами и лесами. Когда шли по Иртышу, то лед был шершавым, и обувь у всех продырявилась. Ноги завсегда были мокрые, а когда пошли лугами, то оказалось, что лога стоят полные воды и снега, так как в Иртыш они еще не протекли. У нас не было другого выхода, как только идти вперед. Несколько логов пришлось переплывать нагишом по воде и снегу. Когда подошли к Конде, солнце клонилось к закату, река разлилась на три-четыре километра. Русло реки Конды мы пересекали на лодках, которые нам подали жители деревни Реденькая, а затем и разместили нас по квартирам. Впоследствии все участники этого перехода страдали ревматизмом. У меня сначала на ногах было много проломов (чирьев), а далее каждую весну болели ноги, движение было стесненным.

По Конде на лесоучастках Урвант и Чилимка мы подготовили лес к сплаву, а при разливе реки сплавляли его в деревню Тюли, на берег Иртыша. Кормили на лесосплаве более сносно, но и работать приходилось по 16–18 часов, а в разгар сплава не спали почти трое суток. Наши одежда и обувь продолжали оставаться ремковатыми. Замена выдавалась только в

исключительных случаях, когда человек оказывался совершенно босой или нагой. Я на Урванте получил бродни, а после в Тюлях — пару белья. Этому был очень рад. Зарплату деньгами не выдавали. Учет накопления зарплат вообще отсутствовал. Продукты и вещи получали по списку.

После сплава леса из рек Конда и Бобровка все рабочие были направлены в поселок. Одни продолжали строить дома, других назначили тесать клепку на бочки. Не считаясь со своим здоровьем, большинство поселенцев старалось раскорчевать площадь под огород, посадить картошку и посеять лен. Чтобы только обзавестись семенами, многие отдавали последние вещи, так как в питании вся надежда была на картошку, а лен требовался для ткани на белье и одежде. Впоследствии те, кто этим занимался от души, когда для нас наступил критический период, пережили его гораздо легче, чем те, которые к обзаведению картошкой, льном и скотом относились с прохладцей. Рыбу ловить нам категорически было запрещено, потому что местных жителей обязали выполнять государственный план по заготовке рыбы, и все водные угодья были закреплены за ними. К тому же у нас не было и рыбацких ловушек.

Жизнь становилась все мрачнее, так как комендант и прочий персонал издевались над нами. Нас поставили в положение скота. Что-то требовать в свою защиту мы не имели права. За высказывание своих обид или невыполнение норм выработки лишали пайка хлеба, сажали в карцер. Кроме того, открылось строительство городка, который впоследствии назвали Ханты-Мансийск. Там была устроена колония штрафников, и неугодных коменданту на целый месяц направляли туда. Многие там умирали от непосильной работы и голода. Те же, кто возвращался, были настолько истощены, что падали от ветра. Были случаи побега из ссылки. Одних отлавливали и возвращали в свои поселки, другие погибали в тюрьмах. Были и счастливчики, которые под другими фамилиями оставались жить на свободе в других областях страны. Для пресечения побегов коменданты усиливали свой деспотизм. Нам запретили выход из поселка за продуктами в местные деревни.

Однажды с разным барахлом для обмена мама и еще две соседки пытались пройти в деревню за картошкой и ячменем. Об этом узнал комендант, догнал их за восемь километров от Цингал и отобрал все вещи. Сам ехал в кошёвке, а их гнал обратно до поселка впереди себя. Мы очень боялись, что их отправят в штрафную колонию, но так как у

всех были малолетние дети, то комендант ограничился нотациями и вещи отдал обратно.

В начале 1932 года у моих родителей родился сын Иван. Если раньше появление ребенка, да тем более сына встречали с радостью, то теперь отнеслись сдержанно. Но что поделаешь — природа не считается с нашими нуждами. Семейные недостатки увеличились. Недостаток в хлебе был невероятно велик. Картошки накопили мало и старались ее сохранить на семена. Я при семействе находился мало, жил в отдаленности — в Бобровке, Реполове, Ярке и других населенных пунктах на лесозаготовках. Помощь семейству оказывал мизерную. Хотя с 1932 года за работу нам стали платить, но очень мало, и все деньги уходили на покупку продуктов в основном на стороне, у местных жителей. На лесозаготовках иногда стали давать выходные дни, которые в основном использовали для закупки продуктов у местных жителей. Немного стали давать мануфактуры и одежды. Это была очень нужная подмога в жизни. Я всегда числился в списке передовых рабочих, и поэтому иногда удавалось получать побольше.

Колхоз

В 1932 году стали организовывать колхоз. Приказали всем явиться в клуб, избрали президиум общего собрания, и комендант объявил, что с сегодняшнего дня должна быть организована неуставная сельхозартель. Для этого требуется, чтобы каждый глава семьи, а если таковой отсутствует, то член его семейства расписался в списке вступающих вновь в члены сельхозартели. Средства для вновь созданной артели должны были создаваться путем отчисления 12% от зарплаты работающих на лесозаготовках и объединения всех лошадей, коров сверх одной и всего молодняка, который был у жителей. На этом же собрании комендантом был назначен председатель артели — один из подхалимов, сочинитель разных доносов К.Е. Муцев. За все время существования поселка он только и знал, что составлять доносы на честных людей. Если же кто не подписался в списке поступающих в члены артели на общем собрании, то на другой день он это сделал в комендатуре. А некоторые были отправлены в самаровскую штрафную колонию.

Укрепление колхоза за счет отчислений от зарплаты работающих на лесозаготовках и сдачи скота-молодняка продолжалось около трех лет. Наш отец сдал в колхоз лошадь, которая была куплена для хозяйственных работ

и вывозки леса с лесоучастка, и каждый год сдавал по одному выращенному теленку в возрасте шести месяцев. Работу в колхозе в зимнее время выполняли детные матери и ветхие старики, а в летний период для раскорчевки под пахотную землю, посева и заготовки кормов с лесоучастка пригоняли нас, то есть трудоспособную рабочую силу. Оплаты за выполненную в колхозе работу никакой не производилось. Выходные дни были сведены до минимума. Об отпусках мы не имели представления. Поскольку летом лесозаготовки были сокращены ввиду переброски рабочих на сельскохозяйственные работы, то невыполненный план переводился на зимний период. Поэтому всегда был срыв лесозаготовок, и нас приневоливали без выходных штурмовать зимой лесозаготовки, а летом — сельскохозяйственные работы.

Таким образом в колхозе было раскорчевано около 500 гектаров пашни: на участке Чембакшинский остров — более 100 гектаров, на горе напротив Цингал — 17 гектаров, в Цингалах около деревни — 100 гектаров, на Ближнем Чугасе — около 10 гектаров, на речке Ярке — 30 гектаров. Остальная пашня — за летним сором от поселка в сторону деревни Слушка и в бору между первой и второй речками. Впоследствии во время землеустройства в 1937 году пашни, нами раскорчеванные и обработанные, передали на острове — чембакшинскому колхозу, за Иртышом, на Ближнем Чугасе, возле деревни и на Ярке — цингалинскому колхозу. Но около поселка раскорчевка продолжалась до 1941 года, а в бору, между первой и второй речками, как на незатопляемой возвышенности, — до 1946 года.

Осенью 1931 года мы, в основном молодежь, были направлены в деревню Реполово для заготовки дров для пароходов. Лесоучасток находился в пяти километрах ниже Реполово, на другой стороне Иртыша. Для жилья были перевезены амбары. Поставили их вместо мха на сене и в этих бараках провели всю зиму 1931–1932 годов. Начальник лесоучастка был Пасынков В.П. Он относился к нам по-человечески и от своих подчиненных требовал, чтобы нас все же считали за людей. Была выстроена баня. Это впервые из всех лесопунктов. За работу стали нам выплачивать деньги, отоваривать мануфактурой. Хлеба выдавалось 500–600 граммов на день. Но мы продолжали питаться и за счет местного населения, у которого на мясо покупали лошадей и другой скот, а также картошку. Поэтому голодовки особой не ощущали.

Осенью 1932 года были направлены на лесозаготовки в деревню Денщики на речке Бобровка. Сначала выстроили бараки, а далее при-

ступили к лесозаготовкам. В это время коллективизация местного населения в основном была закончена. Индивидуальные хозяйства были ликвидированы, и мы лишились источника приобретения продуктов со стороны, а государственное питание продолжало сокращаться. С этого периода у нас началось систематическое недоедание, а также стал усиливаться комендантский деспотизм. Он выражался в том, что за невыполнение нормы выработки лишали пайка продуктов, отправляли на ночевку в холодный карцер или в штрафную роту (село Самарово). Была и «привилегия» — за перевыполнение нормы выработки добавочно давали поварешку баланды.

Я работал на лесоповале, где возглавлял бригаду из восьми человек. Все работы производились вручную, рабочие были расставлены в следующем порядке: с утра две пары — на валке с корня, далее одна пара на валке с корня, другая — на очистке и уборке сучьев, третья — на кряжёвке (разделке) хлыстов деревьев и четвертая пара — на сжигании сучьев. Делянки от барачных находились за 4–6 километров. День начинался в 6 часов утра, в 6–30 получали суп с кухни (столовых не было) и ели на нарах. В 7-00 — выход из барака на работу. На месте работы снимали телогрейки и работали в одних гимнастерках всегда с повышенной скоростью. С утра одолевал пот, к обеду пот прекращался, а к вечеру, хотя и работали с такой же скоростью, начинали мерзнуть. Иногда надевали телогрейки. Работали без остановки на перекур и без обеда, так как есть было нечего. Пайки хлеба, которые получали, съедали утром и вечером.

В барак разрешалось возвращаться не раньше 7 часов вечера. При приходе с работы в барак сначала устраивали одежду для сушки около печек. Далее шли получать хлеб, который выдавался каждый день, так как на большее время выдавать было нельзя, хлеб, выданный на три дня, съедался за один. После этого получали похлебку, которая в основном готовилась из мерзлой картошки и капусты, иногда с конским или скотским мясом. Далее — всякие политзанятия. Мы должны были знать наизусть происхождение Сталина, Молотова, Ворошилова и других. Был организован ликбез, и это все делалось по принуждению. Мы были истощены и обессилены работой, и для нас был очень дорог покой, а не жизнь Сталина. Каждый вечер нужно было к завтрашнему дню наточить пилы и топоры. Выходные дни отсутствовали. Разрешали не выходить на работу при температуре ниже 45 градусов мороза. Тем не менее

многие ходили в такие дни на заготовку дров для отопления барачков. За это давали дополнительную пайку хлеба и порцию баланды.

Весной 1933 года, когда был приостановлен зимний санный путь для вывозки леса, рабочих перебросили на строительство поселка и раскорчевку под пашню. Я с частью рабочих в количестве 20 человек был оставлен в Бобровке для подготовительных работ к сплаву леса, а впоследствии и самого сплава леса. Когда распались (разлились) реки Иртыш и Бобровка, то на сплав приехало много вольных людей с южных областей. Они в родных деревнях прокутили все награбленное во время раскулачивания и поехали искать легкой жизни. Их называли летунами. Они в Бобровке организовали бригаду человек из 20 и заключили договор с администрацией на перевоз всего леса в устье Бобровки. Наша работа заключалась в том, чтобы весь лес с берегов скатить в русло речки. Кормить нас стали лучше, выдавали рыбу, и мы со своими обязанностями справлялись с честью. Бригада же летунов продвинула лес только до Бобровских соров. Там ветер разогнал лес по всем берегам. Видя, что работа им непосильна, и получив большую долю зарплаты и продуктов, они в одно время смотались неизвестно куда. Нас же обязали весь лес с берегов соров собрать и доставить в устье речки. Тогда нам пришлось в сутки спать по 4–5 часов, а остальное время работали по продвижению леса. Эту работу мы выполнили до спада воды.

Остальное время лета мы производили выкатку леса на берег Иртыша. Выкатка леса производилась на лошадях, взятых по мобилизации сельсоветами у оставшихся частных жителей. Работа шла дружно. Питались более сходно, хотя и не досыта. Но летом было много разных грибов, и нам это было большим подспорьем к норме продуктов. В это время голод начинал более широко действовать и среди местного населения. Особенно он стал ощущаться в поселке. Об этом мне писал отец. Они испытывали большие трудности в продуктах. Питались в основном травой. Тогда я пошел в деревню Денщики и выменял одно ведро ячменя за пять метров сатина, который мне дали за сплавные работы, а впридачу крынку простокваши. Ячмень я переправил в поселок. Впоследствии часто мать вспоминала, что этот ячмень очень помог им в самый тяжелый период голодовки.

Осенью 1933 года нас перебросили на Чембакшинский остров для уборки урожая. Урожай был хороший. За неимением машин рожь, ячмень и овес жали серпами, а впоследствии косили литовками. Картош-

ку копали лопатами. Для контроля над нами были присланы комсомольцы, в обязанность которых входило наблюдение, чтобы мы без разрешения не съели картошку, в результате получилось так, что мы, убирая урожай, были полуголодными.

С острова Чембакшина нас перебросили на лесозаготовки в район реки Ярка. Кроме рабочих из нашего поселка, человек триста были пригнаны километров за 250–300 из спецпоселков, расположенных по берегам Оби. Многие из них еще во время перехода (лошади давались только для доставки вещей) познобили себе лица, ноги и руки. Медицинское обслуживание оставалось прежним. Отвечал за него фельдшер с четырехклассным образованием и шестью месяцами специальной медицинской подготовки. Основные медикаменты отсутствовали. Люди, получившие обморожения, продолжали болеть всю зиму и в таком состоянии работать на лесозаготовках. А весной несколько человек были отправлены в Самаровскую районную больницу, где им ампутировали пальцы, а некоторым даже ноги. Не ходить на работу было нельзя, потому что за это лишали пайка хлеба, а гэпэушники сажали в карцер. Голод был в самой наивысшей форме. Нам с поселка Черемуховского все же привозили молоко, картошку, а рабочие, прибывшие с низовых поселков, жили только на одном пайке. Из них некоторые доходили до крайнего истощения и от усталости не могли прийти с дежанки. Их привозили на лошадях и после этого поддерживали — немного увеличивали порцию супа или переводили на подсобные работы. На помойках кожура картофеля, выброшенная с кухни, была вся собрана голодающими и употреблена в пищу. Была масса краж друг у друга хлеба и продуктов. При поимке здесь же учиняли расправы. Били чем попало. У людей было подавленное настроение, но обиды своей высказать они никому не могли. Малейшее неповиновение — и таких отправляли в штрафную роту или лишали пайка продуктов.

Весной 1934 года для укрепления нашего спецколхоза меня и еще несколько человек направили в поселок. Все лето работал по уходу за лошадьми и на других работах. Зимой выезжал на лесовывозку бригадиром на колхозных лошадях. Осенью 1934 года было объявлено с большим шумом об отмене карточной системы на продукты, но поначалу эта реформа для нас вышла боком, так как хлеб стали давать без карточек, но установили лимиты. На день установили продавать 50 килограммов. Первые подоспевшие все разбирали, а остальные оставались со-

всем без хлеба. С самого вечера стали скопляться очереди, происходили скандалы, и это продолжалось не один год.

Артель продолжала укрепляться и в конце 1934 года занимала одно из первых мест в округе, но оставалась неуставной, и мы продолжали отчитываться только перед комендатурой. В это время председателем колхоза был назначен Сергеев М.К. Он был в разговоре человеком жестким, но его уважали за прямоту. Он нерадивым высказывал правду в глаза и меньше сочинял доносы в комендатуру. С 1935 года зерно, в основном ячмень, и деньги — копейки — стали распределять по трудодням.

В конце марта 1934 года с лесного участка Ярка я был отозван комендантом на колхозные работы в поселок, а затем был направлен учиться на конюха в деревню Заводные. Здесь со всего района были собраны по два человека от каждого колхоза учиться: один на животновода, другой — на конюха. Из нашего поселка на животновода учился Белоносов Иван, который был в одних годах с моим отцом. По тем временам он был очень грамотный и много читавший. За время первого месяца учебы и общения с грамотными людьми я усвоил пути к грамоте. На зачетах я получал самые высокие оценки среди учеников и сдал экзамен на заведующего конной фермой. При возвращении в поселок стал работать конюхом и одновременно летом участвовал в заготовке кормов, а зимой выезжал на лесозаготовки для вывозки леса на колхозных лошадях.

Весной 1935 года у нас в семействе народилась Аня. В это время голодовка отступила, народ стал жизнерадостным. В поселке выстроили клуб, и молодежь стала собираться для разных увеселений. Иногда привозили кинопередвижку, конечно, немую. Мы стали встречаться с девушками и даже дружить. Некоторые стали сходить для совместной жизни. Но свадьбы не справлялись, не было средств, и вообще коменданты следили, чтобы не было попок и сборищ.

Осенью 1935 года я был направлен на вывозку леса на участок Реполово. Со мной поехала и моя девушка Феня, которая была моложе меня на два года. В конце 1936 года мы объявили своим товарищам, что будем жить совместно. Выпили литр водки, нас поздравили, мы при всех поцеловались. Написали письма родителям, как моим, так и ее. С этого времени мы стали мужем и женой. В течение зимы справили три таких свадьбы на нашем лесоучастке Реполово. Работа шла без выходных, так как было отставание от выполнения плана лесозаготовок. Производи-

лись всякие пожертвования: то на Испанскую республику, то еще куда-нибудь. Не давали выходных нам и на свадьбы, этому акту не придавалось никакого значения. Начальство говорило, что государственные дела превыше всяких личных прихотей. Мы же были в расцвете физических сил и старались с уважением относиться к нашей любви. Наша семейная жизнь пошла радостно. Мы проявляли заботу друг о друге. Но это длилось недолго.

Инвалид

Речка, по которой была проложена дорога для вывозки леса, стала затоплять дорогу, и воза, нагруженные кряжами, часто застревали в воде. Поэтому мы выстроили мост через реку длиной 10 метров и шириной около трех метров. При окончании работ мы, 4–5 человек, стояли на одном конце моста и закуривали. Другие же с другого конца моста стали подниматься в гору. Из нашей группы один рабочий закричал одному из тех, что поднимались в гору: «Васька, у тебя топор мой! Зачем ты его понес?». Тот же, убедившись, что топор не его, вместо того, чтобы поднести и подать в руки, закричал: «Берегись!» — и бросил топор с большой силой. Топор угодил мне в спину. Я упал, почувствовал небольшое потемнение в глазах и перестал ощущать нижнюю часть туловища. Когда меня подняли, подо мной оказалась кровь. Я попросил, чтобы меня в том месте, где просечено, перетянули шарфом и скорее везли в больницу.

В больнице деревни Реполово врач наложил мне на рану семь скобок и сказал: «Товарищ Родионов, твои дела плохи. Видимо, задет спинной мозг». Это случилось 5 февраля 1936 года. С этого дня полноценная моя жизнь прекратилась навсегда. Я стал только существовать.

Больница в Реполово находилась в частном доме. На койку меня положили под вечер и разрешили жене находиться рядом. У меня произошла закупорка выделения мочи, которую выводили через катетер. Нижнюю часть туловища я совершенно не чувствовал, и нижние конечности были без движения. На второй день поднялась температура до 40 градусов. Было установлено, что произошло воспаление мочевого пузыря. Далее моча пошла самопроизвольно. На пятый день стали немного шевелиться пальцы правой ноги. Через месяц Феня увезла меня в Самаровскую районную больницу. Здесь ей за мной ухаживать не разрешили, а поскольку выделение мочи было самопроизвольное, то я часто был мокрым, и у меня появились пролежни.

Мое несчастье очень взволновало родителей. Я же у них был основной опорой как материально, так и морально. В первые дни они приезжали в Реполово. Приехали и в Самарово. Это им стоило больших моральных и физических затрат: во-первых, добиться разрешения на выезд из поселка у коменданта, во-вторых, оставить малых детей одних, а главное — денежные недостатки. Мне выплачивали по больничному листу около 50 рублей в месяц. Родители работали в колхозе и получали копейки. Никакого лечения в Самаровской больнице я не получал, пролежни продолжали увеличиваться, поэтому на семейном совете было решено из больницы меня забрать. Отец, а тем более мать хотели меня вылечить с помощью деревенских знахарей.

В первых числах апреля 1936 года жена перевезла меня в деревню Тюли, и мы устроились у лекаря — одного деревенского старика. Он отваривал траву багульника, мыл икону, что-то шептал. После этого заставлял меня пить и мыть ноги. Мы у него прожили до начала мая. От лечения толку не было, а за эту «милость» он приспособлялся с нас получать побольше.

С открытием Иртыша мы переехали домой, в поселок. При встрече было пролито немало слез при виде меня в положении недвижимого. В поселке меня также опекали знахари. По соседству жили баптисты. По их просьбе я прочитал несколько раз Евангелие и Библию. Прочитал также все книги, которые были в библиотеке Черемуховска. Писал в разные инстанции, вплоть до Москвы, чтобы меня отправили на спецлечение.

В поселке жизнь моя проходила в нужде, а главное — в душевных страданиях. А в это время жители понемногу стали обретать человеческий вид, лучше питаться, так как с обработанных пашен собрали урожай картофеля, ячменя и даже ржи. Распределяли продукты по трудодням. Молодежь стала ходить в клуб, дети — в школу. Я же оставался сидеть на койке. Тяжело было родным видеть мою беспомощность.

В середине августа 1936 года по путевке Остяко-Вогульского окружного здравотдела я выехал в Омск в областную клинику. Распрощался с родными, соседями и товарищами по работе. Со мной поехала жена Феня. Областная больница находилась по адресу: улица Музейная, дом № 3. Лечить меня стали электропроцедурами, но улучшения не наступало. Профессор Штаркер сказал, что я на всю жизнь останусь с большими физическими недостатками. В омской клинике я пролежал около четы-

рех месяцев, никого не видя из родных и близких, за одним исключением. В один из вечеров медсестра сказала, что со мной хочет повидаться военный. Им оказался мой сродный брат Дубровин Григорий Егорович, который способствовал высылке нас из родных мест. Он сказал, что с деревней порвал, потому что там наступил хаос. Все отобранное у кулаков проели, поизносили и пропили. Скот в основном уморили. И он остался пожизненно в армии. В Омске Григорий был проездом. Из писем он знал мой адрес, поэтому и нанес «визит вежливости».

В омской клинике и после выписки из нее я усиленно занимался гимнастикой ног. Правая нога стала немного меня удерживать, и я стал упражняться при помощи костылей. Когда все способы лечения в омской клинике были исчерпаны и я для них стал лишним, то есть безрезультатно занимал койку, меня направили в Свердловский физиотерапевтический институт. Здесь я окончательно убедился, что к нормальной жизни возврата нет. Я написал Фене: «К семейной жизни больше не возвращусь. На меня не надейся, а решай свою жизнь по своему усмотрению». Написал родителям, чтобы они не осуждали Феню, если она что-то предпримет. В Свердловске я пролечился месяц. Там также занимался электропроцедурами, а когда срок путевки закончился, меня направили в тюменскую районную больницу, чтобы при открытии водной навигации я смог уехать на Север к своим родственникам. В это время в Тюмени находился трест «Тюменьлес», и я обратился туда с ходатайством о том, чтобы дали мне путевку на один из курортов. В тюменской больнице я пролежал около четырех месяцев, не видя никого из родных и знакомых за исключением 70-летней старушки Мироновой М.И., которая жила с нами в поселке Черемуховском, а затем самовольно уехала в Тюмень к своим детям, которые не были высланы. Конечно, я был очень ей рад. Поговорил, как с родной матерью. Там же я получил от Фени письмо, в котором она извещала, что с великой грустью и во исполнение моей просьбы выходит замуж за одного из моих товарищей. Об этом же сообщили и родители. На этом навсегда закончилась моя семейная жизнь.

Из Тюмени в начале мая 1937 года по путевке, данной «Тюменьлесом», я выехал на курорт «Озеро Медвежье» в Курганской области. Навестить меня из Челябинска приехала наша тетушка Мария Родионова, которая у меня пробыла одни сутки. Основным лечением были грязевые ванны, но и они на меня эффекта не оказали.

После лечения на курорте мне пришлось ехать к родителям на Север. В это время я стал передвигаться на ногах при помощи костылей. Правой ногой переступал, хотя она и была малосильна, а левую приходилось тащить волоком. Родители моему приезду были рады, а состоянием здоровья огорчены. Но, как и все родители, окружили вниманием и заботой. Отец в это время работал сторожем в деревне Цингалы в десяти километрах от поселка. Мать с четырьмя малышами жила одна, ухаживала дома за скотом (одна корова, четыре овцы) и ходила на колхозные работы. Нина с Гошей были школьниками, а Ваня с Аней — дошкольного возраста. В мои обязанности входило починять им обувь, одежду, прививать навыки к труду и не разрешать заниматься баловством. В это время я получал пенсию 80 рублей в месяц. Мама говорила: «Вовремя Господь тебя принес, а то я с ними бы совсем измоталась».

В поселке я прожил более года. Весной, последним путем, мы с отцом ездили в Остяко-Вогульск на ВТЭК и за заключением о том, что мне требуется дальнейшее спецлечение. Обратного возвращения почти все время Иртышом и много раз подвергались опасности провалиться сквозь лед.

В сентябре 1938 года леспромхоз предоставил мне путевку для лечения в Тюменском физиотерапевтическом институте. Отец съездил в Самарово, от комендатуры взял справку на право выезда за пределы Самаровского района. В начале сентября родители со всеми малышами провожали меня на пароход в деревне Цингалы. В тюменском институте я пролежал один месяц. Вернуться к родителям не мог, так как водная навигация была приостановлена, а самолеты в то время не летали. Тогда администрация института устроила меня в Томский дом инвалидов.

В то время дом инвалидов находился на краю города, у вокзала Томск-1 по улице Кирова № 56. Двухэтажное П-образное здание из красного кирпича было обнесено массивной железной оградой. В ограде были вспомогательные постройки и дома для обслуживающего персонала. Все это было построено в дореволюционный период специально для беспризорных стариков и инвалидов одним из богатых жителей Томска. Старики говорили, что он содержал паром-переправу через реку Тоть, а на сбережения выстроил богадельню. Детей у него не было, и он со своей старухой доживал последние дни в этом доме старости. Меня приняла сестра-хозяйка, провела в палату и указала койку, которую я должен был занимать. В этой палате было еще пять коек, на которых

находились в основном пожилые и неходячие мужчины. На мое при­ветствие ответили только два человека, а остальные, как впоследствии я узнал, были невменяемыми или не могли говорить. На меня нашел приступ обиды из-за того, что я оказался в доме инвалидов среди таких искалеченных людей. Слезы полились градом.

В этом же доме инвалидов находились подростки 14–16-летнего возраста с разными физическими недостатками, собранные из детских домов. Сестра им сказала, что поступил молодой человек, который находится в расстроенном состоянии. Тогда они всей гурьбой ввалились в комнату и после знакомства устроили концерт. Пригласили заходить к ним в палаты, красный уголок и сказали, что здесь жить не так уж и плохо. К вечеру меня перевели на второй этаж в палату, где находилась молодежь. В новой палате нас также было пять человек, из них трое неходячих. Самому старшему было 30 лет, младшему — 20. У всех было неопи­сываемое желание достичь нормальной жизни, чтобы быть среди полноценных людей. Но наше желание оставалось только мечтой. Мы все были навсегда лишены этого.

Время проводили в основном за читкой книг, журналов, газет и обсуждением того, что там написано. Кроме этого, я писал праздничные лозунги, плакаты, редактировал стенную газету. Напротив дома инвалидов был земельный участок, на котором сами инвалиды сажали и обрабатывали картошку, капусту.

Когда я находился на лечении в физиотерапевтическом институте, меня консультировал профессор Н.В. Шубин. Он сказал, что при возможности возьмет меня к себе в клинику, но в то время она была переполнена ранеными бойцами с озера Хасан, и я стал дожидаться своей очереди. В августе 1939 года меня приняли в клинику и после кон­сультации с хирургами предложили сделать операцию позвоночника, чтобы освободить спинной мозг от спаек и сжатий. Но больших улучшений не обещали. Я дал свое согласие, после чего был переведен в хирургическую клинику № 1. В начале ноября мне сделали операцию. Вскрыли три позвонка. На операции присутствовал профессор Н.В. Шубин. Операция была тяжелой, еще тяжелее — после операции. Пришлось долго лежать на животе. После снятия швов меня перевели в нервное отделение. Здесь я прошел курс лечения, но особого сдвига в улучшении не наступило.

В клинике я пролежал около четырех месяцев. Из родных никого не было, но меня часто посещали соратники дома инвалидов, за что я им

очень благодарен. В конце 1939 года меня выписали из больницы, и я вновь переехал в дом инвалидов. Подростков, поступивших из детдомов, увезли в Новосибирск для определения в фабрично-заводские школы. Без них мы немного загрустили. В этом же здании находилась бухгалтерия дома инвалидов. Свободного времени было много, и я попросился у бухгалтера в чем-нибудь ему помогать. Он охотно согласился и каждый день часа по четыре я стал работать в бухгалтерии. Помогая ему, одновременно осваивал счетное дело. Работа в бухгалтерии стала воодушевлять меня к жизни.

Живя в Томском доме инвалидов, я познал азы культуры. Побывал на спектаклях, был в кинозалах, цирке и зверинце. Родителям стал писать, что свою дальнейшую жизнь проведу в доме инвалидов. Но родители с этим не согласились и стали просить в каждом письме, чтобы приехал к ним, убеждали, что они меня не бросят, и у них жить буду не хуже, чем в несчастном доме инвалидов.

Снова в колхозе

В июне 1940 года, распрощавшись с друзьями по несчастью и сотрудниками дома инвалидов, на пароходе реками Томь, Обь и Иртыш я вернулся на Север. Родители, сестренки и братишки моему возвращению были рады. В поселке жизнь шла своим чередом. Колхоз стал приходить в упадок, потому что за работу ничего не получали, и работали за страх, чтобы не угодить в застенки НКВД. Работоспособная часть населения заключила договоры с леспромхозом и вместе с семьями уехала на лесоучастки. Во всех формах свирепствовала сталинская репрессия. Еще в 1937 году, до моей поездки в Томск, было взято неизвестно за что 17 человек. От них не было ни одного письма, и ни один из них не возвратился обратно к семье. Все погибли в клешнях НКВД. Так к 1947 году из нашего поселка ликвидировали около 50 человек. Люди были морально подавлены, в свое оправдание боялись сказать какое-либо слово, чтобы их не объявили «вредителями».

Отец больше жил в Самарово с продажи колхозных продуктов. В мои же обязанности опять входил ремонт обуви и одежды для ребят. Кроме того, я поступил в колхоз кассиром и стал помогать счетоводу. На должности старшего счетовода в колхозе был молодой парень Мужев Герасим Прокопьевич, который по характеру был очень правдивый, за что его впоследствии объявили «вредителем». В конторе рабо-

тали три человека, был еще старичок Федотов. Работа шла дружно, учет был поставлен на должную высоту.

В это время шла усиленная заготовка продуктов. По-моему, ее даже нельзя назвать заготовкой, а более подходит слово «реквизиция». С 1936 года были подняты списки, кто и сколько получил зерна, и каждому предлагалось сдать его на нужды государства. Для устрашения в нескольких хозяйствах был произведен обыск, а пять человек были объявлены «вредителями» и отправлены в самаровское отделение НКВД. Продажа хлеба и муки в магазине была прекращена, народ вновь стал испытывать недостатки в питании.

С колхозными посевами поступали следующим образом: во время созревания хлеба комиссия во главе с агрономом районного сельхозотдела или МТС устанавливала урожайность гектара и множила ее на общую площадь посева. Из этого минусовали семенной фонд и натуроплату, а остальное включали в обязательства сдачи зерна государству. Так как на наш северный район не распространялись планы госпоставки, от нас стали требовать принимать обязательство на сдачу зерна, которое утверждали на заседании правления и общем собрании колхозников. Осенью приехал уполномоченный из райисполкома, чтобы провести вышеуказанную формалистику по сдаче зерна. У нас к этому времени весь хлеб был обмолочен и известен валовой урожай. Получалось, что если мы выполним обязательства, доведенные райисполкомом, у нас самих не останется зерна, даже если мы сдадим и семенной фонд. Счетовод Мужев постарался это доказать по записям бухгалтерии, но ему сказали: «Ты политически неграмотный и закрой свою филькину грамоту».

Уполномоченный райисполкома вызвал представителя НКВД, в конмендатуре вторично собрали правление колхоза и потребовали, чтобы оно сейчас же добилося от общего собрания решения о продаже зерна полностью по обязательству. Это и было сделано. А когда представитель НКВД поехал в Самарово, то увез с собой безвозвратно трех человек преклонного возраста, а счетоводу Мужеву приклеили кличку «вредитель», но ввиду его молодого возраста и того, что его некем заменить на работе, оставили дома. При отгрузке зерна государству обязательство мы не выполнили и за это лишились еще двух человек. НКВД людей забирал всегда ночью, и, ложась спать, каждый думал, минуют ли его в эту ночь.

В поселке была выстроена по типовому проекту начальная школа. У детей была большая тяга к учебе. Семь классов они заканчивали в деревне Цингалы, а продолжать учиться им не разрешали. Как комендант, так и правление колхоза старались создать всякие преграды, чтобы оставить молодежь навсегда работать в колхозе. Наша Лина успешно окончила семь классов в 1939 году. Учителями ей была дана рекомендация для поступления в Омский экономический техникум, и оттуда был прислан вызов. Но всех семиклассников отправили на дальний сенокос, на речку Ярка и запретили им выезд оттуда. Накануне начала занятий они самовольно с сенокоса сбежали и, не имея при себе справок с места жительства, крадучись уехали в Тобольск, где поступили в ветеринарно-зоотехнический техникум. Этот техникум оказался им не по душе, и большинство из них на другой год учиться в нем не стали. Наша Лина уехала в Челябинск к тетке Марии Родионовне и устроилась на счетную работу, на которой работает до настоящего времени. За самовольный уезд детей в техникум их родителей подвергали всяким унижениям, но, как мне припоминается, вредительство не приписывали.

Зима 1940–1941 годов выдалась снежной и холодной. В поселке остались только ветхие старики и детные матери, все остальные были посланы на лесозаготовки за 50 километров от поселка на речку Бобровка. Такой порядок, когда каждую зиму угоняли колхозников на лесозаготовки, продолжался до 60-х годов и окончательно расстроил жизнь в колхозах. Каждый год план колхозу давался с увеличением, а рабочих в поселке становилось все меньше и меньше, поэтому работать приходилось всем: старикам, старухам, подросткам и детным матерям — по 10–12 часов в сутки. За невыход на работу штрафовали снятием до пяти трудовых дней, невыдачей лошади для подвозки дров и сена. Падеж какой-либо скотины в большинстве относился на счет тех, кто ухаживал за ней. Люди между собой враждовали из-за того, что одному дали лошадь, другому нет, с одного взыскали за падеж скота, с другого нет. На трудодни получали копейки, но и ими дорожили, эти копейки крайне были нужны и доставались большим трудом. Была чертова уйма госплатежей и разных пожертвований. Последние, хотя и считались добровольными, производились с наглым принуждением. Иногда подписка происходила в комендатуре при виде нагана, лежащего на столе. Обязательные платежи взимались за постройки, скот, птицу, заготовленное сено и т.д. Доброволь-

ные займы шли на ОСОАВИАХИМ, поддержание революции за границей, постройку самолета «М. Горький» и пр. От заработка в колхозе ничего не оставалось, все уходило на государственные платежи и пожертвования. Приходилось жить за счет своего подсобного хозяйства, а если кто плохо развивал его, то влачил полуголодное существование.

Война

Как всегда, весной 1941 года приступили к посевной кампании, но во время разгара сева вода стала затоплять поля. Тогда все были мобилизованы на обвалование низких мест, но это не спасло. Вода затопляла даже высокие места, затопило и наш поселок. На суше осталось только около десяти домов, в том числе и наш. В контору Гоша с Ваней меня возили на лодке, в неё я садился с крыльца. Скот, как колхозный, так и единоличный, перевезли на более высокие места в боры. Много скота утонуло, в том числе и мы лишились коровы. Были случаи, что и люди тонули.

23 июня 1941 года в наш поселок прибыл уполномоченный НКВД из деревни Цингалы. Собрались люди, и он объявил, что немецкие войска внезапно напали на нашу территорию. Радио и телефона в поселке не было. Новости о военных действиях узнавали только из газет, которые доставляли в поселок один раз в 10 дней. На нас одновременно свалились два бедствия — вода и война. В 1941 году на фронт наших не брали — считали «неблагонадежными», учитывая то, что советской властью мы были поставлены в бесправное унижительное положение. Но наша военная сила, которой так сильно хвастались, коммунисты и комсомольцы, на которых так надеялись, оказались бессильны против немецкой армии. Враг продолжал углубляться в нашу территорию. Тогда было объявлено: войну считать всенародной, отечественной, и пошли на фронт наши «неблагонадежные».

Вода простояла до середины августа, сено косить было негде. Для корма скоту заготавливали древесные ветки, которые сушили и закладывали в ямы на силос. Человек тридцать отправили для заготовки сена в верховья Конды за 300 километров от поселка. Но все предпринятое далеко не обеспечивало колхозное стадо кормами, скот колхозников совсем оказался без корма, а сами жители — без картошки. Осенью 1941 года было принято решение райисполкома и правления колхоза: в Конду на прокорм отправить 60 коров и 20 лошадей, в поселке оставить несколько лошадей, 20 коров и 30 овец. Остальной скот предстояло забить на мясо.

Был ликвидирован весь скот, находившийся в частном пользовании, проведена мобилизация лошадей для фронта. Из нашего колхоза взяли около 30 голов, которых во второй половине ноября наш отец и еще два человека сопровождали по Конде до Тобольска, так как по Иртышу перегонять было нельзя из-за отсутствия сена, а на Конде наводнения не было и корма были заготовлены. В этой поездке отец простыл, так как морозы доходили до минус 45 и больше. После этого он стал часто болеть.

На хлеб и продукты была установлена карточная система. Мяса от забоя скота, как своего, так и колхозного, было много, но оно было низкого сорта, потому что скот осенью оказался истощенным. Зимой 1941–1942 годов люди особого голода не испытывали. Мы своей семьей и некоторые другие в бору на высоком месте раскорчевали одну сотку земли и посадили три ведра картошки. Урожай берегли на семена до следующего года. Весной 1942 года у продавца магазина, который сохранил корову, мы купили теленка, и впоследствии у нас выросла своя корова.

Война налагала свой отпечаток. Пошли военные налоги и «добровольные» пожертвования на войну. Деньги с пониженным курсом стали поступать только с открытием водной навигации, поэтому первое время для уплаты налогов некоторым пришлось распродавать крайне нужную им одежду. Но эти бедствия — как война, так и наводнение — были всенародными, поэтому жители поселка проживали их как общую трагедию, хотя были поставлены в особые условия: план для нас доводился в два раза больше, чем для местного населения. Из поселка все трудоспособные мужчины, начиная с 16 и до 52 лет, были мобилизованы в армию. НКВД продолжал свирепствовать. В свою паутину забирал ни в чем не повинных людей. наших поселковых, работавших по договорам в леспромхозе над выполнением специальных заказов для военных нужд, на фронт не брали. На лесоучастках по линии НКВД также брали меньше народа. У людей было желание пойти на фронт и, если придется, погибнуть там, но не оказаться в лапах НКВД.

Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь, ушедший на фронт из нашего поселка, перебежал на сторону неприятеля, даже не был никто в плену. Зато многие награждены орденами и медалями, произведены в офицерские чины. Из поселка на фронт ушли 97 человек, из них погибли 56, вернулись по ранению и инвалидами около 20, остальные вернулись в добром здоровье. Было пережито много горя, пролито много слез. У многих семей погибли по два человека.

Вода тоже сделала свое дело. Весь скот, находившийся в личном пользовании, был забит, а от колхозного стада, которое угоняли в Конду, осталось 13 коров и половина лошадей, остальные пали. В поселке ввиду недостатка и плохого качества кормов также пала большая часть скота. Животноводство пришлось начинать заново, и на это потребовалось несколько лет.

Из нашего семейства в армии никто не был, потому что не попадал в призывной возраст. Счетовод Мужев ушел на фронт в 1942 году и вскоре погиб. Дедушку Федотова, что работал в конторе, взяли по линии НКВД. Работать в конторе остался я один. Работы было много, иногда задерживался до 12 часов ночи. Кроме того, я вел большую переписку с фронтовиками, моими товарищами, ушедшими на фронт.

Мы своей семьей жили дружно. Отец находился в Самарово, продавал колхозные продукты. Лина жила в Челябинске. Гоша в школе учился плохо, так как мешала глухота. Весной 1942 года он начал пушничить, ловить кротов, горностаев, колонков и лисиц. Он пушничил удачно и всегда был примером среди других. За добычу пушнины и рыбы отоваривали продуктами, и мы были обеспечены. Люди, работавшие в колхозе на земле и в животноводстве, переживали большой голод, многие даже ели мясо кротов.

Наводнение повторялось еще несколько лет. Пашни на низких местах продолжало затоплять, и они заросли. Посевная площадь сократилась до 100 с небольшим гектаров, да и ту обрабатывать было нечем и некому, так как часть лошадей зимой 1941–1942 годов была отправлена на фронт, другая пала от бескормицы. Часть людей также ушла на фронт, а часть взяли по линии НКВД. Комендатура стала освобождать от трудовой ссылки те семейства, у которых кто-то ушел на фронт. Они получали соответствующие документы и уезжали из поселка, в основном в родные края.

Отец наш продолжал болеть все сильнее. У него появилась постоянная жажда — никак не мог напиться воды. Сильно стали отекают ноги. Фельдшер, который находился за 10 километров в деревне Цингалы, говорил, что у него диабет. В конце 1944 года он ездил в Ханты-Мансийск и был на приеме у врачей. Ему предложили лечиться в больницу, но он отказался, сказав, что помирать будет дома. Приехал домой и больше почти не выходил из избы. Болезнь прогрессировала, и в присутствии нас, за исключением Лины, в возрасте 52 лет в 6 часов утра 6

февраля 1945 года он умер. Хоронили его почти всем поселком на кладбище около летнего сора. Жизнь его прошла в большом труде и заботах о семействе. Он все мечтал побывать в родных краях, но этому не суждено было сбыться. После его смерти мы ощутили большую пустоту в своем семействе.

Теперь все заботы о семье и хозяйстве пришлось мне брать на себя, а домашние работы легли на плечи матери. Стали помогать и ребята — Гоша с Ваней. Учебу они бросили, она им давалась плохо: Гоше из-за плохого слуха, а Ване — из-за недостаточно чистой речи. Гоша пушняка, а Ваню устроили учеником сапожника. В это время каждый, особенно из молодежи, старался уехать из поселка, потому что за работу в колхозе почти ничего не получали, не было никакой одежды и обуви.

К этому времени я уже хорошо изучил бухгалтерский учет коллективных хозяйств. Счетоводы из соседних колхозов приезжали ко мне для проверки своих годовых отчетов и только после этого везли сдавать их в райсельхозотдел. Приезжали и на консультации по разным вопросам. Самаровским райсельхозотделом мне было выдано удостоверение «бухгалтера колхозного учета». Правление цингалинского колхоза не решало без меня никаких хозяйственно-экономических вопросов. Колхоз стал крепнуть. Колхозники больше всех по району стали получать на трудодень. К концу первого года моей работы в колхозе «Цингалинский» он за развитие животноводства получил районное переходящее красное знамя и удерживал его до конца моей работы в колхозе и далее.

Свободны!

После двух лет работы я продлил договор на третий год. Егор продолжал пушняка и ловить рыбу для себя. Ивана устроили в промкомбинат учеником пимоката, но он был характера беспокойного, пожелал пойти на лесозаготовки. Там проработал одну зиму и сказал: «Пропади пропадом, чтобы я еще поехал туда». Он изъявил желание ехать на юг и в 1950 году расстался с Крайним Севером, своей родиной. Мама все время жила мечтой, как бы уехать в родные места, повидаться с родственниками. В конце концов на семейном совете этот вопрос был решен. К этому времени с нас сняли клеймо «трудосылки», и весной 1951 года мы получили паспорта и вздохнули в полную грудь, так как стали свободными гражданами.

Я передал бухгалтерские дела своему ученику. Мама наготовила пампушек, взяли вина и всей своей оставшейся семьей поехали в поселок Черемуховск. Здесь собрали старух, ребятишек и поехали на кладбище, чтобы проститься с могилой отца. До этого я договорился с нашим земляком Алябьевым, чтобы он сделал оградку и поставил новый крест. За это ему наш поклон, так как он сделал все добросовестно. Затем приезжал Егор и все выкрасил красной краской. Это была первая оградка на черемуховском кладбище. По русскому старинному обычаю на могиле отца старушки спели несколько молитв, помянули хлебом, солью, немного водкой и попрощались навсегда с могилой нашего отца. При этом взгрустнули и поплакали. Но что поделаешь, если так устроена наша человеческая жизнь. Мы хотим возвратиться в родные края, а он остался здесь, в ссылке, навсегда, и его желания не сбылись...

10 июня, попрощавшись со всеми, мы переехали на пристань. С нами собралась ехать в родные края и тетка Акулина Павловна. Но председатель сельсовета Никуров Г.К., который за все время нашей ссылки старался оскорбить и унижить нас, попросил документы у тетки Акулины, которой в то время было 63 года, и забрал их, заявив, что они у нее незаконные. Когда пришел пароход, тетка осталась на берегу со слезами. После этого она в поселок не вернулась, а поехала в Самарово и там в комендатуре рассказала, как у нее отобрали документы. Никурову дали телеграмму, он срочно привез документы в Самарово, где их и возвратили тетке.

15 июня 1951 года на пароходе «С. Орджоникидзе», переименованном из «Воткинского завода», что вез нас на Север, мы отчалили от пристани Цингалы после 21 года нашей ссылки. Настроение было приподнятое, так как мы по своей воле едем в родные края, но немного и грустное — здесь остался навсегда наш отец Петр Родионов, а я возвращался инвалидом. <...>*

В начале 1961 года через облсобес мы с Егором приобрели автомобиль «Запорожец». Это для нас всех было неопишуемой радостью. Далее пошло время в тренировках езды и изучении «Правил уличного движения». На автомобиле мы с мамой и ее сестрами — тетками Анной, Мариной и Акулиной — несколько раз навестили родные места, могилы наших предков. Были и на своем хуторе. Наших домов там не оказалось. Они были увезены в первые годы коллективизации на стан-

* Страницы 68–71 рукописи воспоминаний утрачены.

цию Нижняя Увелка. Хутор же продолжал существовать и называться Родионовым.

Жизнь в целом стала интересней. После смерти Сталина и упразднения его деспотического руководства люди стали свободно мыслить, разговаривать на разные темы и спать спокойно, не боясь, что НКВД придет ночью и заберет навсегда в свои паутины. Тем, кто честно трудился, открылись возможности жить сытно и красиво. Было что купить из питания и одежды, где провести свободное время. Некоторые по слабости своей воли к труду отдавались пристрастию к пьянке, а на почве этого — к разным хулиганским выходкам и этим опошляли свою прекрасную жизнь.

Мы с мамой вели скромный образ жизни. Особых благ для себя не создавали, а старались привить любовь к труду нашим братьям и сестрам, чтобы они жили материально обеспеченно и красиво. И этого, на мой взгляд, мы в некоторой степени достигли. Если учесть неграмотность наших родителей и то положение, в котором мы находились, получается, что наши усилия с мамой не остались без внимания. Мы все сохранили достоинство и прожили не последними людьми. Я, ни одного дня не сидевший на школьной скамье, достиг вершин бухгалтерского искусства и проработал бухгалтером 18 лет, а всего имею стаж 23 года. Пять лет работал на лесозаготовках и в колхозе, когда был здоровым. Нина после семи классов учебы всю жизнь работает ответственным бухгалтером. Нюся также после семилетнего образования работает нормировщиком. Егор, почти совершенно неграмотный из-за недостатка слуха, благодаря упорному труду и трезвости, 14-й год работает фотографом. Иван — забойщик на шахте. Работа почетная и уважаемая. Несмотря на наш крутой нрав от природы, все же мы жили в согласии, часто собирались вместе.

Ноябрь 1965 г. — май 1966 г.

Н.П. Родионов

**Третья ревизская сказка (ревизия душ)
по Самаровскому яму и селениям
Самаровского ведомства Сибирской губернии за 1763 г.**

Дорогой наш читатель!

В № 10 альманаха «Подорожник» за 2009 год мы уже имели возможность поделиться с тобой первой частью подготовленной нами публикации о ревизии душ по Самаровскому яму. И если наша предыдущая публикация тебя заинтересовала, то мы вновь искренне рады пригласить тебя и всех тех, кто впервые открыл этот альманах, в очередное увлекательное (как нам кажется) посещение далекого мира «скаска».

Во второй части нашего путешествия по тропинкам прошлого мы предлагаем для ознакомления (а может, даже и для родословного изучения) сведения из ревизской сказки (переписи населения) 1763 года о составе и количестве населения, проживающего в селениях Самаровского ведомства Сибирской губернии. Всего же в 15 деревнях «оного ведомства» (ныне Ханты-Мансийского района) по результатам переписи было выявлено 308 ямщицких душ «мужеска пола». Женский пол, хоть и вписывался в «скаску», но в ямщицкий счёт не шёл.

Как нам представляется, вторая часть «скаска», как и первая, прежде всего может быть интересна нынешним и будущим потомкам тех далёких ямщиков... Ну и, может быть, всем тем, кто интересуется историей нашего края. Отрадно видеть и слышать, что в последнее время в стране, и у нас в Югре, наблюдается повышение интереса к своим родословным. На общем фоне отрицания прошлого и забвения ПАМЯТИ всё больше и больше людей начинают интересоваться своими корнями. И этот долгожданный, своего рода начавшийся РОДОход, вселяет хоть какую-то надежду... Может быть, и наша подготовленная к публикации «скаска» кому-нибудь понадобится...

Лидия Завьялова и Владимир Струсь.

Третья ревизская сказка по Самаровскому яму... за 1763 г.

«1763 году, ноября 18 дня Сибирской губернии самаровского яму выборной (утрачено) Митрей Сургуцковъ староста Степанъ Змановской внебытность [на] Самаровском яму управителя коллежского ассесора Михаила Долгинина, с ведома (утрачено) и всех самаровских ямщиковъ, по силе опубликованного исправительного правительствующего сената блаженные и вечной славы достойные памяти государыни императрицы Елисаветъ Петровны самодержицы Всероссийской указу: дали сию скаску о написанных по последней «1747» году ревизии самаровского яму ямщикахъ и с того числа разными случаями убылых, и после того прибылых, и вновь рожденных, объявляем по самой истине без всякой утайки: будь же впредь кемъ изобличены, явимся в томъ повинны будемъ положенного по указомъ тяжкого штрафа без всякого милосердия».

А имянно Самаровского яму ямщики	По последней ревизии въ ямщики написаны	Из оных после ревизии разными случаями вы- были	Нынѣ состоитъ налицо с прибылыми и вновь рожденными
	л ъ	т	а
1	2	3	4
(Л. 20 об.) ¹ Самаровского ведомства вверх по Иртышу реке деревни Реполовской Написанной в бывшую ревизию Емельянь Осиповъ ² сынъ Шаламовъ Жена ево Огрофена Андреева семидесяти осми леть ямщичья дочь У него дети в бывшую ревизию написанные Степанъ Артемей У Степана жена Ульяна Иванова дватцети осми леть онога яму ямщиच्या дочь	47 8 5		65 26 23

¹ Лист 20 оборота.

² Осипович.

Третья ревизская сказка по Самаровскому яму... за 1763 г.

1	2	3	4
<p>Дети ихъ после ревизии рожденные Яковъ Василиса дву месяцевъ У Артемья жена Татьяна Савельева дватцети пяти летъ Демьянского яму ямщичья дочь (Л. 21) Написанной в бывшую ревизию Василей Галах- тионовъ сынъ Чукриевъ У него жена ево Огрофена Афанасьева пятиде- сяти пяти летъ ямщиच्या дочь Написанной в бывшую ревизию Матвей сынъ Пластининъ Написанной в бывшую ревизию Феклисть Афа- насьевъ сынъ Пластининъ Жена ево Окулина Савельева тритцети осми летъ ямщиच्या дочь После ревизии рожденные дети Конанъ Тихонъ Овдотья девятнатцети летъ Марина трехъ летъ Елена одного году Написанной в бывшую ревизию Дмитрий Афа- насьевъ сынъ Пластининъ Жена ево Анна Яковлева дватцети осми летъ Демьянского яму ямщиच्या дочь После ревизии рожденные дети Никита Варвара двенатцети летъ Василиса девяти летъ Написанной в бывшую ревизию Иванъ Леонтъ- евъ сынъ Чукриевъ (Л. 21 об.) Написанной в бывшую ревизию Александръ Леонтъевъ сынъ Чукриевъ У него жена Парасковья Афанасьева дватцети семи летъ оногю яму разночинска дочь После ревизии рожденные ихъ дети Никита Петръ</p>	<p>41</p> <p>25</p> <p>23</p> <p>19</p> <p>21</p> <p>15</p>	<p>Умре¹ в 756² году</p> <p>Умре в 750 году</p>	<p>2</p> <p>60</p> <p>разслабленно изумленной</p> <p>41</p> <p>11</p> <p>6</p> <p>37</p> <p>11</p> <p>33</p> <p>8</p>

¹ Умер

² 1756

1	2	3	4
Ларионь			5
Матрена семи летъ			1
Написанной в бывшую ревизию Семень Леонтьевъ сынъ Чукриевъ	11		30
У него жена Татьяна Григорьева дватцети девяти летъ ямщикья дочь			
Написанной в бывшую ревизию Федоръ Алексеевъ сынъ Шаламовъ	28		46
Жена ево Марья Петрова сорока четырёхъ летъ ямщикья дочь			
Дети ево в бывшую ревизию написанной	полу- году		19
Исай			
После ревизии рожденные			5
Александръ			2
Иванъ			
Елена пятнадцети летъ			
Федора десяти летъ			
Написанной в бывшую ревизию Семень Алексеевъ сынъ Шаламовъ	17		35
У него жена Татьяна Алексеева тридцети дву летъ ямщикья дочь			
(Л. 22)			
После ревизии рожденные дети			
Анисья девяти летъ			
Парасковья десяти летъ			
Настасья семи летъ			
Федосья пяти летъ			
Написанной в бывшую ревизию Алексей Алексеевъ сынъ Худяковъ	43		61
Жена ево Парасковья Иванова шестидесяти пяти летъ ямщикья дочь			
Дети ево в бывшую ревизию написанной	11		29
Василей			
После ревизии рожденной			18
Евдокимъ			
У Василья жена Катерина Федорова дватцети осми летъ ямщикья дочь			
Дети ево			
Никифоръ			6
Михайло			5
Написанной в бывшую ревизию Сергей Алексеевъ сынъ Худяковъ	21		39

Третья ревизская сказка по Самаровскому яму... за 1763 г.

1	2	3	4
Жена ево Ульяна Никитина тридцети шести лет ямщичья дочь После ревизии рожденные их дети Евдокимъ Семень			8 2
Матрона пятнатцети лет Написанной в бывшую ревизию Екимъ Алексеевъ сынъ Худяковъ	36		54
Жена ево Авдотья Иванова пятидесяти осми лет ямщичья дочь (Л. 22 об.) Дети ево в бывшую ревизию написанные Федоръ Артемей Прокопей	9 3 1	Умре в 752 году	27 20
У Федора жена Марья Епифанова дватцети осми лет Демьянского яму ямщичья дочь Дочь ихъ Мавра трех лет Написанной в бывшую ревизию Фома Екимовъ сынъ Худяковъ	15		33
Жена ево Фекла Иванова тридцети лет оного яму разночинска дочь После ревизии рожденные их дети Родионъ Прокопей Федотъ Ксения одиннатцети лет Парасковья семи лет			5 2 полугоду
Написанной в бывшую ревизию Ларионъ Семеновъ сынъ Сургуцковъ	59		77
Жена ево Анна Федорова сорока осми лет города Сургута казачья дочь Сынъ ево в бывшую ревизию написанный Филиппъ	19		37
Жена ево Настасья Максимова тридцети четырех лет ямщичья дочь После ревизии рожденные их дети Матвей Семень Марина двенатцети лет			16 9
Написанной в бывшую ревизию Елисей Ларионовъ сынъ Сургуцковъ	23		41

1	2	3	4
Жена ево Марья Алексеева сорока летъ ямщичья дочь (Л. 23) Дети ево в бывшую ревизию написанные Дмитрей После ревизии рожденные Ивань Елена осьмнатцети летъ Овдотья семи летъ Овдотья же четырехъ летъ Парасковья трехъ летъ	1		20 13
Написанной в бывшую ревизию Харитонъ Ларионовъ сынъ Сургуцковъ Жена ево Домна Васильева тритцети дву летъ Демьянского яму ямщиच्या дочь После ревизии рожденные дети Семень Овдотья пятнатцети летъ Овдотья же трехъ летъ	17		35 5
Написанной в бывшую ревизию Иванъ Ла- рионовъ сынъ Сургуцковъ Жена ево Акилина Козмина дватцети шести летъ ямщиच्या дочь После ревизии рожденные ихъ дети Матвей Овдотья девяти летъ Агафья пяти летъ	11		29 2
Написанной в бывшую ревизию Герасимъ Сергеевъ сынъ Змановской	73	Умре в 759 году	
Написанной в бывшую ревизию Дмитрей Герасимовъ сынъ Змановской У него жена Ирина Данилова сорока шести летъ ямщиच्या дочь (Л. 23 об.) После ревизии рожденные ихъ дети Артемей Максимъ Пахомъ Ксения дватцети летъ Овдотья семнатцети летъ Овдотья же десяти летъ	34		52 15 7 4

Третья ревизская сказка по Самаровскому яму... за 1763 г.

1	2	3	4
Жена ево Дарья Андреева пятидесяти осми летъ ямщичья дочь После ревизии рожденные дети ихъ Петръ Степанъ			16 6
Мать ево вдова Федора Васильева семидесяти шести летъ ямщиच्या дочь Написанной в бывшую ревизию Ларионъ Коз- минъ сын Башмаковъ	24		42
Жена ево Марья Никитина тридцети дву летъ ямщиच्या дочь У него дети в бывшую ревизию написанной Иванъ	2	Умре в 752 году	
После ревизии рожденные Петръ Илья Алексей Ирина девятнатцети летъ Окулина пятнатцети летъ Марфа двенатцети летъ			10 7 5
Написанной в бывшую ревизию Ивана Шейми- на рожденной после переписи сынъ Иванъ Ива- новъ			7
Написанной в бывшую ревизию Петръ Ильинъ сынъ Скрыпуновъ	9		28
Братъ ево в бывшую ревизию написанной Ни- кита	5		24
Сестра ихъ Ефимья дватцети летъ (Л. 25 об.)			
Написанной в бывшую ревизию Анорий Фили- повъ сынъ Башмаковъ	41		59
У него жена Дарья Петрова пятидесяти шести летъ ямщиच्या дочь У него дети в бывшую ревизию написанные Егоръ Афанасей Иванъ	20 19 12	Отдан в рекруты в 759 году	39 30
После ревизии рожденные Федоръ Иванъ			14 13
У Егора жена Маремьяна Митофанова тритце- ти трехъ летъ ямщиच्या дочь			

Третья ревизская сказка по Самаровскому яму... за 1763 г.

1	2	3	4
(Л. 26 об.)			
Дети ее после ревизии рожденные			
Павель			11
Козма			7
Огрофена четырех лет			
Написанной в бывшую ревизию Дмитрией Потаповъ сынъ Мухинъ	69	Умре в 748 году	
Написанной в бывшую ревизию Федоръ Михайловъ сынъ Сухановъ	61	Умре в 751 году	
Написанной в бывшую ревизию Василей Федоровъ сынъ Губинъ	13		32
Жена ево Катерина Иванова дватцети осми летъ ямщичья дочь			
После ревизии рожденные ихъ дети			
Трофимъ			3
Афанасей			1
Написанной в бывшую ревизию Федосей Федоровъ сынъ Губинъ	23	Умре в 749 году	
Жена ево вдова Марья Иванова сорока трехъ летъ ямщиच्या дочь			
После ревизии рожденные ее дети			
Семень			12
Борисъ			9
Степанъ			7
(Л. 27)			
Вновь поселенная деревня Аленева			
Написанной в бывшую ревизию Герасимъ Мануйловъ сынъ Аленевъ	10		28
У него жена Ульяна Иванова дватцети осми летъ ямщиच्या дочь			
Дети ево			
Федоръ			4
Татьяна одного году			
Братья ево в бывшую ревизию написанные			
Мануйла	6		24
Григорей	4		22
Иванъ	полу- году		20
У Григорейя жена Василиса Федосьева дватцети пяти летъ ямщиच्या дочь			
Дети ево			

1	2	3	4
Михайло Феода одного году			2
Написанной в бывшую ревизию Иванъ Мануй- ловъ сынъ Кузнецовъ вдовъ После ревизии рожденные ево дети Иванъ Федоръ Петръ Матрона осмнатцети летъ Огрофена семнатцети летъ Татьяна двенатцети летъ Окулина семи летъ	21		40 14 5 4
Написанной в бывшую ревизию Федоръ Дани- ловъ сынъ Губинъ Дети ево в бывшую ревизию написанные Никифоръ Дмитрей (Л. 27 об.) У Никифора жена Овдотья Мануйлова дватце- ти осми летъ ямщичья дочь Дети ево Овдотья шести летъ Федосья полугоду	54 11 5		73 30 23
Написанной в бывшую ревизию Иванъ Ивановъ сынъ Кузнецовъ Жена ево Дарья Семенова сорока трехъ летъ ямщиच्या дочь Дети ево в бывшую ревизию написанные Пахомъ Ермолай Внучата ево Степанъ Никитинъ сынъ Лыткинъ Егоръ Лыткинъ Мать их вдова Василиса Иванова дватцети семи летъ	29 7 2		47 25 21 7 5
Вверх по Неулевой протоке, деревни Шапшиной Написанной в бывшую ревизию Дементей Яковлевъ сынъ Лыткинъ Жена ево Лукерья Андреева семидесяти одно- го года ямщиच्या дочь	37		55

Третья ревизская сказка по Самаровскому яму... за 1763 г.

1	2	3	4
У него дети в бывшую ревизию написанные Степанъ Григорей Егоръ Иванъ	10 8 5 1	Умре в 757 году	28 23 20
(Л. 28) У Степана жена Степанида Петрова дватцети девяти летъ, ямщичья дочь После ревизии рожденные ихъ дети Андрей Иванъ			2 полу- году
Овдотья четырех летъ Написанной в бывшую ревизию Алексей Яков- левъ сынъ Лыткинъ , вдовъ	30	Умре в 760 году	
У него дети в бывшую ревизию написанные Иванъ Семень Никита	11 9 7	Умре в 759 году Умре в 761 году Умре в 761 году	
Написанной в бывшую ревизию Василей Алек- сеевъ сынъ Лыткинъ Жена ево Анисья Гаврилова дватцети пяти летъ ямщичья дочь Сынъ ево Иванъ	5		23 2
Братья ево в бывшую ревизию написанной Афанасей После ревизии рожденные Данило Петръ	2		21 16 9
Деревни Сумкиной Написанной в бывшую ревизию Терентей Фе- доровъ сынъ Сумкинъ	53		71
Сынъ ево в бывшую ревизию написанной Федоръ Дочь Наталья тритцети осми летъ У Федора жена Агафья Степанова дватцети трехъ летъ города Сургута разночинска дочь	23		41
(Л. 28 об.) У него дети в бывшую ревизию написанные Иванъ	1		20

1	2	3	4
<p>Андрей</p> <p>После ревизии рожденные Андрей Семень</p> <p>Марья осми летъ</p> <p>Деревни Коневой</p> <p>Написанной в бывшую ревизию Михайло Савельевъ сынъ Коневъ</p> <p>Жена ево вдова Наталья Петрова тритцети дву летъ ямщичья дочь</p> <p>После ревизии рожденные ее дети Андрей Яковъ Алексей</p> <p>Улита двенадцети летъ</p> <p>Написанной в бывшую ревизию Митрофанъ Ивановъ сынъ Коневъ</p> <p>У него жена Ульяна Афанасьева шестидесяти осми летъ ямщиच्या дочь</p> <p>У него дети в бывшую ревизию написанные Алексей Алексей малой Герасимъ</p> <p>У Алексея большаго жена Агафья Гаврилова сорока летъ ямщиच्या дочь</p> <p>У Алексея малого жена Огрофена Ильина дватцети девяти летъ ямщиच्या дочь</p> <p>После ревизии рожденные дети Петръ Михайло</p> <p>(Л. 29)</p> <p>У Герасима жена Марфа Иванова дватцети пяти летъ ямщиच्या дочь</p> <p>Дочь их Катерина полугоду</p> <p>Написанной в бывшую ревизию Иванъ Савельевъ сынъ Коневъ</p> <p>Сынъ его после ревизии рожденный Степанъ</p> <p>Написанной в бывшую ревизию Федоръ Ивановъ сынъ Коневъ</p>	<p>полу- меся- ца</p> <p>61</p> <p>44</p> <p>23 20 17</p> <p>33</p> <p>31</p>	<p>Умре в 759 году</p> <p>Умре в 758 году</p> <p>Умре в 752 году</p>	<p>16 полу- году</p> <p>9 5 3</p> <p>62</p> <p>41 38 35</p> <p>6 2</p> <p>13</p> <p>49</p>

Л. 34 об.

	лб	III	сб
Уборка зерна Анна Ивановна в с. Покровское 1896 г.			
Катюша в с. Вязьма ревизия.			
Арина в с. Покровское 1896 г.	20		39.
Уборка зерна Анна Ивановна в с. Покровское 1896 г.			
Уборка зерна Анна Ивановна в с. Покровское 1896 г.			
Катюша в с. Вязьма ревизия.			4,
Арина в с. Покровское 1896 г.			2 л. 0
Катюша в с. Вязьма ревизия, Покровское 1896 г.	46.	упрежд	
Анна Ивановна в с. Вязьма ревизия Катюша в с. Покровское 1896 г.	14	229	
Катюша в с. Вязьма ревизия Анна Ивановна в с. Покровское 1896 г.	10	229	28.
Уборка зерна Анна Ивановна в с. Покровское 1896 г.			
Катюша в с. Вязьма ревизия Катюша в с. Покровское 1896 г.	8		24.
Арина в с. Покровское 1896 г.	4		23.
Катюша в с. Вязьма ревизия Катюша в с. Покровское 1896 г.			20.

Имя	Возраст	Состояние	Семейство
Онофрей Полянский вдовец, Степанова	16	III	2
Матвей Иванович вдовец ревизов уездный Левый сын Степанов	10		28
Иван Степанович вдовец вольный Сын Степанов 20 лет			4
Иван Степанович вдовец ревизов уездный Сын Степанов 20 лет	6		24
Иван Степанович вдовец ревизов уездный Сын Степанов 20 лет	4		22
Иван Степанович вдовец ревизов уездный Сын Степанов 20 лет	20		20
Иван Степанович вдовец ревизов уездный Сын Степанов 20 лет			2
Иван Степанович вдовец ревизов уездный Сын Степанов 20 лет	21		40
Иван Степанович вдовец ревизов уездный Сын Степанов 20 лет			14
Иван Степанович вдовец ревизов уездный Сын Степанов 20 лет			5
Иван Степанович вдовец ревизов уездный Сын Степанов 20 лет			4
Иван Степанович вдовец ревизов уездный Сын Степанов 20 лет			73
Иван Степанович вдовец ревизов уездный Сын Степанов 20 лет	11		30
Иван Степанович вдовец ревизов уездный Сын Степанов 20 лет	5		23

1	2	3	4
Дмитрей	11		29
Герасимъ	6		24
Григорей	4		22
Ирина девятнатцети летъ			
Написанной в бывшую ревизию Степанъ Алексеевъ сынъ Спиридоновъ	24		42
Жена ево Мария Гаврилова тритцети летъ ямщичья дочь			
(Л. 30)			
У него после ревизии рожденные дети			
Артамонъ			17
Петръ			16
Алексей			7
Федора шести летъ			
Написанной в бывшую ревизию Иванъ Алексеевъ сынъ Спиридоновъ	20		39
Жена ево Ирина Иванова дватцети девяти летъ ямщиच्या дочь			
Дети их			
Василей			1
Татьяна осми летъ			
Ирина четырехъ летъ			
Палагия трехъ летъ			
Написанной в бывшую ревизию Леонтей Конановъ сынъ Спиридоновъ	38		56
У него приемышь Николай Леонтьевъ сынъ Спиридоновъ	9		27
Жена его Катерина Осипова дватцети пяти летъ ямщиच्या дочь			
Дети их			
Татьяна шести летъ			
Ефимья полугоду			
Написанной в бывшую ревизию Спиридонъ Спиридоновъ	32		50
Написанной в бывшую ревизию			
Борись Конановъ сынъ Спиридоновъ	29		47
Жена ево Ефимья Михайлова сорока пяти летъ ямщиच्या дочь			
(Л. 30 об.)			
У него дети в бывшую ревизию написанные			
Федоръ	8	Умре в 752 году	
Прокопей	5		23

Третья ревизская сказка по Самаровскому яму... за 1763 г.

1	2	3	4
После ревизии рожденные Гаврило Данило			17 5
Мавра осмнатцети летъ Матрона пятнатцети летъ Пелагея десяти летъ Написанной в бывшую ревизию Петръ Кона- новъ сынъ Спиридоновъ	25		43
Жена ево Анна Петрова дватцети осми летъ ямщичья дочь Дети ево Татьяна четырехъ летъ Марья полугоду Написанной в бывшую ревизию Федоръ Пет- ровъ сынъ Конановъ	14		33
Жена ево Анна Петрова тритцети шести летъ ямщиच्या дочь После ревизии рожденные их дети Петръ Егоръ Иванъ			5 2 пол- меся- ца
Деревни Зинковой Написанной в бывшую ревизию Козма Михай- ловъ сынъ Пачгановъ	38	Умре в 761 году	
Жена ево вдова Парасковья Григорьева пя- тидесяти осми летъ ямщиच्या дочь (Л. 31) Сынъ ее в бывшую ревизию написанной Семень Пачгановъ	13		31
Жена ево Пелагия Алексеева двадцети пяти летъ города Сургута казачья дочь Дети ево: Овдотья шести летъ Ирина четырехъ летъ Пелагия дву летъ Семеновы братья в бывшую ревизию напи- санные Степанъ	4		23
После ревизии рожденные Иванъ Егоръ			17 16

1	2	3	4
Написанной в бывшую ревизию Тимофей Борисовъ сынъ Пачгановъ	32	Умре в 761 году	
Написанной в бывшую ревизию Екимъ Зиновьевъ сынъ Пачгановъ	63	Умре в 760 году	
Написанной в бывшую ревизию Федосей Екимовъ сынъ Пачгановъ	34		52
Жена ево Матрена Осипова пятидесяти летъ отставного салдата дочь			
У него дети написанные в бывшую ревизию Иванъ	1		20
После ревизии рожденные Василей			17
Григорей			12
Руками и ногами боленъ Акилина тритцети летъ			
Написанной в бывшую ревизию Василей Федосеевъ сынъ Пачгановъ	3		21
Жена ево Анна Митрофанова двадцети четы- рех летъ ямщичья дочь			
Дети ево Степанъ			2
Татьяна одного года (Л. 31 об.)			
Написанной в бывшую ревизию Василей Еки- мовъ сынъ Пачгановъ	23		41
Жена ево Ульяна Иванова тритцети осми летъ города Березова разночинска дочь			
Дети его после ревизии рожденные			
Иванъ			16
Федоръ			15
Илья			14
Яковъ			13
Николай			6
Петръ			3
Татьяна осми летъ			
Марфа четырехъ летъ			
Агафья дву летъ			
Написанной в бывшую ревизию Иванъ Степановъ сынъ Милковъ	37	Умре в 755 году	
Написанной в бывшую ревизию Андрей Ива- новъ сынъ Горшковъ	33		51

Третья ревизская сказка по Самаровскому яму... за 1763 г.

1	2	3	4
У него жена Парасковья Иванова пятидесяти летъ ямщичья дочь			
Дочь ево Марфа семнатцети летъ			
Написанной в бывшую ревизию Иванъ Андреевъ сынъ Горшковъ	5		23
Жена ево Овдотья Филипова дватцати дву летъ ямщиच्या дочь			
(Л. 32)			
После ревизии рожденные ихъ дети			
Федоръ			5
Лаврентей			2
Анна четырехъ летъ			
Написанной в бывшую ревизию Герасимъ Аверкиевъ сынъ Горшковъ	20		39
Жена его Парасковья Иванова тритцети шести летъ города Сургута разночинска дочь			
У него дети после переписи рожденные			
Игнатей			14
Анна трехъ летъ			
Написанной в бывшую ревизию Иванъ Васильевъ сынъ Сумкинъ	38		56
Жена ево Татьяна Федорова пятидесяти пяти летъ ямщиच्या дочь			
Сынъ ево в бывшую ревизию написанной Семень	12		30
Жена ево Огрофена Петрова тритцети летъ ямщиच्या дочь			
После ревизии рожденные ихъ дети			
Петръ			7
Иванъ			5
Анна десяти летъ			
Овдотья трех летъ			
Огрофена полугоду			
Написанной в бывшую ревизию Осипъ Васильевъ сынъ Сумкинъ	25		43
(Л. 32 об.)			
Дети его после ревизии рожденные			
Матвей	1		19
Осипъ			11
Агафья тринацети летъ			
Написанной в бывшую ревизию			
Григорей Яковлевъ сынъ Салтагановъ	20	Умре в 756 году	

1	2	3	4
<p>Написанной в бывшую ревизию Емельянь Яковлевъ сынъ Салтагановъ Жена ево Пелагия Иванова тритцети шести летъ ямщичья дочь После ревизии рожденные дети Данило Михайло</p>	16		34 12 2
<p>Написанной в бывшую ревизию Филипъ Васильевъ сынъ Поромовъ Жена ево Анна Алексеева тритцети пяти летъ города Сургута разночинска дочь У него дети в бывшую ревизию написанные Иванъ Иванъ (малой) После переписи рожденные Василей Василей (малой) Александра десяти летъ Огрофена дву летъ У Ивана жена Василиса Федорова дватцати четырехъ летъ города Сургута разночинска дочь (Л. 33)</p>	30 9 1	Умре в 752 году	48 27 13 3
<p>Написанной в бывшую ревизию Прокопей Васильевъ сынъ Поромовъ Жена ево Ульяна Федорова тритцети трехъ летъ города Сургута разночинска дочь После ревизии рожденные ихъ дети Матвей Григорей</p>	19		37 9 1
<p>Написанной в бывшую ревизию Андрей Михайловъ сынъ Поромовъ У него жена Марина Михайлова тритцети дву летъ города Тоболска разночинска дочь У него после ревизии рожденные дети Григорей Иванъ Петръ Николай</p>	27		37 8 6 5 2
<p>Брат ево в бывшую ревизию написанной Максимъ</p>	24		40
<p>Написанной в бывшую ревизию Иванъ Михайловъ сынъ Поромовъ</p>	24	Умре в 754 году	

Третья ревизская сказка по Самаровскому яму... за 1763 г.

1	2	3	4
<p>Написанной в бывшую ревизию Иванъ Григо- рьевъ сын Поромовъ (Л. 33 об.) Сынъ ево после ревизии рожденный Петръ Ивановъ сын Поромовъ Сестры ево Федора двенатцети летъ Марфа пяти летъ Марфа дву летъ Мать и вдова Анисья Никитина сорока трехъ летъ города Сургута казачья дочь</p>	33	Умре в 761 году	14
<p>Деревни Скрыпуновой Написанной в бывшую ревизию Петръ Федо- ровъ сынъ Змановской Написанной в бывшую ревизию Степанъ Пет- ровъ сынъ Змановской У него жена Овдотья Гаврилова сорока осми летъ оного яму ямщичья дочь Написанной в бывшую ревизию Яковъ Петровъ сынъ Змановской Мать ево вдова Ефимья Степанова шестидеся- ти осми летъ ямщичья дочь Сестра ево Мавра дватцети летъ (Л. 34) Написанной в бывшую ревизию Лаврентей Пет- ровъ сынъ Змановской У него жена Матрона Дмитриева дватцети дву летъ отставного матроза дочь У него после переписи рожденные дети Яковъ Иванъ Михайло Устинья одного месяца</p>	73 39	Умре в 758 году	57
<p>Написанной в бывшую ревизию Яковъ Петровъ сынъ Змановской Мать ево вдова Ефимья Степанова шестидеся- ти осми летъ ямщичья дочь Сестра ево Мавра дватцети летъ (Л. 34) Написанной в бывшую ревизию Лаврентей Пет- ровъ сынъ Змановской У него жена Матрона Дмитриева дватцети дву летъ отставного матроза дочь У него после переписи рожденные дети Яковъ Иванъ Михайло Устинья одного месяца</p>	11		30
<p>Вниз по реке деревни Белогорской Написанной в бывшую ревизию Иванъ Петровъ сынъ Скосыревъ Жена ево Фетинья Петрова сорока пяти летъ ямщичья дочь У него дети после ревизии рожденные Борись</p>	6		24
<p>Вниз по реке деревни Белогорской Написанной в бывшую ревизию Иванъ Петровъ сынъ Скосыревъ Жена ево Фетинья Петрова сорока пяти летъ ямщичья дочь У него дети после ревизии рожденные Борись</p>	31		50 18

1	2	3	4
Иванъ Марья тринадцети летъ Татьяна девяти летъ (Л. 34 об.) У Бориса жена Анна Иванова девятнадцети летъ ямщичья дочь			6
Написанной в бывшую ревизию Афанасей Петровъ сынъ Звягинъ У него жена Федосья Алексеева тритцети летъ Сухоруковского погоста дьячковска дочь У него дети после ревизии рожденные Петръ Гаврило Агафья осмнатцети лет	20		39 4 2 мес.
Написанной в бывшую ревизию Прокопей Никифоровъ сынъ Вереин он же Скосыревъ Сынъ ево в бывшую ревизию написанной Романъ	46 14	Умре в 759 году Отдан в рекруты в 759 году	
Написанной в бывшую ревизию Федоръ Прокопьевъ сынъ Скосыревъ У него жена Окулина девятнадцети летъ ямщичья дочь Братья ево в бывшую ревизию написанные Мануйло Алексей Иванъ (Л. 34 А) Мануйлова жена Фекла Матвеева дватцети четырехъ летъ ямщичья дочь Мать ихъ вдова Ирина Галахионова семидесяти летъ ямщичья дочь	10 8 4 полу- году		28 24 23 20
Написанной в бывшую ревизию Иванъ Петровъ сынъ Звягинъ Жена ево вдова Марфа Яковлева сорока осми летъ ямщичья дочь Дети ее в бывшую ревизию написанной Иванъ После ревизии рожденной Афанасей У Ивана жена Дарья Артемьева дватцети шести летъ отставного матроза дочь	27 4	Умре в 753 году	24 14

Третья ревизская сказка по Самаровскому яму... за 1763 г.

1	2	3	4
Дочь ихъ Марья четырехъ летъ			
Написанной в бывшую ревизию Алексей Ники- форовъ сынъ Скосыревъ	31	Умре в 749 году	
Написанной в бывшую ревизию Семень Алек- сеевъ сынъ Скосыревъ	7		25
Жена ево Ефимья Григорьева дватцети пяти летъ ямщиच्या дочь			
Сынъ ево Петръ			2
Братья ево в бывшую ревизию написанные			
Егоръ	4		23
Прохоръ	1		20
Мать ихъ вдова Катерина Григорьева сорока шести летъ ямщиच्या дочь			
(Л. 34А об.)			
Написанной в бывшую ревизию Осипъ Ива- новъ сынъ Поромовъ	27		46
Жена ево Ирина Иванова сорока девяти летъ из Россей крестьянска дочь			
Дети ихъ			
Иванъ			
Агафья пяти лет			
Написанной в бывшую ревизию Иванъ Пет- ровъ сынъ Шейминъ	15	Умре в 759 году	
Деревни Елизаровой			
Написанной в бывшую ревизию Иванъ Елиза- ровъ сынъ Кайгородовъ	57		83
Жена Фекла Гаврилова семидесяти трехъ летъ ямщиच्या дочь			
У него дети в бывшую ревизию написанные			
Тимофей	23		41
Федоръ	12		31
Ефимъ	3		22
У Федора жена Степанида Алексеева тритцети летъ Шоркальского погоста пономарска дочь			
У него после ревизии рожденные дети			
Степанъ			6
Яковъ			4
Иванъ			1
Татьяна девяти летъ			
(Л. 35)			
Написанной в бывшую ревизию Антонъ Ива- новъ сынъ Кайгородовъ	26		44

1	2	3	4
Жена ево Ирина Иванова сорока леть оного яму разночинска дочь У него после ревизии рожденные дети Осипь Федорь Ивань Василей Анна семнатцети леть Парасковья семи леть Огрофена пяти леть			15 13 10 4
Написанной в бывшую ревизию Михайло Ивановь сынъ Кайгородовь Жена ево Овдотья Андреева тритцети осми леть ямщицьа дочь У него после ревизии рожденные дети Семень Гаврило Овдотья десяти лет Фетинья четырех лет	21		40 13 6
Написанной в бывшую ревизию Семень Володимировь сынъ Шаламовь (Л.35 об.)	46		65 слеп.
Написанной в бывшую ревизию Ивань Федоровь сынъ Шаламовь Жена ево Марфа Яковлева тритцети дву леть ямщицьа дочь После ревизии рожденные ихъ дети Алексей Федорь Ивань	20		39 15 12 9
Братъ ево в бывшую ревизию написанной Козма Федоровь сынъ Шаламовь	6	Отдан в рекруты в 759 г.	
Написанной в бывшую ревизию Николай Федоровь сынъ Шаламовь Жена ево Овдотья Мануйлова тритцети шести леть ямщицьа дочь У него после ревизии рожденные дети Василей Петрь Мануйло Огрофена четырехъ леть	15		33 9 8 полу- году

Третья ревизская сказка по Самаровскому яму... за 1763 г.

1	2	3	4
Мать ево вдова Ирина Матвеева шестидесяти леть ямщичья дочь Племянникъ ево после ревизии рожденной Петръ Козминъ			4
(Л. 36) Написанной в бывшую ревизию Яковъ Пет- ровъ сынъ Кайгородовъ	36		56
Жена ево Авдотья Иванова шестидесяти трехъ леть Реполовского погоста поповска дочь У него дети в бывшую ревизию написанные Василей	10		29
Ивань	5		23
После ревизии рожденной Максимъ			17
У Василья жена Овдотья Иванова дватцети шести летъ ямщичья дочь У него после ревизии рожденные дети Петръ			8
Степанъ			7
Анна шести летъ Дарья четырехъ летъ У Ивана жена Ульяна Иванова дватцети одного году ямщичья дочь Дочь ихъ Анна полугоду Вышеписанного Якова племянница Матрона Федорова шестнатцети летъ			
Написанной в бывшую ревизию Козма Алек- сеевъ сынъ Кайгородовъ	15		33
У него жена Федора Матвеева тритцети дву летъ Сухоруковского погоста дьячковска дочь (Л. 36 об.)			
У него после ревизии рожденные дети Семень			4
Петръ			3
Татьяна семи летъ Анна полугоду			
Братъ ево в бывшую ревизию написанной Семень Алексеевъ	2		21
Деревни Сухоруковской Написанной в бывшую ревизию Иванъ Леонть- евъ сынъ Корепановъ	54		73
У него дети в бывшую ревизию написанные			

1	2	3	4
Степань	18		36
Кирило	15		33
Павель	12		30
У Степана жена Софья Ильина тридцати лет ямщичья дочь			
Дочь их Федосья одного году			
У Кирила жена Марфа Матвеева двадцати осми лет оной же деревни и погосту дьяковска дочь			
У Кирила после ревизии рожденные дети			8
Ерофей			
Овдотья пяти лет			
Овдотья же четырех лет			
(Л. 37)			
У Павла жена Окулина Лукина Самаровского яму поповска дочь двадцати семи лет			
У него после ревизии рожденные дети			
Ивань			3
Василей			полу- году
Написанной в бывшую ревизию Сава Ивановъ сынъ Корепановъ	25		43
Жена ево Анна Дементьева тридцати лет ям- щичья дочь			
У него после ревизии рожденные дети			
Ивань	18		36
Григорей	15		33
Никифоръ	12		30
Татьяна одиннатцети лет			
Ксения осми лет			
Ирина шести лет			
Анна дву лет			
Написанной в бывшую ревизию Алексей Ле- онтеевъ сынъ Корепановъ	48	Умре в 759 году	
Дети ево в бывшую ревизию написанные			
Фома	8		26
Ермолай	5		23
Ивань	1		20
(Л. 37 об.)			
Написанной в бывшую ревизию Егоръ Емель- яновъ сынъ Корепановъ	27	Умре в 758 году	
Дети ево в бывшую ревизию написанные			
Ивань	7		26 25

Третья ревизская сказка по Самаровскому яму... за 1763 г.

1	2	3	4
Семень	6		
После ревизии рожденные			
Василей			17
Гордей			13
Ефимъ			12
Анфиса семи летъ			
У Ивана жена Катерина Алексеева дватцети дву летъ ямщичья дочь			
После ревизии рожденные ихъ дети			
Алексей			3
Петръ			2
Мать ихъ вдова Марфа Федорова тридцети осми летъ оного Самаровского яму ямщиच्या дочь			

(Л. 38) Перечневая ведомость сколико в Самаровскомъ яму ямщиковъ по последней «1747» году ревизии состояло и из оныхъ после ревизии разными случаями выбыло, и сколко же нынѣ состоитъ налицо и противъ той ревизии прибыло, также и женска пола.

Самаровского яму ямщиковъ	По последней ревизии состояло ямщиковъ	Из оныхъ после ревизии разными случаями вы- были	Нынѣ состоитъ налицо с прибылыми и вновь рожденными	Противъ прежней ревизии прибыли	Женска пола
	487	158	625	138	532

Петръ Пестряковъ подписал:

Писарь Петръ Соскинъ

(Л. 38 об.)

(утрачено) ...учиненная Самаровского яму у ямских управительских дел и с поданных имеюща третией ревизии со сказок копий ямщиков и приправливаных местах, где что почищено и на котором листу или приправлено значит ниже сего

Самаровского яму о ямщиках

Сказка поданная въ 763 году ноября 18 числа выборного Дмитрея Сургуцкого на 39 листах вычищенных и приправливаных местъ

2 листа на обороте сверху в пятой на десят строке приправлень — Н.
 На 6 листу сверху в десятой строке крайней приправлень — й
 17 листа на обороте сверху в первой на десят строке по чищенному написано —
 Иванова
 33 листа на обороте сверху в первой строке по чищенному написано — после ре...
 А более того неимеется

(Л. 39)

Да для скорого прииску алфаветъ полное число в Самаровском яму и оног
 ведомства в деревнях состоит душ и на котором листу значить ниже

Листъ		Число душъ
1	Самаровском яму Самаровского ведомства в деревнях	317
20	В деревне Репаловой	56
24	В деревне Ломпаловской она же и Тюленска ¹	12
25	В деревне Базяновой ²	19
26	В деревне Фроловой	18
27	В деревне Алeneвой	18
	Вверхъ по Неулевой протоке	
27	В деревне Шапшиной ³	11
28	В деревне Сумкиной	5
29	В деревне Коневой	44 ⁴
30	В деревне Зинковой	16
	Погосту Успенского	
31	В деревне Горшковой ⁵	30
33	В деревне Скрыпуновой	6
	Вниз по реке Обе	
34	В деревне Белогорской	18
35	В деревне Елизаровой	34
37	В деревне Сухоруковской	21

Итого

625

¹ Ныне — Тюли.² Ныне — Базьяны.³ Ныне — Шапша.⁴ В данное количество душ вошло население деревень:

Коневой — 22,

Спириной — 22.

⁵ Ныне — Селиярово.

Третья ревизская сказка по Самаровскому яму... за 1763 г.

Стилистика и орфография сохранены.

Слева на полях каждого из 38 листов сказки (кроме оборотных сторон листа) сделана запись писарем (по 1–2 слога на листе) *«в небытность управителя коллежского асессора Долгинина вместо выборного Василья Корепанова ево веленьемъ ямщики»*.

Внизу этих же листов писарь также двукратно повторил фразу (по 1–2 слога на лист) *«Сподлинное читаль Самаровского яму ямскихъ управительскихъ дель писарь Петръ Соскинъ»*

Использованные источники:

1. Российский Государственный архив древних актов в г. Москве (РГАДА) Ф.350. Оп. 2. Д. 2901. Лл. 20 об.–39.

Ревизская перепись душ разночинского сословия по Самаровскому и Демьянскому яму Сибирской губернии за 1762 год.

Дорогой читатель!

Если тебя ещё не до конца «укатали» путешествия по «скаскам», то можешь попытаться исследовать ещё одну неизведанную тропинку.

В 1762 году императрицей Елизаветой Петровной был объявлен указ об очередной переписи душ в Российской империи.

Перепись душ разночинского сословия по Самаровскому и Демьянскому яму Сибирской губернии практически проходила в одни и те же годы, что и перепись душ ямщицкого сословия. В тех же деревнях и селах переписчики производили перепись обоих сословий.

Хотя по количеству душ перепись душ разночинского сословия многократно отличается от переписи душ ямщицкого сословия, для полноты сведений о сословиях, населяющих территорию нынешнего Ханты-Мансийского района, эта ревизская перепись, на мой взгляд, также может представлять определенную историческую ценность.

Если же с определением «ямщицкое сословие» всё предельно ясно — ямщики, извозчики, то кем же являлись разночинцы? Помнится, ещё на уроках истории в 1960–1970 годы учителя давали нам основные понятия о разночинцах. По-моему, это были грамотные, своего рода революционно-настроенные интеллигентные люди, вступающие в конфликты с существующим режимом. Поначалу мне подумалось, что это определение ни в коем случае не подходит к населению, проживавшему в те годы в Самаровском яму. Тут, в основном, жили простые люди, напрямую связанные с деятельностью Яма. Но выявление в переписи строки «...умершего поручика Кирилла Берха, дворовые его люди...» навело меня на мысль: «А не являлся ли этот поручик ссыльным поселенцем, пострадавшим от дворцовых переворотов? Или, может быть, принадлежал к тем самым революционно-настроен-

Ревизская перепись душ разночинского сословия... за 1762 г.

ным демократам-разночинцам? Еще одно белое пятно в истории Ханты-Мансийского района...

К сожалению, в переписи не указывался конкретный род занятий переписанных лиц. Кем же на самом деле являлись по чину и званию эти лица, можно только предположить и сослаться на Советский энциклопедический словарь: «*Разночинцы* («люди разного чина и звания») в России конца XVIII–XIX вв. межсословная категория населения, выходцы из разных сословий (духовенства, купечества, мещанства, мелких чиновников и т.п.)...»

Также приходится сожалеть и о том, что по причине «почтенного возраста скаски» (около 250 лет), пришедшей в ветхое состояние, некоторые фамилии не удалось полностью разобрать. Отсутствуют и листы по переписи, относящиеся к Демьянскому яму, правда, общие сведения количества душ по этому Яму сохранились на последнем листе переписи. Всего же по Самаровскому яму и селениям Самаровского ведомства по состоянию на 1762 год значилось 14 душ разночинского сословия «мужеска» полу...

Владимир Струсь

г. Ханты-Мансийск

* * *

1762 года, ноября 10 дня Самаровского ведомства разночинской староста Федор Бешкильцевъ по силе публикованного [утрачено] 762 году марта [утрачено] правительствующего сената указу: дали сию скаску о написанных по последней 1747 году ревизии в подушный оклад и с того числа разными случаями убылых и после того вновь рожденных, объявляем по самой истине без всякой утайки: будет впредь кемъ изобличены, явима в томъ повинны будемъ положенного по указомъ тяжкого штрафа без всякого милосердия.

А имянно	По последней ревизии в подушный оклад положены	Из оных после ревизии данные разными случаями убыли	Нынѣ состоитъ налицо с прибывшими и вновь рожденными
	лѣ	т	а
1	2	3	4
<p>(Л. 1)¹ А имянно Самаровскому яму написанной в бывшую ревизию Яков Ларионов У него сын написанной по ревизии Герасимъ</p>	68 15	Умре в 748 ² году Взят в рекруты в 753 году	
<p>Написанной в бывшую ревизию Дорофей Федотов У него жена Анна Степанова взята из города Сургута, казачья дочь, сорока лет</p>	35		53
<p>У них написанный в бывшую ревизию Алексей После ревизии рожденные Иван Матвей</p>	12		30 13 5
<p>(Л. 2) Дочери Девка Федосья трехъ лет</p>			

¹ Лист.

² Умер.

Ревизская перепись душ разночинского сословия... за 1762 г.

1	2	3	4
Ан[н]а две лет У Алексея жена Алена Андреева взята [из] города Сургута, казачья дочь, тридцети лет (Л. 2 об.)¹			
Села Репаловского Написанной в бывшую ревизию Артемей Афанасьев² сын Трусов У него братья Иван Александр году	6 3	Умре в 748 году	24 21
У Ивана жена Аксенья Дмитриева взята [из] того же Репаловского погосту матроская дочь, двадцети лет Написанной в бывшую ревизию Захар Ни (нрзб) У него брат написанной в бывшую ревизию Федор полугода Написанные в бывшую ревизию бывшего швейной (нрзб) умершего поручика Кирилла Берха, дворовые его люди Андрей Борисов Брат его Федор	3	Умре в 742 году	21
У Андрея жена Афимия Иванова взята [с] Демьянского яму ямщичья дочь двадцети осьми лет У них дочь девка Степанида семи лет У Федора жена Настасья Петрова взята с Демьянского яму ямщичья дочь двадцети четырех лет		12 4	30 22
В Демьянском яму³ В Самаровском яму в Сухоруковском погосте	—	—	—
Алексей Протопопов Жена его Соломея Петрова взята с Самаровского яму ямщичья дочь сорока семи лет Дети их положенные в подушной оклад Иван (неположен в подушной оклад) Андрей Дочери-девицы Устинья — 19 лет Акилина — 15 лет	37 18	Умре в 758 году	54 18

¹ Оборот листа.

² Афанасьевич.

³ Сведения по переписи Демьянского яма отсутствуют.

1	2	3	4
Федосья — 8 лет В оного яму в Малоатлымской волости Петр Иванов сын Краснов Жена его Таисья Алексеева взята с Самаровского ведомства разночинска дочь дватцети двух лет У него сын исположен в подушной оклад Иван Алексей Иванов сын Краснов Жена ево Матрена Дмитриева дватцети лет Самаровского ведомства разночинска дочь Сын их не положенный в подушной оклад Николай	13		30
Дочь Варвара пяти лет Семен Иванов сын Краснов	18	Умре в 754 году	3 полу- году 35

Для скорого прииска учтена

В Самаровском яму	— 4
Того же листа на обороте	
В Шоркальском городке	— 2
На том же листу	
В Малом Атлыме	— 5
В селе Репалове	— 5
Того ж листа на обороте	
Демьянском яму	— 61
[Всего]	— 77

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2900.

От двадцать первого — к тридцать седьмому

Настоящим разделом мы отмечаем 90-летие Западно-Сибирского крестьянского восстания — завершающей фазы Гражданской войны в нашем крае. В нем объединены разнохарактерные материалы, позволяющие увидеть тяжелую картину войны в ее конкретных проявлениях и непосредственной связи с событиями относительно мирных 1920–1930-х годов.

Сначала мы представляем читателю воспоминания троих участников событий, происходивших в начале 1921 года в Сургутском уезде («Со своей колокольни»). Эти тексты предоставлены нам Сургутским краеведческим музеем, имеющим в своих фондах рабочие тетради покойного журналиста и краеведа Николая Ивановича Ездакова, много успешного в поиске документов о восстании 1921 года и фиксации свидетельств живых еще в 70-е годы прошлого века участников тех событий. Из его тетрадей и взяты публикуемые документы.

Все три повествования, записанные спустя многие годы после свершившегося, в той или иной степени «отредактированы» как идеологическим прессом советских десятилетий с их раз и навсегда установленной точкой зрения, так и позициями авторов воспоминаний в описываемом конфликте. Да и память человеческая избирательна, в картине, которая в ней отпечатывается, одни детали она сохраняет в целости, другие деформирует, третьи отбрасывает. При всем этом каждое из свидетельств ценно, оно помогает воссоздать целостную картину. И, конечно, что-то сообщает об авторе. Так, Н.И. Горяев, один из руководителей уезда, присланный в Сургут губернским руководством, в письме к Н.П. Зырянову отвечает на конкретный вопрос своего адресата о бое в селе Вартовском. По письму видно, что существенного участия в военных действиях он не принимал и описывает только лично ему известные детали отступления под напором повстанцев. Для его речи характерно оперирование та-

кими «условными единицами», как «гнали Колчака», «удар наших», «работали пулеметы», и от этого при чтении появляется ощущение, будто разговор идет о военной игре.

Воспоминания К. Ф. Лукичева воссоздают события восстания, происходившие в другой — западной части Сургутского уезда. Автор представляется большевистски идейно подкованным молодым человеком, активным участником революции. В правдивости сказанного он не сомневается. И все же у читающего местами появляются сомнения. Например, трудно себе представить людей, способных в такое суровое время ради вредительства отправлять и везти из Тобольска на Север санным путем за сотни верст разбитые сани и оглобли.

Третий из авторов — И. И. Крюков — представляет, по-видимому, самую многочисленную — пассивную, подневольную часть участников восстания, местных жителей, которые неизбежно под страхом суровой кары вовлекались в конфликт как одной, так и другой стороной, зачастую как перевозчики людей и грузов зимним санным путем на собственных лошадях. В этой войне, где непонятно, кто свой, а кто чужой, почти невозможно было уклониться, не принять ничьей стороны, остаться самим по себе. Против уклонения имелось сильное средство — не знающая границ жестокость. Автору благодаря его смелости и смекаливости удалось избежать участия в боевых действиях.

Тема следующей публикации — заложничество, широко использовавшееся большевистской стороной как эффективное средство борьбы. «Лишние люди» — это разновидность живого щита, которым одна из воюющих сторон укрывалась от другой, заявляя этим: прекратите наступление, а то... В результате погибло немало известных и уважаемых людей не только в Березове, но и в Обдорске, Самарово и других местах Тобольского Севера.

В публикации «Не на ту попал» описан один из бесчисленных частных и, видимо, заурядных случаев межличностных конфликтов революционного времени. Здесь на одной стороне — человек, олицетворяющий власть и этим сильный, на другой — маленький человек.

В 2009 году в Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО) были найдены документы, весьма ярко и наглядно представляющие картину жизни в первой половине 1920-х годов, вскоре после подавления восстания. Это сводки о состоянии Тобольского округа Уральской области, ежемесячно отправлявшиеся в областной отдел Государственного политического управ-

ления при НКВД РСФСР (впоследствии — Объединенное государственное политическое управление, или ОГПУ). Каждая из них — попытка объективно оценить экономическое, политическое, культурное положение на данный момент, в каждой — ряд разделов. Набор разделов варьировался, наиболее часто характеризовались положение рабочих, крестьянства, деятельность местных органов власти, кооперации, Облгосрыбпрома, Уралгосторга, конторы «Хлебопродукт» и других хозяйственных и кооперативных организаций, учреждений, отдельных работников, настроения разных групп населения, в частности, духовенства, ссыльных, проявления антисоветских действий, остатков «бандитизма» и пр. Сводки привлекают насыщенностью фактами. Этот блок документов мы назвали «Все под контролем», может быть, несколько преувеличив всеведение сотрудников ГПУ.

Следующая публикация касается культурного аспекта революции. Смена политического строя России с неизбежностью отразилась в русском языке. Слово «рабочий» стало звучать «гордо», «предприниматель» — настораживающе. То, что прежде было предпринимательством, стало именоваться «наживой», «эксплуатацией чужого труда», «нетрудовым доходом». Слово «бандит» приобрело значение политического термина, означающего «участник антибольшевистского восстания», при том, что на стороне повстанцев было немало интеллигентов, например, только в Сургутском уезде не менее четырех учителей. «Учителя-бандиты» — это нечто для того времени новое, небывалое и заслуживает осмысления, как и явление новояза в целом. Поэтому в раздел мы включили небольшую, найденную только в нынешнем году в Российской национальной библиотеке, статью крупного русского лингвиста, уроженца Тобольска С.И. Карцевского «Халтура» (биография Карцевского, большую часть жизни проведенного в эмиграции, опубликована в одиннадцатом «Подорожнике»). В ней речь идет об изменениях в речи россиян под влиянием свершившейся революции. Предисловие к статье написала доцент кафедры русского языка Югорского университета кандидат филологических наук А.А. Пыхтеева.

Раздел мы заканчиваем большой статьей «Неправильные крестьяне». В ней проанализированы материалы суда над группой крестьян села Локосово Сургутского района, обвиненных во вредительском противодействии коллективизации. Время еще не докатилось до тридцать седьмого года, и обвинение рассыпалось.

Со своей колокольни

Письмо Н.И. Горяева¹ Н.П. Зырянову²

г. Липецк, 24 апреля 1967 г.

Здравствуй, дорогой друг Николай Петрович!

Получил от тебя письмо, которому был исключительно рад. Я писал тебе в полной уверенности, что ты будешь рад получить от меня письмо. Я представляю, какая интересная неожиданность.

Вы получили фотографию. На ней, кажется, 2-й с краю, рядом с Валенто³ стоит Захаров Степан Дмитриевич. Вот он для Вас был лучшим информатором по поставленным Вами партийным вопросам.

Я, должен сказать, — был в Сургуте человеком приезжим. Я в октябре 20 года только прибыл в г. Сургут и был направлен облисполкомом и губкомом... для усиления партийных работников и имел указание, рекомендацию. Председателем горсовета, вернее уездисполкома, до меня на этой должности был некто Иванов⁴, инициалы не помню, его профессия старая священник, а заместитель его был Троицкий, быв-

¹ Горяев Николай Иосифович (Осипович) был направлен в Сургут из Тюмени и прибыл в конце лета 1920 г., получив назначение на должность председателя уездного исполкома. После подавления восстания летом 1921 г. назначен председателем Сургутского ревкома вместо отозванного в Томск Е.А. Федосеева.

² Зырянов Николай Петрович в 1921 г. заведовал отделом управления Сургутского уездного ревкома.

³ Валенто Роберт Александрович — начальник Сургутского уездного отдела ГПУ.

⁴ Иванов Яков Стратоникович — бывший священник. 13 марта 1917 г. на общем собрании граждан Сургута избран в состав уездного исполкома заместителем председателя. Весной 1920 г. исполнял обязанности председателя Сургутского уездного ревкома.

ший дьякон. Вот и нужно было их сменить, губернские органы были очень обеспокоены. Потом эти товарищи доказали, что они верой и правдой были преданы советской власти.

Теперь постараюсь ответить на вопросы.

1) Обоз, что эвакуировался из Сургута с семьями, был под руководством Зырянова¹ и Зорина², моего заместителя. Меня в этот период, т.е. начала восстания и эвакуации в Сургуте не было. Я был на другом крае уезда, под Мурасами³, где проводили работу по трудовой повинности. Нужно было заготавливать по всему протяжению Оби дрова для пароходства, вывозить рыбу, а для этого надо было наладить обозы. И вот со мною поехал, как по своей волости, и Захаров Степан Дмитриевич. И вот затем мы приехали с ним в Новоникольское село, где он работал председателем и был местный житель. У него была тогда мать, а жены еще не было. Вот с этим товарищем мы были почти до конца.

Дело в том, что в с. Новоникольское прибыл нарочный и привез лично мне предписание от Уревкома, чтобы я во всех населенных местах по дороге брал 1) заложников из кулацкой прослойки, 2) изъясил всякое оружие, 3) поставил бы на ноги или в боевую готовность всех партийцев и комсомольцев. Не успели мы проехать по одной волости, как 2-й нарочный привез 2-й приказ: установить на всем пути летучие тройки, чтобы одна лошадь была в упряжи, другая — в сбруе, не у корма, 3-я лошадь была на отдыхе. Мы с Захаровым поняли, что дела обстояли неважно и стали торопиться, чтобы успеть застать еще в Сургуте. Но

¹ Зырянов Антонин Петрович (1892–1921), уроженец д. Борки (ныне Ханты-Мансийский район), бывший солдат царской армии, в ноябре 1919 г. избран командиром «Северного партизанского отряда», вскоре занявшего Сургут. В конце февраля 1921 г. назначен председателем Сургутского ревкома. Руководил эвакуацией советских учреждений, коммунистов и их семей из Сургута в марте 1921 г., погиб в бою с повстанцами в селе Вартовском.

² Зорин Афанасий Артамонович — инструктор Тюменского губернского отдела управления, прибыл в Сургут в августе 1920 г. Был назначен заместителем председателя уисполкома и заведующим отделом управления. Председатель образованной осенью 1920 г. уездной комиссии по отделению церкви от государства (Цысь В.В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны 1917—1921 гг. — Нижневартовск, 2005. — С. 171, 182). Был начальником эвакуационного обоза (Николаенко В.И. Из истории восстания 1921 г. в Сургутском уезде // Очерки истории Сургута. — Сургут, 2002. — С. 82).

³ Юрты Мурасовы.

нам это не удалось. Мы встретили сургутский отряд с семьями в с. Нижневартовском ночью на 13/III. Так что кто был в отряде, сколько были люди в отряде, на эти вопросы я вам не отвечаю.

Нас с тов. Захаровым успокоили, мол, давайте ложитесь спать, а завтра вы сами увидите. И мы были уверены, что все благополучно, и легли спать. Но спать нам не дали. Началась стрельба и паника. Мы были вынуждены проснуться, а дальше буду писать, что я увидел и что сам делал. Я выскочил из помещения и увидел картину: женщины и дети возле лошади плачут, орут и по ним стреляют. Правда, пуль я не чувствовал. Я кинулся в тот [дом], где ночевала основная масса людей. И что же? Людей никого, а в углу стоят четырехлинейные винтовки, назыв[аемые] «Гра», в количестве более 20 штук. Эти винтовки были вручены милиционерам, которые вместо того, чтобы сражаться, попытались кто куда, а винтовки испортили — все бойки у них были разбиты... После обнаружения винтовок я выскочил и кинулся в протоку, куда направились все лошади, которых кто-то успел уже запрячь, и только я прибежал до тов. Зырянова и сказал о положении с милицией, в это время ранили тов. Зорина, а я [был] вынужден вместо того, чтобы стрелять, помогать унести Зорина в сани и уложить его, предварительно ему перевязать живот полотенцем. После этого я пытался стрелять по противнику. И что же? Моя винтовка не работает, так как боёк разломан, другого оружия у меня не было, кроме револьвера Смит и Вессон. После того, как оказался без оружия, мне ничего не оставалось, как помогать другим. И я бегу вперед стаскивать с дороги раненую лошадь.

И тут же едут лошади, нагруженные доверху разным барахлом, людьми доверху. Провожал одни сани, другие, и вот тут еще крики: «Чвинова убили!»¹, а потом еще: «Зырянова убили!». Иду по дороге на р. Обь. Кричат сзади: лошадь убежала. Оглянулся и увидел: лошадь с дороги прямо по снегу пошла прямо к противнику. А женщина та была Грапина Валенто и старик столяр Мезенцев с ней, идут ко мне. И все мы трое шли, почти бежали, а потом, когда вышли из проточки, и лесом. Мы думали — за леском нас дожидают, а оказалось на всей Оби, сколь хватает глаз, не было никого. Наши, видимо, летели, как только могли.

Мы втроем уже решили, что пропали, что стоит белым сейчас же нагнать, как, к счастью нашему, не так скоро появилась погоня. Мы уже

¹ Чвинов Николай Анатольевич, помощник сургутского военкома.

отошли до 8 км в сторону юрт Кабинских, и тут мы нашли брошенную лошадь нашими. Я сначала думал, наверно, лошадь оказалась раненой, и ее бросили. Но оказалось только лошадь вывернулась из оглобель и стояла по пузо в снегу и без возчика.

И вот начинается у нас своего рода «быть нам или не быть»? Надо лошадь выгашить, лошадь сначала распрячь и снова запрячь, а в это время по нам начали стрелять из винтовок. Вот одна пуля в дугу шлепнула, пробила [дугу], другая рядом свистит, а я применяю свое старое батрацкое мастерство — в два счета выпряг и в три запряг лошадь, вскочил верхом и велел винтовками, прикладами бить коня. И вот один удар, другой, а в это самое время пуля возле самого уха правого свистит. Думал, как глухаря, меня снимут, и тогда всем... Кричу Мезенцеву, чтобы бил еще, и лошадь как будто поняла и пошла, пошла, как на гонках, и вот скоро мы скрылись от погони, а потом въехали в юрты Кабинские. Где, для кого? — неизвестно — остяк держал рыжего жеребца, запряженного в сани. Я, ни слова не говоря, беру этого жеребца, сажаю в сани с собой Грапину Валенто, а лошадь, на которой въехали мы в юрты Кабинские, я велел Мезенцеву гнать за мной, и на 30 километре — так мне сказали... мы нагнали своих. Я видел и чувствовал всем своим нутром и головой, что наше положение очень печальное и что надо срочно, как только можно, скакать в Нарымский край и доложить о происшедшем у нас в уезде и просить помощи. Так я подумал и сразу же доложил об этом тов. Шананину¹ — он был начальником отряда после гибели Зырянова. Тов. Шананин дал согласие на мое предложение, и я на дежурных лошадях помчался, нигде не останавливаясь, быстро. И через 6 часов я был уже обратно в Мурасе с отрядом в 32 человека чекистов и 30 штук винтовок и, кроме того, 2 «максима»-пулемета.

Вот тут наши подошли, развернулись и дали 1-й удар в Мурасе. Здесь к нам присоединился отряд человек до трех из Толпарова (лесозаготовка), у них были свои винтовки, еще сохранились, когда гнали Колчака. Наши послали лыжников в тыл повстанцам, а основные силы пошли по льду прямо на Мурасы, причем у них работали пулеметы. И вот результат — 50 чел. захватили в плен. Около этого же количества было убито, и белые

¹ Шананин Анатолий Виссарионович (1893–1937) — учитель, окончил Томский учительский институт. В начале 1921 г. — учитель Сургутской школы II ступени. Сторонник советской власти, после подавления восстания — член Сургутского ревкома. Впоследствии жил в Тобольске, преподавал в школах, педагогическом училище.

эсеры и кулаки двинулись обратно. Они бежали за Локосово, а там снова был удар наших, и они бежали в Широково (это около 30 километров от Сургута). Наши потом остановились как на временную передышку в с. Локосово. Это на время, пока вскрыется река...

<...> Я после мурасовских событий в боях больше не был, а ездил по сельским советам, организовывал советскую власть. В Локосово ревком был из Федосеева¹, его друга Видягина², потом, видимо, Шананина и, наверное, был членом Веселовский³, быв. председатель волостного Совета.

Вот пока и все о военных событиях, что я знал. С приветом к тебе, Николай Петрович, и Вашей супруге.

Горяев.

Из воспоминаний Константина Федоровича Лукичева⁴

...Летом 1918 года в уезде началась мобилизация молодежи в армию Колчака. Мобилизацией руководил офицер Бронников, который приехал на пароходе.

В Тундрино произошел такой случай. Когда новобранцев посадили на пароход, Бронников запретил родителям заходить, чтобы проститься с детьми, и приказал отдавать чалки, но люди, стоящие на берегу, не хотели отдавать чалки, и пароход задерживался. В это время на берегу большевики Захаров Кирилл, Захаров Гаврил, Захаров Александр, Лукичевы Петр, Дмитрий, Константин и другие под руководством подпольного работника Анатолия Кравченко запели революционную пес-

¹ Федосеев Е.А. — председатель Сургутского уездного ревкома, возобновившего работу в ходе правления восстания с 15 апреля 1921 г. в с. Локосово. Летом 1921 г. отозван в Томск (Цысь В.В. Указ. соч. — С. 235, 237, 238).

² Видягин И.М. — уполномоченный Томского губисполкома и губкома РКП(б) по ликвидации «контрреволюционных банд», ответственный секретарь Сургутского уездного комитета партии.

³ Веселовский Савин Алексеевич. Род. в 1863 г., рабочий. В 1879–1882 гг. состоял в партии «Земля и воля». Выслан в Сибирь. В ноябре 1919—январе 1920 был в отряде красных партизан, с марта 1920 по январь 1921 — в Красной армии. Впоследствии жил в Тобольске, в 1937 г. состоял в первичной парторганизации Обьрыбтреста (Петрушин А.А. На задворках Гражданской войны: кн. вторая. — Тюмень, 2004. — С. 10–11).

⁴ Воспоминания К.Ф. Лукичева написаны по просьбе сургутского краеведа Ф.Я. Показаньева в 1963 г. Автор проживал в то время в д. Сивохреbt Самаровского района.

ню. Тогда офицер Бронников приказал порвать чалки, пароход сделал рывок, вырвал столб на берегу и пошел в Сургут.

Кравченко был послан из Москвы и работал здесь под фамилией Киселев. Когда пароход ушел в Сургут, он нас предупредил, и мы все ушли в лес. По вечерам выходили и собирались в нашей бане, которая стояла у самого леса.

Летом 1919 года, когда в Тобольск пришли регулярные части Красной армии, Колчак не выдержал их натиска и начал отступление. Часть войск пароходами отступала через Сургут на Томск. Пароходы в баржах везли много людей, которые были арестованы Колчаком. Их расстреливали прямо с бортов и даже живых бросали в воду. В Тундрино во время стоянки было расстреляно и брошено в воду 18 человек. Мы хотели их схоронить сразу после отхода парохода, но нам урядник не разрешил, и мы схоронили их ночью в Чистом Яру.

В конце лета Колчак еще держался в Тобольске, и туда снизу Оби шли караваны с рыбой и консервами. Но они не могли попасть на зимовку в Тобольск и пошли на Томск. Здесь уже начались заморозки, и караван в количестве четырех пароходов с баржами зазимовал в Тундрино.

В конце 1919 года из Самарово в Сургут пришел отряд тов. Зырянова. В пути к нему присоединились оставшиеся от отряда Лепехина¹ бойцы Шевелев Семен, Анисимов Прокопий, Щепеткин Филарет Федорович и другие. Зырянов прогнал колчаковцев вверх по Оби за Локосово и остался в Сургуте военным комиссаром. Уезд был очищен от колчаковцев. Стали создавать комсомольские ячейки и бригады в Сургуте, в Тундрино и других деревнях. Они проводили среди населения культурно-массовую работу.

В 1920 году в уезде появился продкомиссар Митечкин, который облагал население продразверсткой. К весне 1920 года в уезде не было хлеба, угрожал голод. В это время из Тобольска в Сургут пошли обозы, но вместо хлеба

¹ Лепехин Александр Петрович — командир Северного экспедиционного отряда, освобожденного в 1919–1920 гг. Тобольский Север от колчаковцев. Родился в 1889 г. в Тобольске. Учился в Тобольской гимназии и Тюменском реальном училище, окончил в Казани трехклассное речное училище. В 1914–1918 гг. служил командиром парохода «Николай Сухотин», курсировавшего по Оби и ее притокам. С 1917 г. — в армии. Из Тюменской губернии был с отрядом в 1920 г. переброшен на Польский фронт, затем воевал в Приморье. Согласно письменному сообщению бывшей жены А.П. Лепехина П.П. Молоковой сургутскому краеведу Н.И. Ездакову, в 1922 г. он был из Приморья командирован в Москву и на обратном пути умер в поезде.

везли старые разбитые сани, оглобли и другую ненужную рухлядь. Кулацкие элементы воспользовались этим и стали открыто говорить людям: «Вот этими оглоблями советская власть вас будет угощать». А продкомиссар Митечкин с партийным билетом и полномочиями, данными советской властью, грубо и сознательно нарушал политику советской власти. Он требовал сдавать продукты и сырье, которых у населения не было. Тех, кто не мог сдать шерсть, он заставлял обстригать шубы, тулупы и даже меховые папахи и шапки. Купцы и кулаки стали распространять слухи о том, что советская власть, может, и будет называться советской, но будет без коммунистов.

Восстание началось в феврале 1921 года. В марте оно докатилось до Сургутского уезда. Затаившиеся враги молодой советской республики из местного кулацкого населения и уцелевших остатков колчаковских банд поднялись на это восстание. Его поддержала значительная часть спровоцированного и обманутого населения средних слоев. Регулярных воинских частей не было. Борьбу с бандитами приходилось вести местными силами и средствами. Почтово-телеграфная связь работала плохо, бандиты часто рвали телефонную линию, но линейные надсмотрщики не могли никого обнаружить.

В марте отряд Третьякова захватил Тундрино. В это время бывший работник сургутской почты Ключарев П.Г. оказался предателем. Он выпустил заложников, арестованных А.П. Зыряновым и содержавшихся в полицейском управлении, и сообщил об этом в Тундрино Третьякову¹. Всего было арестовано 11 заложников, но двое из них — Клепиков Павел и Сосунов Иван — пытались бежать, были задержаны и расстреляны. В Тундрино были заложники Замятин Прокопий Андреевич — купец, Преснецов Александр Михайлович — председатель Тундринского кооператива, Яковлев Иван Петрович — главный бухгалтер кооператива и другие, которых тоже надо был расстрелять.

В самом начале восстания Сургут был объявлен на военном положении. В Тундрино тоже был создан отряд из 30 человек. Он подчинялся ревкому. На 30 человек была одна винтовка, а остальные люди были вооружены охотничьими ружьями.

¹ Руководитель отряда повстанцев, вступившего в Сургут со стороны Зенково—Тундрино 9 марта 1921 г. после отступления большевиков. Преследовал отряд А.П. Зырянова, проводя по пути мобилизацию в свой отряд в Локозовской и Лумпокольской волостях.

Членами Тундринского ревкома были Захаров Александр Мартынович, Федулов Маркел, Лукичев Петр, Лукичев Константин, Лукичев Дмитрий, он же секретарь комсомольской ячейки. В ревкоме было организовано дежурство. Я ночью дежурил, а днем работал в кооперации. Кооперация у нас была создана в конце 1919 года политическим ссыльным Герватовским¹. Когда началось восстание, Тундринский ревком запросил у тов. Зырянова А.П. разрешение отступить в Сургут, но он не разрешил нам выехать и не дал распоряжения расстрелять заложников, а накануне прихода бандитов они сбежали, и я остался в кооперации один.

Тогда собрались члены ревкома для обсуждения вопроса о принятии мер. Лукичев Петр был отправлен в д. Кушникову, так как мы потеряли связь с кушниковскими коммунистами. Когда он прибыл, там коммунисты были уже арестованы, и его тоже посадили в баню. А в 12 часов ночи бандиты ворвались в Тундрино и окружили ревком. Мы были арестованы. Ночью нас по одному выводили, ставили к стене и, угрожая расстрелом, требовали сообщить пароль, потому что ожидался отряд Шимова, он в это время находился в пути. Слабость проявил председатель ревкома тов. Кошкаров А.М. и сообщил пароль, согласно которому Шимов вышел из Пилюгино и при въезде в Тундрино попал в засаду. Отряд был полностью уничтожен. Разведчица Зорина была схвачена и зверски замучена. Ее труп облили водой, заморозили и выставили на улицу. После гибели отряда бандиты устроили кровавую расправу над коммунистами. Всего они расстреляли 30 человек, в том числе моих братьев Дмитрия и Моисея. Комсомолку Каюрину бандиты живой утопили в проруби, Трифонова Григория Ивановича зверски замучили и утопили в проруби.

В конце мая пришел пароход из Томска под командованием тов. Неборак², он собрал на пути всех коммунистов. В это же время из Самарово шел пароход «Сергей» под командованием начальника Север-

¹ Герватовский Чеслав (Вячеслав) Александрович. Род. в 1891 г. в Варшаве. За противоправительственную деятельность по постановлению особого совещания от 17 ноября 1912 г. выслан в Тобольскую губернию на 5 лет. Отбывал наказание в Сургутском уезде. В 1917 г. в с. Александровском открыл потребительское общество «Прогресс».

² Неборак Александр Андреевич — командир 257-го полка, дислоцировавшегося в Томской губернии. Из состава полка была сформирована группа из 334 человек для ликвидации повстанческого движения в Сургутском уезде, которая под его командованием в конце мая 1921 г. взяла Сургут.

ной разведки тов. Федорова. Пароходы встретились на Сармановском песке, после чего «Сергей» пошел на поимку бежавших бандитов. Мне было поручено вести пароход по Лямину. В Яскиной речке поймали кулаков Дождева¹ и Бучельникова², принимавших участие в карательном отряде. Но так как ловить бандитов на пароходе было неудобно, «Сергей» вернулся обратно, дальше поехали на лодках. Не доезжая Каменного урья, нас обстреляли с берега, мы открыли ответный огонь. Когда подъехали к избушке на Каменном урье, бандитов уже не было — ушли в лес, оставив 500 пудов белой муки, шесть бочек топленого масла, 11 мешков пушнины. Все это мы привезли в Тундрино.

Главарей банды Замятина Н.А.³, Замятина А.П.⁴, Клепикова А.Г.⁵ и

¹ Дождев А.Н. — бухгалтер Сургутской районной конторы Северосоюза, один из лидеров местных антикоммунистических сил. Был членом уездного комитета общественной безопасности, после вступления в город повстанцев заведовал продовольственной частью в комитете общественной безопасности, был помощником заведующего отделом снабжения Сургутского штаба народной армии. После подавления восстания предан суду ревтрибунала (Цысь В.В. Указ. соч. — С. 211, 215, 216, 219).

² Бучельников Д.Н. — член Сургутского комитета общественной безопасности, избранного 9 марта 1921 г., зав. отделом продовольствия Сургутского штаба народной армии.

³ Замятин Николай Андреевич — учитель. Род. в 1889 г. в Сургутском уезде. Окончил Самаровское двухклассное училище, Омскую учительскую семинарию и учительский институт. Заведовал двухклассным училищем в Тюкалинском уезде Тобольской губернии, преподавал в Томской и Тульской губерниях, в Сургутском высшем начальном училище. В начале июля 1917 г. уездным съездом делегатов волисполкомов избран председателем Сургутского уездного исполкома. Затем был назначен уездным комиссаром, находился в этой должности до марта 1918 г., когда власть перешла к большевистскому Совдепу. После свержения советской власти с 30 июля 1918 г. — снова сургутский уездный комиссар. В начале декабря 1919 г. совместно с нач. милиции Волковым руководил отступлением белых из Сургута на восток. После подавления восстания скрылся. Дальнейшая судьба неизвестна (Цысь В.В. Указ. соч. С. 77–78, 120, 150).

⁴ Замятин А.П. — племянник Н.А. Замятина.

⁵ Клепиков Алексей Галактионович — уроженец Сургута, сын местного купца Г.С. Клепикова. В конце 1919 г. был назначен членом сургутской продовольственной комиссии и принял энергичные меры для вывоза в город с пристани Белый Яр 58000 пудов пшеницы, чем предотвратил голод. Затем был секретарем уездного исполкома. В марте 1921 г. примкнул к повстанцам, был осужден (Белобородов В. Другая сторона // Подорожник. Вып. 1. — Тюмень, 2005. — С. 26–29).

Яковлева И. П.¹ поймать не удалось, они прорвались и бежали в Маньчжурию. Продкомиссара Митечкина мы поймали в д. Лямино и доставили к начальнику нашей оперативной группы тов. Тимофееву. На допросе выяснилось, что его настоящая фамилия Дубровин, воинское звание штабс-капитан. Митечкин был отправлен в Сургут и осужден ревтрибуналом, прибывшим из Томска с отрядом тов. Неборака.

Начальником Северной разведки тов. Федоровым в д. Сытоминой был пойман Мазалов Андрей и расстрелян. Третьякова А. Г. мы поймали в январе 1925 года. Когда нам сообщили, что он находится дома, мы трое — я, Лукичев К. Ф., председатель Тундринского сельского совета Ядрышников Алексей Георгиевич и секретарь сельского совета ночью выехали в Сытомино, застали его на квартире в 5 часов утра. Он даже не успел оказать сопротивление и только сказал: «Сейчас я попался».

После подавления восстания состоялись похороны погибших. Все расстрелянные были перенесены в общую братскую могилу. Похоронами руководил военный следователь тов. Кораблев. На могиле был установлен памятник. Этот памятник сделал Лукичев Дмитрий. Мы его хотели установить на могиле расстрелянных колчаковцами в 1919 году. Перед приходом бандитов его спрятали, а потом установили на общей братской могиле, в которой оказался и сам Лукичев Дмитрий.

Из воспоминаний Ильи Ивановича Крюкова

Наступил 1921 год, и как-то он был смутный. Прихожу раз к Федору [Хатину], он мне говорит, что скоро уедет отсюда в Сургут. И вот летучка все время ездила через день из Локосова. Ездил до Нижневартовска лейтман Иван Яковлевич², по национальности немец, и останавливался всегда у дяди. Лейтман потихоньку передавал, что что-то творится, что связи с Тобольском нет. Стали отступать уже семьи из Сургута.

Федор уехал в Сургут и не вернулся. Когда их послали из Сургута в разведку, то они все погибли в Тундрине. Во всех деревнях кони были наготове. Согнали лошадей в Покур из Комаровой, из Кирьяса и покурских всех. Покурская молодежь сделала катушку, которую изрубил приехавший уполномоченный.

¹ Яковлев Иван Петрович, главный бухгалтер Тундринского кооператива.

² Ссылный. Член локосовской ячейки РКП(б). Расстрелян повстанцами в Сургутском уезде.

Я ездил по сбору. Только приехал в Покур, председатель говорит мне: «Выпряжешь коня и приходи в контору». Когда я пришел, он говорит мне: «Иди в склад, проверь, сколько мест будет всего груза. Сегодня будем все вывозить обозом вверх. И вся пушнина, все, что есть, должно быть закупорено и заколочено в ящики или в мешки зашито».

Я так и сделал. Когда пришел в склад, то уже все почти было готово. Закупорил я, все посчитал и пришел председателю доложил. Он мне сказал: «Вот ты с этим грузом поедешь до того места, где передадут на других лошадей».

Вечером, как только стемнелось, к складам подвели коней, грузили, что имелось: свинец, порох, сахар, масло, мануфактуру. Когда все погрузили, обоз двинулся в направлении на Вартовск через Вату. Обоз вышел в ночь. На другую ночь был уже в Ермаковой. Ночью, часов в 12, пригнал нарочный, чтобы обоз немедленно двигался вперед. Когда обоз пришел в Нижневартовское, сразу сменили лошадей. Все те кони, которые шли с обозом из Покура и Ивашкина, были заменены. Быстрое движение обоза объяснялось тем, что отряд красных был в Вате, а белые уже были в Покуре, а разведка белых обнаружилась около Ваты. Поэтому обоз быстро двигался вперед. К 10—12 часам отряд красных был уже в Вартовке, и руководители Зорин и Зырянов решили встретиться с белыми. В ночь была выслана разведка, в которую поехали двое — Хатин Степан, покурский коммунист, и ермаковский Казбеев. Были выставлены по дороге от Вартовска часовые, которые были местные жители из Вартовска.

Сам отряд разместился в нескольких домах. Зырянов, Зорин, Чвинов были на квартире у коммуниста Слинкина Тимофея Аркадьевича. Зорин с покурскими мужиками-возчиками всю ночь пробеседовал о советской власти, о вожде Ленине. Тут был из Ермаковой Мартемьянов Антиподист, которому Зорин дал указание, чтобы его 10 лошадей были все время в запряженном виде, и отряд в любую минуту мог выехать.

Разведка, которую выслали узнать, где белые, по дороге из Вартовска в Ермаково попала к белым в плен. Белые обо всем узнали и утром — уже солнце взошло высоко — они подъехали к Вартовску. Часовые ушли с постов. Белые, подъехавши, открыли стрельбу. Отряд красных столпился между домов, где проходила дорога, и стал отстреливаться. В то же время нужны были кони, которые были предназначены под отряд. Мартемьянов дуги от всех своих коней спрятал, и коней под

отряд не было. Мужики, которые были поблизости, запрягли своих коней и стали подавать под отряд.

Мы в это время были в Тыриковском доме против той дороги, которая ведет в Былино. Когда началась стрельба, то из дому выскочили и легли за дом я, Баталин Григорий, Баталин Иван и Баталин Василий и ряд мужчин вартовских и уже видим: лежат убитые, а стрельба идет почти рядом с нами из-за угла. Подали коней, раненых склади в сани и погнали в Былино. Было убито по дороге 4 человека. И когда открылась стрельба, то вартовский милиционер, который бежал туда, где отстреливаются, по дороге был убит. Из всех пятерых были убиты на месте Зырянов, Зорин, Чвинов, Медведев, а пятого фамилию не знаю. Только красные отступили, этот же Мартемьянов запряг своих 10 лошадей и посадил отряд — часть белых — и погнались за красными по дороге на Былино. Красных не догнали и вернулись обратно, где отряд белых ночевал и только на другой день в половине дня вышел вслед за красными.

Когда бой кончился, то мужики, которые тут были, стали спрашивать: «Какая власть?» — Белые говорят: «Чисто советская власть без коммунистов».

Когда отряд белых ушел из Вартовска, то вечером привезли Хатина и Казбеева. Белых солдат было человек 12, которые догоняли отряд. В ночь они были в Былино, и мне довелось быть возчиком. Я запряг трех лошадей, и еще тут запрягли коней, чтобы довезти этот отряд до Былиной. На мою переднюю лошадь садится один солдат, а на второго моего коня садят Казбеева и Хатина, а на третью лошадь садятся два солдата. Когда мы выехали из Вартовска, то эти конвойные уснули. А погода была теплая. Доезжая до верхнего устья Чехломея, спускаться стали с горы. Смотрю: солдаты спят, не шевелятся. Я на своих лошадях ехал в хвосте обоза. Доезжая до середины реки, я остановил своих лошадей и стал поправлять у коней на седелках. Остановил с целью проверить, действительно ли спят конвойные. Проверив, что конвой замертво спит, я подошел к Хатину и говорю: «Бегите к Чехломею прямо на лошади. Это мой конь. Загоните его, черт с ним, бросьте его, а сами скройтесь». И прямо им предлагал, куда бежать. Да ведь и они должны были сами понять. Но сколько я их ни уговаривал, так они и не согласились бежать. Четверть часа стояли, и все же не решились убежать.

Когда приехали в Былино, то там уже подают коней под этот маленький отряд. Когда я подъехал, толпились у лошадей и кричат: «Да-

вай арестованных сюда!». Хатин Степан говорит: «Дайте нам одежду потеплее». (А их везли в одних телогрейках). А ему отвечают: «Скоро согреем!». Арестованных довезли до Сосниной и там их расстреляли.

Когда бой был в Вартовске, то с красными был Прилуцкий Стесько, так его звали. У него я видел военную винтовку. С красными он не отстреливался, а был в доме Михаила Тырикова. Потом он оказался у белых. И еще тут было сколько человек, они тоже перешли к белым.

Мы жили в Вартовске целую неделю, когда только вернулись кони вартовские, то мы, все покурские, уехали в Покур.

Белые дошли до Мурасов, где встретились с красными. У Мурасов был бой, и оттуда белые стали отступать. Они гнали лошадей и из деревень угоняли мужчин с собой. Доехав до Покура, отряд белых остановился и думал дать бой красным, послал в разведку через Пасыл Липецкого¹.

Я в то время был в Покуре — меня не отпускали, был приказ белых, что никто не имеет права в запряженном виде водить лошадей на водопой. Но мои родители жили в Пасоле, и я хотел уехать домой, но мне никак не удавалось. Для побега у меня все было подготовлено. Все лежало во дворе в яслях под сеном: подволоки, котомка с продуктами и дядина берданка. Вечером, когда стало темнеть, я запряг своего коня и повел поить. Привожу на взвоз, тут стоит часовой, который никого не пропускает, если лошадь запряжена. Стоял покурский мужик Вахлов Дмитрий Иванович. Он меня не пропускает, а я его упрашиваю. Я решил действовать нахрап и, не обращая на него внимания, повел коня под гору, к проруби. Напоил коня, поправил седелку, немного постоял, сел и только он меня и видел. Прогнал 15 километров до Кирьяса, где было два дома. Подъезжаю к дому Попова Михаила, который как раз был в ту пору во дворе, и говорю ему, что конь у меня не терпит доехать до дому, потому что дорога мягкая в проступь. Он мне посоветовал не заходить в дом. «У меня много беженцев, которые свертывают в сторону с дороги. А коня отпряги вон там. У меня за двором есть землянка, уведи туда, а сам ложись в бане. Рано утром я тебя подниму».

Так я и сделал, лег в бане под полок, подложив немного сена. Прошло много или мало времени, вдруг мимо бани кто-то быстро проехал и не

¹ Липецкий Алексей Ефимович (1881—после 1932) — командир одного из отрядов повстанцев. После подавления восстания долгое время разыскивался, но так и не был пойман.

на одной лошади, а вроде как на трех. После этого слышу шум около двора. Я сразу догадался, что это погоня за мной. Немного погодя баня открылась, но полок от двери был заколочен досками так, что они меня не видят. Посмотрели и ушли.

Прошло дивно времени, они стали собираться уезжать обратно. Но когда пошевелили своих коней, то мой конь заржал в землянке. Они кинулись туда и обнаружили моего коня. А для того, чтобы узнать меня и мою лошадь, взяли покурского мужика Илью Михайловича Конева. Илья Михайлович и три солдата — двое ханты и один русский — когда обнаружили моего коня, то стали снова искать меня, зашли опять в баню и тут меня обнаружили. Вытащили из-под полка, несколько раз ударили прикладом, а я по-хантыйски им говорю, что я домой поехал. Они в потемках подумали, что я ханты, и больше меня не шевелили, а посадили с собой, забрали моего коня и повели в Покур.

Только солнце чуть поднялось, прямо меня в штаб привели. Сидят в Бабининском доме за столом много мужиков и снаряжают патроны для ихних ружей. Меня посадили в угол. По обе стороны встали конвойные, а один пошел докладывать начальству. Начальство все находилось на квартире у моего товарища Филиппа Низовских. Он ушел добровольно к белым, хотя и был комсомольцем. Конвойные не разрешают разговаривать мужикам со мною.

Прошло не так много времени, в штаб приходит начальник штаба некий Зенцов. Стал на меня кричать: «Ты к красным побежал, расстрелять тебя надо!». Но мужики, сидевшие тут, Морозов Степан, Черкашин Захар, Черкашин Елисей, говорят: «Мы его на поруки берем. Этот парень наш, и он не к красным поехал, а домой к родителям». Зенцов их слушать не стал и строго-настрого запретил вести со мной какой-либо разговор.

Прошло еще часа два после того, как Зенцов ушел. Заходит мой друг Филипп, посмотрел на меня, покачал головой и ушел. Ну, думаю, все же попал, не сумел укрыться. Не в долги время после того, как ушел Филипп, приходит солдат, приносит бумажку конвойным: «Крюкова из-под стражи освободить». И меня отпустили.

Но что-то меня сомнение берет. То расстрелять, то отпускают. Вышел из штаба, но везде, куда ни кинешься, полно народу — белые солдаты и те, что отступают, мужчины. Когда я пошел, то за мной идет человек — Яков Петрин. Прихожу я к дяде в дом, тетка дала мне поесть, и

Яков тут же зашел к нам. После этого, куда бы я ни пошел, все время за мной по пятам ходит Яков, и никак я в народе от него скрыться не могу. Я понял: он ко мне приставлен за мной следить.

Часа в три дня нечаянно встречаюсь с другом Филиппом. Отошли в сторонку и стали беседовать, в это время Яков к нам не подошел. Я обращаюсь к Филиппу: «Как решаешь дальше? Давай убегай, Филипп, я тебя прошу, иначе ты погибнешь. Как так получилось, что ты пошел к ним и все начальство к себе привез? Ведь ты против брата пошел, ведь Ефим добровольцем к красным ушел, а ты к белым? Выбери время и беги от них. У меня одна мысль: бежать».

На мои слова Филипп ответил: «Никак не могу сейчас». Я ему предложил: «В пути можем сделать это». Но, видимо, он не надеялся на себя, что сможет 5—6 дней ходить на лыжах. Он мне говорит: «Бойся Якова, он приставлен следить за тобой. Вот скоро разведка должна прийти из (1 нрзб.), Липецкий уехал туда через вашу деревню, и будет решаться вопрос: будут ли тут бой делать или дальше отступать». А я: «Филипп, бежать, только бежать! Но это, друг, только между нами. Разговор должен быть мертв, никто о нем не должен знать». С разговором мы долго задержались, но Яков стал подходить к нам, и Филипп переменил разговор на девчонок и сам захохотал. Так мы разошлись.

Прошло не более часа, и Яков спрашивает меня:

— Ты на ком поедешь? Твоего коня угнали, уехали на нем учительницы — одна покурская, другая ватинская.

Я ему ответил, что поедем с дядей. У нас лошадь есть, кобылица. Нам одной хватит.

Тут было слышно, что разведка вернулась и узнала, что красные пришли в Вату, и узнали, сколько людей и сколько пулеметов. Но я хорошо сделал, не поехав дальше из Кирьяса: попал бы навстречу разведке Липецкого и могло бы быть хуже.

До самого вечера, когда стало темнеть, я не мог скрыться от Якова. В бакшеевском доме была столовая, где кормили солдат, а девахи варили суп, чай грели и обслуживали. В то время работала Елена Евстигнеева на кухне. Я зашел в столовую, за мной Яков. Я снимаю все верхнее и шапку, вешаю на вешалку и говорю Якову:

— Хочешь обедать? Я буду обедать.

Он мне говорит, что тоже можно.

Захожу на кухню, Елена одна. А мы с ней хорошо знакомы. Говорю ей: «Дай нам поесть». И говорю, что все оставляю тут, на вешалке — подбери. Захожу в столовую. Яков сидит за столом. Принесли нам суп. Я немного отхлебал и говорю Якову: «Я хочу пить. Тебе надо?». Он говорит: «Нет». Но я не пил, а договаривался с Еленой, чтобы никому о нашем разговоре не сказала. Когда принес воды, Яков попил. Я немного помешкал и пошел еще пить и предложил Якову, но он отказался. Когда я из столовой выходил на кухню, то много солдат зашли есть. В это время я на улицу и скорее к дяде. Тетка Тая одна. Она мне по-быстрому дала шапку и дядину тюфайку, и я сразу во двор. А двор стоял около леса, на задах. Стал на подволки, котомку и берданку с собой и сам в лес подался, а через лес на сор Покурский Ёган.

Петрин хватился, что меня нет, и забегал. Прибежал к тетке, спрашивал меня. Она сказала ему, что как днем вы ушли с ним, и больше он не был. Когда Яков побежал разыскивать меня, то Елена в то время убрала мою одежду. Он снова прибежал в столовую, спросил у Елены обо мне, но она сказала, что больше меня не видела, а уже в деревне поднялся шум — белые решили отступить.

Выбежал я на сор уже шибко темно, но слышен был шум в деревне. Когда я бежал по сору, то впереди меня тоже кто-то бежит. Когда мы с ним сошлись, а это был брат Елены Григорий.

И вот мы с ним и пошли в избушку — так называется Оськина сайма за Сенькиным островом. Когда в избушке мы расположились, то всю ночь приходили люди. Первыми пришли Князев Дмитрий Николаевич, Кузнецов Трофим, Зоркальцев Петр, Медведев Трофим, Панкин Алексей, Крюков Егор, Потапов И., Конев Н., Кошкаров Д. Переночевали, и еще ночь прошла. Потом пошли в деревню. А навстречу уже ехали за нами на конях Спиридонов Иван Евгеньевич и Крюков Митрофан (дядя мой). А красные из Покура ушли в Локосово, а потом был бой под Широковым. Красные весновали в Локосово, а белые — в Сургуте. Весной за льдом пришел из Томска бронированный пароход, и Сургут сдался без боя. Белые все разбежались, в том числе и Филипп. Но к вечеру он вышел к красным и был расстрелян. А на другой день пришел в Сургут бронированный пароход из Тобольска. На нем приехал и брат Филиппа Ефим, который воевал у красных. <...>

Лишние люди

Весь советский период российской жизни, т. е. три четверти XX в., Гражданская война преподносилась идеологами исключительно в позитивном плане. Конечно, не могли не констатироваться послевоенная разруха, упадок хозяйства. Но о людских потерях говорилось скупо. «Разгромлена банда», «подавлен мятеж», «нанесен сокрушительный удар» — все это о соотечественниках; эти потери списывались как естественные. Гражданская война в духе классовой нетерпимости героизировалась вместо того, чтобы быть признанной национальной трагедией.

Чтобы вполне оценить стоимость людских потерь в Гражданской войне, нужно видеть не серую массу, а каждого из таких «лишних» людей по отдельности, в полный рост. Сделаем это на примере одного из бесчисленных эпизодов войны — расстрела заложников в г. Березове весной 1921 г.

Вскоре после начала на юге Тюменской губернии крестьянского восстания в с. Обдорском для противостояния повстанцам был образован Тобольский Северный военно-революционный комитет в составе Протасова-Жизнева (председатель), Сосунова и Волкова, подчинивший себе весь север губернии, и 19 февраля Березовский уездный революционный комитет, в который вошли Сирота (председатель), Панов и Пензин.

Менее чем за сутки Березовский ревком издал ряд приказов, которыми упразднил уездный исполком (возглавлявший его Сенькин отсутствовал на тот момент), подчинил себе его отделы, ввел военное положение, потребовал от населения сдачи в течение 24 часов всего оружия, объявил мобилизацию всех лошадей и упряжи, установил контроль над телеграфом и почтой и взял под стражу в качестве заложников 15 граждан г. Березова.

В приказе № 6, отданном в 4 часа 25 минут 20 февраля, содержится угроза: «Революционный комитет... предупреждает, что при малейшем

выступлении от граждан г. Березова к восстанию взятые заложники будут расстреляны. В случае полного спокойствия со стороны граждан г. Березова революционный комитет обещает и дает полную гарантию за безопасность и жизнь взятых заложников. Таковую же меру воздействия провести в уезде». Практика заложничества и убийств без суда не приветствовалась большевистским руководством Тюменской губернии. Председатель губчека П.И. Студитов в радиোগрамме, разосланной на места, предостерегал: «...К повстанцам следует относиться гуманно. [...] Захваченных главарей не расстреливать, а оставлять до суда...» (Петрушин А.А. На задворках Гражданской войны: кн. 2. — Тюмень, 2004. — С. 151). Но березовские большевики не приняли этого предостережения и перед своим отступлением на Обдорск расстреляли и утопили в прорубях не «бандитов», а мирных противников советской власти.

Список расстрелянных взят из церковной метрической книги, хранящейся в Березовском ЗАГСе, в нем 21 человек. Некоторые из этих людей будут представлены бегло, другие только названы, т. к. почти ничего о них неизвестно. Среди заложников были жители нескольких населенных пунктов Березовского уезда. По-видимому, за предшествовавшие годы сторонники советской власти хорошо узнали своих противников и в противостоянии, и в сотрудничестве и их выбор заложников был обдуманным и прицельным.

Алмазов Валентин Иванович

На Тобольском Севере появился в 1920 г. Единственный пока источник, из которого удалось что-то узнать о нем, это издававшаяся в Тобольске повстанческая газета «Голос Народной Армии». В номере за 26 марта 1921 г. помещен некролог «Валентин Иванович Алмазов». В нем сообщается, что Алмазов — старый партийный и общественный работник, принадлежавший к партии эсеров, по профессии журналист. В 1917 г. в Поволжье после октябрьского захвата власти большевиками перешел на нелегальное положение и был известен как Валентин Павлович Разумовский. В 1918 г. участвовал в антикоммунистическом восстании в Казани, работал в Москве. В 1919 г. приехал в Сибирь, работал инструктором кооперации сначала в «Закупсбыте», затем в Центросоюзе. В 1920 г. Алмазов принял предложение Центросоюза заняться научной работой по экономическому исследованию Тобольского Севера и приехал в Березов. В номере этой же газе-

ты за 1 апреля 1921 г. дополнительно сообщается, что В.И. Алмазов был избран членом Учредительного собрания от Симбирской губернии.

В корреспонденции «Вести из Березова» в «Голосе Народной Армии» за 1 апреля 1921 г. сообщается, что тела В.И. Алмазова-Разумовского и П.Ф. Равского погребены в отдельных могилах рядом с брат-ской могилой.

Горкушенко Ефим Константинович

Житель с. Кондинского (ныне райцентр Октябрьское). Поселился здесь, по-видимому, в конце XIX в., в метрической книге церкви с. Полноват за 1900 г. записан как тобольский мещанин. Занимался рыбным промыслом и торговлей. В селе до сих пор его помнят, называя по-местному Горкушовым или Коркушовым. Селу от него остался просторный красивый дом, в 2001 г. в нем помещался детский сад.

7 сентября 1922 г. президиум Березовского уездного исполкома распорядился в отсутствие хозяина, расстрелянного как контрреволюционер, конфисковать все его имущество, за исключением одного амбара, дома с пристройками и мебель сдать Кондинскому волостному исполкому, весь рыболовный инвентарь и постройки на рыболовном песке передать в распоряжение на правах аренды под ответственность председателя волысполкома (ГАХМАО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 2. Л. 12).

Григорьев Алексей Степанович

Род. около 1892 г. Происходит из семейства обрусевших остяков с. Малый Атлым Березовского уезда, известных как культурные и зажиточные хозяева. Малоатлымский крестьянин Яков Григорьевич Григорьев в 1895 г. промышлял на рыболовном песке Кондинского монастыря (ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 352. Оп. 1. Д. 418). В 1898 г. он уже числился в березовских купцах и торговал в Малом Атлыме. Тобольский купец А.А. Сыромятников, проезжавший в 1892 г. мимо Малого Атлыма, записал в дневнике: «Прекрасный картофель, который мы видели у Григорьева, служит доказательством, что он может хорошо здесь родиться» (Поездка на Северный Урал летом 1892 г. — Тюмень, 2004. — С. 23).

Алексей Степанович выбрал себе профессию учителя и окончил курс в Омской учительской семинарии. Известно, что в 1912 г. он преподавал в школе с. Елизарова Березовского уезда, построенной местными крестьянами в 1907 г. (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф 156. Оп. 24. Д. 550. Л. 433 об.).

Гурьянов Филипп Артемьевич

Предприниматель. Попал в Сибирь из г. Хвалынска Саратовской губернии, где был осужден «за намерение учинить поджог дома управляющего именем» и после отбывания наказания сослан в г. Ялуторовск Тобольской губернии. Оттуда вскоре перебрался в Тюмень, где обратил на себя внимание тем, что через подставных лиц вел бойкую беспатентную торговлю вином. Получил предписание губернатора вернуться в Ялуторовск, но т. к. с его исполнением не спешил, то местом его высылки был назначен северный город Березов. После этого Гурьянов исчез. Полиция около двух лет искала его, но он в 1897 г. объявился сам и был препровожден в Березов (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 15. Д. 46).

Здесь он быстро освоился, открыл на имя матери виноторговлю, а после освобождения от гласного надзора стал заниматься развозной торговлей, рыбным промыслом, поставкой дров для пароходов, открыл в своем доме кинотеатр. Действовал Гурьянов смело, балансируя на грани между дозволенным и незаконным, и порой восстанавливал против себя некоторых березовцев.

Отвечая на запрос губернатора по поводу одной жалобы, уездный исправник Л. Н. Ямзин дал Гурьянову такую характеристику: «...ничего особенного в поведении Гурьянова, что бы вызывало такую меру, как выселение его из Березова, нет; вся эта нетерпимость основывается на личной антипатии к нему некоторой части городского населения, тогда как другая часть жителей г. Березова, насколько я мог убедиться, ничего против Гурьянова не имеет. Могу сказать про Гурьянова, что это ловкий, изворотливый торговец, очень сведущий в тяжбных делах и потому представляющий из себя для городского управления в тяжбах сильного противника» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 23. Д. 142).

У Ф. А. Гурьянова была большая семья. Четверо его сыновей — Владимир, Георгий, Михаил и Петр — погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Потомки его живут в Березовском районе, в Тобольске и, по-видимому, во многих других местах.

Колесников Иван Семенович

С 1905 по 1916 г. — преподаватель ремесленного отделения Березовского городского трехклассного училища, с 1 января 1914 г. преобразованного в высшее начальное училище. До этого жил в Тобольске, имел свою столярную мастерскую, с 1904 г. преподавал в Тобольской сель-скохозяйственной школе.

Талант и мастерство Ивана Семеновича высоко ценил смотритель Березовского училища Ф.Ф. Ларионов. В своей книге «Семейная хроника» многие строки он посвятил Колесникову, активно участвовавшему во всех общественных делах. В частности, когда при Березовском училище открылась общественная Пушкинская библиотека, Колесников сделал для нее добротные шкафы, впоследствии они перешли в собственность районной библиотеки. В 1916 г. И.С. Колесников оставил службу в училище и принял участие в экспедиции И.И. Эльпорта на Ямал. Занимался предпринимательством: завел смолокурный завод в Игриме, участвовал на паях в сооружении лесопильного завода в Березове.

После гибели И.С. Колесникова его семья осталась на Тобольском Севере. Сын Павел Иванович (р. 1909), мастер спецпосола рыбы, работал на Тазовском и Салехардском рыбзаводах. Михаил Иванович (1912–1962) был начальником Полноватского рыбучастка. Пожалуй, наиболее заметный след оставил старший сын Георгий Иванович (1904–1950). В год гибели отца он окончил школу в Березове, затем курсы учителей. До 1932 г. работал учителем в Березове. В эти годы много занимался краеведением, печатался в журнале «Просвещение на Урале» и др. периодических изданиях Уральской области. Потом был охотоведом в североустроительной экспедиции на Ямале, научным сотрудником Тобольского музея, преподавателем и директором торгово-кооперативной школы в Ханты-Мансийске, директором учебного комбината Госрыбтреста в Тобольске.

Корепанов Михаил Дмитриевич

Сын видного березовского рыбопромышленника Дмитрия Васильевича Корепанова, которого горожане избирали и городским головой (1884), и старостой Воскресенского собора (1889–1892), и уполномоченным городского собрания (1904).

Добрую память об ученике Михаиле Корепанове сохранил Ф.Ф. Ларионов, который писал в 1950 г. В. И. Таскаеву: «Сходите к жене покойного Миши Корепанова и справьтесь, сохранились ли там от Миши фотографии, из которых многие могут иметь краеведческое значение...».

Как пишет историк В.В. Цысь, после установления в Березове весной 1918 г. советской власти «сторонники Временного правительства попытались привлечь на свою сторону ханты близлежащих селений». К ним были направлены «торговец М.Д. Корепанов и писарь инородной упра-

вы М.В. Усков». Они должны были привести вооруженных аборигенов, чтобы с их помощью освободить арестованных Л.Н. Ямзина и С.П. Шахова, авторитетнейших людей Березова, но не смогли этого сделать и сами были арестованы (Цысь В.В, Север Западной Сибири в период Гражданской войны 1917—1921 гг. Нижневартовск, 2005. — С. 53—54).

После окончательного установления советской власти Березовский уездный исполком постановил 2 октября 1922 г.: «По акту № 3 расстрелянного Корепанова (1 нрзб.) конфисковать $\frac{1}{3}$ всего (2 нрзб.) оказавшегося в наличии и передать в уземотдел верхний этаж дома и мягкую мебель и 1 стенное зеркало» (ГАХМАО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1. Л. 18 об. — 19). Впоследствии в верхнем этаже муниципализированного дома Корепановых размещался народный суд (Набокова Л. Как создавалась муниципальная собственность // Жизнь Югры, 1997. — 23 апреля).

Кузнецов Александр Прокопьевич

Род. около 1880 г. Переселился в Березов с Урала, в 1908 г. еще числился членом мещанского общества г. Ирбита. В том же году был избран членом Березовского раскладочного присутствия, что говорит об его осведомленности в торгово-промышленном деле. В 1910 г. женился на дочери березовского купца Ольге Ивановне Добровольской.

1 июня 1912 г. собрание городских уполномоченных рассмотрело его заявление о покупке за 200 р. земли, находящейся в 18-м квартале по Мещанской улице в Богородицком ручье с северной стороны дома Гурьяновой по улице к церковному дому Богородице-Рождественской церкви. Постановлено продать с торгов.

22 октября 1915 г. он совместно с П.А. Плехановым, П.Ф. Равским и И.С. Колесниковым обратился к собранию городских уполномоченных с заявлением о предоставлении в аренду на 20 лет участка земли на правом берегу Сосьвы, против города, длиною в 200 и шириною в 60 саженей для постановки ветряной лесопилки (Михайленко А. Будни северного городка // Югра. 2007. — № 4. — С. 61). Участок был приобретен, лесопильный заводик к 1921 г. уже действовал.

Кузьмины Григорий, Илларион и Лука Тимофеевичи

Ревизской сказкой 1 декабря 1859 г. был зафиксирован причисленный к Кондинскому крестьянскому обществу Березовского округа по с.

Мало-Атлымскому 57-летний крестьянин Яков Арефьев Кузьмин с рожденными в Сибири сыновьями Ильей, Ксенофонтом, Иринархом и Тимофеем (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 996. Л. 1об.). От них и пошел обширный малоатлымский род богатых крестьян Кузьминых.

Дома и прочие постройки расстрелянных братьев в 1920-е гг. были муниципализированы (Набокова Л. Как создавалась муниципальная собственность // Жизнь Югры, 1997. — 23 апреля).

Двое из сыновей казненных — Александр Илларионович, 1914 года рождения, и Евгений Григорьевич, 1910 года рождения, — погибли в годы Великой Отечественной войны (Память. Т. III. Тюменская область. [Б. м.], 1994).

Кушников Николай Тихонович

Род в 1871 г. Выходец из сургутского казачьего рода. Чиновник. Службу начал в 1892 г. в родном Сургуте с должности канцелярского служащего окружного полицейского управления. Затем служил в г. Тюкалинске Тобольской губернии, снова в Сургуте. Оттуда «для пользы службы» перемещен становым приставом в с. Кондинское Березовского уезда, потом был помощником тобольского и березовского уездных исправников (Белобородов В. Кушниковы // Югра, 2002. — № 3. — С. 29–33). В. 1917 г., когда полицейское управление было упразднено, Кушников получил назначение на должность начальника уездной милиции. С 1 октября 1918 г. служил бухгалтером Березовского казначейства.

Имел большую семью. В 1919 г. его сын Александр, поручик 6-го Сибирского степного кадрового полка, погиб в бою с красными на территории Березовского уезда.

В алфавите граждан Березова, обязанных нести трудовую повинность во второй половине 1921 г., записаны четверо детей Н.Т. Кушникова: Ксения (учительница, служила в уездном отделе народного образования), Мария, Константин и Ксенофонт.

Охранов Алексей Григорьевич

Род. около 1877 г. Священник. Из инородцев Кондинской волости Березовского уезда. В дни переписи населения 1897 г. в инородческом пансионе при Тобольском Знаменском монастыре жили воспитанники из Березовского округа Василий Григорьевич и Павел Васильевич Охрановы.

А.Г. Охранов в 1894 г. окончил двухклассное училище. В 1904—1905 учебном году был учителем миссионерской инородческой школы в Обдорске и состоял в переводческой комиссии для создания учебников и литературы на инородческих языках при братстве во имя святителя Гурия Казанского и Свияжского чудотворца (Еремеева О.И. О влиянии Православной церкви на духовное развитие народов Северо-Западной Сибири (конец XIX—начало XX вв.) // Русские старожилы. — Тобольск; Омск, 2000. — С. 43—44). Осенью 1903 г. передал в библиотеку братства рукописи инородца Качакарских юрт Котской волости Березовского округа Григория Афонасьева Охранова (по-видимому, своего отца) «Предание, исторический рассказ Котцкого княжества Алачевых» и «Население Котцкого монастыря или Кондинского села русским народом». Обе хранятся в архиве Русского географического общества. Опубликованы Ю.Л. Мандрикой в пятом выпуске «Подорожника». С 1905 г. служил дьяконом, с 1907-го — священником. С 1908 г. — священник Няксимвольской церкви.

Равский Петр Феликсович

Род. в 1885 г. в г. Березове в семье купца 2-й гильдии Феликса Осиповича Равского (ок. 1848—1903), происходившего из дворян Гродненской губернии. 16-летним юношей «за бытность в шайке мятежников проводником... лишен всех... прав и преимуществ и сослан на житье в Тобольскую губернию» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 531. Оп. 1. Д. 6). В Березове стал торговать хлебом, вином и др. товарами. Не чужд был общественной деятельности, поддерживал денежными взносами некоторые благие начинания, построил на собственные средства дом для инородческой больницы.

П.Ф. Равский окончил в 1906 г. Тобольскую гимназию и поступил на юридический факультет Томского университета. В апреле 1907 г. уволен за невзнос платы за учебу. Есть свидетельство, будто затем он некоторое время учился в Петербургском университете. Возвратившись в Березов, вел торговые дела семьи и с 1914 г. некоторое время преподавал в местном училище.

Весной 1917 г. началась политическая деятельность П.Ф. Равского: он был избран в Березовский уездный комитет общественной безопасности, а летом 1917 г. — городским головой (ГУТО ГА в г. Тобольске).

Ф. 722. Оп. 1. Д. 41, 51). Все годы революции и Гражданской войны, за вычетом времени, когда уездом управляла советская власть, Равский был одним из местных руководителей. При этом он не оставлял предпринимательской деятельности. 1 июля 1919 г. проезжавший через Березов путешественник записал в дневнике: «На другой стороне Сосвы, против города, лесопильный завод и мукомольная мельница. Мельница работает, смальывая в свой 10-часовой рабочий день до 200 пудов зерна. На днях хотят пускать в ход лесопилку. Завод принадлежит частному товариществу, членом которого — местный городской голова Равский» (Дмитриев-Садовников Г. М. Экскурсия по р. Сосве и др. в 1919 году // Лукич. 2000. — № 4. — С. 8).

После смерти Равского «Голос Народной Армии» напечатал некролог, автор которого, подписавшийся псевдонимом «Северянин», назвал его «одним из виднейших общественных деятелей» и «редким по своим качествам человеком». «Не было такого дела, — говорится в некрологе, — в которое бы он не вложил свою душу, на которое бы он не пролил света своих знаний, и город Березов не забудет его заслуг и в своей истории отведет покойному почетную страницу». Приходится с горечью констатировать, что пророчество это не сбылось и вместо личности было оценено имущество. 2 октября 1922 г. президиум Березовского уисполкома постановил: «По акту № 4 расстрелянного Равского имущество конфисковать, за исключением амбара, принадлежащего брату Валентину, комода, гардероба и стола, принадлежащего сестре его Юлии. Рояль передать в распоряжение наробраза» (ГАХМАО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 2. Л. 19).

В третьем томе книги «Память» по Тюменской области есть запись о гибели в бою 14 ноября 1942 г. лейтенанта Равского Владимира Петровича, родившегося в Березове в 1918 г., единственного сына Петра Феликсовича и Евгении Васильевны Равских.

Старков Федор Николаевич

Служащий Березовского полицейского управления. Поступил в березовскую полицию младшим городовым 10 ноября 1897 г. С 7 июля 1903 г. назначен полицейским урядником и состоял в разных участках Березовского уезда до расформирования полиции в 1917 г., характеризовался как исправный служащий. В 1917 г. собрание уполномоченных г. Березова нашло такое применение способностям Ф.Н. Старкова. Городу требовался сборщик денег в небогатую городскую казну за прича-

ливание судов к городской пристани, выгрузку кладей, извозный промысел, пользование береговыми участками. Собрание решило, что в Березове есть только один подходящий для такого дела человек — Ф.Н. Старков, положило ему на период с июня по октябрь по 40 р. в месяц и постановило выдать квитанционные книги.

Шахов Семен Прокопьевич

Человек с новаторским складом личности, автор смелых хозяйственных инициатив. Имел серьезный вес в березовском обществе, многие годы избирался городским старостой и на другие руководящие должности, в марте 1917 г. назначался уездным комиссаром Временного правительства.

В 1880-е гг. начал мариновать сосвинскую сельдь по собственному оригинальному способу, описанному в статье «Исследование рыбных промыслов в Иртышско-Обском бассейне» (Сибирская торговая газета. Тюмень, 1898. — № 93). Открыл рыбоконсервное производство, существовавшее несколько лет. В 1904 г. основал близ Березова ферму с целью наладить коммерческое молочное производство. Занимался улучшением породы местного скота. На ферме вырабатывалось масло, которое шло в продажу. С 1910 г. применял на заготовке кормов сенокосилку и конные грабли, делал попытку посева кормовых трав. Ферма погибла от наводнения 1914 г.

По сообщению «Голоса Народной Армии» от 3 апреля 1921 г., С.П. Шахов был расстрелян первым из заложников. Газета воспроизводит содержание приказа Тобсеввоенревкома, приведенного в исполнение в ночь с 21 на 22 февраля: «...В Березове нашими врагами были пущены провокационные слухи о положении происходящего. Тобсеввоенревком приказал Березовскому уревкому расстрелять одного из заложников в Березове, дабы все негодяи поняли, что северные коммунары издают приказы и приводят их в жизнь. Пусть трещат душонки наших врагов. Сегодня расстрелян один, завтра, если повторятся подобные слухи, а главное, будет пролита хоть одна капля крови коммуниста, тогда Тобвоенревком прикажет утопить в реке не одну сволочь, а десятки и не только в Березове, Обдорске, но и во всех увоенревкомках и волвоенревкомках. На основании приказа Тобсеввоенревкома Березовский увоенревком расстрелял и утопил заложника-гражданина Шахова Семена Прокопьевича. За точное беспрекословное выполне-

ние приказа ... Березовский уревком занесен первым на боевую красную доску и ему от имени воли всех славных коммунаров Севера приносится благодарность, в частности, предревкому товарищу Сироте, главкому Данилову и всем товарищам, помогавшим выполнить приказ, об этом будет донесено Совнаркому и Предреввоенсовета товарищу Троцкому...». Более красноречивой иллюстрации к теме «Гражданская война» трудно было бы подыскать.

С.П. Шахов не записан в церковной метрической книге среди погребенных. По-видимому, тело его не было найдено.

В книге латиноамериканской писательницы Клариссы Пинколы Эстес есть такие слова: «Война никогда не заканчивается в одночасье. Первая война идет, пока ведутся боевые действия. Вторая, куда более затяжная, начинается, когда прекращаются сражения; она длится многие годы. Порой для того, чтобы закончилась война, должно смениться несколько поколений». Так и было после 1921 г.: продолжился отъем собственности у состоятельных людей (конфискации, поиск спрятанных ценностей, муниципализация домов и других строений), введение трудовой повинности, «твердых заданий» для «бывших», лишение избирательного права, доносительство, раскулачивание, ссылки, новые расстрелы в 1937 г. Все это пришлось испытать членам большого семейного клана Бешкильцевых из с. Сартынья Березовского уезда. Среди расстрелянных заложников были братья Иван Михайлович и Нестор Михайлович Бешкильцевы и их племянник Николай Иоакимович Бешкильцев.

Семья эта интересна тем, что с первой половины XVIII в. Бешкильцевы занимали священно- и церковнослужительские должности в Христорождественской церкви с. Сартынья Березовского уезда. Иван и Нестор Михайловичи, сыновья священника Михаила Васильевича Бешкильцева (1823–1904), занимались рыбным промыслом, оленеводством. Особо стоит сказать об Иване Михайловиче (род. около 1862), на недюжинные способности которого обратил внимание финский исследователь Август Алквист, путешествовавший по Северной Сосьве. 15-летний Иван Бешкильцев участвовал в его экспедиции. Вот как Алквист отозвался о нем: «В моем молодом вогульском переводчике я нашел чрезвычайно полезного знатока языка, которого не мог смутить никакой вопрос. [...]... чего ему не хватало по возрасту, он более чем достаточно возмещал грамматическим усердием, а также ясностью при-

родного ума...» (Алквист А. Среди ханты и манси: путевые записи и этнографические заметки. Томск, 1999. — С. 115–116).

Сын Ивана Михайловича Георгий примкнул к повстанцам, при ходе красных покончил самоубийством. Сын Василий был призван в Красную армию, дезертировал, скрывался в лесу, где и умер. Старший сын Аввакум также скрывался полгода от советской власти. После подавления восстания президиум Березовского уездного исполкома 4 сентября 1922 г. постановил конфисковать у семьи Ивана Михайловича шестую часть оленьего стада, мебель и другое имущество. По-видимому, в начале 1930-х гг. его племянники Спиридон и Сильвестр Иоакимовичи были высланы в Салехард. В 1937 г. арестованы. На допросе 6 октября 1937 г. Спиридон прямодушно заявил: «Советской властью я очень недоволен, это потому, что советская власть уничтожила моего брата, двух дядей, кроме того, бесплатно забрала все имущество... что у меня есть на душе, я об этом молчу и разговаривать ни с кем не буду» (Архив управления ФСБ по Тюменской области. № 10013. Т. 2. Л. 256; № 6750. Л. 8). В 1937 г. был обвинен в принадлежности к офицерской повстанческой организации и расстрелян живший в Тюмени младший сын Ивана Михайловича Михаил. В том же году расстреляны его двоюродные братья Спиридон и Сильвестр.

Еще о пятерых расстрелянных заложниках ничего существенного узнать не удалось. Это Колташков Николай Федорович (по-видимому, ханты); Лапотников Василий Иванович, выходец, судя по фамилии, из березовского казачества, в начале 1917 г. избирался в состав Обдорского комитета общественной безопасности, арестован в с. Кушеват 28 февраля 1921 г.; Мищенко Глеб Федорович, по непроверенным сведениям, учитель Березовского высшего начального училища; Попов Николай Тимофеевич, священник Воскресенского собора с 1919 г.; Хатанзеев Кузьма.

21 марта 1921 г. повстанцы вошли в город. В этот же день был образован временный городской совет, который извлек из прорубей тела погибших. 27 марта они были преданы земле (Вести из Березова // Голос Народной Армии. 1921. 1 апр.). Где братская могила этих жертв Гражданской войны, точно неизвестно. Лишние ли эти люди для березовской истории — это должны решить нынешние граждане Березова.

Не на ту попал

В начале 1922 года народный суд Сургутского уезда рассматривал уголовное дело по обвинению гражданки г. Сургута Менщиковой Пелагеи «в контрреволюции, выразившейся в распространении ложных слухов против советской власти»¹. Два документа из этого дела мы приводим как свидетельство способности человека того далекого времени, малограмотного или вовсе неграмотного, к самозащите перед лицом власти.

Заявление в Сургутское уездное политбюро от увоенкома Хрисанфа Башмакова²

«10 ноября пришла ко мне на квартиру гражданка Менщикова Пелагея и начала бранить советскую власть и партию коммунистов при моем присутствии: коммунисты ограбили и забрали себе, нам ничего не дали, коммунисты хотят отобрать всех коров, оставить только одну корову на 8 дворов, и также лично бросала мне упреки, что вы брали с нас разверстку масла больше, чем следовало, была, говорит, телеграмма, чтобы меньше брать разверстку, а они нам не объявляют, хотят остатки по себе разделить, по коммунистам, коммунисты все мясо сожрут, ничего не отправят на фронт... мобилизованные ходят голые, а партийные все красноармейцы одеты. Когда я стал говорить, кто ей это сказал, то гражданка Менщикова, бросая мне оскорбления, что вы, коммунисты, что нам дали, мы ходим наги, у нас все берете, а нам ничего не даете, все вы, коммунисты, жулики, и много других оскорблений бросая на власть и партию».

¹ Сургутский городской архив. Ф. 156. Оп. 2. Д. 3.

² Башмаков Хрисанф Георгиевич (1886, с. Базьяновское Самаровской волости — 1936) — участник установления советской власти на Тобольском Севере. После окончания Гражданской войны работал в кооперации в с. Базьяновском, Тюмени, Тобольске, Салехарде, Омске.

В заявлении Х. Башмаков просит привлечь Менщикова к ответственности, иначе «должен донести в Губчека». Дело было передано в суд. Ответчица не стала смиренно ждать своей участи и обратилась в суд.

Заявление Менщиковой Пелагеи Александровны, проживающей по ул. Мартовской, 3, в Сургутский народный суд 11 марта 1922 г.

В один из воскресных дней я посетила свою сестру Ольгу Александровну по семейному делу. При разговоре с сестрой о тяжелой жизни раздетой и разутой семьи в количестве 7 человек от 3-х до 14, и вот, видя в таком положении своих детей, я как мать прибегаю к совету сестры, как лучше найти выход, дабы не оставить свою семью нагими и не очутиться в безвыходном положении. При окончании разговора (семейного) невольно пришлось коснуться о всевозможных продналогах, непонимание наше новой экономической политики. Второе — это малая работа среди крестьянства о продовольственной политике тех товарищей, которые по возможности должны нам пояснять всю сущность дела. Враги же народа стараются продолжать свое грязное дело, т.е. пускать всевозможные слухи о взимании налогов и будируют темную массу. И вот я, услышав что будто бы будут оставлять на 8 домов только одну корову, да еще слышала от тех граждан, которые отдавали мясной продналог, что на будущий год ни одной коровы не оставлю и проч. Вот эти слова были переданы сестре (больше в квартире никого не было).

При таких разбитых моих чувствах невольно приходится попасть под влияние тех, которые пускают ту или другую провокацию, ибо моя темнота и непонимание заставили меня повторить слова, которые говорили всевозможные беженцы, а также граждане... В [это] время бывший начальник гарнизона г. Сургут т. Башмаков все наши (бабьи) разговоры слушал, потому что жил в это время на квартире в одном доме. И вот, ворвавшись в квартиру моей сестры Ольги (что может она подтвердить...) и набросившись на меня, он обругал меня сволочью, свиной, всевозможными пакостями (потому что ему можно), пригрозил отдать под суд, что, конечно, и сделал.

И вот я прошу т. народного судью принять во внимание мое заявление и разграничить мою вину (контрреволюция), которая изливается в том, что, сидя у родной сестры (такой же пролетарки) и повто-

ря слова, как изложено выше, я могла выдумать из своей головы как идейная монархистка, которая так темна, что я не имею понятия, что такое контрреволюция. И виновницей себя не признаю как пролетарка по социальному положению, во-вторых, как мать красноармейца и как могу помогаю в строительстве государства, все издаваемые декреты я считаю правильными, что может доказать мое семейное содействие выполнению всех видов продналога. А что касается нанесения мне оскорбления т. Башмаковым, я прошу Вас, т. судья, разобрать нанесенное мне оскорбление т. Башмаковым, ибо я также являюсь полноправной гражданкой республики трудящихся и нахожу большое сделанное преступление со стороны т. Башмакова, во-первых, как коммуниста, во-вторых, как ответственного работника, который своей жандармской выходкой и ничуть не меньше, а даже больше (чем моя контрреволюция)... Еще раз прошу народный суд разобрать это дело и не оставить безнаказанно т. Башмакова, ибо у нас власть трудящихся, а не буржуазная.

11 марта 1922 года Сургутский народный суд принял соломоново решение: «...руководствуясь социалистическим правосознанием и революционной совестью... заключить Менщикovu Пелагею в арестный дом сроком на три месяца с принудительными работами, но, применяя к ней последовавшую в 7-й день ноября 21 г. амнистию 4-й годовщины Октябрьской революции, наказанию не подвергать. Башмакова Хрисанфа за не тактичное поведение как сознательного гражданина подвергнуть общественному порицанию, но, применяя амнистию, таковому не подвергать».

Всё под контролем

Из госинфсводки о состоянии Тобольского округа на 10 октября 1923 г.

Облгосрыбпром. Летний сезон промыслов заканчивается и с дальнего Севера в Тобольск тянутся водой караваны Облгосрыбпрома с грузом. Управление Облгосрыбпрома имеет свой вполне достаточный флот, каковой весь целиком работает на перевозке как груза, так и рабочих дальнего Севера. Улов рыбы за сезон 1923 года был удовлетворительный, поймано на песках Облгосрыбпромом около 167 тыс. пудов, т.е. свыше 100% задания, независимо от уловов частных артелей и предпринимателей.

Рабочие Облгосрыбпрома на некоторых переходах не получали за весь сезон спецодежды, как, например, катер «Жмурков», кочегары ходили босиком, не в лучшем положении находились и машинисты, благодаря чему были случаи заболевания. Но это не является фактом массового характера, а лишь единичный случай повинности администрации этого перехода.

Некоторые административно-хозяйственные лица Облгосрыбпрома своими поступками обращают на себя внимание, отталкивают от себя расположение рабочих масс. Так, например, на стánке Передко заведующий районом бывший предприниматель промышленник Сыромятников, проживая с своей семьей, эксплуатирует двух женщин для личных услуг, тогда как таковые по должности предназначены для приготовления пищи рабочим, а поэтому рабочим приходится исполнять это дело самим. По сведениям зав. песками Ярсали, гр. Оболтин среди инородцев вел агитацию об уходе их по разным соображениям в тундру, и они якобы это исполнили, а Оболтин, воспользовавшись случаем, из полученной для расчета с рыбопромышленниками 6000 пудов муки часть променял на пушнину и часть растратил на другие свои личные нужды. <...>

Хлебопродукт. Тобольское отделение Хлебопродукта переполнено весьма желательными элементами, которые задались целью обогащения

и устройства своего личного благополучия за счет Хлебопродукта, для чего необходимо отметить и привести факт о Самаровском агентстве Хлебопродукта, которое покупало пушнину в два раза дешевле расценки по прейскуранту. Агент Чучелин занимался скупкой пушнины, которую направлял в Томск с братьями Киселевыми, и одновременно торговали через агентство Самаровского Хлебопродукта своими товарами, братья Киселевы, один из коих зав. агентством, и агент оборудовали от себя пески и, обставив их материалами в большинстве из средств Хлебопродукта и в меньшинстве из прибыли извлеченных от него операций, которые попадали в карман зав. агентством и его брата Киселева, вернее сказать, в Самаровском агентстве Хлебопродукта работает если не контрреволюционный элемент, так люди, задавшиеся целью устройства своего благополучия и обогащения за счет Хлебопродукта. <...>

Совстроительство. В работе УИК¹ Березова замечается слабость, что объясняется материальными условиями и ненормальной связью ввиду отдаленности, отсутствием на местах опытных работников, ибо население Севера в большинстве случаев состоит из инородцев и безграмотное. Волисполкомы также работают слабо, что же касается сельсоветов, то таковые совершенно бездействуют, ибо в большинстве члены сельсоветов совершенно безграмотны или из числа инородцев.

Партработа на Севере. Партийная работа на Севере в данный момент выливается в воспитательный характер, устройство лекций, коллективные чтения еженедельно по пятницам, изредка делаются на разные темы доклады... Работа среди женщин стоит на точке замерзания, ибо зав. женотделом вести эту работу неспособна и к тому же замечается халатность.

Работа УОНО². В Березовском уезде также протекает слабо ввиду отсутствия опытных работников, к тому же зав. УОНО Сивков работает по совместительству членом укома, завагитпропом, малоопытный, помимо этого сказывается отсутствие денежных средств, учебные занятия в школах еще не начались.

Из госинфсводки на 25 октября 1923 г.

Бандитизм. В Сургутском уезде в деревне Н. Вартовской... ограблен склад Хлебопродукта, вину в совершении такового необходимо

¹ Уездный исполнительный комитет.

² Уездный отдел народного образования.

приписать скрывающимся бандитам Гришаеву и Грузину, для поимки которых организован отряд по постановлению Совета ЧОН¹ из двух комсомольцев, двух коммунаров во главе с помувоенкомом и начальником I района милиции, который направлен для поимки указанных бандитов, но о месте нахождения отряда и результатах сведений не имеется.

Из госинфсводки на 10 ноября 1923 г.

Кооперация. Тобольский Северосоюз², в распоряжении которого имеется [число не указано] служащих и рабочих, из них насчитывается коммунистов 7 человек, остальные все беспартийные, часть из коих принадлежит к числу неблагонадежного элемента — бывших чиновников, офицеров и т.д. Меры по упорядочению штата со стороны Северосоюза принимаются, намечена часть служащих к увольнению. Как, например, убраны из аппарата гр. Седман, зав. инф[ормационным] п/о как неблагонадежное лицо и кассир Кайдалов как б[ывший] б[е-лый] офицер. <...>

Бандитизм. В Обдорске явился добровольно один из ярых участников бандитизма, скрывающийся с 1921 года Яков Конев, кличка Яшка Нерьяк.

Из госинфсводки на 1 апреля 1924 г.

[Консервная фабрика]. Бывший хозяин фабрики Плотников назначен зав. фабрикой. Рабочие работали с ним на этой фабрике 10—15—20 лет и очень довольны назначением его заведующим. В настоящее время идет заготовка 150 тысяч банок для консервов к началу навигации, и рабочие все в числе 25 человек поедут на низ для изготовления консервов.

¹ Часть особого назначения, военно-партийный отряд для помощи советским органам в борьбе с контрреволюцией.

² Полное название — Обь-Иртышский союз кооперативов. Образован в Тобольске 1 октября 1917 г. Организовывал кооперативы в северных районах губернии. Издавал газету «Северное сибирское кооперативно-народное хозяйство», позднее — журнал «Северосоюз».

Из доклада-обзора Тобольского окружного отдела ГПУ по Тобсеверу

Апрель 1924 г.

Агентство Госторга в Сургуте подчинено непосредственно Екатеринбург, заготовка пушнины ведется через контрагента Силина К.В.¹ Это бывший крупный торговец, собственник, по своей деятельности вообще в экономическом отношении человек нежелательный в здешнем районе, он между прочим от себя имеет целый ряд контрагентов, подобных по качеству себе, и занимается пушными заготовками не только для Госторга, преследуя, конечно, личные интересы — наживы.

Силин работает между прочим от товарищества «Пушнина», каковое с Уралгосторгом заключило договор по заготовке. В счет договора Уралгосторг забросил разных товаров на 41817, товар Силину отпускается доверенным агентства в Сургуте Антоновым, последний член РКП(б).

Силин имеет на руках мандат от Уралгосторга, на основании которого ведет заготовку пушнины, сдавая таковую Уралгосторгу на местах. Пользуясь документом, выданным от госорганизации, Силин допускает с таковым злоупотребления в смысле выкачивания от инородческого населения пушнины за товары, отпущенные ему в 1922—1923 гг. в момент работы его от СТЗК, имея в то время от последнего и доньше не отчитывавшись пред таковой. О чем материал был в стадии разработки. В данное время материал дознания на Силина направлен обл[астному] помощнику прокурора в пор[ядке] ст[атьи] 105 п[ункт] 3 УПК от 28/III с.г. за № 383. <...>

На территории Сургутского района функционирует аппарат Томской конторы товарищества «Пушнина» в лице контрагента Кайдалова Прохора², бывшего торговца-собственника, который от себя имеет неофициальных агентов и чрез их ведет заготовку экспортного сырья, в сильной степени конкурируя кооперации. По сведениям, заготовка

¹ Силин Константин Васильевич — сургутский купец, торговал в восточной части Сургутского уезда, поставлял дрова для пароходов. В предреволюционные годы был членом уездного отделения училищного совета, почетным мировым судьей. Для открывшегося в Сургуте высшего начального училища предоставил бесплатно во временное пользование дом.

² Кайдалов Прохор Иоакимович — сургутский торгующий мещанин, проживавший в с. Ларьякском.

выражается к данному моменту до 6000—7000 белок (цифра не точная). На заготовку заброшено на север товаров на сумму до 40000 руб.

О дознаниях, проведенных в январе—марте 1924 г. <...>

2) Материал дознания по обв[инению] гр[аждан] Киселевых Леонида и Ге[оргия?], Пачганова, Чиркина, Шхова, Горшкова, Змановской и Третьякова по обвинению их за организованный срыв работы Самаровского отделения акционерного общества Хлебопродукт, кои служащими после использования ими средств Хлебопродукта для личных своих интересов. Обвинения, предусмотренные ст.ст. 140, 185, 186, 110, 63 и 16 Угол[овного] код[екса]. Материал нами направлен согласно ст. 106 УПК ст[аршему] следователю Губсуда Тобольска от 19/1-24 г. за № 112/с. <...>

9) Материал дознания на гр. Клепикова А.Л., служащего делопроизводителем Сургутской финкасы. Разглашал секреты финкасы. У частных торговцев производил закупку совместно с торговцами пушнину, собираемую в счет налога. Материал направлен ст[аршему] пом[ощнику] облпрокурора 1 марта 24 г.

Из сводки на 25 июня 1924 г.

Самаровский район. Кулаки не покидают надежды, что Соввласти скоро будет конец и не прочь иной раз поддержать или распространить вымышленный слух, указывают на то, что Соввласть за все деньги берет, несмотря на то, что все обещали дать народу бесплатно, бедняки, конечно, поддаются на их удочку и также в свою очередь выражают свое недовольство, говоря, что и за воду, т.е. за рыбопромысловые угодья, и за лес деньги берут, а также и землю приходится выкупать.

<...> Гражданин с. Елизаровского Кайгородов П.П. всегда высказывается против кооперации и сельхозналога, говоря: «Соввласть рада шкуру содрать с нас за эти налоги, хоть голодом сиди, а плати». В с. Самаровом население недовольно тем, что каждый день им приходится иметь в наряде три лодки с 12-ю человеками рабочих, лодки необходимы для перевозки командированных и др. лиц. Этот наряд с 12-ю человеками ежедневно является для них обременительным, отнимает много времени, что отражается на их хозяйстве, о чем поставлен вопрос перед Риком¹ об уменьшении наряда на одну лодку. Среди всего

¹ Районный исполнительный комитет.

населения можно слышать ропот по поводу налогов, высказываются против проводимых разнородных взиманий и что ЕСХН¹ назван неправильно, что после него берут еще другие налоги, лучше бы сложили все в одно, тогда бы крестьянин был в спокое, что он уплатил все и что с него больше брать не будут, выражают пожелание, чтобы налог брался исключительно деньгами, но не пушниной и т.п.

11 мая село Самарово праздновало свое освобождение от бандитов в 21 г., выступали ораторы, участники боев с речами и воспоминаниями о подвигах красных отрядов. Один из участников, командир отряда гр. Лопарев П.² — анархист, в последней речи с обидой сказал, что высшая власть за подвиг их обещала награды, но в надеждах мы обманулись, т.е. награды не получили. Несмотря на то, что Лопарев говорил с огорчением, что он лишен награды за подвиги, но если еще будет угрожать опасность, он снова пойдет защищать ее (Лопарев командовал отрядом). После демонстрации часть оставшихся людей лопаревского отряда ходили из дома в дом, где их угощали пивом.

Из сводки на 16 июля 1924 г.

Рыбачье население Сургутского района предметами рыбного лова не снабжалось, соли дали по 10 пуд[ов] на рыбака. В нынешний весенний рыболовный сезон рыбаки выбрасывали мелкую рыбу обратно, а солили только крупного язя, большею частью садили в озера, ждали соль, но такая пришла поздно, озера затопило, и рыба ушла. Рыболовные орудия, как невода и сети, поизносились, и в кооперации таких нет, а если есть, то не под силу рыбакам, очень дорогие. Госорганы на это не обращают внимания, как на рыболовные орудия и соль, а гонятся за пушниной — белкой, которую рыбаки не каждый может поймать, артелей рыболовных нет, беднейшее население работает за половину или сидит дома за неимением орудий лова, соли и кожи для обуви, в силу чего население к кооперации относится неудовлетворительно. Более зажиточные элементы приглашают рыбаков, частично за известный пай, кооперация в этом отношении мер не принимает. Рыбу большей частью заготавливают соленою и вяленою — сухую.

¹ Единый сельскохозяйственный налог.

² Лопарев Платон Ильич (1890–1938) — участник Гражданской войны, в послевоенное время — кооперативный работник, организатор изучения рыбных ресурсов Севера, краевед.

Рыба в количестве 3000 (?) пудов сдана в кооперацию, таковая уже увезена в Томск. <...>

Промышленные места эксплуатируются главным образом средняцким населением и почему-то местам этим они являются хозяевами, в силу чего беднякам попасть в удобное промысловое место очень трудно. На собрании, состоявшемся 15 июля в клубе милиции г. Сургута, гр. Туполев Корнилий в коридоре в кучке собравшихся граждан говорил, что нам Северосоюз не нужен, так как он за все время только надувал нас и нам, рыбакам, во что бы то ни стало нужно отделиться от такового и перейти в Томский Губсоюз. Кроме того, Кушников Николай Григорьевич, будучи на собрании в пьяном виде, сказал, что он пришел на собрание провести агитацию за откол от Северосоюза и сорвать выборы в правление такового тех лиц, кои были выставлены райкомом.

Из сводки на 6 августа 1924 г.

Березовский район. Настроение у населения города удовлетворительное. Причины: твердая валюта, способствующая продаже на месте продуктов сельского хозяйства, и понижение цен на товары в хозорганах при сравнительно высокой цене на продукты сельского хозяйства, за исключением рыбы. Хорошие рыбные промысла сырка, хотя на данную отрасль промышленности городское население уделяет очень мало внимания, мотивируя дороговизной на соль, ее недостатком и дешевым расценком на рыбу.

Настроение населения района неудовлетворительное, причины: дороговизна товаров в хозорганах, каковые несмотря на понижающие[ся] везде цены своих цен не сбавляют, кроме того, отсутствие соли и неводных материалов, что, принимая во внимание рыбный промысел как главный источник средств северянина, ставит такового в положение безработного. Хороший подъем сырка остается неиспользованным.

Среди служащих района заметно недовольство, вызванное несвоевременной выплатой жалованья и понижением[м] ставок, в то время как товары в хозорганизациях и продукты сельского хозяйства значительно выше расцениваются, чем городские. Причина понижения ставок — недостаточность средств местного бюджета.

Рыбопромышленность. Рыбный промысел в Березовском районе: неорганизованные действуют отдельные артели, организуемые самим

населением, и по окончании промысла, разделив рыбу между собою и реализуя куда кто хочет. Артели некоторые носят только название, но на деле далеко не так, например: солидный хозяин имеет свой невод, организует от себя, т.е. самостоятельную рыбную артель, вводя сюда всех членов семьи, и если недостает их, то прибегает к труду батрака, обуславливая плату часть промысла или просто одежду и хлеб, добавочная плата деньгами или в натуре, что в большинстве выгодно нанимателю, но не нанимающему[ся].

<...> Охрана лесов от пожара населением производится в служении молебствия о ниспослании дождя, благодаря чего богатые кедровые леса южной горы выгорели в значительной степени, причины пожара — неосторожное обращение с огнем и удар молнии.

Из сводки на 3 сентября 1924 г.

Самаровский район. Настроение бедняков и батраков хорошее, средняков выжидательное, среди них есть расслоение на два лагеря, часть примыкает к кулакам и часть к беднякам. Кулачество борется за политическое равноправие. В селе Елизаровском Самаровского района производились перевыборы предправления кооперативов. Райкомом РКП был выдвинут член партии Егоров. Граждане единогласно запротестовали, открыто выступили восемь кулаков, заявили, что мы Егорова не знаем, а если он коммунист — нам таких не нужно. Вам негде его пристроить, так к нам посылаете, день, ночь говорите, а по-вашему не будет, нам надо того, кого мы хотим, если Егорова поставите, все уйдем с собрания.

Религиозное настроение — беднота и батрачество религиозны, если не считать молодежь, которая посещение церкви прекращает. Кулачество считает Соввласть «Божьим наказанием», уповают на милость божью, видят сны и т.д., где, по их мнению, сказывается сила бога, прошел слух, что в Тобольске с часовни снимали крест, последний воткнулся в землю и кое-как коммунисты будто бы вытащили на лошадях, в этом видят чудо.

Денежная реформа приветствуется всеми слоями населения, деньги берутся без всякого риска, замечается недостаток в мелкой валюте. По Самарову проведено сокращение штатов за счет местных жителей, недовольства не замечается. Безработных почти нет. В переделе земли кулаки отстаивают свои права, например, в д. Заводиной Самаровского района происходил передел травы, как делить — по-старому или по-

новому? Зажиточные кричат: по-старому, доказывая, что будто бы на основании декрета обязаны, если им не хватит одного пая, то дать два, и попрекают местного партийца Кислицына, что он нарушает права зажиточных и тем самым идет против Соввласти.

Экономическое положение Самаровского района среднее. Главная нужда в орудиях лова, мало пряжи и нитки. <...>

В селе Елизаровском частные торговцы проявляются из местных, например, гр-н Шаламов, состоя контрагентом местного кооператива, жалованье в таковом не получает и патента на него нет, забирая товары через другого члена кооператива Кайгородова, под фирмой кооперации обирает инородческое население. Шаламов попадал несколько раз под штраф, 5 августа нарсудья оштрафовал его на 50 руб. <...>

Самогонокурение. Замечается в юртах Реполовских и дер. Заводиной, особенно к двенадцатым праздникам. Милиция работает слабо, милиционеры мало останавливаются в селениях, спешат в свои села, где их резиденция. Население данных сел своевременно осведомляется о приезде милиционера. Антисоветский элемент явно не проявляет себя, но ссыльные свои действия и влияние на население имеют, например: адмссылный поп Некрасов успешно ведет агитацию среди молодежи, говорит, что через 15 лет все партийные коммунисты будут боговерующими.

Обдорский район. Увеличивается с каждым рейсом количество ссыльных. За неимением технических сил последних принимают на службу в Соворганы, замечается группировка местной интеллигенции около ссыльных. Среди молодежи заметно яркое подразделение на «наших» и «ваших». Интеллигентная молодежь, в большинстве дочери бывших купцов 1–2 гильдии, недовольны местными организациями РЛКСМ тем, что последние захватили под свое влияние культпросвет, наблюдаются группировки антисоветской молодежи и даже желание к созданию самостоятельной организации под флагом культпросвета, но местный комитет партии и РКСМ не разрешают.

Сургутский район. <...> За политическое равноправие кулаки борются, в большинстве сельсоветов сидят они, РИКу часто приходится с трудом проводить кого нужно. Религиозность есть, главным образом шаманство. Культработа в районе не ведется за отсутствием средств и работников. Сбор подоходно-поимущественного налога прошел безболезненно. Страхование построек вызвало некоторую шероховатость, за-

мечалось недовольство крестьянского населения благодаря отсутствию денег. Денежное обращение слабое, денег у населения мало ввиду плохого сбыта рыбы. <...> Кассы взаимопомощи работают удовлетворительно. Выдаются служащим возвратные ссуды. Заболевания у приезжих легочные, у населения малярия, помощь медицинская слабая, медикаментов почти нет, был спирт, предназначенный для больницы, и тот куда-то улетучился, больные его не видели. <...> Местная кооперация развивается, имеет связь с Томским и Тобольским союзами, обслуживает население на 80%. Наиболее ходовые товары кооперации: мерёжа, порох, дробь, мука и соль. Антисоветский элемент пока себя ни в чем не проявляет.

Из сводки на 29 октября 1924 г.

Березовский район. Население занимается исключительно рыболовством и охотой на пушного зверя. Причем главным промыслом является рыболовство. Постепенно сосредоточивающиеся в артели, каковых в настоящем году было 10 с количеством членов 102 человека. В эти артели входит более зажиточное население, которое в состоянии внести свой пай в эту артель. Бедняцкое население, не имея средств, занимается в одиночку добычей черной рыбы. Артели же занимаются исключительно добычей белой рыбы, которая охотно принимается кооперацией, и артели под свою работу получают рыболовные принадлежности, товары, продукты и т.п. Большинство из членов артелей состоят членами кооперации. Бедняки, добывая черную рыбу, не уверены в том, что будут ли у них в настоящем году кооперативы принимать указанную рыбу, т.к. в прошедшем году черная рыба от них не принималась и кооператоры говорили им, чтоб они не тратили соль на такой сорт рыбы. Поэтому в экономическом отношении средняцкое население сильнее бедняков.

Политнастроение бедняцкого населения, отношение их к Соввласти и РКП(б) в общем удовлетворительное, только лишь заметно недовольство своими слабым экономическим положением против средняков. Отношение средняков к Соввласти и РКП(б) часть удовлетворительное и часть безразличное. Во взаимоотношениях между бедняками и средняками заметно расслоение, бедняк видит в средняке человека совершенно другого лагеря, пользующегося благами жизни в достаточ-

ной мере, чего бедняк, несмотря на все его усилия, не может достигнуть. Средняк в бедняке видит лентяя, который не хочет работать.

Из сводки на 8 ноября 1924 г.

Сургутский и Александровский районы. <...> Экономическое положение русского крестьянства лучше остяцкого, несмотря на то, что последние и обладают таким богатым промыслом, как охота на пушного зверя. Продукт промысла русского населения не так ценный и не всегда имеет хороший сбыт. Пушнина же во всякое время года хорошо сбывается, но несмотря на это остяк в экономической жизни далеко отстал от русского крестьянина. Причиной этому является неумение остяка распоряжаться богатствами, бесцельное бросание ценностей на совершенно ненужные вещи, ничуть не стремясь к улучшению своей жизни. Классового расслоения между остяков по имущественному положению почти что нет.

Взгляд инородцев на Соввласть безразличный, по их мнению, всякая власть хороша, если при ней можно сбывать пушнину по дорогой цене. Вопросами политики инородцы совершенно не интересуются, причиной этому является их безграмотность, некультурность, громадная отсталость даже от темной русской деревни. Понятие их дальше личных интересов не идет.

Русское крестьянство в большинстве к Соввласти и ВКП(б) относится удовлетворительно. Есть недовольство на почве плохого сбыта рыбы. Настроение кулаков, отношение их к Соввласти и РКП(б) плохое, вернее, безразличное. Отношение к Красной Армии всего населения указанных районов хорошее. Кулачество в некоторых случаях борется за политическое равноправие, стараясь проникнуть на ту или иную общественную службу, что им иногда и удается.

С/х налог еще не взимается, ведутся подготовительные работы к таковому. Крестьян волнует вопрос, как они будут вносить налог, т.к. у них почти нет денег. Надежда их на кооперацию, которая, возможно, будет принимать их товар — рыбу, тем самым им будет дана возможность безболезненно сдать налог. Взгляд бедняков и средняков на кооперацию удовлетворительный, т.к. она одна идет им навстречу — принимает от них рыбу и снабжает более доступными по цене товарами и продуктами.

«Свет мой, зеркальце...»

Обратите внимание, как по-разному мы пишем о писателях и об ученых. У первых нас интересует каждая черточка характера, каждое движение души, дружеское или враждебное окружение, даже погода и пейзаж в тот или иной момент их творчества. И совсем по-другому об ученых. Традиция приучила описывать только ход теоретической мысли и конечный ее результат, подаренный потомкам.

Например, «В то же время Ш. Балли и С.И. Карцевский развили... систематизированную... концепцию произвольности лингвистического знака с особым упором на функциональный аспект проблемы» или: «С. Карцевский был, пожалуй, первым, кто в своей статье «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» (1929) воспользовался терминами *симметрия* и *асимметрия* в применении к языку...».

И вот мы достали из закрытых и далеко задвинутых сундуков истории полузабытое имя... Сергея Иосифовича Карцевского. Оказывается — наш земляк¹. Оказывается — многогранно талантлив и просто красив внешне, с ярким и открытым характером. Глубок и содержателен внутренне. И теперь уже из далекого, почти столетнего прошлого учит нас чутко слышать родное слово, ибо каждое слово — это чистая зеркальная росинка, отражающая каждый поворот судьбы отдельного человека и судьбы всего Отечества.

Сейчас вам предстоит прочесть очерк Сергея Иосифовича Карцевского «Халтура». Да, ученый анализирует отдельное языковое явление

¹ В дополнение к биографии С.И. Карцевского, напечатанной в предыдущем выпуске «Подорожника», приводим запись об его рождении из метрической книги тобольской Сретенской церкви: родился 28 сентября 1884 г., отец — Иосиф Евграфович, отставной ветеринарный врач, мать — Елена Николаевна (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 15. Д. 686. Л. 358 об.—359). Благодарим за сообщение директора Государственного архива г. Тобольска Татьяну Юрьевну Коклягину.

с точки зрения Женевской лингвистической школы, с точки зрения учения о связи теории языка и общественной языковой практики. Но какое впечатление производит этот очерк на читателя! Филолога и нефилолога. В нем горечь и сокрушенность. Боль сердца.

И приходит на память еще одно слово, популярное сегодня, — **халява**. Непочтительное отношение к труду, к добросовестно работающему человеку (по современному понятию — лоху) в последующие десятилетия продолжало утверждаться. И вот уже стало не стыдно поживиться на дармовщину за счет государства, потом и за счет ближнего, а тем более дальнего. Урвать *на халяву*. И вот уже язык реагирует: «*На халяву и укус сладок*», — устойчивое ироничное выражение. «*Халява, приди*», — кричит в ночь перед экзаменом недобросовестный студент, высовывая в окно зачетную книжку. И иногда по причине внутренней бедности искренне надеется, что *халява* придет.

Во второй половине XX—начале XXI вв. стало очевидным то оскудение русского (татарского, якутского...) языка, которое предсказывали дальновидные ученые, и Сергей Иосифович особенно ясно.

Главная причина нынешнего ущербного состояния нашего родного языка — мощная агрессия английского языка и принесенного им западного мировидения, чуждых нашему народу моральных ценностей.

Обратите внимание, как ясно Сергей Иосифович дает нам понять, что в его время русские люди чутко ощущали в слове *халтура* «отрицательную экспрессивность».

Но вот прошло немного более полувека, и облик современного русского языка уже страшен. Разговаривает по телефону юная студентка с бойфрендом (по традиции морали — с сообщником по блуду): «Ну что ты паришься?»... «Ну что ты моросишь?»... «Ну что ты тормозишь?»... Здесь все: и нежность, и тонкость чувств, и...? Еще недавно мы посмеивались над Эллочкой-Людоедкой с ее убогим лексиконом, а сегодня обнаруживаем, что молодежи достаточно двух слов: *жесть* и *клёво*, да небольшой букетик нецензурной брани.

Выросло поколение **нечитающих** людей, лишенное интеллектуальной и духовной пищи, которую почерпнуть можно только из талантливой литературы, но никак не из телящика и большей части современных СМИ, главных отравителей человеческого сознания.

Современное общество разделилось на две неравные части: подавляющее большинство тех, кто безумно убивает родной язык и себя, свою душу в нем, и тех, кто призывает опаматоваться, вернуться к живому источнику уникального, богатейшего родного языка, очистить им душу, просветить сознание. Особенно взволновала напечатанная в журнале «Русская речь» (01.2010) статья И.М. Фатеевой «Как мы будем жить завтра?». Поразительно, как перекликается она с очерком С.И. Карцевского! Через десятилетия два патриотичных человека изливают боль души за поврежденное мировосприятие родного народа, за родной язык, за родину. Идея о том, что язык неразрывно связан с сознанием, подтверждается современным состоянием нашего языка: почти легализованная ненормативная лексика, жаргон, компьютерный язык «падонкафф» — это сегодня и есть наша «картина мира», «наше действительное сознание».

Надвигающаяся трагедия молодого поколения в том, что языковая бедность приводит к определенному результату: чем примитивнее человек, тем проще он мыслит. Включившись во взрослую жизнь, молодой человек не справится с ней — из-за скудости языка он будет бессилен в коммуникации, не сможет ни объяснить что-либо окружающим, ни воспринять и усвоить достойную идею. Предупредил же нас сто лет назад Федор Михайлович Достоевский: «Так, как мы говорим сегодня, мы будем жить завтра».

А.А. Пыхтеева

Халтура*

Большевистское лихолетье оставит после себя немалое языковое наследство, хотя бы в виде тысяч новых слов, возникших в русском языке за последние годы. Обновление словаря шло самыми разнообразными путями. Заимствовались чужеземные слова: антанта, директория, аннексия, дезаннексия, категория, контрибуция, коалиция, коммуна, самостийность и т.д., и т.д.

Переосмысливались по-новому прежние слова и выражения: **мешочник, социалист, комиссар, буржуйка** (маленькая печка), **паек, разменять** (убить), **операция** (обыск, арест), **шкурник** и т.д. Слова подвергались ампутации, создавались сокращения: Р.С.Ф.С.Р., Ч.К., Викжель (Всеросс. И.К. ж.-д., бесчисленные главки, центры, комы, наркомы и т.д., и т.д. А от этих новых основных слов производились возможные производные: мешочничать, опайковаться, сбончить («сбрентить», сказать глупость) — от имени комиссара Бонч-Бруевич, коллонтаить (развратничать) — от имени комиссарши Коллонтай.

Те области национального быта, которые всего больше пострадали от хозяйничания большевиков и от гражданской войны и где разруха, ломка, переустройство достигли своего апогея, оказались более богатыми и в отношении словотворчества. Достаточно, например, вспомнить, сколько наименований и переименований существует для денежных бумажных знаков (см. R. Jakobson, «Vliv revoluce na rusky jazyk», статья в *Nove Atheneum*, Praha, 1921); постепенно исчезали царские деньги — *синенькия, красненькия, радужные, катеньки* и их место заступали *думки, керенки, ленинки, интернационалки, китайки, «ходя», «жидки», пятаковские деньги*; а у антибольшевиков *ленточки* (Добр. Армии), *крылатки* (армии Юденича), *колокольчики* или *врангелевки*; на Дальнем Востоке колчаковские деньги назывались *фазанчиками*. У московских

* Печатается по: Последние новости. 1922. 3 февр., № 553 (второй год издания).

извозчиков рублик означало сотенный билет (теперь означает тысячный), а десять рублей назывались **гривенник**. В Крыму миллион назывался «лимон» и т.д.

Напомним также, что переименование на новый лад государственного административного аппарата потребовало бы страшной ломки и в соответствующей терминологии, но тут пришлось кстати мания сокращений, которая с фронта проникла и в тыл. Учреждения переименовались в **главки, хозы, центры, комы** и стали именоваться по начальным слогам или буквам, и таким образом старорежимное Главное военное инженерное управление, Главное артиллерийское управление и т.п. превратились в ГВИУ, ГАУ и приобрели «революционный» «рабоче-крестьянский» вид...

* * *

Но, несмотря на массу новых слов, возникших для обозначения новых понятий, одно из явлений советской жизни, на наш взгляд самое главное явление эпохи лихолетья, продолжало оставаться без особого обозначения. Мы говорим о **труде**, «о том переосмыслении», о той «переоценке», которым подверглись во всей России понятия *труда, работы* и вообще *деятельности*.

Новый режим диктатуры пролетариата был прежде всего понят как право на отдых, на «буржуйное» существование для прежних трудящихся и переложение ига труда на плечи бывших господ. Иначе какой же это социализм, что за диктатура пролетариата, когда нужно по-прежнему трудиться, как во времена господства буржуазии. И большевики должны были пойти по линии наименьшего сопротивления: армия уходила с фронта, распродавая военное добро; крестьяне захватывали и истребляли помещичье добро; в городах шли реквизиции «буржуазных» фабрик, домов, квартир, обстановки, одежды. В продолжение первых лет вся страна жила за счет запасов, унаследованных от прошлого, мало помышляя об организации производства и наслаждаясь издевательством над буржуями. Когда большевики опомнились и попытались организовать производство, было поздно: они оказались перед объективной невозможностью наладить труд, и не только потому, что транспорт расстроен окончательно, нет хлеба, нет капиталов и т.д., но и потому, что труд стал в России психологически невозможен.

Тем не менее вся Россия «работает» по комиссариатам, на фабриках, в командировках, в школах и т.д. Даются грандиозные задания: электрификация всей страны, переселение в Сибирь миллионов голодающих, снабженных предварительно инвентарем, семенами и тракторами; исследование причин отклонения магнитной стрелки в одной местности неподалеку от Курска, для чего необходимо будет пробуравить почву на глубину около двух тысяч метров; «Ильичу» приходит на мысль, что хорошо было бы составить полный словарь современного русского языка, о чем пишется записочка Луначарскому; в то же время один помощник скорбного главою наркомпроса вдруг осенен шалой мыслью внести в Россию латиницу, то есть латинскую азбуку, и вот летят запросы в Академию, в университеты, в учебные общества, созываются съезды, читаются доклады, возникают прения, ведется колоссальная переписка и отписка, ассигнуются (обычно только на бумаге) миллиардные кредиты, создаются новые должности и т.д., и т.д.

И все знают, что как бы ни был интересен проект, но он невыполним — голод, холод, болезни, отсутствие даже ассигнованных денег, новые сумасбродства комиссаров, а главное — общая усталость, безверие, индифферентизм (которым не заражены только редкие отдельные лица) и всеобщий танфишизм сведут на нет даже практически возможное начинание.

И вот все-таки люди работают, потому что не работать нельзя, это требуется советской конституцией, нужно работать, чтобы получить жалование, наконец, нужна же хоть видимость дела — иначе ведь и с ума сойдешь.

Вот для такой «работы», для обозначения развенчанного, опозоренного, ошельмованного труда нужно было создать новое слово. И его создали.

Это слово **халтура**.

* * *

Халтурить стало самым ходовым словом в России, хотя пока еще не проникло за границу. Интересные примеры его употребления находим в статье г. Р. Якобсона. Когда советское правительство начинает создавать проекты один другого грандиознее, спец или иной интеллигент, привлеченный к разработке этих проектов, знает, что все это **халтура**, что их авторы **халтурники**, что и сам он будет не делом занять, а **халтур-**

ничеством. И вот все **халтурят**, потому что работать, трудиться в полном значении этого слова невозможно, а не «халтурить» тоже нельзя.

Всякое несерьезное занятие — халтура. Частые выступления актеров на разных сценах, то в городе, то в деревне, то на эстраде, иногда в разных местах в один и тот же день — это **халтура**. Проститутка подцепила гостя в неурочное время — **халтура**. Советские служащие не служат, а **халтурят**. Слово это стало таким популярным и в связи с универсальностью самого явления таким универсальным, что применяется всюду, где нужно выразиться позабористее: «а ну-ка, **халтурнем** в железку», «**халтурни** его как следует ко всем чертям», «он ловко **подхалтурился**» (примазался), «**халтурнуть** девчонку» и т.д. и т.д. Откуда взялось это слово?

Даль во втором издании своего словаря отмечает: «Халтура — пожива, даровая еда, питье при угощении; от **халтуры** (западн. и южн.), искаженного **хавтуры** (ховать) — похороны, поминки». Через посредство духовенства слово было занесено в столицы и привилось там в театральных кругах в том значении, что мы уже отметили, а оттуда оно пошло в обращение среди населения и сделало, как мы видим, блестящую карьеру. Но для полного понимания причин успехов «халтуры» необходимо, как нам кажется, обратить внимание еще на одно обстоятельство, не отмеченное Р. Якобсоном.

История слова и его первоначальное значение теперь уже никому не понятны. Однако слово не превратилось в прочную этикетку, припиленную к известному понятию. Слова **халтура**, **халтурить** ощущаются как экспрессивные слова, сильно окрашенные эмоционально. Ведь само явление, т.е. развенчанный и опозоренный труд, не воспринимается индифферентно гражданами РСФСР: опозорение труда есть вместе с тем и опозорение самого человека. И вот как бы кто внешне ни относился к своей «советщине» — скорбно ли, иронически ли, с надрывной ли шуткой, с разгильдяйским ли танфишизмом, — всякому нужно сильное экспрессивное слово, чтобы выразить, а вернее, чтобы замаскировать свое чувство. Таким словом является **халтура**. Почему? А именно потому, что в самой форме слова, точнее в его звуковом составе, русский обыватель нашел, как ему показалось, эту экспрессивность.

Анекдотический мужик говорит: «Недаром Бог назвал свинью свиной. Свинья и есть». Ему казалось, что звуковая форма слова велико-

лепно характеризует качества свиньи. А уж совсем неанекдотический С.Т. Аксаков в «Записках об унижении рыбы» серьезно рассуждал о том, что ёрш назван так, чтобы лучше выразить его колючие повадки. В действительности дело, надо полагать, обстоит как раз наоборот, т.е. слова *свинья* и *ёрш* нам кажутся экспрессивными, потому что мы с детства привыкли их связывать с представлениями об этих двух очень своеобразных животных.

Слог «хал» в русском языке представляется очень экспрессивным. Если взять все слова, так начинающиеся, то, за исключением двух-трех, все они обозначают *отрицательные* понятия, к тому же сильно окрашенные эмоционально. «Халабруй» — большой, нескладный мужчина. «Халабруда» — разгильдяй. «Халадура» — всякая дрянь, скарбишка. «Халать» — вспомним: халатное отношение к делу. «Халда» — бесстыжий, бесстыжая. «Халдить» — таскаться без дела, беспутно браниться. «Хальный» — нахальный. «Хал» — задёшево: «на золото купишь, за хал продашь». «Халёный» — корыстный. «Халива» — склока. «Халкать» — жадно есть. «Халтуга» — хапун. «Халудора» — негодяй, шваль. «Халуй, халупа» — избёнка. «Халява» — неряха, растрёпа. «Халять» — брести, волочиться и т.д. Сюда можно присоединить еще и слова *захолустье* [sic!], *нахальный*.

Графиня Чарская в разговоре с Нехлюдовым (Толстой, «Воскресение». ч. II, гл. XIV) великолепно чувствовала эту отрицательную экспрессивность слова *хал* — недаром, чтобы выразить свое пренебрежение к «стриженным нигилистам», она сымпровизировала фамилию «Халюпкин».

«А это Бог знает кто: Халтюпкина какая-то, хочет всех учить».

В свое время А.Г. Горнфельд уже обратил внимание на эту поразительно удачную фамилию.

И мы полагаем, что русский обыватель, услышав слова **халтура**, **халтурить**, ощутил в них ту *отрицательную* экспрессивность, что уже существует в словах, которые мы только что цитировали и которая покоится на представлении о бесстыжем разгильдяйстве, беспутности, дармовщине. Хорошее слово! А в общем почему-то не смешно, а грустно...

С.И. Карцевский

Неправильные крестьяне

Пора бросить придавать значение этим разным словам революции: «большевизм», «коммунизм» и пр., все равно, как бы ни называться, где бы ни жить, нужно оставаться человеком, и потом из этого сами собой возникнут настоящие живые лозунги.

М. Пришвин. Дневники. 1918–1919.

В это время Россия тратилась на освещение пути всем народам, а для себя в хатах света не держала.

А. Платонов. Чевенгур.

В предлагаемой статье рассмотрены перипетии коллективизации сельского хозяйства в селе Локосово Сургутского района. Описываемая история образования и распада колхозов, столкновения интересов разных групп населения села, доведенного до возникновения судебного процесса, получила большевистскую трактовку в литературе и представлялась в политических изданиях как пример кулацкой тактики сопротивления коллективизации¹.

В статье анализируются материалы двух формально уголовных, а по существу политических дел, рассмотренных Остяко-Вогульским окружным судом в 1933 и 1934 годах, собранные в объемистом, почти в 400 листов деле № 38 фонда № 180 (опись 2-я) Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (ГАХМАО).

В начале 30-х годов локосовская жизнь породила несколько уголовных процессов, касаться которых мы не будем. Разбирая обстоятельства одного из них, сургутский районный прокурор Фертиков (ни в одном из документов дела не указаны хотя бы его инициалы) получил

¹ Захаров И.П., Показаньев Ф.Я. Краткий очерк истории Сургутской партийной организации. — Сургут, 1974. — С. 20.

сразу несколько письменных обращений, указывающих на то, что в селе якобы достигла острой стадии классовая борьба между местным кулачеством и беднотой на почве колхозного строительства. Прокурор проявил живейший интерес к этим сигналам и, «учитывая сложность данного дела, требующего высокой квалификации при ведении следствия», принял его к своему личному рассмотрению.

Чтобы читатель сам мог судить о весомости этих исходных обвинительных материалов, приводим их полностью.

Марш энтузиастов...*

Акт от 19 февраля 1933 г. Составлен секретарем Локосовской партгруппы Власовым П. Еф.¹ в присутствии заместителя председателя тузсоветов Путолина и уполномоченного Сургутского райкома ВКП(б) Вторушина и кандидата ВКП(б) Ульянова Д. Сего числа мной, секретарем партгруппы Власовым был назначен сбор бедняцкого собрания, на которое пришел не приглашенный Кондаков Василий Яковлевич в пьяном виде, который сразу заявил мне, Власову, что ты кого собираешь, как бедноту и с кем хочешь решать вопросы, и который сказал, что как вы не решайте, но по-вашему не будет, а будет по-нашему. Говорит, подождите, вперед посмотрим. Чем-то страшает, который был настроен кулаками и сам Кондаков имеет крепкое хозяйство.

Докладная записка

прокурору Фертикову от члена правления Локосовского кооператива Ульянова² в том, что 23 II-33 г. проходило заседание правления

* Здесь и далее тексты документов воспроизводятся с сохранением орфографии, пунктуации и стилистики.

¹ Власов Павел Ефимович — выходец из самаровских крестьян. 25 ноября 1932 г. Сургутским райкомом ВКП(б) и райисполкомом командирован в Локосово на должность председателя кооператива, а также уполномоченным по политработе. В ходе следствия по делу локосовских «кулаков» участвовал по поручению прокурора в обследовании работы колхоза им. Молотова. В прошлом — боец партизанского отряда П.И. Лопарева.

² Ульянов Диомид Михайлович — 32-летний кандидат в члены ВКП(б), приехал в Локосово 21 октября 1932 г. по направлению Сургутского межрайсоюза в качестве члена правления Локосовского интегрального кооператива. С февраля 1933 г. — секретарь Локосовского туземного совета.

колхоза, где мной был поставлен вопрос о вычищении¹ Трифонова Г. из колхоза как зажиточного, где выступали члены колхоза Кондаков Александр и Кондаков Иван, что давайте нам матерьялы все, кто и как перевёл Трифонова в зажиточные, и также ранее были вычищены Кузнецов В. и Кузнецов Алек., и говорят, что надо потребовать все матерьялы от с/совета и направить прямо в округ специально своего колхозника, а в Сургуте делать нечего. А также, что все время вычищают из колхоза, где не дают работать колхозу, будем жаловаться, что самых работников вычищают, а вся эта беднота [1 нрзб.] приходит, а ничего не знает, а если правление колхоза станет назначать куда-либо, то никто не подчиняется из средняков, а кому куда захочется.

24/II-33 г.

Докладная записка участковому прокурору

В колхозе зажиточная часть засела и ведет разлагательскую линию. Кондаков Александр, Трифонов Гаврил. В январе месяце мною получено было распоряжение о том, чтоб все колхозы сдавали сырье через контрактацию, после чего эта группа прибежала ко мне с криком с шумом что вы делаете обдираете колхоз задушили. Кроме того Кондаков Алек. выдавал справки вычищенным зажиточным что они средняки когда сельсоветом последние отнесены к зажиточным.

24/II 33 г.

Власов.

Докладная записка прокурору Фертикову от председателя Локовского т/совета Путолина Ильи² в том что ко мне пришли в т/совет в декабре месяце 32 г. Кузнецов В. и Кузнецов Алек. с требованием и с

¹ От широко распространенного в то время слова «чистка», означавшего устранение из коллектива чем-либо неугодного по критериям классовой борьбы человека. В сущности чистки были продолжением Гражданской войны. Вообще документы данного дела содержат богатый лексический материал, дополняющий публикуемую в этом выпуске статью С.И. Карцевского «Халтура», в которой речь идет об явлении новояза, порожденном революцией.

² Путолин Илья Прохорович — ханты, родился и вырос близ с. Локосово, в отдельные годы занимался неводьбой в одной рыбацкой артели с Кондаковыми и Кузнецовыми. В 1932 г. после учебы на четырехмесячных курсах председателей туземных советов в с. Самарово был направлен на эту должность в Локосово, но в начале 1933 г. ввиду недостаточной подготовленности к председа-

грубостью и с запугиванием меня, что какие мы кулаки, а после этого в январе месяце 33 г. пришли ко мне и стали меня чтобы я их защищал и ходатайствовал.

[без даты]

Путолин

*Докладная записка прокурору Фертикову от председателя
Локосовского т/совета Мумракова Григорья¹*

По приезду меня в Локосово я стал на квартиру к Трифонову Гаврилу где Трифонова семья ко мне относятся так что вы туземцы заразные и не пускают к печке и не дают ничего даже чугуна не дают сварить, а также предлагают уходить с квартиры, ищите другую. А Трифонов является зажиточным по спискам т/совета все выходки Трифонова кулацкие, а также Трифонова не хочет разговаривать с моей женой что не спросит у Трифоновой та даже не отвечает.

Мумраков

А еще добавляю что Трифонов говорит мне что мне не надо никаких квартирантов а также и ваших денег я без вас проживу².

[без даты]

16 марта 1933 г. прокурор, «рассмотрев следственный материал по вопросу организованной травли и издевательств над выдвиненцами представителями власти туземцами и по вопросу организации лжеколхоза для дискредитирования колхозного строительства кулацко-зажиточной частью населения с. Локосовского», нашел, что «кулачеству удавалось срывать ряд хозяйственно-политических кампаний... уничтожать стадо тягловой силы, терроризировать бедноту, использовать средства ККОВ

тельской работе переведен в заместители. Затем вскоре снова занял председательскую должность. Пребывание его в ранге руководителя русского села давало повод старожилам говорить, что «инородцам всюду льготы, а нам возможности нет... остяки все захватили, и они теперь царствуют». О Путолине в селе ходили слухи, что он в прошлом шаман. Погиб в 40-е годы на фронте.

¹ Мумраков Григорий Егорович — ханты, уроженец юрт Паныкиных Усть-Балыцкого туземного совета Сургутского района, кандидат в члены ВКП(б). 2 февраля 1933 г. назначен председателем Локосовского туземного совета, но вскоре оставил эту должность и уехал.

² ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 2–5.

Кондаков Петр Васильевич с семьей, 1930-е гг.

в своих классовых интересах и подавить в 1931 году бедняцкую артель «Прогресс», и постановил привлечь к следствию в качестве обвиняемых Кузнецова Василия Васильевича, Кузнецова Александра Васильевича, Трифонова Гавриила Николаевича, Кондакова Александра Егоровича, Кондакова Василия Яковлевича, Кондакова Дмитрия Васильевича и Кондакова Николая Егоровича. Позднее к этому списку прибавились Кондаковы Петр Васильевич и Иван Егорович, Тверитин Михаил Павлович и Трифонова Анна Павловна. Днем раньше была произведена опись имущества обвиняемых, а 17 марта они по постановлению того же прокурора Фертикова взяты под арест и препровождены в Сургут¹.

18 марта Фертиков постановил: жену Г.Н. Трифонова Анну Павловну на том основании, что она будто бы после описи имущества семьи стала «умышленно портить домашнюю обстановку с целью приведения в негодность всего помещения», выселить из ее собственного дома с предоставлением квартиры в доме уже арестованного В.В. Кузнецова, а все описанное имущество Трифоновых передать на хранение в туземный совет.

А следом созрело и обвинительное заключение, в котором собранные материалы интерпретировались еще более устрашающе. Цитирую:

«...в с. Локосово классовая борьба достигла высших пределов, а руководство этой борьбой как со стороны туземного совета, так и кандидатской группы возглавлено не было, районные организации в этом деле были нейтральны, ввиду чего бывшим собственникам рыбных угодий и лесных кедровых массивов кулакам местно природным жителям села Локосово удавалось производить террористические действия над беднотой, издеваться над туземцами и использовать колхозное строительство в своих классовых интересах. Основной целью организованной контрреволюционной группы было замедлить реконструкцию рыбацко-промыслового хозяйства севера, сдерживать волну коллективизации, развязать национальную вражду, парализовать активность не только туземцев, а вообще батрацко-бедняцкие массы населения, жить за счет эксплуатации, быть, как при старом строе, полными хозяевами на селе, и эти действия кулаки успешно проводили в жизнь»².

Страшно? Еще как! Коротко говоря, прокурор, подводя всех обвиняемых под недоброй памяти 58-ю статью Уголовного кодекса, явно перестарался по части нагнетания страха. Но давайте, наконец, от про-

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 90, 94, 96, 98.

² Там же. Л. 201.

курорского политического суесловия перейдем к конкретике и взглянем на лица обвиняемых — кто же эти фанатики-революционеры, поставившие своей целью погубить молодую республику советов?

«Контра»

Все 11 — коренные сибирские крестьяне — самая неподатливая на внешние воздействия, консервативная часть местного населения, причем девять из них — локосовские старожилы, связанные родственными отношениями. Что характерно для них, так это многодетность, малограмотность, трудолюбие, хорошее владение навыками крестьянского труда, знание промысловых угодий и родственная сплоченность.

Большая часть обвиняемых принадлежала к двум локосовским семьям — Василия Михайловича Кузнецова и Василия Дмитриевича Кондакова, первый был женат на сестре второго. Обе эти семьи, никогда не прибегавшие к найму работников со стороны, не торговавшие, начали подниматься экономически только тогда, когда подросли и стали помощниками отцам сыновья.

Итак, представим обвиняемых.

Кузнецов Александр Васильевич. Родился в 1891 году. Окончил сельскую школу. В составе семьи — жена и шестеро детей в возрасте от 3 месяцев до 14 лет (самое время для подпольной контрреволюционной деятельности!). До 1914 г. жил с отцом, в летнее время занимались рыболовством, зимами отец охотничал, остальные члены семьи заготавливали пароходские дрова. Семья отца имела 5 рабочих лошадей и четверых подростков, 4–5 коров, невод в 70 сажень и от 15 до 23 соровых сетей. Дома построили собственными силами, так как «хорошо работали и без эксплуатации и торговли, к тому же не пьянствовали, скапливали средства и построили, начиная с 1914 по 1925 г., четыре крестовые дома 10x11 аршин и два дома были выстроены до 1914 г.»¹.

В 1914 г. отделился от отца, получил дом, одну лошадь, одну корову. До 1918 г. рыбачил в составе артели, состоявшей из родственников, затем от рыболовства отошел и поступил на водный транспорт гребцом, а в первой половине 20-х гг. был назначен обстановочным старшиной. 8 апреля 1924 г. участковый десятник С.А. Веселовский² писал начальни-

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 89.

² Веселовский Савин Алексеевич (1863—после 1937) — рабочий, в 1879–1882 гг. состоял в партии «Земля и воля». В 1920 г. избирался председателем

ку Нарымской дистанции водного пути, что, уезжая на новое место службы, он рекомендует на свое место гребца Кузнецова А.В. как «гражданина честнейших правил, неусыпного труженика с практическим знанием дела, обстановки фарватера...». В 1932 г. А.В. Кузнецов получил от дистанции водного пути за усердную работу премию 75 р.¹

В начале июля 1933 г. на суде Александр Васильевич показывал: «В 1928 г. имел две лошади, две коровы. В колхоз сдал 2 лошади, 1 корову и 1 нетель, ежегодно сдавал в контрактацию по одной скотине». Повидимому, в 1931 г. был лишен избирательных прав, что стало основанием для исключения из колхоза и наложения на него как единоличника туземным советом «твердого задания» по добыче рыбы, но в феврале 1932 г. из списков «лишенцев» исключен решением райисполкома, а 7 марта 1932 г. заместитель председателя Сургутского межрайсоюза выдал ему справку о том, что он «как восстановленный в избирательных правах может состоять членом колхоза»².

В судебном деле А.В. Кузнецов числится как «выходец из кулацкой семьи, держащей хозяйство на уровне зажиточного». Но вот что было у него описано 15 марта 1933 г.: дом крестовый (три комнаты и кухня), амбар, крытый тёсом, кобыла, корова, самовар белый, 2 перины, машинка швейная ножная, 4 подушки, пиджак стеженный суконный, зеркало «стенное», 2 ружья — шомпольное и бердана³. Было за что бороться!

Кузнецов Василий Васильевич. Родился в 1897 г. Окончил сельское училище. В семье — жена и пятеро детей в возрасте от 7 месяцев до 13 лет. Описанное имущество почти то же, что у брата: дом, амбар, лошадь, корова, бык, телка, теленок, два зеркала, стенные часы, железная кровать, перина, 4 подушки, машина швейная ручная, 4 больших клеенки, диван, два ружья⁴.

На допросе 17 марта 1933 г. сообщил, что после смерти отца в 1926 г. семейный невод остался у него, но он им не пользовался и в 1928 г., при организации уставной артели, сдал его в артель. Невод уже около двух

Локосовского волостного ревкома. В первой половине 1920-х годов — участковый десятник Нарымской дистанции водного пути в Локосово. Позднее жил в Тобольске, состоял на учете в первичной парторганизации Обьрыбтреста.

¹ Сургутский городской архив. Ф. 1. Оп. 5. Д. 3. Л. 211, 214.

² Там же. Л. 207, 209.

³ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 98, 261 об.

⁴ Там же. Л. 99.

лет находился в артели, но в 1930 г. Локосовский туземный совет лишил В.В. Кузнецова права голоса за то, что он имел невод в прошлом, а также держал в собственном доме квартирантов. После этого он был «вычищен» из колхоза. Василий Васильевич обратился в Сургутский райисполком с заявлением, в котором сообщал, что неводом с 1926 г. не пользовался, а работал в составе сетной артели и что квартирантов к нему вселял туземный совет, невзирая на состав семьи в 8 человек. Исполком отменил решение тузсовета.

Но преследования со стороны тузсовета на этом не закончились. В.В. Кузнецов был вынужден снова обратиться в райисполком. «...прошу разобрать мое заявление и прилагаемые справки, — писал он, — и снять с меня это позорное пятно, которое брошено на меня ложно, чтобы я мог выполнять честно своим трудом дальше и приносить пользу рабоче-крестьянской власти». Заявление было сопровождено справками от председателя колхоза Гр. Питухина в том, что Кузнецов «был всегда примерным работником, никогда от работ не отказывался», от группы односельчан — в том, что никогда рабочих не держал. Засвидетельствовать подписи локосовцев, давших справки, туземный совет отказался¹.

Под статью Кузнецовым были и другие обвиняемые — такие же крестьяне, чье благосостояние обеспечивалось исключительно их собственным трудом. Скажем о них более кратко.

Братья Дмитрий Васильевич и Петр Васильевич Кондаковы — сыновья Василия Дмитриевича Кондакова, 64-летнего сторожа пункта госторга, который, будучи допрошенным прокурором в качестве свидетеля 13 марта 1933 г., рассказывал: «Остался от отца 17 лет, жил в старой худенькой избенке. К 1914 г. поднялись сыновья (четверо), работали в своем хозяйстве. Добывали рыбу и сдавали сургутским и тобольским купцам, а когда организовалась кооперация — туда. Имели 10 рабочих лошадей, 3 коровы, ручной невод 70 сажень, в 1931 г. сдал его в артель... Работал вместе с Кузнецовым Василием Михайловичем, имевшим такой же невод. Рабочих рук было своих 9 человек (сам и 4 сына, Кузнецов и 3 сына). Работали совместно примерно с 1914 по 1928 г.»².

Дмитрий Васильевич родился в 1892 г., из хозяйства отца выделился в 1918 или 1919 г., собственного невода не имел. В семье у него было

¹ Сургутский городской архив. Ф. 1. Оп. 5. Д. 3. Л. 192—194, 196, 200.

² ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 20.

четверо детей — от 5 месяцев до 11 лет. Его брат Петр Васильевич (род. в 1897 г.) окончил три класса сельского училища, имел пятерых малолетних детей.

Их двоюродные братья **Александр, Иван и Николай Егоровичи Кондаковы** также коренные локозовцы, младшему из них, Николаю, на момент возбуждения уголовного дела было всего 17 лет. Александр с 22 августа 1932 по 11 февраля 1933 г. был председателем колхоза им. Молотова. Средний из братьев Иван в 1927–1929 гг. служил в армии в Ленинграде.

Любопытен ход прокурорской мысли в отношении этих трех братьев: «Владелец невода Кондаков Василий Дмитриевич брату своему Егору Дмитриевичу предоставлял исключение и в невод брал по два и по три человека по мере подрастания сыновей. Благодаря этому Егор Дмитриевич довел свое хозяйство до категории зажиточного. Следовательно, подсудимые Кондаковы Александр, Иван и Николай Егоровичи относятся к категории зажиточных, поскольку живут все вместе с отцом»¹. (Читайте: «У нас пролетарское государство, и зажиточные нам не нужны»).

Их родственник 37-летний **Василий Яковлевич Кондаков** — уроженец Локосова, малограмотный, в семье 7 человек. Середняк. На допросе сообщил о себе: «Отец был бедняк. Когда трое братьев стали самостоятельными, к 1914 г. имели уже трех лошадей, двух-трех коров, небольшой невод около 50 сажень, режевки и сети. Работали сами, никого не нанимали... В колхоз вступил в 1929 г. ...»².

Трифоновы Гавриил Николаевич и Анна Павловна — уроженцы д. Ново-Ильинка Томской губернии. Переселились в Сургутский уезд в 1912 г., в Локосово — в 1924-м. По словам Г.Н. Трифонова, отец не наделил его имуществом, и хозяйство он стал заводить с первой сети, затем купил нетель. До 1920 г. жил на квартирах, в 1924 г. купил дом, дал за него лошадь и корову. Работал сторожем-бакенщиком на Оби, а с 1924 г. — старшиной пароходной речной обстановки³. Был в Локосово председателем маслодельной артели, председателем комитета общественной взаимопомощи, членом правления интегрального кооператива, ответственным

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 261.

² Там же. Л. 15.

³ Там же. Л. 239.

ным исполнителем по рыбозаготовкам. Заведовал хозяйством колхоза имени Молотова. «В феврале 33 г., — сообщал он на допросе, — исключен из колхоза по нажиму туземного совета, который представляли на заседании правления Путолин и Ульянов. Правление не соглашалось, но подчинилось тузсовету»¹. (Оказывается, не прав был прокурор, когда писал, что тузсовет «не руководил классово-борьбой»).

Жена Г.Н. Трифонова Анна Павловна привлечена к уголовной ответственности за «травлю в течение полуторых месяцев семьи квартиранта Мумракова, кооптированного в феврале 1933 г. председателем Локосовского тузсовета». На следствии вину свою отрицала, говорила, что все пункты обвинения выдуманные².

И последний из обвиняемых — **Михаил Павлович Тверитин**, коренной локосовский житель, отец шестерых детей (старшему 16 лет), середняк. В 1916–1918 гг. служил псаломщиком местной Богоявленской церкви, за что лишился избирательных прав, но в апреле 1929 г. Тобольским окрисполкомом восстановлен. К моменту вступления в колхоз в 1929 г. имел трех лошадей, двух коров — всех, за исключением одной коровы, отдал в колхоз. В 1931 г. исключен из колхоза и больше в него не вступал³.

Простенько и со вкусом

Посмотрим теперь, как аргументировалось обвинение. Это был еще не 37-й год, а только 33-й, и требовалось доказательство вины.

Обвинение первое: Кузнецовы и Кондаковы, бесспорно, кулаки, так как «эксплуатировали чужой труд». Средство эксплуатации — их 70-саженные невода, которыми облавливались рыбные угодья, называемые «полами»⁴. Полов было три, за ними закрепились названия — Кондаковский, Кузнецовский и Деревенский. Владельцы неводов иногда приглашали в артель односельчан, не имевших своих орудий лова. Весь улов делился на равные пай по числу участников промысла, и еще один пай (или полпая) причитался хозяину невода за его износ, так как невода хватало только на 2–3 рыболовных сезона. Такая практика была по-

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 18–19.

² Там же. Л. 105–106.

³ Там же. Л. 304.

⁴ Пол — речная протока, перегораживаемая запором из ряда близко поставленных один к другому ивовых кольев. Около этого запора производился весной и летом лов рыбы неводом. «Пол тыкать» — перегораживать протоку частоколом.

Кондаков Александр Егорович

Дом В.Я. Кондакова

всеместно распространена по Тобольскому Северу и считалась справедливой: за пользование неводом расплачивались все участники лова. Но по коммунистическим представлениям один лишний пай хозяину невода был чудовищной эксплуатацией чужого труда.

Хозяин одного из неводов Василий Дмитриевич Кондаков на допросе у прокурора 13 марта 1933 г. пояснял: «В разные годы, не помню когда, но на наших с Кузнецовым неводах действительно работали Саморуков Федор, Силин Александр, Силин Николай, Коротаев Иван, Коротаев Тихон, Летманов Иван, Першин Аверьян, Путолин Илья. Мы с Кузнецовым Василием [Михайловичем] первое время, приглашая посторонних граждан для таскания невода при ловле рыбы, брали один пай на два невода, так было до тех пор, пока мерёжа была дешёвая, а как эта мерёжа стала дороже, то мы стали брать по одному паю на невод, этот пай полностью шел на амортизацию невода. На своих неводах мы больше паев никому не брали, паи попу, уряднику, фельдшеру, на веревки и т.д. выделяли с артельного невода, который взяла вся деревня, это дело было года 4 или 5 тому назад»¹.

А вот что говорил на судебном заседании 1 июля 1933 г. обвиняемый Александр Васильевич Кузнецов: «Кузнецовский пол — самый плохой. На нем промышляли по 3–4 невода совместно с Кондаковым Александром Ефимовичем, Силиным Николаем Николаевичем, Кузнецовым Григорием, Силиным Андреем и Кондаковым Василием Дмитриевичем, у них были свои невода. Ловили совместно и улов делили пополам, за невода брали $1\frac{1}{2}$ пая, но я рыбачил до 1918 г. Некоторые деревенские в невода не шли, а ловили сетями, добывали не меньше, чем неводом. Рыбу сдавали купцу. У живцов² в зимнее время ловили так же, как и на полах»³.

Не беря во внимание всего этого, в обвинительном заключении прокурор утверждал: «...основные рыбные угодья — Кузнецовский, Деревенский и Кондаковский полы — находились в полном распоряжении этих двух кулаков, они являлись полными хозяевами находящейся в воде рыбы, а эти рыбные угодья являлись основным источником добычи средств для существования всего населения Локосова, но поскольку

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 20–21.

² Живец — незамерзающая речка, у устья которой зимой, во время замора, скапливается рыба. Место промысла.

³ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 238 об.

находились в частной собственности Кузнецовых и Кондаковых, то беднота полностью находилась от их в зависимости, к тому же за неимением средств была лишена возможности приобретать орудия лова, в связи с чем в разное время и разные годы все бедняцко-средняцкое население было вовлечено якобы на равных паях промыслять рыбу кузнецово-кондаковскими неводами»¹.

В этой тираде прокурор проявил себя не как юрист, а как пропагандист. Он ложно утверждал, что рыбные угодья находились в частной собственности Кузнецовых и Кондаковых, что они были полными хозяевами рыбных стад, что пай были не равными, а «якобы» равными и что именно эти рыбные угодья и никакие другие составляли основу существования всего населения Локосова. Прокурором проигнорированы показания свидетелей и обвиняемых о том, что одно время жители Локосова имели невод в коллективной собственности, что ловля рыбы сетями приносила примерно такой же доход, как и неводьба в «полах», что, отдав свои невода в колхоз, их бывшие владельцы находили другие возможности поддерживать существование своих семей. «Кондаковы богатели не от пая, — говорил уже на втором судебном процессе в 1934 г. свидетель Саморуков, — а от рыбы, добываемой в других угодьях».

Обвинение второе: источником нетрудовых доходов были сдача внаем комнат в собственных домах. Здесь нужно пояснить, что еще задолго до Октябрьской революции расселение местным начальством по квартирам присланных на службу или в ссылку было в порядке вещей, продолжилась эта практика и в послереволюционное время. Добротные крестьянские, так называемые «крестовые» дома — деревянные, одноэтажные — это далеко не то, что нынешние коттеджи, и жили в них семьи по 6–8 и более человек. Лишней жилплощади не было, и, тем не менее, зачастую в таких домах жили квартиранты — служащие, учителя. Хозяевам приходилось потесниться.

Случались на этой почве и конфликты. Так, бывшая заместительница председателя туземного совета Анна Силина свидетельствовала: «Была выписана путевка квартиранту на квартиру в дом Кондакова Петра Васильевича. Он не пустил, заявив: «Мне сельсовет дом не строил, и у меня дом для себя только». За неподчинение тузсовету на него наложен штраф»².

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 202.

² Там же. Л. 136.

Один из таких, по существу бытовых, конфликтов послужил поводом для громкого политического обвинения. Приехал с семьей направленный председателем туземного совета Г.Е. Мумраков, принять квартирантов предложили Г.Н. Трифонову. Тот неохотно согласился, оговорив условие, что Мумраков будет сам обеспечиваться дровами и водой, так как лошадей хозяин сдал в колхоз. Условий председатель совета не выполнял — стали возникать трения, усилившиеся после того, как выяснилось, что члены семьи Мумракова больны туберкулезом, но при этом требуют обеспечивать их еще и посудой. Трифонов предложил Мумракову искать другую квартиру.

Когда стало раскручиваться «кулацкое дело», Мумраков принес прокурору докладную (см. начало статьи), вполне вероятно, что написанную по предложению Фертикова, а он уж нашел, как ею воспользоваться. Для начала послал фельдшера обследовать квартиру. Тот засвидетельствовал, что условия не вполне благоприятны, отметил, что все отверстия в перегородке между комнатами хозяев и квартирантов тщательно проконопачены. «Стадия туберкулеза для окружающих была опасна, — говорил впоследствии на суде фельдшер Зимин, — и это нормально, так как беречься от заразы нужно»¹.

Прокурор, мысливший категориями классовой борьбы (может, он хотел отличиться?), 17 марта 1933 г. постановил взять Г.Н. Трифонову под арест по обвинению в «издевательствах над туземцами представителями власти с целью разжигания национальной вражды»². Остается загадкой, как он умел устанавливать личные цели обвиняемых.

Конфликт между Трифоновыми и Мумраковыми был не единственным аргументом в пользу этого тезиса. В обвинительном заключении к судебному процессу 1933 г. есть целый раздел «Национальная политика и издевательства над туземцами», и в нем такие строки: «...в селе Луковском, т.е. в центре туземного совета проживает исключительно русское население и временно один туземец, председатель совета Путолин Илья Прохорович»³. И именно этот единственный туземец и был властью в русском селе и проводником политики государства в отношении зажиточного крестьянства, что не могло не вызвать недовольства. Мало-

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 252.

² Там же. Л. 109.

³ Там же. Л. 201 об.

грамотный председатель совета был лишь исполнителем воли вышестоящих начальников, но именно он принимал решения о лишении избирательных прав, установлении «твердых заданий» и других притеснениях.

И вот еще случаи «издевательства над туземцами и национального гнета». На допросе у прокурора Путолин жаловался: «...после дачи твердых заданий Кузнецовы Василий и Александр прибегали один раз в тузсовет в январе 1933 г., в повышенном тоне кричали прямо на меня: «Какие мы кулаки, зачем нас обложил твердыми заданиями?». Но тут зашел секретарь ячейки Власов, и мы вместе стали давать им отпор... В конце января 1933 г. братья Кузнецовы пришли ко мне в тузсовет, выждали, когда я останусь один, и стали говорить: «Товарищ Путолин, ты сам хорошо знаешь, что мы бедняки, ведь мы вместе с тобой росли, играли. Давай, когда будут обсуждать наш вопрос на президиуме, то нас поддерживай». Мне просто не захотелось слушать, и я пошел домой, закрыв канцелярию».

Далее Путолин рассказывал, как счетовод тузсовета Кугаевский, зять А.В. Кузнецова, живший у тестя, пригласил его к себе на празднование годовщины Октябрьской революции. Вот как это зафиксировано прокурором. Они выпили уже по несколько стаканов пива, когда пришел с рыбалки хозяин дома и стал приглашать Путолина к себе, а после угощения завел разговор о том, что на него в совете имеется материал по индивидуальному обложению. «Я вижу, — докладывал Путолин, — что этим приглашением в гости они используют мою слабость в интересах кулачества, превращают меня в своего агента, этим самым хотят использовать тузсовет в своих классовых интересах, сразу же от них пошел домой, а затем поставил вопрос перед секретарем ячейки, и он мне помог Кугаевского с работы счетовода убрать, больше случаев застраживания или уговаривания, приглашения в гости не было»¹. Короче говоря, выпил, закусил и проявил классовую бдительность. Но согласитесь, читатель, что никакого запугивания в приведенном рассказе не видно.

И еще был случай. 20 марта 1933 г. Путолин пришел в дом Д.В. Кондакова, уже арестованного в то время, чтобы изъять имущество за неуплату налога. Изъятию подлежали перина и новое одеяло, но жена Кондакова пыталась отдать старое. Путолин потребовал новое, числящееся в описи. Тогда, как записано в составленном 26 марта 1933 г. прокурором Фертиковым протоколе, она достала из ящика новое одеяло и уда-

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 10.

рила им «туземца, председателя совета Путолина прямо по глазам, вследствие чего получилась даже припухлость век правого глаза». Если рассудить здраво, это еще невысокая плата за марионеточность, но за эту «припухлость» Х.В. Кондакова была осуждена на 5 лет¹.

Слова о спаивании и запугивании В.В. Кузнецов, допрошенный 17 марта 1933 г., назвал ложью. Не имея никаких доказательств обратного, прокурор писал в своем постановлении 11 апреля 1933 г., что группа кулаков «систематически издевалась над туземцами-выдвиженцами представителями власти Путолиным и семьей Мамракова»². А на поверку выходит, что «межнациональный конфликт» провоцировала сама власть.

Используя подобным образом «туземцев-выдвиженцев», прокурор вряд ли думал о том, как они будут чувствовать себя в локосовском обществе после того, как он, сделав свое дело, уедет. А случилось так, что Мумраков «отказался совершенно работать на советской работе, ушел в юрты Панькины на промыслы»³, и на его место снова «поставлен» Путолин. Прокурор и этот факт не постеснялся использовать для обвинения.

Трое из представших перед судом — Д.В. Кондаков, А.Е. Кондаков и Г.Н. Трифонов — обвинялись также и во вредительстве. Они якобы «организовали работу по уничтожению стада лошадей». Тех лошадей, которых сами же отдали в колхоз.

Условия для содержания скота в локосовском колхозе имени Молотова были неудовлетворительные. В обвинительном заключении констатируется: «Скотного двора как для рабочих лошадей, молодняка и коров у колхоза не имеется. Особое внимание обращает на себя конский молодняк. Последний всю зиму ходил беспризорный по улицам села без корма, глодал с изгородей жерди. Обращение с конским поголовьем, несмотря на то, что лошадь во время зимы на Севере является основной тягловой силой, самое зверское, рабочие лошади с вредительской целью приводились кулаками в непригодность, в подтверждении чего установлены следующие факты: жеребье матки умышленно разбивались путем эксплуатации на тяжелых работах, несмотря на запрещение ветеринарного надзора...»⁴.

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 192.

² Там же. Л. 147 об.

³ Там же. Л. 210.

⁴ Там же. Л. 205.

Факты падежа колхозного скота приведены бегло в приговоре Октябрьско-Вогульского окружного суда 16 июня 1934 г.: осенью 1932 г. обнаружен жеребенок с вилами в боку, в декабре захромал мерин рыжий — опередили мокрец — не излечили, зарезали на мясо, в декабре обнаружена сдохшая лошадь, в декабре же обнаружена корова с глубокой раной в боку; завхоз Трифонов на эти случаи составлял акты и только, мер к выявлению вредителей не принимал, колхозники работали на жеребых матках — одна сдохла¹.

Никаких доказательств умышленного уничтожения животных в протоколе судебного заседания не содержится, тем более организации уничтожения. Скорее можно говорить о бесхозяйственном использовании лошадей. Обвиняемыми высказывались, в частности, такие мнения:

«Сколько было выкидышей у лошадей я не знаю, но было порядочно, причина та, что скот был не свикшийся, лошади одна другую лягали, конный же двор выстроить еще не успели. Другие увечья были потому, что сено весной возили по земле, так как зимой лошади были все в извозе» (В.В. Кузнецов).

«Лошади в колхозе были пристальные, и Федоровский нам разрешил запрягать жеребых маток и даже сам помогал запрягать их»² (Д.В. Кондаков).

«Весной очень много пришлось почти по земле сваживать сена, работали на жеребых кобылах» (А.Е. Кондаков)³.

И хотя в отношении Д.В. Кондакова в приговоре суда 16 июня 1934 г. записано: «считать доказанным, что он умышленно запрягал жеребых маток для подвозки сена, в результате одна сдохла...», но это лишь утверждение, а где доказательство? Да и как можно доказать умысел?

И еще одно обвинение — в умышленной изоцрненной дискредитации колхозного строительства. Попробуем разобраться в этой теме по документам дела.

Богатый материал для построения обвинительной конструкции дал прокурору словоохотливый свидетель Ф.Г. Саморуков⁴ на допросе 14 марта 1933 г. Вот что он рассказывал:

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 65.

² Там же. Л. 303.

³ Там же. Л. 111.

⁴ Саморуков Федор Герасимович — сторож Локосовского интегрального кооператива. В 1889 г. выслан из с. Бычки Рязанской губернии за уголовное преступление навечно в Тобольскую губернию. Жил в д. Слинкиной Тобольского уез-

«...после того как было подавлено бандитское восстание мы с беднотой в числе 9 хозяйств решили пожить самостоятельно. Через Областьрыбу приобрели свой невод в кредит. В числе нашей артели было два средняка — Коротаев Иван, Кондаков Алексей. Вопрос стал о рыбном угодье, и нам был отведен Кондаковский пол, т.е. худшее из трех упомянутых выше. Примерно до 1929 г. мы своей артелью, не оформленной юридически, промышляли рыбу, а в 1929 г. нас увидели власти, и мы приняли устав, назвав свое объединение «Прогресс». В марте 1931 г. наша артель рассыпалась... Причины к развалу были следующие:

1. Мы в своем распоряжении не имели хороших рыбных угодий и экономически не смогли окрепнуть. 2. Из артели вышли Кондаковы Алексей и Александр Яковлевичи — родственники кузнецово-кондаковских заправил, на их глядя пошли бедняки Силины Александр и Николай. 3. Повлияло и то, что к этому времени стали все население объединять в один колхоз и центр объединения нашли не в нашей артели, а в артели, где руководили Кузнецовы и Кондаковы... В 1929 г., в сентябре, Кузнецовы организовали родственную артель имени Демьяна Бедного. <...> При выселении кулаков двух хозяйств в 1930 г. в нашу артель кулацкого имущества передано не было, а скот был передан в кузнецовско-кондаковскую. <...> У нас в Локосове все зажиточные и средняки, в особенности родственники кузнецовские и кондаковские, в колхозе, а беднота почему-то живет единолично»¹.

Толкование Саморуковым причин распада артели «Прогресс» удивляет своей иждивенческой тональностью: все названные им причины — внешнего характера. Когда речь шла о Кондаковых, то для них Кондаковский пол был источником обогащения и средством эксплуатации бедноты, когда об артели «Прогресс» — пол плохой, не дал возможности экономически окрепнуть. Вышли из артели несколько человек — еще один сокрушительный удар. Но почему вышли, ведь от добра добра не ищут? Об этом свидетель предпочитает не распространяться, а прокурор толкует сей факт как кулацкую подрывную работу. Третья названная Саморуковым причина вообще не содержит смысла: если «стали все население объединять в один колхоз», то имеет ли значение, какую из артелей избрали центром?

да, в 1901 г. переехал в Локосово. Как член группы бедноты участвовал по поручению прокурора в обследовании деятельности колхоза им. Молотова.

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 34об. — 35об.

Непонятно, какие увидел прокурор преимущества артели бедняков перед содружеством Кондаковых и Кузнецовых, но он пишет, противореча свидетелю Саморукову: «при наличии хороших рыбных угодий все же Кузнецовы и Кондаковы не смогли противостоять перед артельной формой объединившихся бедняков, работающих на худшем угодье, в связи с чем, учтя и льготы, предоставляемые колхозам, организовали в сентябре 1929 г. свою родственно-кулацкую артель на 9 хозяйств имени Демьяна Бедного... Вокруг этих двух артелей и была в то время сосредоточена борьба». Следствием перехода части членов артели «Прогресс» в артель им. Демьяна Бедного стало их требование возвратить принадлежавшие им орудия рыболовства, и бедняки «остались опять без снастей, в связи с чем бедняцкая артель «Прогресс» в марте 1930 г. распалась».

«С этого времени в селе Локосово, — строит дальше свою зыбкую конструкцию прокурор, — осталась одна кулацко-родственная артель, которая также после опубликования статьи тов. Сталина «Головокружение от успехов» распалась. Кулаки, добившись поставленной цели, т.е. развала бедняцкой артели, ушли в свои индивидуальные хозяйства, но вскоре усвоили надвигающуюся неизбежность перестройки мелких индивидуальных раздробленных хозяйств в крупные коллективные хозяйства и для спасения шкуры опять организовали артель «Рыбак», последняя также не выдерживала постановкой работы требованиям устава и к марту 1931 года была накануне развала, но местные власти и райсоюз этого не допустили, 21 марта 1931 г. ее переорганизовали в северо-смешанную артель им. Молотова... последняя существует до настоящего времени»¹.

Сами мы не местные...

К сожалению, суд не нашел нужным выяснить истинные причины этих распадов и переорганизаций артелей.

До конкретных причин при желании можно докопаться со временем, но очевидно, что все они обусловлены изменившимся отношением государства к крестьянству. В соответствии с марксистско-ленинской идеологией стратегическим партнером государства стало беднейшее крестьянство, противопоставленное зажиточному по принципу «разделяй и властвуй». Коллективизация обнадеживала бедняка и не обещала ничего хорошего зажиточному, само это слово «зажиточный» в

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 203–204.

советском лексиконе получило новую смысловую окраску и означало, что человек на подозрении — то ли «наш», то ли «не наш».

Для бедняков, решавших, входить ли в коллективное хозяйство, у власти был пряник в виде передаваемой хозяйству собственности, отнятой у кулаков, и некоторых льгот, а для зажиточных частных хозяев — кнут, т.е. государственные налоги и местные обложения — «твердые задания», устанавливаемые с санкции этой же бедноты.

Предприимчивый частник, единоличник, пока это было возможно, искал для себя приемлемую форму кооперации. В этих условиях постоянного притеснения особенно ценна была родственная и дружеская сплоченность, ставшая для Кондаковых и Кузнецовых опорой. Об этой их сплоченности в судебном деле содержится немало разных отзывов с оттенками то ли зависти, то ли осуждения, как о чем-то чуть ли не безнравственном. Прокурор даже изобрел, как видите, термин «кулачко-родственная артель». Услышать бы ему слова репрессированного российского экономиста А. Чайнова о достоинствах старой крестьянской кооперации, которая опиралась на семейное производство и позволяла создавать достаточно крупные формы, не нарушая индивидуальности и самостоятельности семейного хозяйства¹.

Членство в колхозе по ряду причин не могло удовлетворять локосовских крестьян, в недавнем прошлом единоличников, крепких, самодостаточных хозяев. Может быть, первая из них — имущественное неравенство вступающих в колхоз. Одни привели по нескольку голов скота, другие пришли ни с чем. Например, обвиняемый П.В. Кондаков «ввел 3 лошади, двух подростков, одну корову»². Для тех, кто проводил политику партии и смотрел на колхоз со стороны, это изначальное неравенство выглядело, может быть, как нормальный порядок вещей, но «кулачко-родственная» часть роптала.

Из свидетельских показаний С.Д. Доброносова 15 марта 1933 г.: «В колхоз меня приняли на первом собрании, но некоторые высказывались против. Кузнецов Василий говорил, что не надо принимать, раз он имущества не имеет, его поддерживали Кондаковские, после этого я несколько раз слышал от Кузнецова Василия, что напринимали голытьбу, так на готовом-то живут...»³.

¹ Громыко М.М. Мир русской деревни. — М., 1991. — С. 62.

² ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 303 об.

³ Там же. Л. 41.

Противоречия постоянно проявлялись и в повседневной хозяйственной практике. Так, бедняки жаловались на то, что будто бы правление ставило на более выгодные работы (рыбный и пушной промыслы, извоз) своих людей, а их — на перевозку пассажиров («веревочка») и другие малооплачиваемые работы. Премии также распределялись не в их пользу.

Обвинение в собственных интересах приняло сторону бедных членов колхоза. Вот строки из обвинительного заключения:

«Бедноте в колхозе создавались прямо невыносимые условия. Первое — это выделение бедноте наихудших работ, как на веревочку, где нужно быть всегда хорошо одетым, а у бедняков одежды не имелось, и использование их на других второстепенных работах, где заработок был мал».

«Дискредитируя бедноту членов колхоза, кулаки нашли методы из этих людей, классово им чуждых, искусственно делать лодырей... кулаки целые бригады организовали из бедноты, посылая их на худшие участки промысла...»¹.

В общем, опять получается «припухлость». А может быть, дело в другом: эти люди не имели опыта крестьянской жизни и достаточных трудовых навыков — не вполне понимали, что такое лошадь и как за ней ухаживать, где найти и как добыть рыбу, никогда не стреляли из охотничьего ружья и вообще не имели привычки круглый год трудиться под открытым небом? В таком случае и результат их работы был менее заметен. Один из свидетелей, выступавших на судебном заседании, Карпей Трифионов, сказал: «Добронос в дороге свою пятерку лошадей заморил и сильно избил, за это его сняли с обоза».

Эта разница в опыте, в отношении к труду, собственности, тем же лошадям, также не могла не быть постоянным источником напряженности, о которой свидетель А. Щинников, бухгалтер интегрального кооператива, сказал так: «Средняки напирали на бедняков, называя их лодырями, и посылали на работу, которую они не могли выполнить, а потом говорили, что они лодыри. <...> После развала колхоза организовали артель без бедноты, которая от них отшатнулась»².

Острые конфликты случались в связи с планированием работы. Хозяйственный опыт местных крестьян, конечно же, давал им преиму-

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 207–207.

² Там же. Л. 308–309.

*Участники Всесоюзной
сельскохозяйственной выставки.
Третий слева в первом ряду —
председатель Локосовского колхоза
им. Молотова М.П. Тверитин.
Москва, 1940 г.*

И.Е. Кондаков

щество перед людьми пришлыми в организации дела. Но планы колхозу «спускались» сверху, без учета местных условий. Невыполнение плана, не обеспеченного ресурсами, опять же квалифицировалось как «вредительство». Обвиняемый В.В. Кузнецов на допросе 17 марта 1933 г. давал вполне резонное объяснение: «План рыбы мы выполнить не смогли, потому что он был дан на 18 человек, а действительно нас ловило в весенний лов 10 человек, а в осенний и зимний лов от 2 до 8 человек, остальные рыбаки были заняты на других хозяйственных работах»¹. И никто не опроверг этого на суде.

Привыкшие во всем полагаться на себя и своих близких, локозовские крестьяне не были конформистами и решительно возражали против того, с чем не могли согласиться. В интерпретации свидетеля С.Д. Доброносова это выглядело так: «Самым заядлым агитатором против мероприятий советской власти был Василий Кузнецов, он открыто советскую власть не ругал, а всегда на каждом собрании... садился в самый зад, после доклада обычно все молчат, а затем этот Василий встает, потихоньку высказывается, что проводить надо, но это тяжело, и в части планов по рыбе говорил, что тяжело, непосильно, его все поддерживали, ну планы-то хоть принимали, но не выполняли»².

Вот еще пример, приведенный на допросе партгруппоргом П.Е. Власовым: когда сверху был спущен план «сдачи в контрактацию скота», «эта верхушка прибегала в кооперацию группой, Кондаков А., Трифонов Г.Н., кричали, что нам не дают работать, нас обдирают, прикрываясь государственными целями плана централизованных заготовок. Мы, мол, вам не подчиняемся, у нас есть райсоюз»³.

Свое понимание, как вести текущие хозяйственные дела, локозовские крестьяне высказывали порой грубовато и громогласно, свидетель Д.М. Ульянов передает это так: «...никуда нас не посылайте, дело наше, где мы захочем работать, тут и будем»⁴.

Не согласны были они и с требованием поголовного вхождения в колхоз всех трудоспособных членов семей. Что же тогда — оставлять беспризорными от 4 до 6 детей?

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 114.

² Там же. Л. 41.

³ Там же. Л. 11 об.

⁴ Там же. Л. 13 об.

Власть ломала эту наиболее работоспособную, самостоятельную часть колхозного коллектива, заставляя ее перестраивать свою жизнь на социалистический лад, и делала это, привлекая на свою сторону бедноту, возвышая ее, декларируя свою неусыпную заботу о беднейшей части сельского населения. «Беднота» объявлялась чуть ли не совестью народа. Организованная в группы и комитеты, беднота должна была противостоять кулачеству, представлять интересы государства в «классовой борьбе».

В Локосово группу бедноты организовал руководитель местной кандидатской ячейки ВКП(б) П.Е. Власов. Надо заметить, что крестьяне села в большинстве своем жили в достатке, поэтому среди упомянутых в деле членов группы ни одной местной фамилии не встречено. В группу вошли бывшая работница Томского кожевенного завода А.Д. Баталина, приехавшая в Локосово в 1930 г., ее брат С.Д. Доброносков, прибывший следом в 1931 г., 67-летний сторож интегрального кооператива Ф.Г. Саморуков, высланный из Рязанской губернии, как считали локосовцы, за кражу и живший в селе с 1910 г., и еще несколько непоименованных лиц.

Эта группа была мертворожденным ребенком. Никакой самостоятельности она не имела, что признавали сами ее организаторы. П.Е. Власов в разговоре с прокурором 28 февраля 1933 г., характеризуя этих «активистов», обмолвился, что «группа была еще неокрепшая, в ходе собрания молчала, мне приходилось проводить одному и давать отпор. Я стал нащупывать почву выявления кулаков, группа бедноты даже не решалась указывать, что кулак»¹. С ним согласен был секретарь тузовета Д.М. Ульянов: «Беднота кулаков боится и не дает точных материалов. <...> в настоящее время опереться на бедноту нельзя. Всего актива только можно найти четыре человека: комендант поселка Мергенов, учитель Мишуринов, председатель тузовета Мумраков и заместитель председателя тузовета Путолин, которые принимают участие в борьбе с кулачеством»².

Отсюда понятно отношение локосовцев к этому «общественному институту». Один из его членов С.Д. Доброносков с обидой свидетельствовал: «...бедняк Бабичев Иван прямо говорил, что этих людей надо гнать из колхоза, указывая на меня: вылез откуда-то из-под лодки, а когда из

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 11 об.

² Там же. Л. 4.

колхоза выгнали Кузнецовых, то он несколько раз говорил мне: «Наехали к нам, дак самых хороших людей исключили из колхоза...»¹.

Тем не менее не кто-нибудь из местных крестьян, а именно Доброносов был «поставлен» председателем колхоза и в этой должности растратил колхозные деньги на приобретение для себя одежды, так как «приехал в одном пиджаке». Впоследствии он был осужден к пяти годам лишения свободы, но окружной суд в приговоре 16 июня 1934 г. обеливал его («Насчитали растрату у председателя колхоза Доброносова и этим выжили его с председателей колхоза»), хотя он сам признался в растрате.

Накал страстей иллюстрирует эпизод, о котором рассказывали на суде несколько человек. На бедняцкое собрание (на нем должен был «подрабатываться» вопрос об индивидуальном обложении) пришел подвыпивший Василий Яковлевич Кондаков. По словам продавца интегрального кооператива Г.А. Ермакова, он запальчиво спросил секретаря паргруппы Власова: «Вы ково собираете на собрание? Какие-то понаехали из Томска да еще черт их знает откуда, и обсуждать наши дела их зовете. А они ково знают? Вы бы нас позвали, мы знаем кто как живет. Да ищите каких-то кулаков. Мы вам покажем, какие у нас есть кулаки»².

Эта выходка не обученного хорошим манерам деревенского мужика, которую даже хулиганством-то можно назвать с натяжкой и в которой выплеснулась накопившаяся горечь локозовских старожилов от нескончаемых притеснений, породила обвинение, ни много ни мало, в контрреволюции. Всячески подталкиваемые властью к отказу от единоличничества, они вступили в колхоз, передали в него свой скот, вкладывали в дело усердие и сноровку, приобретенные с раннего детства. Это были люди не равнодушные, не готовые одобрять или осуждать что-либо по разнарядке начальства и голосовать единогласно. Свидетельница Анна Силина, сама, наверное, того не ведая, отметила это их качество на судебном заседании: «Если проводились собрания, то подсудимые, пока не наревутся, до тех пор не подпишутся»³.

Эти самые ценные для хозяйства люди хотели остаться в колхозе, братья Кузнецовы продолжали в нем работать даже после исключения, но от

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 41.

² Там же. Л. 131 об.

³ Там же. Л. 309 об.

них избавлялись всеми правдами и неправдами и назначали руководителями людей, мало для этого пригодных, как упоминавшийся Доброносков. Его на посту председателя сменил новый «выдвиженец» — 26-летний А.Г. Федоровский, холостой малограмотный выходец из Шатровского района Уральской области. На север его сманил земляк. Допрошенный прокурором 14 марта 1933 г., он был откровенен: колхозную работу знаю плохо и руководителем быть не могу, избрали, даже не пригласив на заседание правления¹. Предшественником Доброноскова был бедняк Питухин, о котором свидетель Михаил Балуев говорил на суде, что его сняли с должности председателя «за халатное отношение к работе». Свидетель Щинников достоинство Питухина и Доброноскова увидел в том, что они «проводили твердо политику партии, а это середнякам не глянулось»².

Власть в первую голову пеклась не об экономическом положении колхоза, а об его политической «правильности». Колхоз виделся полностью подконтрольным государству политизированным объединением, и люди самостоятельные пришлось не ко двору, при пособничестве туземного совета их объявили кулаками и «вычистили» из колхоза.

Вот отрывок из свидетельских показаний секретаря туземного совета Д.М. Ульянова: «Отношение колхоза к выполнению всех государственных планов совершенно не чувствовалось ввиду того, что ... были в колхозе классово чуждые Кузнецов В.В. и Кузнецов А.В., которые говорили, что нашто нам планы, мы без них знаем, что делать, но какие были из колхоза вычищены. Но все же этого еще недостаточно, где еще пришлось колхоз чистить и где мне пришлось ставить вопрос на заседании правления 19 февраля 33 года о вычищении из колхоза как зажиточного Трифонова Гаврила Николаевича³... то на заседание правления пришли не члены правления колхоза Кондаков Иван Егорович, Кондаков Александр Егорович, которые ставили вопрос, что выгоняйте и нас из колхоза вместе с Трифоновым, и стали требовать материал, за что исключаете из колхоза... мы поедем в округ и будем хлопотать о восстановлении всех в колхозе...»⁴.

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 37.

² Там же. Л. 255.

³ Обратите внимание: исключение из колхоза предлагает человек, не являющийся колхозником.

⁴ Там же. Л. 13 об.

Колхоз для коренного зажиточного локосовского крестьянина оказался на поверку большим обманом, средством «выравнивания» в бедности. Обвиняемый Николай Егорович Кондаков так заявил на судебном заседании 14 июня 1934 г.: «В настоящее время имущественное положение — ничего нет. Лошадей обобществлено в колхоз 3, коров — 1. Дом отобрали в 1934 г. за невыполнение твердого задания по рыбе... Отцу 60 лет, его судили за невыполнение задания, но оправдали»¹. По материалам дела не видно, были ли возвращены лошади и коровы тем, кого исключили из колхоза, но свидетельница Анна Силина упоминала на суде: «Когда вычистили Кузнецовых двух братьев первых, они подавали заявление для выделения им лошадей»².

А вскоре после этой «зачистки» возникло и судебное дело.

Фиаско

С 1 по 3 июля 1933 г. в Локосово проходило открытое заседание Остяко-Вогульского окружного суда под председательством судьи Попова. Процесс имел односторонне обвинительный характер, защитник — член Уральской областной коллегии защитников Воскресенский, — судя по документам архивного дела, на суде был пассивен, в протоколе зафиксирована только его просьба к суду, если обвиняемые будут признаны виновными, выслать их из пределов Локосовского туземного совета.

Зато активен был на всех стадиях процесса государственный обвинитель сургутский районный прокурор Фертиков. Он возглавлял следствие, с первых дней которого был убежден в виновности подсудимых. В деле есть его записка от 25 февраля 1933 г. к находившемуся в Локосово работнику Сургутского райкома ВКП(б) Н.П. Вторушину, возглавившему по его же поручению бригаду, обследовавшую с 26 февраля по 2 марта 1933 г. состояние колхоза им. Молотова. «Не имея договоренности с райкомом и риком, — писал он, — я тебя включаю в следственную бригаду, о чем после доложу райкому, и поручаю тебе руководство группой бедноты и актива юстиции по обследованию работы Локосовской северо-смешанной артели. <...> При осложнении порядка обследования за отсутствием каких-либо документов пользуйтесь беседами с людьми, знающими положение. При затруднении в ча-

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 303.

² Там же. Л. 309 об.

сти определения лже-колхоза приходите ко мне... В части заключения и выводов приходи со всем материалом ко мне»¹.

Выводы следственной бригады полностью совпали с мнением прокурора, и итоговая записка подписана Фертиковым и Вторушиным. Читатель уже имел возможность понять по стилистике документов, составленных прокурором, что он по существу больше политработник, чем юрист. А данный выше анализ аргументации обвинения, надеюсь, убеждает в ее несостоятельности.

Но окружной суд не подверг сомнению позицию прокурора, согласился с его доводами, увидел в подсудимых организованную контрреволюционную группу и приговорил их к разным срокам наказания — от 10 лет до 6 месяцев по 58-й статье Уголовного кодекса. В приговоре сохранены стиль и лексика прокурорского обвинительного заключения. Суд не заставили усомниться в правомерности его решения ни неоднократные отмены Сургутским райисполкомом решений Локосовского тузсовета о лишении подсудимых избирательного права, признании хозяйств кулацкими и наложении твердых заданий, ни их решительное непризнание себя виновными. И вскоре окружному суду пришлось об этом пожалеть.

Осужденные обратились с кассационной жалобой в Верховный суд РСФСР. После рассмотрения ее кассационной коллегией Остяко-Вогульский окружной суд получил определение коллегии от 23 ноября 1933 г., из которого приведем два отрывка.

«Суд в приговоре изложил подробно социальное положение обвиняемых, так же подробно — факты вредительства в колхозе, но при описании содеянного каждым обвиняемым этих фактов им в вину не вменил: изувечение скота и т.п. Обвиняемые оказались осужденными за то, что им в вину не вменено. Определенная судом мера социальной защиты резко не соответствует вмененному в вину. Так, Кузнецовы Василий и Александр приговорены по 58-8 и 58-11 ст. УК к 10 годам лишения свободы каждый, а в вину им вменено: в октябрьский праздник угощали Путолина пивом и доказывали, что они не кулаки, а в январе 1933 г. в помещении сельсовета ругались и угрожали Путолину».

«СКК определила: приговор полностью отменить, дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе с предварительного расследования, всех арестованных по делу из-под стражи освободить на подписку»².

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 43.

² Там же. Л. 277.

Осужденные в это время находились уже далеко от Локосово: В.В. Кузнецов — в Ачинском лагпункте Сиблага ОГПУ, А.В. Кузнецов — в Новосибирской области, П.В. Кондаков — в Магнитогорске, братья А.Е. и И.Е. Кондаковы отбывали ссылку в с. Нахрачи Кондинского района.

Повторное рассмотрение дела проходило в Локосово 14—16 июня 1934 г. На этот раз приговор был более мягким: 58-я статья заменена другими, но существо обвинения осталось прежним. Суд пришел к выводу, что «хотя перечисленные факты вредительства в колхозе и запугивание и угрозы в их общей совокупности носят по сути дела контрреволюционный характер, но как предварительным, так и судебным следствием не удалось установить наличия среди обвиняемых организованной контрреволюционной группы»¹. Тем не менее братья Кузнецовы были осуждены к лишению свободы на 5 лет с содержанием в лагерях, для остальных были определены менее продолжительные сроки.

На этот раз кассационную жалобу подали только А.В. и В.В. Кузнецовы. И вновь в Остяко-Вогульский окружной суд пришло неприятное для него определение судебной коллегии Верховного суда РСФСР от 14 августа 1934 г. В нем внимание суда обращалось на то, что, как видно по документам дела, никаких дополнительных следственных действий произведено не было, и это грубое нарушение предыдущего определения должно повлечь за собой отмену приговора, но, чтобы избежать новой отсрочки рассмотрения дела, коллегия рассмотрела его в кассационном порядке и постановила наказание для всех осужденных считать отбытым.

В определении указывается на то, что при вторичном рассмотрении дела окружной суд допустил неправильную оценку действий обвиняемых, что повлекло за собой избрание несоответствующих мер наказания. В частности, действия Кузнецовых Василия и Александра неверно квалифицированы по статье 73, из материалов дела видно, что в них не было ни угроз убийства, ни побоев, ни вообще насильственных действий, «красная цена» им — хулиганство² (да и его еще нужно было доказать). Другими словами, судьям округа напомнили, что они должны быть служителями закона, а не политиками.

Итак, мы увидели картину выдуманного политического процесса в его развитии. Обвинялись люди, совершенно чуждые политике и не на-

¹ ГАХМАО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 316 об.

² Там же. Л. 340—341.

несшие никакого вреда обществу. По счастью, исход дела оказался относительно благополучным. Справедливость, казалось бы, с опозданием, но восторжествовала, но от полутора до двух с половиной лет доброй половиной населения Локосова были прожиты с тяжелым чувством.

Этот благополучный исход — не манна небесная. В первую очередь он — итог защитных действий самих обвиненных. Они в полной мере использовали свои шансы на защиту. Так, находясь в арестном помещении, они обратились с коллективным письмом в ЦК ВКП(б) к Д.Ф. Медведеву, в начале 30-х годов работавшему председателем Сургутского райисполкома.

Они писали: «...Сейчас в связи с огромным наплывом на север разного прослая населения, а также и в связи с переброской работников из других районов на руководящую работу и не знающих работы на севере, всячески стали пробивать карьеру в работе, не считаясь с тем, что некоторая работа на вред советскому государству и, стараясь заглазить свои прошлые ляпсусы, начали всячески подвешивать местных работников, а также и местное население. <...> Мы хотя мужики, но знаем, что люди, или, вернее, некоторые работники в деревне искажают политику партии и постановления правительства в области всех проводимых кампаний...»¹.

Что же стало питательной средой, на которой вырос, казалось бы, из ничего судебный процесс? Старания местных юристов выйти в первый ряд классовых борцов, поступить «как надо»? Услужливость местных энтузиастов, надеявшихся извлечь выгоду из содействия обвинению? Кто-то взмахнул платочком, и посредством политической демагогии пошла кампания уничтожения подлинных крестьян.

Свое достоинство тружеников и граждан бывшие обвиняемые подтвердили в следующие десятилетия. Они остались в родном селе с репутацией добросовестнейших работников, прошли Великую Отечественную войну и вернулись с наградами. Они воспитали новое поколение, их дети честным трудом многократно засвидетельствовали достоинство отцов. Это ли не свидетельство бессмысленности и преступности репрессивной политики, какими бы идеями она ни прикрывалась? Так, может быть, стоит отнести ко всему сказанному здесь как к практическому уроку отечественной истории?

В. Белобородов

¹ ГАХМАО, Ф. 180. Оп. 2. Д. 38. Л. 218 об.—220.

Тобольский губернский музей и тобольское общество

Выход в свет электронной версии полного собрания «Ежегодника Тобольского губернского музея» — отрадное явление в сибирском краеведении. Бывшие раритетом, теперь 29 его выпусков за 1893–1919 гг. становятся доступным источником краеведческой информации для любого жителя Югры, имеющего доступ к фондам городской, районной или окружной библиотек. Нельзя не быть благодарным за инициативу переиздания Государственной библиотеке Югры.

Чем же так ценен «Ежегодник», этот вековой давности коллективный труд членов сообщества под названием «Тобольский губернский музей»? Думаю, прежде всего тем, что это обширнейший свод информации о деятельности одной из самых крупных по размаху, содержанию и результатам деятельности и самых близких к северу Тобольской губернии общественных организаций конца XIX — начала XX вв. Он дает ясное представление о том, каким тогда было краеведение, и может навести на полезные размышления тех, для кого небезразличны вопросы современной общественной жизни.

Начнем с исторической справки, в основу которой положены материалы самого «Ежегодника» и прежде всего статьи «Тобольский губернский музей за 25 лет его существования (1890–1915 гг.)»¹.

Путь музея отнюдь не был триумфальным шествием. Музей ведет отсчет своей истории с конца 1860-х годов, когда секретарь Тобольского губернского статистического комитета Иван Николаевич Юшков²

¹ Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 25. — Тобольск, 1915. В дальнейшем — ЕТГМ.

² Юшков Иван Николаевич (1833, Тобольск — 1877), журналист, краевед. В 1852 г. окончил Тобольскую духовную семинарию и был определен учителем духовного училища. В 1856 г. перешел на гражданскую службу: в 60-е гг. редактиро-

собрал небольшую коллекцию предметов, характеризующих природу и историю края. В 1877 г. И.Н. Юшков умер, а жизнь этого зародыша будущего музея, коллекции которого не были доступны для публики, теплилась в 70-е и 80-е годы.

В январе 1886 года статистический комитет решил прекратить это дрейфование без руля и ветрил и пригласил для заведования коллекциями директора ветеринарно-фельдшерской школы Н.А. Лыткина¹. И в этом же году произошло событие, предопределившее дальнейшую судьбу музея. Приближалась дата 300-летия со дня основания Тобольска. Чтобы ярко отметить ее, губернатор В.А. Тройницкий² предложил статистическому комитету построить в ознаменование юбилея новое здание для музея. Комитет был согласен, но не имел средств для постройки и обратился с просьбой о пожертвованиях к горожанам.

Интересно вот что. В тобольских газетах конца XIX — начала XX вв. нередко встречаются сетования на бедность, застойность общественной жизни города. Тобольск некоторые сравнивали, вряд ли справедливо, с болотом. Но в этом случае, когда встал вопрос о строительстве музейного здания, тоболяки не заставили себя уговаривать и собрали

вал «Тобольские губернские ведомости», с 1869 — секретарь губернского статистического комитета. Интересовался историей, этнографией и экономикой края. Автор трудов «Сибирские татары», «Краткий очерк промышленности и торговли в Тобольской губернии», «Прошедшее торгового дела в Западной Сибири» и др. В 1870 г. на основе собранной им коллекции образовался музей губернского статистического комитета.

¹ Лыткин Николай Александрович, ветеринарный врач, первый консерватор Тобольского губернского музея, почетный член музея. Автор статей «Археологический отдел Тобольского Губернского Музея», «Краткий очерк открытия Тобольского Губернского Музея» и др. В 1894 г. уехал из Тобольска и в дальнейшей работе музея не участвовал.

² Тройницкий Владимир Александрович (ок. 1847–1915), тобольский губернатор в 1886–1892 гг. Председатель комитета Тобольского губернского музея с 14 окт. 1890 г. Служба Тройницкого в Тобольске была осложнена острыми противоречиями с политссыльными, особенно с сургутской колонией, неурожаем 1891 г. и его последствиями — голодом и вспышкой холеры в 1892 г. О своих действиях в тот период Тройницкий написал в статье «Неурожай в Тобольской губернии 1891 года» (Исторический вестник. 1913. Вып. 83). Одной из принятых им мер была организация общественных работ с целью дать заработок голодавшему населению, в частности, было начато строительство грунтовой дороги от Тобольска до Самарово.

деньгами и строительными материалами пожертвований почти на 13 тысяч рублей. Работы начались 4 июня 1887 г., а 25 сентября 1888 г. готовое здание было уже освящено.

С первых дней 1889 г. приступила к работе «Комиссия по заведованию Тобольским Музеем» в составе председателя В.А. Тройницкого, казначея С.М. Трусова¹, хранителя Н.А. Лыткина и библиотекаря С. Н. Мамеева². Во время строительства здания музейные коллекции быстро росли благодаря энергичным действиям комиссии и заинтересованности в музее тобольского общества, и на 10 апреля 1889 г. было назначено открытие музея для публики.

А тем временем у Н.А. Лыткина и С.Н. Мамеева созрела мысль о превращении музея в самостоятельное учреждение, не зависящее от статистического комитета. Комитет поддержал ее и 1 декабря 1889 г. постановил: «Образовать Общество, которое приняло бы на себя собрание и хранение памятников старины, редкостей и научных предметов, относящихся до Тобольской губернии, а для выработки устава для подобного Общества составить комиссию...»³.

Проект устава был выработан, одобрен, дополнен и 4 сентября 1890 г. утвержден министром государственных имуществ. 14 октября на заседании членов-учредителей комитета Тобольского губернского музея было избрано правление: председатель — губернатор В.А. Тройницкий, товарищ председателя — П.И. Панов⁴, секретарь — Л.Е. Лу-

¹ Трусов Степан Макарович, тобольский купец, потомственный почетный гражданин. Избирался гласным городской думы, городским головой. 12 января 1917 г. «Сибирский листок» писал, что С.М. Трусов «прослужил городским головой 20 лет 9 месяцев и 21 день, гласным городской думы состоял 45 лет, участвовал в бесчисленном количестве разных комиссий».

² Мамеев Степан Николаевич (1859–1939), библиотекарь, краевед. Учился в Тобольской гимназии, затем поступил на военную службу. В Тобольске служил в резервном пехотном батальоне. В 1909 г. переехал в Петербург. Занимался ботаникой, по заданию Ботанического сада Академии наук за 13 лет собрал коллекцию растений Тобольской и Енисейской губерний из 2744 листов. Во время Гражданской войны находился в Тобольске, возобновил сотрудничество с музеем. Состоял членом-сотрудником Русского географического общества.

³ Тобольский Губернский Музей за 25 лет его существования (1890–1915 гг.) // ЕТГМ. Вып. 25. — Тобольск, 1915. — С. 2–3.

⁴ Панов Петр Иванович (? — 1913), педагог. Член-учредитель Тобольского губернского музея, товарищ председателя комитета музея в 1890–1897 гг. После

говский¹, хранитель — Н.А. Лыткин, помощник хранителя — К.Д. Гордеев², библиотекарь — С.Н. Мамеев, казначей — С.М. Трусов.

В уставе музея так сформулировано его назначение: «Музей имеет целью ознакомление публики с Тобольской губернией и с развитием в ней культуры во всех ее формах и проявлениях посредством своих лекций и материалов по всем отраслям естествознания, этнографии, истории, статистики, археологии, промышленности и пр., а также путем научной разработки собранных материалов». Управлять образованным для достижения этой цели обществом призван был распорядительный комитет, наделенный широким кругом обязанностей: изыскивать средства для текущей деятельности музея и его развития; держать связи с учреждениями, обществами и лицами в интересах музея; составлять инструкции по внутреннему управлению музеем и определять круг деятельности его комиссий; контролировать денежную отчетность, состояние кассы и имущества; ежегодно составлять приходо-расходные сметы; рассматривать годовые отчеты и представлять их на утверждение общих собраний; созывать и проводить собрания членов музея; устраивать публичные чтения, лекции и выставки.

окончания в 1870 г. Казанской духовной академии преподавал в Костромской духовной семинарии и Омской учительской семинарии. С 1876 г. — инспектор Тобольской гимназии, а с середины 1879 по 1908 г. — директор.

¹ Луговский Лев Евграфович (1860–1898), чиновник, общественный деятель. Член-соревнователь музея с 12 января 1892 г. Избирался секретарем комитета музея (1890–1897), членом редакционной комиссии (1893–1897), был наблюдателем метеостанции.

Учился в Петербургском университете. За участие в революционной деятельности выслан в 1883 г. в Тобольск. Несколько лет служил конторщиком у купца А.А. Сыромятникова, с 1890 г. — на государственной службе в учреждениях губернского центра. Публиковал в местных газетах и музейном «Ежегоднике» статьи по различным вопросам общественной жизни, в 1896 г. был редактором неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей». Инициатор организации и член-учредитель Общества взаимной помощи учащим и учившим в Тобольской губернии. Редактор «Сибирского листка» В.Ф. Костюрин в связи с кончиной Л.Е. Луговского назвал его одним из тех, «кто тем или иным путем стремится обывателя сделать гражданином, сознательно относящимся к общественным делам и своим обязанностям перед обществом».

² Гордеев Константин Дмитриевич, тобольский губернский инженер в первой половине 1890-х гг. Член-учредитель Тобольского губернского музея и помощник хранителя.

Обратимся теперь к музейной практике, чтобы уяснить, какими путями добровольное общество «Тобольский губернский музей» шло к своей цели.

Музей — это собрание предметов, и поэтому разговор неизбежно начинается с организаторов создания коллекций и их хранителей, называвшихся тогда «консерваторами». Это были ключевые фигуры, они по существу определяли лицо музея, его специфические черты. Ежегодно на годовых собраниях членов музея консерваторы отчитывались о состоянии коллекций. Их ноша в общем деле была, пожалуй, самой тяжелой, они стояли в центре всей текущей работы. Учитывая это их место в жизни музея, авторы упомянутой статьи, подытоживающей деятельность общества за первые 25 лет, связывают отдельные периоды его истории с именами консерваторов.

С 14 октября 1890 г. до 26 июня 1894 г. обязанности консерватора исполнял Н. А. Лыткин. Но, как уже сказано, по просьбе статистического комитета он принял коллекции еще 6 января 1886 г. и за четыре с лишним года, предшествовавшие учреждению музея, сумел их намного увеличить. В октябре 1890 г. в музее в составе естественно-исторического отдела имелась обширная энтомологическая коллекция (1556 номеров в описи), небольшой гербарий, собранный Л.Е. Луговским, минералогическая и палеонтологическая коллекции. В общеобразовательном отделе были собраны предметы, не имевшие прямого отношения к Тобольской губернии, в него входила довольно крупная нумизматическая коллекция (1028 номеров). Значительным по своей ценности был археологический отдел музея, он был лучше других описан и даже имел печатный каталог, составленный Н.А. Лыткиным, в 1890 г. часть этой коллекции была отослана в Императорскую археологическую комиссию¹. Всего в музее имелось 4037 предметов.

Сам Николай Александрович в отчете за 1893 г. отмечал бедность промышленного отдела при том, что он «должен служить ядром Музея как отдел, в котором должны быть образцы кустарной и заводской промышленности, земледелия, рыболовства и звероловства...»

Заслуги Н.А. Лыткина как «более всех потрудившегося над собиранием музея и управлением им» были высоко оценены членами общества: 14 октября 1890 г. они в числе первых избрали его почетным членом

¹ Тобольский Губернский Музей за 25 лет... — С. 28–30.

музея¹. В 1894 г. Н.А. Лыткин выбыл на новое место службы, и консерватором был избран Николай Лукич Скалозубов². Девятилетнему периоду жизни музея (1894—1903), когда в центре его деятельности стоял Скалозубов, много места уделено в статье «Тобольский Губернский Музей за 25 лет...». Авторы статьи считают, что с его приходом началась реформаторская деятельность. «Старые коллекции Музея пересматриваются, — пишут они, — уничтожается все пришедшее в негодность, изменяется центр тяжести: Музей начинает изучать естественно-исторические условия губернии, стремится добытые знания популяризовать, а потому собирание коллекций принимает совершенно другое направление, чем прежде: Музей перестает быть собранием раритетов»³.

24 апреля 1895 г. Н.Л. Скалозубов выступил на общем собрании с программным докладом «О дальнейшем направлении деятельности Тобольского Губернского Музея». Доклад был кратким, вот его содержание в конспективном изложении:

До настоящего момента в музее шла «молекулярная работа внутреннего формирования», собрана богатая библиотека, значительные коллекции. Но музей не связан с публикой и является лишь хранителем книг и коллекций. Пора освободить силы музея для той «внешней» работы, которой ожидает от него общество. Музей должен проявить себя как учреждение, с одной стороны, ученое, системно познающее свой край, с другой, — как учебное, популяризирующее приобретенное знание. Члены музея, не будучи учеными, должны вести главным образом собирательскую, коллекторскую деятельность, но не бессистемную,

¹ Тобольский Губернский Музей за 25 лет... — С. 4.

² Скалозубов Николай Лукич (1861, Кострома — 1915, Курган), агроном, общественный и государственный деятель. Окончил Петровскую земледельческую и лесную академию в Москве. В апреле 1894 г. назначен тобольским губернским агрономом. Инициатор и организатор многих позитивных перемен в земледелии, животноводстве, маслоделии, рыбном промысле, кустарной промышленности губернии. Много труда вложил в просвещение крестьян и изучение природы края как консерватор губернского музея и редактор газеты «Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности». По его инициативе в начале 1900 г. в д. Соколовой близ Тобольска открылась первая в губернии сельскохозяйственная школа. Скалозубов всеми силами способствовал сплочению тобольской интеллигенции вокруг полезных начинаний, росту общественной самодеятельности населения. С 1907 по 1912 г. Н.Л. Скалозубов — депутат II и III Государственной Думы.

³ Тобольский Губернский Музей за 25 лет... — С. 30.

а на основе подробной научной программы по всем отделам. Результатом ее станет накопление материала «для синтетической работы профессиональных ученых». Но одновременно с этим, когда фонды наполнятся сведениями о губернии, двери его должны широко распахнуться для всех, ибо «знание своей страны есть сила, без которой народный труд не может развиваться и прогрессировать». Музей обязан стать «учреждением общепользным». Далее Николай Лукич предложил перечень мер, которые считал необходимыми для оживления деятельности музея, первой из них он назвал налаживание широких и прочных связей с музеями, обществами и частными лицами, которые могут содействовать музею в достижении его целей.

Этот ясный по мысли доклад, как можно полагать, слушался членами музея со смешанными чувствами, были, возможно, моменты неприятия. Ведь легко сказать, но как трудно выполнить такую сверхзадачу, порой понадобится и себя забыть ради музея. Но Скалозубов нашел среди членов музея единомышленников, и число их росло благодаря его энергии и увлеченности, которыми он заражал других.

Для организации широкого системного познания губернии разрабатывались исследовательские программы. Одну из них — для изучения экономического быта населения севера губернии — составил и опубликовал в восьмом выпуске «Ежегодника» А.А. Дунин-Горкавич. Н.Л. Скалозубов и М.В. Филиппов распространили по губернии «Краткую программу для собирания этнографических сведений (о религиозных верованиях, домашнем и общественном быте крестьян, народном языке, словесности и народной медицине, сельском хозяйстве, памятниках старины) по Тобольской губернии». На нее откликнулись и прислали сообщения учителя К.В. Хавский, А.М. Федяев, А.И. Перепелкина, И.В. Надеждинская, крестьянин С.С. Усов и др.

Обращения музея вызвали «огромный наплыв предметов и отдельных коллекций... масса начатых работ по сбору коллекций и изучению губернии отнимала весь досуг хранителя от его прямых обязанностей правительственного губернского агронома»¹.

Факты, подтверждающие сказанное, во многом представлены в выпусках «Ежегодника» — в отчетах консерватора, «Текущей хронике музея». В этой собирательской работе охотно участвовали многие северя-

¹ Тобольский Губернский Музей за 25 лет... — С. 32.

не — чиновники А.С. Матиясевич, И.В. Евсеев, Л.Н. Ямзин, А.А. Карвовский, А.А. Дунин-Горкавич, М.А. Серых, крестьяне В.Т. Земцов, А.Е. Мотошин, П.Ф. Тележкин, рыбопромышленник К.В. Добровольский, священники В.Н. Герасимов и Г.П. Поникаровский. Последнему музей выразил благодарность за присланный в дар гербарий представителей флоры Березовского уезда¹.

Быстрый рост фондов музея в этот период связан также и с участием музея в крупных выставках: Курганской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной (1895), Всероссийской художественно-промышленной в Нижнем Новгороде (1896) и Парижской Всемирной (1900). Сообщения о подготовке к выставкам и участии в них Тобольской губернии и музея публиковались в «Ежегоднике»: во втором выпуске — объявление об учреждении в Тобольске местного Вспомогательного комитета по Нижегородской выставке и здесь же — список корреспондентов этого комитета, к которым экспоненты могли обращаться; здесь же объявлено и о Курганской выставке; в пятом выпуске — труды комитета по устройству выставки в Кургане, в пятом и шестом — труды Вспомогательного комитета по устройству художественно-промышленной выставки в Нижнем Новгороде.

Особенно охотно Скалозубов принял предложение взять на себя заведование работами по собиранию коллекции для Парижской выставки, т.к. это давало возможность воспользоваться отпущенными для этого 2000 руб., чтобы пополнить сведения о губернии. В 14-м выпуске «Ежегодника» (Тобольск, 1905) была подробно освещена деятельность музея по составлению коллекции для Парижской выставки и названы лица, наиболее способствовавшие успеху дела. Это уже упомянутые А.А. Дунин-Горкавич, Н.С. Матиясевич, А.Е. Мотошин, В.Н. Герасимов, И.В. Евсеев, а также фотографы Кочешев из Кургана и Шустер из Тобольска, приват-доцент Казанского университета А.Я. Гордягин, член музея С.П. Каффка и член распорядительного комитета А.Ф. Ушаров.

Собранные для этих трех выставок коллекции возвратились в Тобольск и существенно обогатили фонды музея.

Н.Л. Скалозубов не упускал возможностей вступить в сотрудничество с учеными разных специальностей, приезжавшими в Тобольскую губернию в экспедиции. Тесные и очень полезные для музея связи сложились у

¹ Отчет секретаря Музея за 1903 г. // ЕТГМ. Вып. 15. — Тобольск, 1906.

него с ихтиологом Н.А. Варпаховским, приват-доцентом Казанского университета почвоведом и ботаником А.Я. Гордягиным, зоологом из этого же университета М.Д. Рузским. Благодаря А.Я. Гордягину в музее собралась обширная коллекция образцов почв губернии и получены сведения о химическом и механическом составе главных их типов. Ему же посылались для определения некоторые из собранных музеем гербариев. С помощью М. Д. Рузского ценные пополнения получили коллекции птиц, грызунов, рыб, пресмыкающихся, саранчовых насекомых (кобылки)¹.

По десяткам адресов уходили из музея письма и посылки к ученым с просьбами об определении растений, насекомых, проведении химических анализов, обмене коллекциями, научных консультациях и пр.

Конечно же, были и близкие надежные сотрудники и помощники, с которыми консерватор соприкасался постоянно. Так, в деле описания коллекций он нашел поддержку в лице М.Н. Костюриной, приводившей в порядок отделы палеонтологии и этнографии, О.М. Пальмовой (отдел зоологии позвоночных), Л.Н. Знаменской (нумизматика, часть археологической коллекции, оформление гербария). Осенью и зимой 1901 г. упорядочивал зоологическую коллекцию Д.Я. Вардрошер, он же передал музею коллекцию кобылок. Деятельное участие в пересмотре коллекций принял А.Ф. Ушаров.

Обилие собранного материала порождало новые вопросы и задачи. «Накопленный в нашем музее материал, — говорил Н.Л. Скалозубов, отчитываясь перед общим собранием за 1899 и 1900 годы, — доставлен главным образом жертвователями; охранение его и поддержание в порядке составляет обязанность Комитета Музея не только перед публикой, но и перед жертвователями...»². Сознание этой ответственности заставляло думать о расширении помещения и приглашении работника, который всецело отдался бы музейному делу и получал за это достойную плату. Отчитываясь о состоянии коллекций за 1901 год Николай Лукич вновь поставил эти же вопросы, диктуемые уже внутренней логикой развития музея:

«Заключая этот отчет, я долгом считаю заявить общему собранию Музея:

1) о безусловной необходимости принятия серьезных мер к изысканию средств на развитие деятельности музея, вполне уже определив-

¹ Отчет консерватора за 1897 и 1898 гг. // ЕТГМ. Вып. 12. — Тобольск, 1902.

² Отчет консерватора за 1899 и 1900 гг. // ЕТГМ. Вып. 13. — Тобольск, 1902.

шейся и выяснившейся, а именно — на организацию экскурсий и на приглашение постоянного платного консерватора;

2) о принятии мер к изысканию средств на расширение здания музея, без чего становится затруднительною, а часто и невозможною работа по приведению в порядок коллекций¹.

«Ни тому, ни другому не суждено было осуществиться при Николае Лукиче», — констатировали авторы статьи «Тобольский Губернский Музей за 25 лет его существования (1890–1915 гг.)».

В 1903 г. совмещение работы консерватора со службой оказалось невозможным для Н.Л. Скалозубова. Он оставил ее, но и после продолжал приносить большую пользу музею. Оставшиеся его единомышленники продолжали следовать выдвинутой им программе. Николай Лукич остался для членов музея примером служения делу. Чего бы ни коснулся, на всем здесь лежал отпечаток его личности, и то, что 27-й выпуск «Ежегодника» целиком был посвящен памяти скончавшегося в 1915 г. Н.Л. Скалозубова, убедительнее всяких речей говорит об его значении для музея.

Следующим консерватором был избран уважаемый в музейном круге А.Ф. Ушаров², но почему-то продержался он недолго, и следом за ним два года, с июня 1904 по июнь 1906 г. этот воз вез Василий Александрович Ивановский³. Авторитет его держался на большом личном вкладе в дела музея. Он неоднократно жертвовал музею собранные им гербарии, популяризировал ботанические знания, много занимался упорядочиванием коллекций. Василий Александрович принадлежал к небольшому кругу лиц, причастных к составлению, редактированию и корректуре выпусков «Ежегодника». В последнем, 29-м его выпуске напечатан под-

¹ Отчет консерватора за 1901 г. // ЕТГМ. Вып. 14. — Тобольск, 1905.

² Ушаров Александр Федорович, чиновник. Секретарь комитета Тобольского губернского музея в 1890–1903 гг., наблюдатель метеостанции музея в 1899–1903 гг., почетный член музея с 4 июня 1904 г. Служил старшим чиновником особых поручений при тобольском губернаторе, затем секретарем статистического комитета. В 1904 г., уезжая на новое место службы, подарил музею часть своей библиотеки, коллекцию принадлежностей для энтомологических экскурсий и инструменты для метеостанции.

³ Ивановский Василий Александрович, один из активнейших деятелей Тобольского губернского музея, 21 апреля 1914 г. избран его почетным членом. Автор нескольких крупных работ, напечатанных в «Ежегоднике», среди них — «Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской губернии» (Вып. 15 и 22).

готовленный под его редакцией «Краткий путеводитель по Тобольскому Губернскому Музею».

Свою миссию консерватора Ивановский видел в том, чтобы обеспечить достойное внешнее устройство музея и удобство обозрения его коллекций публикой, т.е. вел линию Скалозубова на открытость музея, соединение в нем «ученой» и «учебной» функций. Коллекции продолжали упорядочиваться, при этом особое внимание было сосредоточено на естественно-историческом отделе, который в эти годы пополнился ценными коллекциями: ветврач К.К. Саулит подарил собрание предметов по ветеринарному делу, М.В. Филиппов — образцы собранных им растений Обдорского края, был издан систематический список орнитологической коллекции, составленный А. Лапиным.

Разобравшись с коллекциями, В.А. Ивановский убедился, что выставить их все для обозрения невозможно — не хватает места — и необходимо расширять здание. У музея ни денег, ни средств не было, но консерватору удалось привлечь располагавшее значительными средствами местное попечительство о народной трезвости — на выделенные последние деньги было начато сооружение пристройки к музею. «Во время пристройки коллекции были сложены в трех залах, Музей был закрыт для обозрения публики, и деятельность консерватора (Баталин и Вентцер) на два года совершенно приостановилась»¹.

В 1906 г. В.А. Ивановский, много успевший сделать на благо музея, был избран членом-соревнователем², а в январе 1908 г. консерватором становится популярный в Тобольской губернии адвокат Василий Николаевич Пигнатти³. В 1906 г. он выступал защитником по делу о то-

¹ Тобольский Губернский Музей за 25 лет... — С. 36.

² Член-соревнователь. Согласно уставу музея, утвержденному в 1895 г., в члены-соревнователи избирались те, кто оказывал содействие задачам музея научными трудами или личной работой, или сделал единовременное пожертвование в сумме не менее 200 рублей.

³ Пигнатти Василий Николаевич (1877–1919), адвокат, общественный и государственный деятель. Был казначеем Тобольского губернского музея в 1906–1908 гг., секретарем в 1907 г., с 1908-го — консерватор. Учился на филологическом факультете Московского университета. В 1899 г. арестован и выслан под надзор полиции в Тобольск. В марте 1917 г., после упразднения в России должности губернатора, временным комитетом общественного спокойствия избран губернским комиссаром и утвержден Временным правительством. Отстранен через год, после установления советской власти. С июня 1918 до осени 1919 г. — губер-

больской газете «Сибирский листок», закрытой в начале года, и выиграл процесс, издание газеты было возобновлено.

К этому времени закончилось сооружение пристройки к зданию музея, и самым неотложным и хлопотным делом стала подготовка коллекций к экспонированию. На долю консерватора выпало описание части коллекций и издание списков, организация экспозиции, начало подготовки путеводителя по музею и возобновление коллекторской работы, приостановленной на время строительства. Сформировать заново экспозицию было непросто. К счастью, в это время в Тобольске оказались и Н.Л. Скалозубов, и В.А. Ивановский, распорядительный комитет обратился к ним за помощью, и они вместе выработали общий план распределения коллекций по 11 залам. Для того, чтобы вновь выставить для публики коллекции, потребовался год, т.к. не хватало средств для изготовления новых витрин и наличных сил для быстрой работы.

Период деятельности В.Н. Пигнатти в должности консерватора (1908–1917), примерно равный «скалозубовскому», примечателен значительными делами. Вновь стали расти коллекции и прежде всего ботаническая — в связи с началом детального изучения научными учреждениями России флоры Сибири, к которому присоединился музей, и этнографическая — благодаря участию музея в подготовке к 1-й Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставке в Омске. Музей готовил для нее коллекцию предметов быта остяков, в работе участвовали под руководством В.А. Ивановского Т.П. Гладышева, Л.Р. Шульц и П.И. Иванцев. По окончании выставки коллекция была возвращена музею. Кроме того, был организован новый отдел — рыбный, состоявший из коллекций ихтиологической и орудий лова, поступили гербарии от В.А. Ивановского и Б.Н. Городкова, археологические коллекции, вывезенные с р. Конды и р. Салыма, и некоторые другие ценные материалы.

Особо нужно сказать, что при В.Н. Пигнатти впервые разворачивается регулярная экспедиционная исследовательская работа. Музей организует поездки на север губернии как на собственные средства и собственными силами, так и на началах кооперирования средств, вступая в сотрудничество с другими заинтересованными учреждениями — пере-

ский комиссар Временного Сибирского правительства и правительства Колчака. Выехал из Тобольска с колчаковскими войсками при их отступлении.

селенческим управлением, Ботаническим музеем Академии наук, Русским географическим обществом, музеем императора Александра III, Императорским ботаническим садом.

Первая экспедиция была направлена летом 1910 г. на р. Конду. В ней участвовали сам Пигнатти, тяготевший к полевой исследовательской работе, Б.Н. Городков и А.Н. Уваров. За ней последовали поездки на р. Салым (1911 г.), в низовье Иртыша и в бухту Находка (1912 г.), в бассейн р. Ваха и в Обскую губу (1913 г.), на рр. Сосьва (1915 г.) и Надым (1916 г.). Отчеты о поездках публиковались в «Ежегоднике». Все работы производились их участниками бесплатно. «...экскурсии принесли Музею громадную пользу и в смысле знакомства с губернией и естественно-историческими условиями ее, и в смысле усвоения методов исследования губернии. Материала они дали много, но тщательный анализ и изучение этого материала требует больших средств, большого времени и больших сил»¹.

Из других значительных дел этого периода нужно упомянуть раскопки В.Н. Пигнатти в 1915 г. на Искере (Кучумовом городище), организацию постоянной комиссии из агрономов для изучения сорной растительности и упорядочивания сельскохозяйственного отдела, комиссии по устройству научно-просветительных чтений при музее под председательством педагога Е.Н. Раевой, работу юбилейной комиссии, подытожившей 25-летнюю деятельность музея, открытие и функционирование при музее бесплатного кабинета для чтения.

Культурное деяние непреходящего значения совершил Тобольский губернский музей, создав свою библиотеку. О том, как складывалась и развивалась библиотека, подробно рассказала в своем исследовании Н.А. Мурашова, заведовавшая ею в недавнее время². Мы же ограничимся высвечиванием отдельных моментов ее истории применительно к задачам этой статьи.

Начало музейной библиотеке было положено губернским статистическим комитетом, передавшим музею 557 томов книг о Сибири, большая часть которых стала к тому времени библиографической ред-

¹ Тобольский Губернский Музей за 25 лет... С. 44.

² Мурашова, Н. А. История библиотеки Тобольского губернского музея (1870 — 1917 гг.) // Подорожник: краевед. альманах. — Ханты-Мансийск, 2007. — Вып. 8. — С. 81–92.

костью. Состояние библиотеки в разные годы определялось прежде всего личностями библиотекарей, каждый из них внес в общее дело что-то от себя.

Первым избранным библиотекарем музея был штабс-капитан Степан Николаевич Мамеев, коренной сибиряк, любитель истории и книжного дела. Фактически он начал исполнять обязанности библиотекаря еще до того, как музей выделился из состава губернского статистического управления в самостоятельное учреждение, поэтому в 1890 г. был уже напечатан составленный Мамеевым каталог библиотеки.

С.Н. Мамеев исполнял обязанности библиотекаря с октября 1890 по октябрь 1897 г., в эти годы библиотека быстро росла за счет пожертвований и обмена на «Ежегодник». Отчитываясь на годичном собрании о состоянии библиотеки за 1893 год, Степан Николаевич назвал такие цифры: за истекшие пять лет получены 3700 рукописей и печатных изданий от 142 лиц, обществ и учреждений не только из Тобольска, но и из Кургана, Омска, Томска, Екатеринбурга, Барнаула, Иркутска, Красноярска, Владивостока и других городов. Этим пополнением библиотека в значительной степени обязана лично Мамееву.

Были очень ценные пожертвования. В 1893 г. вдова протоиерея Тобольского кафедрального собора М.А. Боголепова подарила собрание старинных рукописей, насчитывавшее более 300 актов и документов. Мамеев сделал их подробное описание, опубликованное во втором и седьмом «Ежегодниках». В 1896 г. вдова члена-соревнователя музея К.Б. Газенвинкеля, исполняя волю мужа, передала в дар его библиотеку, состоявшую из сочинений о Сибири. Сам Степан Николаевич пожертвовал библиотеке обширное и ценное по своей библиографической редкости собрание газетных статей о Сибири.

С.Н. Мамеев заботился не только о численном росте библиотеки, но и ее упорядочении. Вслед за первым он составил второй, более полный систематический каталог. В 1893 г. помощник библиотекаря А.А. Терновский закончил свою работу над карточным указателем личных и географических имен и предметных названий к инвентарному рукописному каталогу. В 1895 г. было начато устройство справочной сельскохозяйственной библиотеки.

Из года в год занимаясь библиографией, С.Н. Мамеев подготовил также указатели «Материалы для библиографии Сибири», «Периоди-

ческая печать Сибири», «Библиография железнодорожного вопроса Сибири», напечатанные отдельными изданиями. Публикации его трудов, как указывает в своей статье Н.А. Мурашова, способствовал своими средствами тобольский купец, член-соревнователь музея А.А. Сыромятников. Кроме того, работы Мамеева публиковались в «Ежегоднике» и местных газетах «Тобольские губернские ведомости» и «Сибирский листок». Товарищи по музейной работе оценили заслуги С.Н. Мамеева избранием его в почетные члены музея.

В 1897 г. С.Н. Мамеев выехал из Тобольска на другое место службы, и библиотекарем был избран Анатолий Александрович Терновский¹, учитель мужской гимназии и Мариинской женской школы. Его след в истории библиотеки — это значительное увеличение фонда и продолжение библиографической работы. Новый полный систематический каталог Терновского из 2966 названий с «Алфавитом имен личных, предметных и географических, встречающихся в “Каталоге” напечатан в 10-м выпуске «Ежегодника». Кроме того, он опубликовал несколько библиографических указателей.

Библиотека в этот недолгий период, продолжавшийся до 1901 г., получила ценные дары — 71 выпуск изданий Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и 278 томов изданий Академии наук, чему способствовали секретарь зоологического отделения Общества Г.А. Кожевников, непрременный секретарь Академии Н.Ф. Дубровин и основатель музея В.А. Тройницкий.

Жертвовали музею свои «Труды», «Отчеты» и другие издания учредения и общества, а также десятки частных лиц из разных городов, многих жертвователей привлек Анатолий Александрович лично. Собственных средств для приобретения литературы музей почти не имел, но библиотека непрерывно пополнялась благодаря солидарности российских деятелей культуры. Списки с именами жертвователей печата-

¹ Терновский Анатолий Александрович (?–1920), педагог, общественный деятель.

Почетный член Тобольского губернского музея с 24 апреля 1914 г. Окончил Тобольскую гимназию и историко-филологический факультет Петербургского университета, после чего преподавал в Тобольской гимназии языки, в Мариинской женской школе — географию и историю. Избирался членом городской думы, состоял в Обществе вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии. В 1920 г. арестован, увезен в Тюмень и в ноябре расстрелян сотрудниками Губчека. Реабилитирован посмертно.

лись не только в «Ежегоднике», но и в «Сибирском листке», оттиски списков рассылались жертвователям. Такова была норма отношений между людьми, делавшими общественные дела в то давнее время. Характерную оговорку делает А.А. Терновский в своем отчете за 1897 и 1898 гг.: «К сожалению, список поступлений с 22 апреля 1898 по 1 января 1899 года не мог быть мною напечатан (за недостатком свободного времени)». Речь идет о дефиците не служебного, а личного времени: весь труд библиотекарей музея был бесплатным.

Ежегодный рост книжного фонда вскоре привел к тесноте помещения. Пришлось искать возможности для уплотнения библиотеки. Терновский стал расставлять книги в шкафах по форматам — это дало некоторую экономию места и прибавило забот об изменении системы отыскания нужной книги. Ради экономии денег на переплетных работах библиотекарь стал соединять в один переплет по несколько брошюр более или менее однородного содержания, это также позволило немного высвободить место в шкафах.

За выдающиеся заслуги перед музеем А.А. Терновский в 1914 г. был избран его почетным членом.

Скорее всего, чрезмерная нагрузка (одновременно он был еще и членом редакционной комиссии) заставила А.А. Терновского отказаться от должности библиотекаря. Его сменил педагог Михаил Васильевич Филиппов¹, проработавший с октября 1901 по май 1906 года. Он подготовил к печати систематический каталог библиотеки — продолжение каталога, составленного Терновским, в нем описаны 1830 изданий, поступивших в библиотеку после напечатания каталога 1900 года. За ним последовал 60-страничный каталог рукописей музея (479 названий), он был опубликован в 1907 г. Кроме того, М.В. Филиппов устроил подвижный карточный каталог.

¹ Филиппов Михаил Васильевич (1875–1942), педагог. Член-соревнователь музея со 2 июня 1906 г. Несколько лет преподавал в Тобольской духовной семинарии, читал лекции о мусульманстве, составил для учеников упрощенную грамматику татарского языка. В 1906 г. переведен на должность инспектора народных училищ Астраханской губернии. С 1911 г. — директор народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей. В советское время занимался просветительской деятельностью в Казахстане, преподавал латынь в Омском мединституте (Солодова, Т. И. Сплетенье судеб и времен. — Тобольск, 2008. — С. 94–95).

Библиотека продолжала расти за счет обмена на «Ежегодник» и пожертвований. Один из крупных даров был от Н.Л. Скалозубова — 116 книг, журналов, отчетов, брошюр по сельскому хозяйству.

Постоянно прибывавшие книги требовали своевременной обработки. В этом М.В. Филиппову содействовали члены музея: по предложению учителя гимназии И.П. Львова по пятницам вечерами желающие помочь стали собираться в библиотеке и привели ее в полный порядок¹.

Следующий период, когда библиотекарем был Сергей Сергеевич Булыгин² (11 мая 1906 — 1 августа 1910), пришелся на время строительных работ в музее и, как следствие — временного спада в его деятельности. Поступавшая литература хранилась, но библиотекарь не смог подготовить к печати продолжение систематического каталога. Библиотека постепенно двигалась к хаотическому состоянию. Чтобы противостоять этому, С.С. Булыгин через «Сибирский листок» обратился с просьбой о помощи, и тоболяки вновь стали раз в неделю приходить в библиотеку для вечерних работ.

В это время библиотека получила два крупных дара: более 2500 томов — все книжное собрание губернского статистического комитета — и собрание из 600 названий от Н.Л. Скалозубова, в основном по сельскохозяйственной тематике, а также его карточный каталог журнальных статей по сельскому хозяйству — труд нескольких лет. Кроме того, перед отъездом в Петербург для думской депутатской деятельности Николай Лукич отдал музею во временное пользование 83 пол тома энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.

После окончания пристройки к зданию музея С.С. Булыгину пришлось потратить много сил на устройство библиотеки в новом помещении, за что 22 марта 1907 года на общем собрании членов музея он получил благодарность³.

В 1910 г. С.С. Булыгин был переведен на новое место службы, и работы в библиотеке приостановились. По постановлению распоряди-

¹ Отчет секретаря музея А.Ф. Ушарова за 1901 г. // ЕТГМ. Вып. 14. Тобольск, 1905.

² Булыгин Сергей Сергеевич, чиновник. Опубликовал в «Ежегоднике» «Хозяйственную запись А. Д. Никитина (материалы по сельскохозяйственной статистике)» (Вып. 17).

³ Протокол заседания общего годовичного собрания 25 мая 1908 г. // ЕТГМ. Вып. 17. Тобольск, 1909.

тельного комитета библиотека состояла в ведении консерватора В.Н. Пигнатти, но ему были поручены лишь хранение ее и надзор. И только в ноябре 1911 г. у музея вновь появился библиотекарь — Варвара Яковлевна Пигнатти¹. Она занесла в инвентарные списки все накопившиеся поступления, проверила наличность библиотеки, подготовила к печати новый выпуск систематического каталога из 3715 названий — все поступления с января 1906 по январь 1915 г. В подготовке каталога участвовал А.А. Терновский. На 1 января 1915 г. в фонде числилось 25 000 томов. Видными жертвователями этого периода были члены музея протоиерей А.А. Юрьевский, отдавший личное собрание книг по богословию, А.А. Терновский, основатель первой тобольской публичной библиотеки А.С. Суханов и Н.Л. Скалозубов, на этот раз он отдал свою личную деловую переписку².

В последние годы существования Тобольского губернского музея его библиотекарями были педагоги Александр Васильевич Расторгуев³, при котором в 1917 г. в библиотеку поступило почти 3000 книг, и Г.М. Дмитриев-Садовников⁴.

В документах музея разных лет зафиксирована неудовлетворенность тем, что ценная библиотека малодоступна для тоболяков, ею пользуются почти исключительно только члены музея. Это противоречило принципу открытости музея, но он не располагал для привлечения читателей

¹ Пигнатти Варвара Яковлевна (1883–1960), жена В.Н. Пигнатти. Окончила гимназию. После Тобольска работала в библиотеке Семипалатинского отдела Русского географического общества до 16 августа 1924 г., потом — в библиотеке Омского мединститута (Мурашова, Н. А. Указ. соч., с. 90).

² Мурашова, Н. А. Указ. соч., с. 91.

³ Расторгуев Александр Васильевич (1884–1924), педагог. Окончил естественный факультет Томского учительского института (1912). Преподавал естествознание в высшем начальном училище в Тобольске (1913–1915), руководил педагогической практикой слушателей Тобольского учительского института (1916–1919). В 1921–1924 — директор Тобольского педагогического техникума.

⁴ Дмитриев-Садовников Григорий Матвеевич (1885–1921), педагог, краевед, журналист. В 1904–1913 гг. — учитель в с. Ларьякском Сургутского уезда, в 1913–1916 г. — заведующий школой в Обдорске. Активно сотрудничал с музеем, участвовал в экспедициях на р. Вах (1913), Полуй (1914), Надым (1916), Северную Сосьву (1919). С 1909 г. печатался в «Сибирском листке», в 1918–1920 — сотрудник тобольских газет «Земля и воля», «Тобольское народное слово», журнала «Северосоюз». Шесть его работ опубликовано в «Ежегоднике».

самым необходимым — не было штатного библиотекаря, да и фонд состоял из литературы преимущественно научного характера. Однако востребованными могли быть присылаемые в обмен на «Ежегодник» из многих городов России периодические издания. И 11 мая 1910 г. по предложению В.Н. Пигнатти на 120 рублей, ассигнованных музеем, 50 — от городской думы и пожертвования частных лиц — при музее открылся бесплатный кабинет для чтения. Ежегодно он получал от 100 до 150 периодических изданий. Кабинет был открыт с 4 до 8 часов вечера, за пять лет существования проработал 1739 дней и обслужил 29938 читателей, а затем перешел под крышу Народной аудитории — культурного учреждения, построенного, как и музей, на средства граждан Тобольска.

Призвание музея, как было решено на общем годичном собрании 24 апреля 1895 г. по предложению Н.Л. Скалозубова, состояло в том, чтобы вслед за накоплением овеществленного знания о Тобольской губернии, а затем и параллельно с ним, передавать это знание о родном крае населению. Музей открывался посетителю ежедневно, кроме понедельников, за плату в 20 копеек со взрослого и 10 — с учащегося. За первые 25 лет в нем побывали 43714 человек. Сделать вход бесплатным для всех музеев, крайне ограниченный в средствах, позволить себе не мог, исключения делались только для групп учащихся, крестьян, солдат. Но зато в силах его активистов было читать и организовывать доклады и лекции, и это делалось. Доклады читались на музейных собраниях членами музея и приезжими исследователями губернии, на них широко открыт был доступ гостям.

С 1898 г. стали устраивать в музее объяснительные чтения для публики с осмотром коллекций. В сентябре 1904 г. по инициативе В.А. Ивановского, чтобы поставить публичные объяснения коллекций на более прочную основу, музей вошел в соглашение с Тобольским уездным комитетом попечительства о народной трезвости, по которому попечительство выделяло 500 рублей, а музей обязался вести просветительскую работу.

В 1908 г. удалось начать осуществление предложенной М.Н. Костюриной¹ еще в 1899 г. организации платных лекций. Дело пошло, когда за него

¹ Костюрина (Емельянова) Мария Николаевна (1862–6 марта 1943, Тобольск), журналист, общественный деятель. Окончила Тобольскую Мариинскую школу, училась в Петербурге на Высших женских курсах (Бестужевских). Была арестована и выслана в Якутию, где вышла замуж за ссыльного В.Ф. Костюрина. В начале 1890-х вернулась в Тобольск, писала статьи в «Сибирский листок». С 4

взялся учитель Ф.С. Ершов¹. За семь лет было прочитано 52 лекции, за вход брали всего 5 копеек. После отъезда из Тобольска Ершова лекционное бюро возглавила педагог Е.Н. Раева², под ее руководством работала комиссия по устройству научно-просветительных чтений. Музей представлял свои аудитории и для чтений, проводимых другими обществами — сельскохозяйственным, учительским, обществом рыбопромышленников, способствуя этим развитию общественной деятельности.

Отдельно скажем о таком мощном средстве ознакомления публики с научными богатствами музея, как «Ежегодник». Вопрос о необходимости иметь собственный печатный орган поставили еще 2 февраля 1892 г. перед комитетом музея Н.А. Лыткин, С.Н. Мамеев, Е.В. Кузнецов и Л.Е. Луговский. Комитет решил в этом же году приступить к изданию. В январе 1894 г. вышла в свет первая книжка, редакторскую работу выполнили Л.Е. Луговский и А.А. Терновский.

Это было первое в России музейное издание подобного рода. Но «Ежегодник» оказался делом очень нелегким, хотя вокруг него сразу собрались местные культурные силы. Главная трудность опять же — деньги, порой нечем было расплатиться за бумагу и типографские работы. Комитет музея образовал специальную комиссию по изысканию средств для издательского фонда — откликнулись немногие. Поступило 50 рублей от самаровского крестьянина В.Т. Земцова, по столько же — от тобольского купца В.Я. Смороденникова и московского — Н.М. Чукмалдина, всего собрали 190 рублей. Ожидания не оправдались.

июля 1900 г. — редактор-издательница «Сибирского листка». Заведовала бюро труда и женскими мастерскими в городском доме трудолюбия. В начале 1920-х гг. была среди организаторов Общества изучения края при музее Тобольского Севера, избрана почетным членом общества.

¹ Ершов Филипп Семенович (1880 — ?), педагог. Товарищ председателя комитета Тобольского губернского музея в 1910 г., член-соревнователь со 2 июня 1911 г. Выпускник Тобольской гимназии. Учился в Московской духовной академии, по выходе из которой преподавал в Тобольской гимназии. В 1910 г. переведен в Тюменское коммерческое училище Колокольниковых. В начале 1920-х гг. — педагог-инструктор по трудовой школе в Тобольске.

² Раева Елена Николаевна (ок. 1862 — ?), педагог. Приехала в Тобольск в 1903 г. из Кургана, в этом же году открыла частную школу. Вплоть до 1918 г. школа Раевой готовила детей для поступления в гимназии и другие учебные заведения. В 1921–1922 гг. — инструктор курсов при политпросвете отдела народного образования в Тобольске.

Некоторые члены комитета стали высказываться за то, чтобы прекратить издание. На собрании 24 апреля 1895 г. этот вопрос был поставлен ревизионной комиссией, но председатель комитета губернатор Н.М. Богданович возразил: «...возможен вопрос о реформировании издания, но не о прекращении его, т.к. издание это в настоящее время служит главным звеном, связывающим Музей с обществом...»¹. Но через год вопрос об «Ежегоднике» снова встал на повестку дня. На заседании разгорелся спор, который разрешил преосвященный Агафангел: он тут же внес 50 рублей на приобретение бумаги. Больше предложений о прекращении издания не было. Трудности не исчезли, однако спасительные решения находились. Так, издание 8-го выпуска было частично оплачено А.А. Дуниным-Горкавичем, чей труд «Север Тобольской губернии» печатался в нем. Поступили еще пожертвования от К.Я. Маляревского (40 руб.) и Н.Л. Скалозубова (34 р. 20 к. и 375 р.)².

Для пополнения издательского фонда 14 февраля 1900 г. было постановлено отчислять в него все доходы от продажи изданий музея и книг-дубликатов, а также проценты от продажи комиссионных изданий.

С 1897 г. стало помогать музею единовременными субсидиями министерство земледелия и государственных имуществ, а с 1902 г. — ежегодно давать по 300 рублей. Затем субсидия увеличилась до 3000 рублей в год, и издательская деятельность музея была уже в полной мере обеспечена³.

О значении редакционной комиссии «Ежегодника» в описанных условиях его издания в докладе на заседании музея по случаю его 25-летия было сказано: «Всю тяжесть борьбы за существование «Ежегодника» пришлось выносить на своих плечах редакторам его: на них обрушивались все нападки, они несли на себе всю черновую работу, они использовали все свои усилия в поисках средств для продолжения издания»⁴. Фактически редакторами его в 1893–1919 гг. были Л.Е. Луговский, А.А. Терновский, Н.Л. Скалозубов, В.А. Ивановский, В.Ф. Костюрин и В.Н. Пигнатти.

Музей как растущее, развивающееся дело неизбежно требовал новых и новых расходов в силу логики своего развития. Здание он полу-

¹ Тобольский Губернский Музей за 25 лет его существования (1890–1915 гг.) // ЕТГМ. Вып. 25. — Тобольск, 1915. — С. 53.

² Там же. С. 53–54.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 53.

чил от тоболяков в подарок, но его нужно было отапливать, освещать, латать и подновлять. Для демонстрации прибывающих коллекций требовались новые витрины, для хранения книг — шкафы. Все это растущее богатство нуждалось в заботливом уходе, и невозможно было не иметь хотя бы смотрителя и сторожа на скромном жалованье.

На всем приходилось экономить, все траты диктовались необходимостью, никакой роскоши музей не мог себе позволить. Вот живые иллюстрации к вопросу о бедности музея. Казначей С.М. Трусов докладывал в январе 1894 г. правлению комитета: из-за нехватки денег решили не держать в зимние месяцы, когда посетителей мало, смотрителя. Секретарь распорядительного комитета Л.Е. Луговский поднимал вопрос о соглашении с городской управой о содержании общего сторожа для городского сада и музея, к которому примыкал сад. На общем годичном собрании 28 января 1901 г. И.П. Львов сказал о желательности открытия музея в вечернее время как наиболее удобное для занятий членов музея, из которых большинство состоит на службе — на это консерватор Н.Л. Скалозубов ответил, что при скудных средствах музея это невозможно, т.к. понадобится увеличить жалованье смотрителю. Принималось даже однажды постановление распорядительного комитета об устройстве спектакля в пользу музея.

Когда все только начиналось, была надежда на благотворительность, но она оказалась завышенной, пожертвования меценатов не стали стабильным источником существования. На государственную поддержку также было трудно рассчитывать.

На годичном общем собрании 4 апреля 1899 г. секретарь распорядительного комитета А.Ф. Ушаров так оценивал ситуацию: «В заключение я должен указать на недостаток средств у Музея как на один из главных факторов, задерживающих развитие его деятельности. И в самом деле, как возник наш Музей на частные пожертвования, так и продолжает существовать на те же случайные пожертвования да скудные членские взносы и плату за вход в Музей. Было время, и не так давно, когда недоставало средств даже на отопление здания... так что члены Музея нередко заседали, не снимая с себя верхнего платья. В настоящее время Музей не слишком далек от такого положения. Благодаря временному пособию от Министерства Земледелия и Государственных Имуществ, вместе с указанными выше источниками средств, Музей

поддерживает свое существование; между тем потребности Музея растут с каждым годом: помещение становится тесным, является необходимость систематизировать собранные богатства Музея, расширить и оживить его единственный печатный орган... На все это, разумеется, кроме рук, требуются средства... С другой стороны, необходима более активная деятельность членов Музея и вообще всех лиц, так или иначе заинтересованных этим учреждением...»¹.

Члены комитета и наиболее активные члены музея, не допуская мысли об остановке дела, искали возможности для его продолжения, каждый делал что мог. Дела могли быть совсем маленькими, но это были движения той самой толстовской мышки, которая сумела выжить, упав в крынку с молоком. Секретарь музея Ф.И. Калнынь в отчете за 1905 г. отметил, что «сильному по сравнению с предыдущими годами увеличению числа членов музея содействовал главным образом А.А. Дунин-Горкавич, благодаря стараниям которого вступило в члены музея до 100 лиц, преимущественно из северян, и при посредстве его поступило в кассу 460 рублей членских взносов»². Распорядительный комитет отмечал полезную деятельность Н.Л. Скалозубова в 1902 г., когда он в служебных поездках по губернии собирал пожертвования от частных лиц. Брели займы у члена-соревнователя А.А. Сыромятникова, в 1914 г. за музеем числился долг ему — 619 р. 99 к. Музей не гнушался и такими малыми суммами, как 8 р. 22 к., вырученные в 1897–1898 гг. от продажи книг, отданных ему на комиссию. Комитет музея терзался противоречием между принципиальной позицией «музей должен быть доступным для всех» и расчетом иметь хотя бы небольшой доход от платных посещений и все же был вынужден брать плату за вход (например, в 1892 г. посетили музей за плату 1272 человека).

Члены музея, представлявшие губернскую власть, делали попытки исходатайствовать государственное пособие, частью удачные, частью — нет. В конце 1890-х годов очень помог вице-губернатор барон К.П. Фредерикс: часть средств, собранных крестьянами губернии на коронационные торжества, осталась неистраченной, и 2100 р. он распорядился передать музею. С 1897 г. по ходатайству губернатора Н.М. Богданови-

¹ Отчет секретаря распорядительного комитета за 1897 и 1898 гг. // ЕТГМ. Вып. 12. Тобольск, 1902.

² ЕТГМ. Вып. 16. Тобольск, 1907.

ча стало выплачивать музею небольшую субсидию в 300–500 р. в год министерство земледелия и государственных имуществ, она целиком уходила на издание «Ежегодника». С годами поддержка министерства стала постоянной и постепенно увеличивалась.

Распорядительный комитет искал на месте учреждения, которые могли увидеть пользу музейного дела и поддержать музей своими средствами. Как уже сказано, очень ценным оказалось сотрудничество с Тобольским уездным комитетом попечительства о народной трезвости. Последний попросил музей предоставить помещение для устройства народных научно-популярных чтений. Музей согласился и попросил денег на ремонт здания и сооружение пристройки к нему. Попечительство пошло на это. В 1905 г. начались работы и к 1908 г. закончились. На все строительство израсходовано 12603 р. 57 к., основная часть этой суммы получена от попечительства и немного — от жертвователей.

Секретарь распорядительного комитета музея В.С. Ланитин¹ в отчете годичному собранию за 1908 г. так оценил значение этого общепольного дела: «... только благодаря вновь пристроенной аудитории явилась возможность организовать научно-популярные чтения, и музей положил начало осуществлению своих просветительных в широком смысле этого слова задач»².

Подобное же взаимовыгодное сотрудничество оказалось возможным с губернским агрономическим совещанием, переселенческим управлением, Екатеринбургской обсерваторией, Тобольским губернским выставочным комитетом, Ботаническим музеем Академии наук.

Выражением уважительного отношения к коллективному труду был помещенный в 25-м выпуске «Ежегодника» исторический очерк «Тобольский губернский музей за 25 лет его существования (1890–1915 гг.)». Об этом свидетельствует тщательный всесторонний анализ сделанного: ничто значительное не упущено, ни одно значимое имя не

¹ Ланитин Владимир Семенович (? — 1918), чиновник. Секретарь комитета Тобольского губернского музея в 1908–1914 гг. Окончил в 1890 г. Тобольскую духовную семинарию. Служил в Тобольске делопроизводителем, секретарем переселенческого управления, с 1911 г. — частным поверенным при Тобольском окружном суде. С 5 марта 1917 г. — товарищ председателя Тобольского временного комитета общественного спокойствия. В марте 1918 г. был назначен помощником тобольского губернского комиссара.

² ЕТГМ. Вып. 18. Тобольск, 1910.

забыто. В очерке дана такая самооценка: «Спокойно обозревая шаг за шагом деятельность музея за 25 лет, мы видим, как неустанно шел он по намеченному пути, не поддаваясь унынию, не теряя надежды на лучшее будущее. Это лучшее уже наступает. Есть, хотя и небольшие, материальные средства, развивается научно-просветительная работа, обрабатываются научными материалы, собранные музеем. Музей оценен по достоинству как высококультурное учреждение, вносящее свою лепту в великое дело познания и развития родины»¹.

Да, сообществом достигнут результат, значение которого велико и для сегодняшнего дня. Достаточно сказать, что большая часть заново организованной в 2009 году экспозиции Тобольского музея-заповедника выстроена на материале, собранном Тобольским губернским музеем и его последователем музеем Тобольского Севера. Прав был Н.Л. Скалозубов, когда говорил в своем докладе «О дальнейшем направлении деятельности Тобольского Губернского Музея»: «Осуществление намеченных мероприятий требует денежных затрат. О способах приобретения денег я не говорю, т.к. думаю, что не в деньгах сила, что деньги найдутся, когда будут нужны. Сибирь богата людьми, которые близко к сердцу принимают интересы своей страны, и раз дело будет поставлено так, что от него можно будет ожидать пользы обществу, в деньгах недостатка не будет»².

За 20 лет, прошедших после того, как были сказаны эти слова, музей своей практикой подтвердил их справедливость: деньги на благое дело не без труда и не сразу, но в конце концов находились. А недостаток денег был преодолен силой добровольного соединения усилий единомышленников ради общего дела. Известна точная цифра потраченного Тобольским губернским музеем за четверть века — 69604 рубля 10 копеек. И разве можно оценить этой суммой огромную культурную работу музея, когда львиная доля ее выполнена бесплатно? Почти без денежных расходов, одной лишь доброй волей сотрудников собраны музейные фонды, библиотека, составлены библиографические указатели. А как оценить такой побочный результат деятельности музея, как его живое участие в поддержании внутрисибирских культурных связей — неужели только суммой почтовых расходов?

¹ Тобольский Губернский Музей за 25 лет его существования (1890–1915 гг.) // ЕТГМ. Вып. 25. — Тобольск, 1915. — С. 25.

² ЕТГМ. Вып. 5. Тобольск, 1895–1896. — С. 39.

Каковы же качества этой доброй и плодотворной силы общественного объединения?

Многие приведенные в статье факты, надеюсь, вполне определенно и недвусмысленно говорят о ценности общественной самодеятельности. Эти люди, члены музея и сочувствовавшие им, трудились не за какие-то блага, а из личного интереса и желания сделать для тоболяков что-то доброе и полезное. Музей не был иерархической структурой, все связи как внутри его, так и между сотрудниками в губернии и за ее пределами были «горизонтальными», сугубо товарищескими, построенными на уважении и согласии, которое достигалось через широкие обсуждения. Работа музея держалась на огромном разнообразии межличностных связей.

Губернская власть не командовала музеем, не превращала его в облуживающую организацию, а предоставляла развиваться самостоятельно и в силу своих возможностей старалась помочь.

Членство в обществе «Тобольский губернский музей» не способствовало ничьей карьере и не означало принадлежности к какому-то авангарду борцов за великую цель. Устав общества не предусматривал никаких санкций — ни строгих выговоров, ни исключений. Никто ни от кого не требовал самопожертвования. Выйти из состава музея было так же легко, как и вступить. Всякий вклад ценился независимо от его размера; даже если кто-то лишь однажды уплатил единовременный взнос, ему были благодарны, и имя его навсегда осталось на страничке «Ежегодника». Об умерших с уважением вспоминали на годичных собраниях, в «Ежегоднике» и тобольских газетах.

Конечно, не стригли всех под одну гребенку. За выдающиеся заслуги перед музеем действительного члена избирали в члены-соревнователи или почетные члены. В знак благодарности бывшему губернатору В.А. Тройницкому, по чьей инициативе было создано в 1890 году общество и затем построено для музея здание, в одном из залов был вывешен его портрет. После кончины Л.Е. Луговского на средства музея был поставлен памятник на его могиле. Авторы статьи «Тобольский губернский музей за 25 лет...» нашли для Льва Евграфовича такие полные любви слова: «Человек очень скромный, ни одним словом в своих отчетах не упомянувший о своей работе, он был душой Музея. Ни один шаг в деятельности Музея не сделан без его участия. В тяжелые минуты

жизни Музея, когда от Музея уходили все деятельные силы, на страже его интересов стоял Лев Евграфович, и благодаря его настойчивости и энергии Музей снова поднимался на должную высоту и снова вокруг него сплачивались местные культурные силы. Тогда он уступал место тем, кто имел больше, чем он, досуга и мог посвятить Музею больше труда»¹. А когда умер «один из деятельнейших членов и собирателей богатств музея» Н.Л. Скалозубов, по постановлению общего собрания 27-й выпуск «Ежегодника» был весь посвящен его памяти.

Да, умели ценить людей в музее, и не было обезличенности, на каждом деянии лежит отпечаток чьей-то индивидуальности. Это и теперь, через столетие, можно установить по хранящимся в музее и архиве Тобольска документам и публикациям старых тобольских газет.

Открытость музея привлекала к нему многих жителей Тобольска и уездов Тобольской губернии, не состоявших в обществе. Возможно, для некоторых из них препятствием к вступлению был размер вступительного взноса, могли быть еще какие-то причины, но решительно никаких не было препятствий для участия в делах музея. Наоборот, оно всячески поощрялось, в сочувствовавших и откликнувшихся виделся залог жизнеспособности музея. Обычными для протоколов общих собраний и заседаний распорядительного комитета были записи, подобные этой: «...выразить благодарность всем лицам и учреждениям, принимавшим участие в работе музея и так или иначе содействовавшим осуществлению его задач в отчетном году». И поэтому в орбиту музея оказались вовлеченными сотни людей, а может быть, счет перейдет и за тысячу. В связи с этим в конце статьи хочется высказать желание когда-нибудь увидеть изданными указатель имен ко всем двадцати девяти выпускам «Ежегодника» или биографический словарь «Члены и сотрудники Тобольского губернского музея».

В. Белобородов

¹ Тобольский Губернский Музей за 25 лет его существования (1890–1915 гг.) // ЕТГМ. Вып. 25. — Тобольск, 1915. — С. 9.

О дальнейшем направлении деятельности Тобольского Губернского Музея

Доклад консерватора музея Н.Л. Скалозубова,
прочитанный на общем собрании членов музея 24 апреля 1895 г. *

Тобольский Губернский Музей ныне поступил под августейшее покровительство Государя Императора; этот акт Высочайшего внимания к учреждению музея налагает на членов его обязанность разобраться в итогах предшествовавшей деятельности Музея и прочно установить принципы его деятельности в будущем.

Характер деятельности Музея указан в § 1 устава его. Музей должен знакомить публику с историей Тобольской губернии и развитием в ней культуры. Такова цель его существования. Что же мы, сотрудники Музея, для осуществления этой цели сделали? В этих стенах трудами нашего почтенного сочлена собрана богатая местная библиотека, составляющая нашу гордость, но запертые в этих шкафах знания, накопленный опыт, сведения о крае доступны и полезны лишь ничтожному числу лиц. Не составляя само по себе цели, это книжное богатство пока не служит и средством для распространения знаний.

Эти залы уставлены предметами, предназначенными демонстрировать разнообразные сведения о крае: археологические, этнографические, зоологические, ботанические и прочие. Но имели ли собранные коллекции влияние на увеличение знаний о губернии хотя бы только среди населения нашего города? К сожалению, ответ будет отрицательным. Горожане не знают музея, между публикой и им нет живой связи. Музей в его теперешнем состоянии напоминает кладовую — он является лишь хранилищем книг и коллекций, тогда как должен быть учреждением, распространяющим знания и популяризирующим их.

* Печатается по рукописи, хранящейся в научном архиве ТГИАМЗ. Ф. 899. Лл. 54–61.

Правда, до сего времени в Музее совершалась, так сказать, молекулярная работа внутреннего формирования, но теперь настала пора освободить силы и для работы внешней, для той работы, которой общество ожидает и вправе ожидать от Музея.

Попытаемся поставить вехи на пути развития будущей деятельности Музея, но прежде решим вопрос: что такое Музей? Есть ли это учреждение ученое или учебное? Я уже упомянул о содержании § 1 устава: цель Музея — ознакомление публики с историей губернии, с природой и жизнью ее посредством собрания коллекций и сведений по всем отраслям естествознания; в числе средств для осуществления этой задачи уставом указаны публичные чтения, лекции и выставки. Но, очевидно, знакомить с краем публику может лишь тот, кто его знает, а это знание получается путем систематического труда по изучению страны, чрез собирание естественно-исторических коллекций, путем исследований и опытов. Таким образом, по самому существу своей задачи Музей — учреждение, носящее двойственный характер: он должен, с одной стороны, исследовать и изучать, с другой — популяризировать знания и учить; следовательно, это учреждение и ученое, и учебное.

В этой двойственности характера Музея его сила и значение.

Исследовать и изучать? Но имеет ли Музей силы и возможность вести исследования и изучение? Не будет ли наше коллектирование пустой забавой и не превратим ли мы Музей в кунсткамеру, в собрание редкостей?

Очевидно, само существование Музея обуславливается наличностью в городе и губернии лиц, до известной степени сведущих в разных отраслях знаний, — только при условии сосредоточения около него всех учебных сил губернии и мыслима созидательная деятельность Музея.

Ввиду отсутствия в среде членов Музея профессиональных ученых, естественно, что эта деятельность должна направляться, главным образом, на собирание сырого материала, на собирание коллекций. Но коллекторская деятельность Музея не должна быть случайной и бессистемной. Нет ничего проще, как загромоздить помещение Музея самыми разнообразными вещами; некоторые из них, может быть, будут даже привлекать особое внимание публики, но не в этом задачи Музея — его коллекции не удивлять должны, а учить. Существенно важным для Музея является составление подробной, мотивированной программы

по всем отделам, изучение которых входит в задачу его. Деятельность сотрудников Музея систематически должна быть направлена на выполнение этой программы.

Когда мы будем иметь в Музее систематические коллекции, представляющие местную флору, фауны, почвы и ее минеральные богатства, коллекции предметов быта древнего человека, обитавшего здесь, коллекции предметов быта современных жителей, их промыслов, продукты сельского хозяйства, скотоводства и пр., тогда отчасти мы выполним задачу Музея как учреждения ученого, ибо, сосредоточив в стенах его все сведения о губернии в образцах, картах, таблицах, рисунках и книгах, мы подготовим материал для синтетической работы профессионального ученого.

Знание своей страны есть сила, без которой народный труд не может развиваться и прогрессировать. Накопление материалов и фактов для познания края — это первая священная задача Музея.

Но что далее, когда коллекции собраны, библиотека полна всевозможными сведениями о губернии? С этого времени начинается учебная деятельность Музея. Двери его должны быть широко открыты для всех. Все, кому дороги успехи просвещения, должны быть самыми близкими друзьями Музея. Их целям служат коллекции Музея, его залы, его библиотека. Нужно ли познакомить подрастающее поколение или рабочую массу с природой губернии — Музей к услугам лекторов; в школе ли где нужен какой-нибудь предмет для демонстрации, книга, рисунок — Музей доставляет все необходимое; нужна ли кому справка, сведение о том или ином предмете, о той или иной местности, в Музее всегда все можно всякому добыть, посмотреть.

Когда чаще будут отворяться тяжелые двери нашего Музея, когда залы его оживятся посетителями, когда чаще здесь будут и интеллигентные, и простые люди, тогда Музей исполнит вторую свою задачу, деятельность его будет связана с жизнью, он будет учреждением общепольным.

Итак, собирание систематических коллекций и сведений, с одной стороны, и утилизация этих коллекций и сведений для целей широкой популяризации знаний, с другой — вот те основные задачи, к осуществлению которых Музей должен стремиться, чтобы достойно носить имя своего высочайшего покровителя.

От этих общих замечаний я перейду к краткому перечню мер, принять которые казалось бы необходимым, чтобы оживить деятельность Музея.

1. Нужно обратиться к лицам, занимающимся изучением Тобольской губернии в том или ином отношении, с просьбою содействовать Музею в деле достижения поставленных им целей. Причем во многих случаях было бы полезно не стеснять сотрудников уплатою членских взносов.

2. Выделив из среды членов Музея особую комиссию, поручить ей выработку подробных и по возможности мотивированных программ для собирания сведений и коллекций по всем отделам Музея, а затем эту программу передать на рассмотрение как всех членов — для получения отзывов, так и сибирских ученых обществ — для согласования деятельности тобольского Музея с деятельностью этих обществ.

3. Войти в сношения с Музеями, учеными обществами и частными лицами, имеющими естественно-исторические и другие коллекции, собранные в пределах Сибири, с просьбой поделиться этими коллекциями с Музеем.

4. Чтобы доставить возможность желающим пополнить свои знания по основным естественным наукам, необходимо приобретение для библиотеки Музея основных сочинений по зоологии, ботанике, минералогии и пр. Я указал бы на необходимость лаборатории при Музее, но теснота помещения не позволяет и думать о ней.

5. Столь же необходимы для Музея руководящие коллекции по зоологии, ботанике, минералогии, палеонтологии, археологии, почвоведению, семеноведению и пр., для получения которых следует обратиться к ученым обществам, университетам и другим учреждениям.

6. Чтобы сделать доступными для публики богатства Музея, необходимо предоставить ей право бесплатного входа в Музей если не всегда, то по известным дням.

7. Необходимо устройство объяснительных чтений для публики по археологии, этнографии, ботанике, сельскому хозяйству и пр.

8. Для устройства чтений необходимы некоторые пособия, как, например, стенные таблицы и карты, отражательный фонарь для проектирования на экране.

9. Необходимо предоставить на известных условиях право пользоваться учебными коллекциями Музея всем городским училищам, вклю-

чая и воскресную школу, а также предоставить залы Музея педагогическому персоналу города для собраний, объяснительных чтений и бесед с учениками.

10. Наконец, для популяризации сведений о деятельности Музея и для приращения его коллекций при первой к тому возможности желательно устройство выставок при Музее.

Осуществление намеченных мероприятий требует денежных затрат. О способах приобретения денег я не говорю, так как думаю, что не в деньгах сила, что деньги найдутся, когда будут нужны. Сибирь богата людьми, которые близко к сердцу принимают интересы своей страны. И раз дело будет поставлено так, что от него можно будет ожидать пользы обществу, в деньгах недостатка не будет.

Достойно ли настоящее Тобольского музея его прошлого?

Н.Л. Скалозубов (1861–1915), губернский агроном, энтузиаст-краевед, ученый, автор нескольких десятков печатных работ, депутат 2-й и 3-й Государственной Думы (1907–1912 гг.), оставил нам очень интересную работу — доклад «О дальнейшем направлении деятельности Тобольского Губернского Музея», прочитанный им 24 апреля 1895 г. на общем собрании членов Тобольского губернского музея. Он, на удивление, актуален и злободневен. Те проблемы, которые поднимал Николай Лукич, успешно решаемые в его время и в последующие десятилетия, к сожалению, снова остро стоят сейчас, спустя 115 лет.

Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, переселенный несколько лет тому назад во дворец наместника, представляет собой если не кунсткамеру и кладовую, то яркую, впечатляющую поверхностный взор иллюстрацию прошлого с его залами, напоминающими театральные декорации к историческому спектаклю. И только! Он со своими заоблачными для тоболяков билетными ценами, невозможностью для научной работы тобольской и нетобольской интеллигенции (уже несколько лет закрыт доступ в библиотеку, вот-вот будет расформирован научный архив), с отсутствием «учебной работы» в виде публичных лекций, очень далек от жизни города и «живой связи» с ним.

Начиная со времени создания Тобольский губернский музей являлся сосредоточием просвещения в губернии, родным и близким тоболякам — нашим музеем. Сейчас он превратился в нечто парадное и чужое.

Попытка частично воссоздать Тобольский губернский музей вместо ставшего уже своим для горожан Художественного музея неудачна и даже в какой-то степени воспринимается пародийно. Два зала, посвященные истории губернского музея, неприятно удивляют своей поверх-

ностностью: всего несколько человек из большого количества музейных энтузиастов прошлого оказались достойными памяти потомков, да и то деятельность их представлена очень обзорно. Из картин живописцев, когда-то находившихся в художественном отделе музея, представлены только работы П.П. Чукомина, да висит одно полотно Холмогорова. Если устроители хотели восстановить то, что было в этом отделе до революции, то уж, конечно, надо начинать с картины известного на весь мир С.В. Иванова «В лесу», посланной им в дар нашему провинциальному музею в 1900 году. Ведь именно с нее и стал создаваться художественный отдел. Она же почему-то продолжает украшать собой один из залов дома наместника. И опять — те же декорации, та же внешняя зрелищность, за которыми мало ощущается «живая связь» с городом, любовь, уважение и серьезное отношение к музею и к тем, для кого он создан, к его посетителям.

Музей в теперешнем его состоянии напоминает позера, упивающегося самолюбованием, полностью поглощенного желанием оказать внешне блестящее впечатление на окружающих.

Больно думать, что бескорыстная работа нескольких поколений тобольских музейных энтузиастов: Л.Е. Луговского, Т.П. Гладышевой, Н.Л. Скалозубова, А.А. Дунина-Горкавича, супругов Пигнатти, супругов Таруниных, М.Н. Костюриной, Г.Я. Маляревского, М.П. Копотилова, М.В. Филиппова, П.П. Чукомина, Н.А. Бирюкова, А.В. Расторгуева, Е.И. Симонова и многих-многих других, отдававших свой труд, энергию, силы, деньги, жертвовавших часами отдыха от служебных обязанностей для создания музея как учебного и научного центра Западной Сибири, сходит на нет.

Достойно ли настоящее Тобольского музея его прошлого? Познакомившись с докладом Н.Л. Скалозубова, мы категорически ответим на этот вопрос: «нет»! Хочется, чтобы его голос из далекого XIX века был услышан нами, его потомками. Чтобы его горячее слово о целях и задачах Тобольского музея заставило задуматься. Чтобы оно побудило к серьезному разговору о необходимости выполнения заветов тех, кто создавал славу музея не только в России, но и далеко за ее пределами.

Т. Юдель

За помощью к Жириновскому

Обратиться к В.В. Жириновскому, заместителю председателя Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, нас, членов клуба «Добрая воля», побудила некачественная реставрация здания старой мужской гимназии. Расположено оно в нижнем посаде Тобольска. Прежде это был жилой дом купца В.Я. Корнильева — первого сибирского книгопечатника, прадеда Д.И. Менделеева. В большом пожаре в 1788 году в верхнем городе сгорел дом губернатора. Корнильев передал свой дом губернатору А.В. Алябьеву. Будущему композитору в ту пору не было еще и года. Семья Алябьевых переехала в этот дом по улице Богоявленской. Здесь прошли детские годы Александра Александровича Алябьева — героя войны 1812 года. В гостях у губернатора Алябьева бывал А.Н. Радищев.

Позже в этом здании разместили мужскую гимназию. В 1824 году центральный фасад гимназии украсили четырьмя колоннами, балконом и деревянной скульптурой богини мудрости и просвещения Минервы.

В 1892 году на противоположной стороне улицы построили новое трехэтажное здание гимназии, так как существующее стало тесным для занятий и проживания учителей. Его приспособили под пансионат. В 1893 году колонны и балкон убрали, дом снова стал иметь вид обычного купеческого особняка. С 1926 года в нем размещаются лечебные учреждения.

Несколько лет назад здание поставили на реставрацию впервые за последнее столетие. Тоболяки сторали от нетерпения увидеть мужскую гимназию в респектабельном виде. Ту самую, где директором был Иван Павлович Менделеев, отец великого химика, и где родился сам ученый, где учились П.П. Ершов, автор сказки «Конек-Горбунок», Д.И. Менделеев вместе с сыновьями декабриста А.И. Анненкова. Гимназию во всей красе довелось увидеть сосланному в ссылку на родину

А.А. Алябьеву, а также двум цесаревичам, посетившим Тобольск, — Александру II в 1837 году и Николаю II в 1891 году.

Сегодня здание гимназии сдается реставраторами в «усеченном виде» — без колонн и балкона. Рядовой купеческий дом XVIII века, каким он было до реставрации. Только посвежевший. Но это не здание мужской гимназии, как оно именуется в реестре памятников, а простой жилой дом, каких немало в Тобольске. А где же гимназия, фото которой широко разрекламировано в туристических проспектах, предлагаемых не только российским туристам, но и зарубежным гостям?

Такой казус в Тобольске происходит не впервые. Своей инспекции по охране памятников исторический город и туристический центр Западной Сибири не имеет. Охраной более трехсот тобольских памятников занимается Тюменский областной комитет по культуре. Поэтому памятники в Тобольске реставрируются как попроще, не в полном объеме, даже с потерями.

Клуб «Добрая воля» с января 2009 года трижды обращался к губернатору Тюменской области В.В. Якушеву с просьбой восстановить первоначальный облик здания мужской гимназии по улице Розы Люксембург, 14. Отвечают нам специалисты комитета по культуре отписками, будто нельзя восстановить колонны и балкон в современных условиях. Ищут любые отговорки, чтобы не восстанавливать прежний облик гимназии.

Ясно, что специалисты областного комитета по культуре не хотят признать своей вины в том, что проект на реставрацию этого здания они утвердили без должного внимания, не вдумываясь в объем реставрационных работ на памятнике. Да и чего было мудрить с фасадом лечебного учреждения? А то, что этот памятник является мужской гимназией и должен выглядеть соответственно, не учли. Теперь же общественность города требует соблюдения закона об охране и использовании памятников, по которому все памятники истории и культуры должны иметь первоначанный вид независимо от того, что в них будет размещаться.

14 апреля 2009 года получили первый ответ на свое обращение из аппарата губернатора. А.Н. Панфилов, заместитель председателя комитета, писал: «...После постройки (1907 год) нового здания костела в неоготическом стиле здание гимназии во многом потеряло свое величие. По мнению авторов проекта реставрации данного объекта, восстановление прежнего облика здания в настоящее время невозможно, по-

сколько после реконструкции дорожного полотна по ул. Розы Люксембург объект оказался на 1,1–1,7 метра ниже уровня проезжей части, что привело к окончательному разрушению пропорций, свойственных стилю классицизма. Проект реставрации предусматривает выявление центральной части здания гимназии небольшим ризалитом. Ризалит оформляется двумя пилястрами с ионическими капителями, как знак существовавшего ранее портика с колоннами ионического ордера. Все выступающие архитектурные элементы выделяются цветом».

С этим заключением мы категорически не согласны и в следующем письме к В.В. Якушеву привели пример с консисторией, которая ниже уровня Софийского двора на 1,3 метра. Это не мешает зданию иметь балкон. Никого не смущает, что консистория заглублена, так как постройке более двухсот лет (1787 год).

Сейчас перед старой мужской гимназией сделан тротуар для пешеходов шириной в 3,88 метра. Это позволяет вернуть зданию колонны и балкон, под которым будут проходить люди, как проходят туристы под балконом дома архиерея в Кремле. Центральный вход в архиерейский дом находится прямо под балконом, туда в случае необходимости подходит и грузовой транспорт.

В своем третьем обращении мы продолжали высказывать глубокую озабоченность тем, что облик здания гимназии останется не соответствующим прежней архитектуре, без балкона и колонн, так как эти элементы декора в плане реставрации не были предусмотрены. Польско-католический костел (напротив гимназии), открытый после реставрации в 2000 году, имеет абсолютно завершенный вид. Установлена и скульптура Божьей Матери над входом в храм. Мы считаем, что восстановленные в первоначальном виде гимназия и костел будут органично дополнять друг друга.

В своем ответе клубу «Добрая воля» заместитель губернатора Н.А. Шевчик 17 июня 2009 года твердо держится аргумента: нельзя вернуть балкон из-за динамических нагрузок на него автотранспорта с улицы Розы Люксембург. Мы же уверены, что при современных технологиях и стройматериалах это не помеха для восстановления такого легкого балкона.

Не дождавшись ответа на свое третье послание губернатору В.В. Якушеву, мы обратились к В.В. Жириновскому, заместителю председателя Государственной думы Российской Федерации. Кратко изложили суть вопроса о реставрации мужской гимназии в Тобольске и выразили уве-

Тобольская гимназия

ренность, что настала пора поднять в Государственной думе вопрос о создании инспекций по охране памятников в исторических городах. Это необходимо для сохранения русской культуры. Если в России в ближайшее время выйдет закон об образовании в исторических городах собственных инспекций по охране памятников, то историческое наследие страны будет передано в надежные руки. Хочется на это надеяться!

Ответ пришел через две недели. В нем Владимир Вольфович сообщает, что внимательно ознакомился с нашим обращением и от себя сделал депутатский запрос министру культуры РФ А.А. Авдееву. Из Минкультуры нам ответил В.А. Цветков, заместитель директора департамента культурного наследия и изобразительного искусства: «...Минкультуры России считает возможным создание данных муниципальных органов охраны объектов культурного наследия для осуществления полномочий, предусмотренных статьей 9.3 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации».

Письмо из Москвы пришло вместе с объяснительной запиской председателя Тюменского комитета по охране культурного наследия Н.В. Коломейцевой, высланной ею 15 сентября 2009 года в Министерство культуры по его запросу. Из объяснительной записки следует, что проектная документация на реставрацию «Бывшей мужской гимназии» разработана в 2003–2004 годах ЗАО ПКИ «Промстройпроект». При принятии решения о реставрации учитывался характер современного использования здания, которое занимал областной кожно-венерологический диспансер. Все шло своим чередом, пока в это дело не вмешался клуб «Добрая воля», настойчиво добивавшийся от руководства области полномасштабной реставрации здания гимназии. Н.В. Коломейцева обратилась за помощью к специалистам Тюменского архитектурно-строительного университета, которые написали заключение о невозможности восстановления балкона. Вот строка из их обоснования: «...фундамент и колонны портика будут размещаться на откосе проезжей части улицы Р. Люксембург...».

В переписке с нами в течение 9 месяцев тюменские специалисты ни разу не обмолвились о размерах балкона, который они так упорно отвергают. Откуда такая уверенность, что колонны будут стоять на откосе? Как я писала выше, ширина тротуара перед гимназией составляет 3,88 метра. Плюс 1,1 метра до откоса. Это почти пять метров. Рассматривая

старую фотографию гимназии, мы высчитали примерную ширину балкона, она составила не более двух метров. Вот и верь на слово специалистам со стороны. Мы не умаляем их заслуг, но только не в нашем случае. Они пишут, что балкон гимназии был демонтирован не по политическим причинам, как это было, например, с балконом, разрушенным в доме купца Корнилова только по той причине, что на него выходил Николай II, а исключительно по функциональным и техническим.

Последним аргументом в защиту этого проекта реставрации уважаемые ученые называют наличие одноэтажного пристроя 1902–1903 годов, который является неотъемлемой частью архитектурного облика и нового функционального назначения здания. В нем размещены тепловой пункт, обеденный зал, бельевая, рабочие кабинеты, без которых невозможна работа кожно-венерологического диспансера. При реставрации здания с восстановлением балкона необходим снос одноэтажного корпуса, пристроенного позднее и не отвечающего стилю классицизма с его четкими пропорциями и симметрией. А строительные работы, проводимые на этом объекте, — всего лишь капитальный ремонт кожнодиспансера, а не реставрация гимназии, как заверяли тоболяков.

Руководители всех ветвей власти приходят и уходят, а памятники остаются. Бог даст, тоболяки доживут до того времени, когда понимающий руководитель города выведет кожнодиспансер из этого здания и вернет гимназии ее архитектурный облик, красоту, неповторимость. Тоболяков не устраивает декоративный фальшивый портик, какой предлагают тюменские специалисты. Стоит подумать о профпригодности чиновников, утверждающих проекты реставрации тобольских памятников, которые идут вразрез с их исторической архитектурой.

Тот, кто видел фото здания гимназии до 1893 года, с колоннами и балконом, согласится со мной, что центральный фасад гимназии в нынешнем исполнении напоминает лицо безносого человека.

*Г. Кондакова,
член клуба «Добрая воля».*

Петр Шешкин, далекий и близкий**(К 80-летию со дня рождения художника)****1931–1981**

* * *

Когда я начал работать на Тобольской косторезной фабрике, еще молодым парнем, я ездил на Север — в Ханты-Мансийск, Березов. Меня тянуло любопытство. Темы севера я видел и, когда возвращался на фабрику, с интересом делал работы на северные темы. Но мне, образно выражаясь, не хватало к оленям каюра. Человека.

В один из приездов я познакомился с Михаилом Ефимовичем Бронниковым, работавшим в Доме народного творчества. И увидел у него небольшого роста человека, он застенчиво стоял в коридоре и внимательно, пытливо изучал меня — как будто прожигал взглядом. Директор Дома творчества познакомила нас, представив этого человека как известного северного скульптора. А потом Бронников подробно о нем рассказал.

В следующий раз мы встретились в музее, и я разглядел Шешкина более внимательно: суровый вид, крепкая рука. Когда разговорились, я увидел в уголках рта едва заметную улыбку, но она быстро ускользнула, будто волной прошла. Он подал мне свою работу «Охотник», я стал смотреть. Мне в моих работах не хватало пластики, ощущения фактуры северной национальной одежды, ее объема, красивого сочетания складок. А у него все идеально живое: 2–3 складки — и уже виден изгиб, одна складка — виден поворот тела человека. Впечатление было сильное.

С автором мы накоротке поговорили, но я не знал, как вести разговор. С Бронниковым было проще, он сам втягивал в беседу. Я говорю: «Посмотреть бы его стамески...». Бронников расхохотался: «Да он все

делает перочинным ножом! Пойдем, он покажет тебе свой ножичек». И вот Шешкин берет нож и делает очень пластичное движение, рука с ножом и рука с заготовкой движутся одновременно навстречу одна другой. Это меня поразило, я замороженно смотрел, как он стругает обыкновенную палку. И это движение я запомнил и использую до сих пор, оно не требует большого усилия, нужно только хорошо знать, чувствовать природу материала, расположение древесных волокон. Очень похоже на приемы японской борьбы. И у меня осталась эта палочка, по сути для меня она была волшебной палочкой, открывшей еще один мир. И уважительное отношение к этому мастеру с такими замечательными руками сохранилось у меня по сей день.

М.В. Тимергазеев, художник

* * *

В марте 1956 года меня назначили заведующим красным чумом при Сосьвинской кульбазе. Петра Ефимовича Шешкина я знал и раньше. Приехав в очередной раз в Ломбовож, я зашел к нему в избушку по какому-то делу и увидел несколько вырезанных из осины фигур. Нельзя сказать, что они были совершенны, но формы, движения и пропорции схвачены правильно. Вырезал фигурки он, по его выражению, «просто так». Я посоветовал ему серьезно заняться этим делом, поступить на учебу в Тобольскую косторезную фабрику, чтобы совершенствовать свой талант. Ехать на учебу Петр Ефимович отказался, не мог оставить одну старую мать, но обещал вырезать несколько фигур на выставку национального творчества к очередной олимпиаде в Сосьвинском доме культуры. В выставке он участвовал впервые, работы его заметили.

...В июне 1961 года меня перевели директором Сосьвинского дома культуры. Петр Ефимович в 1963 году переехал жить в Сосьву, и, чтобы создать ему хотя бы минимальные условия для работы, я освободил для него комнату, где размещался гардероб. Петр Ефимович получил мастерскую, где имел возможность хранить и сушить осиновые чурки, из которых вырезал скульптуры, и плодотворно работать.

...Петр Ефимович был очень трудолюбив и терпелив. Я наблюдал однажды, как он вырезал миниатюрную цепочку из цельного куска

дерева для одной скульптуры и не сломал ни одного звенышка, хотя работа была ювелирная. Единственным инструментом в то время был у него обыкновенный перочинный ножик, и, непостижимо уму, как он ухитрялся этим примитивным инструментом вырезать сложные фигуры.

...Он был очень любознательным человеком, его интересовало все. У него я видел множество альбомов, где были собраны орнаменты народа манси в цветном исполнении, пословицы и поговорки, сказки, легенды. Он сочинял песни на мансийском языке и сам их исполнял. Мы использовали его орнаменты для оформления сцены в национальном стиле, выглядело это очень красиво.

Н.Н. Липин*

* * *

Петр Ефимович Шешкин — о нем много и по-разному можно сказать. Это веселый, жизнелюбивый, добрый мансийский человек. Художник, скульптор, хранитель мансийского языка и фольклора. Прошло время, а его фигура не ушла в прошлое. Сейчас он видится крупным и значительным деятелем культуры и является залогом, что культура мансийского народа будет жить. Его скульптуру и графику нужно посмотреть, чтобы эти слова не были общим местом.

Быть духовным человеком — это значит брать пример подвижничества с Петра Ефимовича Шешкина. Почему-то хочется видеть пароход «Петр Шешкин».

Г.С. Райшев, художник

* * *

Художник, знаток устного и изобразительного фольклора Петр Шешкин мысленно связывается, в первую очередь, с поселком Ломбовож, его родовым гнездом, с ломбовожским курганом, который он исследовал, а отсюда со всем мансийским миром. Энергетический всеобъемлющий человек с некоторым мистическим началом — наверное, в старом традиционном обществе он мог быть шаманом.

* Липин Н. Вспоминая П.Е. Шешкина // Новости Югры. — 1990. — 12 мая.

Г. Райшев.

П.Е. Шешкин.

1880.

Первым на Севере Шешкин начал резать скульптуру из дерева — исконно северный мужской вид творчества — и более всего этим вошел в историю искусства Севера. Меньше знают его графические работы в технике акварели и гуаши: лиричные и вместе с тем монументальные, обладающие всеми признаками «северного» стиля. В них ощутимо экспериментальное начало, которое распространялось у Шешкина на все. Например, в составленные им таблицы мансийских орнаментов (его мать была прекрасная мастерица) вошли и его собственные орнаментальные вариации, что и есть проявление живого орнамента; как и устный фольклор, он всегда развивается талантливыми исполнителями. И так во всем этот самобытный человек был живым проявлением гения своего народа

Н.Н. Федорова, искусствовед

* * *

С Петром Ефимовичем Шешкиным я и моя жена Анфиса Михайловна познакомились в начале 70-х годов в Сосьве. Внешне он был обычным жителем поселка, скромным в быту, в общении, не любил рассказывать о своей деятельности и творческих планах.

Не согласен с теми, кто утверждает, что Шешкин был замкнутым человеком. Он был приветлив со всеми, кого хорошо знал, и при встречах лицо его озарялось светлой теплой улыбкой. Он мог шутить и громко, раскатисто смеяться, не боялся говорить о собственных промахах и забавных случаях из жизни. Его поведение выдавало открытого, искреннего, честного человека. При этом он был максималистом, осуждал людей за пьянство, лодырничество, сквернословие и курение.

Бескорыстный, доверчивый и щедрый, Петр Ефимович живо откликался на просьбы и легко раздавал свои скульптуры, фольклорные материалы и все, что могли попросить. Многие из созданного и собранного им осело в частных архивах в различных городах России.

В.В. Хромов, педагог

* * *

Все, кому приходилось общаться с Петром Ефимовичем Шешкиным в житейском или творческом планах, удивлялись его оптимизму и трудолюбию. Заразительный, по-детски звонкий смех художника заставлял встрепенуться даже черствое сердце. Мне порой казалось, что его деревянные скульптурные изделия улыбаются про себя, когда Петр шутил, смеялся.

Творческая неутомимость Шешкина заключалась в том, что природа наделила его многогранным талантом: писал стихи, рассказы, собирал фольклорные произведения, рисовал акварели у реки на лесных живописных полянках. Но самым любимым занятием Петра Ефимовича была резьба по дереву. Об этом особое воспоминание.

Будучи редактором литературно-художественных передач в редакции Ханты-Мансийского окружного телевидения я решил «поставить» небольшой документальный фильм о П.Е. Шешкине.

Приехали мы к нему в Сосьву. Погода на удивление стояла солнечная, утром выпал легкий серебристый снежок. Кое-где золотились березы, а хвоя лиственниц сияла яркой желтизной. Словом, спеша снимать эту красоту. По сюжету Петр Ефимович находит в лесу для нужной работы березу, распиливает ее лучковой пилой, чурки доставляет домой, и начинается черновая деятельность резчика. Березы стояли стройные, белые, бери для дела любую. Но это наше убеждение. У Шешкина был особый взгляд на природу. Подойдет к березе, погладит ствол рукой, поздоровается по-язычески, оглядит ее от корней до вершины, стукнет обухом топорика по стволу, тихо говорит: «Не то... Чистоты звука нет». Идем дальше. Надо признаться — измучил он нас этим поиском. Двенадцатую или тринадцатую березу Шешкин, наконец-то, признал годной для дела. Мы обрадовались.

Над творческими задумками, над воплощением своего замысла в реальность Петр Ефимович мог работать непрерывно неделями, месяцами. Давал он себе отдых при житейской необходимости: съездить проверить рыболовную сеть, набрать ягод, грибов, пособирать кедровые шишки. Находясь на природе, он ни на минуту не переставал удивляться ее гениальному ладу. И признавался: «Я учусь у природы всему, здесь каждая букашка, бабочка, муравей при своем деле. Все заняты творением. Я постоянно изучаю рисунки цветов, архитектуру облаков.

Петр Шешкин, далекий и близкий

А ведь кто-то все-таки приближается к ее гениальности. Это счастливые люди».

У Петра Ефимовича Шешкина есть произведения и в живописи, и в художественной резьбе по дереву, приближенные к гармонии искусства. И мы обязаны по долгу души своей хранить память о нем вечно.

А.С. Тарханов, поэт

От редакции: *Благодарим искусствоведа А.В. Лебедеву за предоставление копии портрета П.Е. Шешкина работы Г. Райшева.*

«Сейте доброе, господа...»**(К 125-летию со дня рождения Г.М. Дмитриева-Садовникова)**

Григорий Матвеевич Дмитриев-Садовников (3 ноября 1885, г. Тобольск — 1921 или 1922) был ярким явлением провинциального исследователя-самоучки.

18-летний горожанин, выросший в губернском Тобольске, в начале 1904 года был приглашен сургутским уездным исправником на Север — на реку Вах. В центре обширной волости, селе Ларьякском, ему предстояло открыть одноклассное училище и учить в нем детей остяков.

Казалось, шансы на успех были невелики, но Дмитриев-Садовников быстро освоился и уверенно повел дело: овладел остяцким языком и научил детей понимать и говорить по-русски; не имея учебников в первые два года, подготовил рукописные и учил по ним; ходил вместе со школьниками на рыбалку и охоту, наблюдал за занятиями их родителей.

Приохотив детей к ученью, Григорий Матвеевич успешно учительствовал в Ларьякском почти десять лет, тогда как обычно молодые учителя едва выдерживают в северных условиях два-три года. Но он-то не просто нес службу, а много сделал сверх обязанностей. В первые же годы в совершенстве овладел остяцким языком, принялся за составление его словаря и грамматики. В 1908 году Дмитриев-Садовников открыл при училище кузнечно-слесарную мастерскую, предварительно освоив столярное, слесарное и кузнечное дело, ремонт охотничьих ружей, лужение медной посуды. Мастерская выполняла заказы местного населения. В 1911 году ее изделия экспонировались в Омске на первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставке.

Непрерывная внутренняя работа перепланировала в учителе простую любознательность в исследовательский интерес. Когда в 1910 году к нему

обратился с приглашением к сотрудничеству хранитель Тобольского губернского музея В.Н. Пигнатти, Григорию Матвеевичу было чем ответить. От него пошли в музей гербарии, фотографии, материалы фенологического наблюдений, предметы остяцкого быта для этнографической коллекции, сведения по народной медицине. Летом 1913 года Тобольский музей организовал экспедицию на реку Вах под руководством студента-тоболяка Б.Н. Городкова, впоследствии выдающегося исследователя российского Севера. В ней участвовал и Дмитриев-Садовников.

Как бы ни был увлечен ларьякский учитель своими разнообразными занятиями, а российская действительность не могла не тревожить его. Человек дела, настроенный позитивно и не склонный к мрачным сетованиям, он постепенно проникается критическим духом. Интонация неудовлетворенности и горечи слышится в его корреспонденциях в тобольскую газету «Сибирский листок», когда он описывает духовную скудость и неустроенность жизни северной глубинки с бесшабашным пьянством остяков и неумением местных жителей обратить себе на пользу богатства сибирского «золотого дна».

Одновременно Дмитриев-Садовников осмысливает и общественное назначение сельского учителя. Наблюдая жизнь коллег, он в мае 1908 года сделал следующую запись: «Большая часть педагогов пьянствует, развратничает. Мотивы — “люди сволочи”, меж тем как каждому педагогу известно, что он идет бороться с тьмой и невежеством, что же роптать тут. Нужно бороться, нужно подавать хорошие и полезные примеры... Сейте, господа, доброе, доброе и пожнете».

Однажды на учительских курсах в Тобольске директор народных училищ заметил, выступая перед педагогами, что инородцы губернии изучены лучше, чем русские, составляющие большинство населения, и мягко упрекнул Дмитриева-Садовникова в том, что он слишком увлечен изучением остяков. «Но ведь я среди них живу, как же мне их не изучать?» — ответил учитель.

Относительно устойчивое десятилетие жизни в селе Ларьякском сменилось беспокойным периодом 1913–1921 годов, с частой переменой мест и интенсивной деятельностью. Дмитриев-Садовников переехал в семье еще дальше на север — в село Обдорское (нынешний Салехард), гораздо более значительный торгово-промышленный и культурный центр в низовье Оби у Полярного круга. Здесь он служит учителем, а в свободное вре-

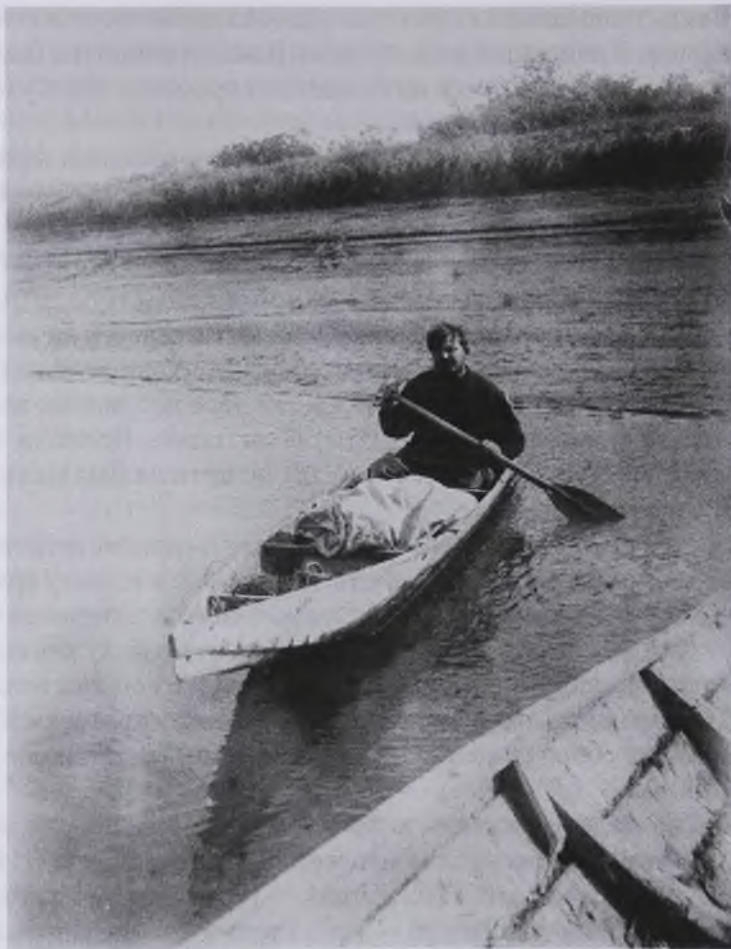
мя изучает северную природу. Летом 1914 года с тем же Б.Н. Городковым он обследовал реку Полуй, а в 1916 году Тобольский музей поручает ему руководство экспедицией на реку Надым. Проведенные в бассейнах этих рек исследования явились основанием для включения статьи о Дмитриеве-Садовникове в библиографический словарь «Русские ботаники». Словарная статья, однако, не полна, в ней не отмечены как более ранние работы на реке Вах, так и последние — в бассейне Северной Сосьвы и по Нижней Оби (1919–1920). С не меньшим основанием он мог бы быть представлен в подобном же словаре и как этнограф.

По окончании надымской экспедиции в конце лета 1916 года Дмитриев-Садовников переехал для продолжения учительской службы ближе к Тобольску, в село Демьянское на Иртыше, а в 1918 году он уже в Тобольске и часто печатается в эсеровской газете «Земля и воля», а после ее закрытия — в «Тобольском народном слове».

Судя по всему, участие в политической жизни не приносило Дмитриеву-Садовникову удовлетворения, и он в летнее время покидал Тобольск, отправляясь в северные экспедиции. Так было и в 1920 году, когда к научно-экономическому обследованию Обь-Урало-Печорского Севера приступила экспедиция Наркомвнешторга. Григорий Матвеевич намечал в ней для себя большой объем работы и кое-что успел сделать за сезон 1920 года, но дальнейшим планам не суждено было исполниться: в начале 1921 года на юге губернии вспыхнуло крестьянское восстание, в Тобольске организовался Главный штаб Народной Армии и 27 февраля вышел первый номер газеты «Голос Народной Армии». И Дмитриев-Садовников опять не мог остаться в стороне. По некоторым сведениям, он присоединился к повстанцам и стал одним из ведущих сотрудников редакции.

После подавления восстания дни его были сочтены. О гибели Дмитриева-Садовникова ходили разноречивые слухи, будто бы он убит где-то на Севере. Заслуживает внимания сообщение газеты Тюменского окружкома РКП(б) и окрисполкома «Трудовой набат» в номере за 26 октября 1922 г. Автор статьи «Ликвидация бандитизма на Севере» А. Клыков утверждает:

«Несколько человек скрывавшихся в тундре бандитов угнали 3700 голов оленей из советских стад у верховья р. Щучьей. За ними была послана погоня из Березова и Обдорска.

*Г.А. Дмитриев-Садовников в колыданке
18 августа 1915 г.*

Из фонда фотографий ТГИАМЗ

Бандиты были настигнуты около Байдарацкой губы. Был открыт огонь. Бандиты вышли из чума и залегли за яром озера и стали отстреливаться. Брошенной в них бомбой один из бандитов был убит, двое сражены пулями. Один из бандитов скрылся и один утонул в озере.

Один из убитых по найденным документам оказался офицером Киселевым и двое бывшими народоармейцами из Тобольска — Садовниковым и Сухих».

Историк А.А. Петрушин считает, что упомянутый в статье Садовников и есть наш герой на том основании, что эти трое — бывший комендант белого Тобольска штабс-капитан Киселев, путешественник-натуралист Садовников и метеоролог Сухих встретились еще в дни восстания в северном селении Хэ, где двое последних возглавляли повстанческий совет и народную милицию. Погибли же все трое, напоровшись на чекистскую засаду по пути из Ямальской тундры в Якутию¹.

Вскоре имя Г.М. Дмитриева-Садовникова на долгие десятилетия было предано забвению, а его работы погрузились во тьму архивохранилищ. В 1990-е годы, когда произошел всплеск интереса к отечественной истории, о нем, как и о многих других незаслуженно забытых деятелях прошлого, вспомнили. Статья о нем вошла в изданный в 1997 г. биобиблиографический словарь «Ученые и краеведы Югры», в 1998 г. издан сборник работ Г.М. Дмитриева-Садовникова «Версты и строки».

125-летие со дня рождения педагога, исследователя-натуралиста, литератора мы отмечаем публикацией его очерков «Плохи» (Природа и люди р. Ваха) и «Архип (Тип зырянина)»². В обоих очерках, как в зеркале, отражен портрет автора — даровитого человека, устремленного к познанию и многообразному творчеству, бесстрашно открытого миру терпеливого путника, восходящего к расцвету своих духовных сил. Эпиграфом к ним могла бы стать следующая запись из дневника

¹ Петрушин А.А. На задворках гражданской войны: Кн. вторая. — Тюмень, 2004. — С. 223, 232.

² Дмитриев-Садовников Г.М. Плохи (Природа и люди р. Ваха) // Сибирские записки. — Красноярск, 1917. — № 6. — Дек. — С. 54–69; Архип (Тип зырянина) / Сибирский листок. — Тобольск. 1915. — 20 нояб.

Г.М. Дмитриева-Садовникова 1915 г.: «Я люблю запах дыма. Бывало, едешь темным осенним вечером: сырая мгла давит, тело дрожит легкой дрожью, и вдруг пахнёт запахом дыма. Убогая юрта или просто шалаш, но там — люди — и как-то легко на душе. Запах дыма и яркий огонь — и прошла усталость под приветливые расспросы хозяина, кто бы он ни был. Запах дыма! Целое мировоззрение, сильное, несокрушимое, сложилось у меня под запах дыма»¹.

В. Константинов.

¹ Российский гос. архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1235. Оп. 2. Д. 35.

Плохи

(Природа и люди р. Ваха¹)

Плохи! Сколько воспоминаний! Воспоминаний о минувших и невозвратных днях юности, то дикой и необузданной, то тихой и нежной, как тих и нежен только что распутившийся под могучим кедром первый весенний цветок, лазурный и красивый, на которые так скупа наша северная природа.

Прошедшие дни! Чем дальше от них, чем толще стенка между мною и ними, тем ближе они, тем милее! И еще резче встают милые образы, оставшиеся в глубине темных кедровых лесов, на материковых увалах, на белом мхе, на берегу тихой задумчивой реки, у ярко пылающего костра.

Мы уходили в плохи рано, когда еще лежал снег, но уже темнел изъеденный ржавчиной тонкий ваховский лед, местами оголялись поверхности сорových грив, и в воздухе звучал первый звонкий крик мартышки — халия².

Уходили рано потому, что в деревне наступало голоданье, и потому, что потом трудно было попасть на Вах, главным же образом, потому, что тянуло в лес, на простор.

В этом месте Вах делал крутую длинную луку. Высокие хвойные гривы, пересеченные полосами березняка и осинника, осенью ярко желтеющего среди хвои, окаймляли его обрывистые, до 1 сажени высотой, берега, иногда идя край самого берега, иногда же отходя немного вглубь.

Левобережная грива начиналась от склона материка³, 15-саженным обрывом спускающегося в Вах, покрытого низким березником и осинником.

¹ Вах — правый приток среднего течения р. Оби.

² Речная чайка. — Ред. Последующие редакционные примечания даются без ссылки на авторство.

³ Местность, никогда не затапливаемая при разливе реки.

Несколько невысоких елочек, сбежавших с горы на выдвинувшийся мысом берег реки, послужили ее основанием, за ними — повыше и, наконец, высокие ели и кедрины начинали неглубокую, но плотную гриву.

На протяжении прямого плеса грива шла у самой реки, по яру, потом вдруг круто загибалась по течению реки и отходила в глубь берега, отсылая к реке сначала березовую, немного ниже себя, затем таловую, еще ниже гривы, последняя переходила в полосу низкого и тонкого речного тальника, окаймляющего начинающийся от мыса речной песок.

Пройдя с полверсты, песок кончался, шел речной яр, хвойная грива снова подходила к реке и снова шла по яру темною стеною до следующего песка, где опять отходила вглубь, опять отсылая от себя березовую и две таловые гривы.

К началу второго песка в гриве сосна брала перевес над кедровником, а далее уже совсем вытесняла его, но вскоре кончалась и сама: березовая, таловая гривы, а в конце — полоса мелкого тальника шли край песка, уже почти подошедшего в этом месте к лесным увалам материка, отделяясь от него нешироким, но глубоким проливом.

Таким образом, грива, начавшись от материка, повинувшись капризам реки, снова подходила к нему, охватив неправильным полукругом пространство в 3–4 кв. версты.

Пролив расширился в широкий залив-курью и вдавался в это, заключенное между гривой и материком, пространство.

От главной гривы в него бежали хвойные отроги — гривы, переходили в березовые и, наконец, в мелко-ракитовые и делили его на речки, речушки; между гривами встречались и озера, образовавшиеся в большие воды.

Ближе к матерiku — менее внутренних грив — почти чистое пространство: ясно виднеется начавшаяся от материка густая хвойная грива — стена.

В четырех-пяти местах эту стену пересекают неширокие, саженой 5–6, поперечные просеки: это и есть *плѹхи*.

Собравшаяся в курью птица перелетывает по ним на реку. В них, в высоту леса и ширину просеки, ночью подымается перевес, четырехугольник чистой, белой тонкой мережи¹ с подтоном под ним (горизонтально расположенным на высоте сажени от земли четырехугольником толстой, с аршинными ячейками мережи).

¹ Связанная из ниток ячеистая сеть, которая служит материалом для изготовления рыболовных сетей и неводов.

Птица путается в эту сеть, спускающуюся в самый момент, когда она почти ударяется в нее и вместе с нею падает на подтон.

Правая, идущая по правому берегу реки, грива представляет из себя, скорее, остров, примыкающий одной стороной к реке, а другой — к отделяющей его от деревенского сора наибольшей протоке р. Ваха.

В более тонких местах эта грива также была просечена 5–7 плохами.

И между этими гривами, ударившись в материк и как бы отскочив от него, мчался темный Вах, заключенный под вспучившуюся, грязновато-темную ледяную кору.

Во многих местах вода проела лед, выделяется ржавое по краям пятно с вздымающеюся и булькающею в середине водою — это «пункав», опасное, полое место. Нужно переходить, пробираясь меж подобными пункавами и уже разработавшимися, где не видно булькающей воды, и не знаешь, лужа ли это, полое ли место? Ниже по реке виднеются небольшие полыньи.

Мы не идем вперед: пускаем старика Прохора-ики¹ из уважения к его побелевшей голове и былым, испытанным им опасностям, от которых холодно становится на душе, но из которых он вышел, хотя и с сильно развинченными нервами.

В одной руке у него легкое с железным наконечником копьё, которым он то и дело пробует впереди дорогу, в другой, на бечевке, легкий одиночный облас. За ним я, Зоя, Ага, Иван и маленький Виктор². Его мы посадили в большой облас³, который и тащим, тащим со смехом, с выкамурами⁴, что пала на счастье нам доля унылая: тащить облас с неразумным существом — человеком.

И что это старик копается! Шел бы скорее. Вон черный лед. В середине — пункав. Но краем змейкой вьется крепкая полоса, способная выдержать. Что же медлить! И молодость не медлит в подобных случаях. Проскакивает меж «пункавами», пробирается по едва уловимым надежным местам, по краям полыней, отходит назад, слегка раздумывает и снова идет вперед ко все приближающемуся противоположному берегу, не имея ни обласа, ни копыя, лишь ружье да длинная палка, могущая заперечить и не пустить под лед. Легкие крылья выносят.

¹ Ики — старик. — Авт. Кайдалов Прохор Акимович (Иоакимович), тесть Г.М. Дмитриева-Садовникова, сургутский мещанин, живший в с. Ларьякском.

² Дети П.А. Кайдалова.

³ Облас — однодеревка, лодка. — Авт.

⁴ Шутки, причуды.

И, сидя потом на мягком мхе под тенью высокой кедрины, чувствуешь, как хороша жизнь, за минуту пред тем боровшаяся с темными, клокочущими отверстиями и понявшая всю разницу между этим ясным голубым небом, ярким весенним солнцем, расстилающимся вокруг диким простором и темною могилой в глубине быстро-быстро мчавшихся холодных вод.

И если еще ярче выступает эта разница, молодость сокращает свои порывы. Прохор-ики близко знал эту разницу, почему так медленно и осторожно идет вперед. Когда-то он так же был безрассуден, но когда мчался на льдине вон к тому крутому повороту реки, где тогда был ледяной затор и отдельные льдины, не дойдя до него, становились на дыбы и погружались в воду, на дно, тогда понял и красоту этого ясного неба, и зелени лесов, и лепет играющих в убогом селе ребятишек — и так хороша показалась ему жизнь!

С ним был остяк. От обласа, раздавленного льдинами, лежали лишь осколки. Затор все ближе. Клокочет вода, с треском ставя на дыбы огромные льдины. Жизнь подняла их. С льдины на льдину, то проваливаясь, то вновь вскакивая, кинулись они край затора. Шум, плеск и вдруг — трах!.. Темный туман кругом.

И когда он очнулся на льдине, край затора, с тупою болью в груди, жизнь снова погнала их. Они снова запрыгали с льдины на льдину с каким-то остяком, чудом вытащившим его. И жизнь победила.

И кто знает, что думает сейчас Вах. Его не разберешь: стоит и вдруг сорвется и понесется, уткнется в повороте и опять стоит несколько дней.

— Плохо что-то, ребята! Остановиться надо, — говорит старик.

— Э! Ничего, пройдем!

— То-то: пройдем! Знаю я вас. С ребятами куда попадешь?!

Да, действительно, с ребятами куда попадешь? Прежде приходилось бравировать, но Вах, вернее его обласа, заставили покориться. Помню, нас закинуло в заводь, запаса в обласе не более вершка. Малейшее неосторожное движение могло быть роковым.

— А ну, ребята, гребните! — весело кричу я.

— А что?! — откликаются молодые, не подозревающие опасности голоса.

— А скорее дома будем!

И сильнее налегаю на кормовое весло. Сердце колотится, а глаза тревожно следят за загрузнувшей в заводь кормой.

Раз!!! Раз! И облас вынесся на стреж.

— На-ка! — Старик решительно подает мне конец тонкой веревки — пеньки, которую я (дело уже знакомое) привязываю за носовую спорку¹ большого обласа. Старик бросает остальную, свернутую кругом часть в свой облас, садится в него и упирается с обоих бортов копиями в лед. Облас скользнул по льду и дальше, дальше! Веревка змейкой вьется из обласа.

Дальше — тонкий лед, копые проходит сквозь, большому обласу не выбраться, но маленький, стариков, подталкиваемый то веслом, то быстрым движением туловища вперед, местами совсем оседая в воду, благополучно докатывается до противоположного берега.

Старик выходит на берег, мы уже сидим в обласу. Он тянет за веревку, и мы быстродвигаемся вперед к потемневшей от бурь и непогоды плоховой избушке «на курьих ножках».

Первоначально в плохах сидят лишь «зори», «зорянки», т.е. вечерние и утренние сумерки, до первых лучей солнца утром и до полуночи вечером.

Как только наступит полночь, из какой-нибудь плохи несется зычный молодой голос и на разные лады объявляет, что пора собираться в избушку. Ему вторят 10–12 плох. Голоса несутся с обеих сторон Ваха, убегают далеко в материк².

На другой, противоположной, стороне Ваха избушка плоховщиков деревенской стороны, близкой к деревне. На ее двери большими буквами углем обозначено: «харчёвка». Кругом — мелкие приписки карандашом со всевозможными пожеланиями и приглашениями, но с резкою чертою — отсутствием похабности.

Тут «сидит» веселый народ, народ мужского пола. Полностью в избушке «дым коромыслом». Там и гармония, и Ванька-шаман, ворожащий за неимением бубна со сковородкой. Там сказки, прибаутки, картежная, без денег, но с отменно отчаянным плутовством игра, смех, пенье.

Я весну или две жил там. Меня знакомили с великим прошлым окружающих мест. Например, недалеко от плох по дороге к деревне быстрая, крутоберегая проточка. Это Кирилловская купальня. В ней

¹ Шпорка, распорка. Поперечная палка в носовой или кормовой части обласа, соединяющая его борта.

² В каждой гриве своя избушка. — *Авт.*

тонул высокий Кирилл, такой высокий, что если бы он провалился сквозь лед на середине Ваха, ему было бы лишь по горло. Далее Васильевская, Вахтеровская и пошли... Одним словом, выходило, что по дороге в деревню в каждой речушке кто-нибудь спраживался под лед и, проклиная свою злосчастную судьбу, быстрее ветра мчался в деревню, закинув за плечи мешок с утками. По дороге опять спраживался и, уже бросив мешок, неся еще быстрее и, наконец, спрадившись последний раз в заберегах деревенской протоки, чуть не на четвереньках, встречаемый яростным лаем собравшихся чуть не со всего села собак, успокаивающихся лишь после того, когда каждая была названа и собственным и нарицательным именем, добирался до теплой избы, отогревался чаем и, стуча зубами, засыпал на пуховиках под грудой наваленных на него шуб.

К вечеру он опять шел в плохи, где его ожидало самое горшее из всех зол. «Ну, как сегодня покупались?» — ехидно встречают его товарищи.

Утопленник молчит.

— Ну, а какова вода?

«Иду это я, ребята, — перебивает кто-нибудь, — вижу: яма. Что за черт, не иначе Микитина кобыла спровадилась. Иду дальше — мешок с утками! Царство небесное, чья-то душенька упокоилась... Да взглянул немного в сторону — какая тут Микитина кобыла быстрее ветра чешет! Только брызги из-под ног летят».

Тут уже все раздражаются хохотом, глядя на окрысившегося утопленника, на его внезапно ставшую грозной физиономию и фигуру, сопоставляя, как он, словно лошадь, вылезал из проруби, мчался домой и спраживался опять.

И подобное событие разрабатывалось на разные лады со всевозможными прикрасами, и в плохи тянуло, зная, что там осталось много еще неработанных тем для смеха.

Ночью, когда не сидели в плохах, в избушке не спали. Уснувшего учили: или оставляли в избушке просыпать утреннюю летнюю зорю, размалевав сажею его физиономию, или осторожно тащили за ноги за дверь. Бывало, с вечера снег, слякоть, все улягутся и проспят внезапно наступивший утренний перелет. Это было позором для всей гривы.

Как только начинался предрассвет, все разбредались по плохам, по подстывшим, протоптанным в снегу тропинкам.

Грива затихала до восхода солнца, когда снова несся призывный крик из какой-нибудь плохи. Народ весело собирался в избушку. Иные на день оставались в ней, другие уходили в деревню.

На нашей стороне была *своя* избушка — избушка Прохора. Вах был границей. Мы смеялись, что живем «за границей» и, шутя, приглашали кого-нибудь из плоховщиков противоположной стороны пожаловать к нам в гости темной ночью по «крепкому» вешнему льду.

Свою сторону мы называли «волшебным царством» зеленого леса и материка, в котором порою дебоширил медведь. В наших плохах «сидел»¹ преимущественно женский элемент и ребята, и было так же неудержимо весело, так же еще много неразработанных тем для смеха.

Пробираешься, бывало, темной морозной ночью по протоптанной меж высоких кедрин тропинке и вдруг приветливо блеснет огонек избушки, пахнёт запахом дыма.

В избушке жарко топится железная печь и собралась вся семья. На перебой спрашивают, сколько добыл? Кого? Наперебой объявляют о своей добыче.

Замечаешь, что кого-нибудь недостает. Кто-нибудь из присутствующих подымает палец кверху, вытягивает голову и, таинственно указывая за перегородку, шепотом заявляет: «Ничего не добыл, с рукавицами!». Там кто-то спрятался, стыдно, что ничего не добыл.

Сообщение с «рукавицами» сильно распространено по низовью. Мне приходилось слышать его и на Оби, и на Иртыше. «Вернулся с рукавицами» — говорят про неудачную охоту или промысел.

Так же таинственно мотаешь головой, подходишь на цыпочках и, вытянувшись, заглядываешь за перегородку. Но едва только покажется твой нос, как в тебя летят подушки, рукавицы и, наконец, со смехом вылетает и сам злосчастный плоховщик или плоховщица, садится к столу и иногда хмуро, иногда так же со смехом заявляет: «Не повезло!».

«Это ты медведя да попа поминал», — мотая головою, говорит 12-летний Иван.

«То-то ты много поймал, что не поминал ни попа, ни медведя!», — срезают его.

Иван действительно ничего не поймал, но у него есть оправдание: «Сижу да думаю: ах, как в избушке теперь хорошо, тепло! Да и зад-

¹ Сидеть — промышлять перелетную птицу.

ремал! А чирки в это время хлоп — в перевес. Я спустил, а они уже отлипли».

Над ним смеются, но он машет рукою и, уже стоя, раскидывает карты: «Мне! Тебе! Аге! Зое! Подходи!!».

И мы садимся играть: кому таскать воду, греть чайник... Плутуем невероятно и, будучи уличены не один десяток раз, наконец соглашаемся, что кому-нибудь действительно необходимо пойти и разводить костер, греть чайник.

Проигравшийся, подгоняемый смехом, выходит из избышки. Там под громадной елиной старинное огнище, на котором еще старики разводили костер.

Огнище кругом обнесено забором, чтобы не завивал ветер. С одной стороны у забора навес на случай дождя, с другой, на тот же случай, над огнищем раскинулись громадные лапы елины. Кругом огнища — ступля, толстые сосновые чурбаны.

Гремит чайник. В избышке накрывают на стол.

Скоро вспыхивает костер и освещает царившую кругом тьму. Выступает толстый ствол елины и темный навес гнувшихся книзу ее зеленых ветвей.

Когда надоедает играть в карты, идут рассказы или садятся за книги, в избышке наступает тишина.

И вдруг вздрогнут струны гитары или балалайки. И понесется напев. Это кому-нибудь и читать надоело. И снова разговоры.

Так — в хорошие ночи. Но бывает, что закрутит мокрый снег, ветер.

Тогда бегаешь по плохам и отряхиваешь собранные в длинные полосы перевесы от груд наседавшего снега. Иначе при наступлении холодного утреника перевесы смерзнутся, прощай добыча, если начнется полет.

Пред рассветом все снова в плохах. Первые ночи уток мало или даже совсем нет, но они начинают летать неожиданно, так что каждую ночь ожидаешь полета.

На поднятый перевес не обращаешь внимания: сторожишь ушами. Но, наконец, и ушам начинает надоедать слушать. Тихо. Иногда прорежется из какой-нибудь плохи песня, неясная и грустная, и так же неясно смолкнет, слившись с окружающим полумраком. Или громыхнет выстрел — это где-нибудь на живце стрелил охотник. Иногда ухо уло-

вит далекий треск и шорох: кто-то тихо пробирается по замерзшей тропинке. Скоро к станку¹ приближается темный силуэт человека.

Это кому-нибудь из ближней плохи недоело без толку сидеть в станке, он настораживает вожжи перевеса на сухой тонкий пруттик и отправляется бродить по плохам.

Насторожка в тихую темную ночь сторожит лучше человека, достаточно птице слегка удариться в перевес, она соскакивает или ломается, перевес падает.

Человек подходит, смотрит на почти незаметный в темноте перевес, на небо.

— Не слышно?

— Ничего нет, — отвечаешь ему и также смотришь на перевес и на небо.

— А у меня два гоголя пролетело, да высоко, — замечает человек.

— Ишь, ведь! — И оба продолжаем смотреть на перевес.

«Ага одного поймала», — помолчав, опять начинает человек, уже усаживаясь на край станка, а сам все смотрит на перевес, как бы ожидая, что вот-вот кто-нибудь, вынырнув из мрака, хлопнется в сеть.

Но не хочется разговаривать, не хочется нарушать эту тишину. Молчание или какой-нибудь, ничего не выражающий ответ, и оба сидим, молчим и смотрим.

Раз в ясную морозную ночь мы сидели в плохах с нашим сельским писарем, слегка глуховатым, чудовищно толстым человеком. Мне уже надоело молчать. «Мерзни, мерзни, пан писарь!» — слышным шепотом твержу я.

«Что?» — нехотя спрашивает он.

«Ловись утка большая и маленькая».

«А!» — горланно несется в ответ, и писарь опять смотрит на перевес, а я, как лисица у проруби: «Мерзни, мерзни, пан писарь!».

«Что, опять?» — спрашивает писарь, уловив бормотанье.

«Опять ловись утка большая и маленькая».

«А!».

И снова тихая ночь.

Мы с человеком долго молчим. Каждый думает свои думы. Наконец который-нибудь делает замечание о хорошей погоде или о том же, что птицы не слышно. В ответ лишь горланное «А!».

¹ Укрытие промысловика.

Где-то прогремели векши¹: спустился настороженный перевес.

— Попали! — поспешно вскакивает человек и скоро исчезает в темноте ночи.

Ты — весь внимание. Но нет ничего. Опять слух разбрасывается по сторонам. Вдруг глаза улавливают какую-то точку, рука готова, только подлети! Но это летучая белка, спускающаяся с противоположного дерева. Белка прилетит, спустится с дерева на станок и смотрит на тебя большими выпуклыми глазами. Шевельнешься — она кинется на дерево, заберется на вершину и плавно полетит на противоположную сторону плохи.

Чем ближе к восходу солнца, тем холоднее утренник, иногда доходящий до 10°. Насторожив перевес, сам начинаешь бегать по плохам, чтобы согреться, и с радостью отвечаешь на раздавшийся из избушки призыв собираться.

Бежишь по подстывшей тропинке. Уже светло тем ранним утренним светом, какой бывает до восхода солнца.

Собравшись у огнища, пересуждаем каждое мало-мальски выдающееся событие. Греются чайники. Погревшись, мы бежим к реке: там уже до нашего прихода в плохи поставлены морды². Быстро раздабливаем тонкий свежий лед и начинаем вытаскивать морду.

«Ну-ка, что на мое счастье?» — торопится кто-нибудь.

— Одна!

— Две.

— Ничего!

— Погодите, что-то булькается.

И едва только из воды выступает поверхность морды, в ней начинается кипенье, словно в котле: бьется рыба.

«Ура! Наша взяла!!» — кричит Иван. Морда уже поднята и привязана за черн к поперечной палке ворот. Открыв небольшое отверстие ее устья, железным, насаженным на длинную палку крюком вытаскиваем бьющихся щук, язей, сорог и кидаем на берег. Ребята подхватывают их и тащат к огнищу. Отверстие морды запирают, и она опять погружается на дно. От первой осторожно, край берега, бежим к следующей морде...

Часть пойманной рыбы кладется в устроенный близ избушки погреб: эта отправится в деревню, остальная — нам на еду. У каждого нож,

¹ Блок, с помощью которого поднимается и опускается перевес.

² Морда — рыболовная снасть.

каждый готовится по-своему. Рыба распластывается, режется звеньями и, насаженная на роженки, заостренные тычинки, расставляется вокруг огня, жарится. Поджаренная с одной стороны, повертывается другой и дожаривается окончательно. Это вкусное блюдо. Кто не хочет жаренной таким образом рыбы, берет себе целую щуку, распластывает, однако, не трогая спины, и отрезывает голову, пропустив со стороны отреза по направлению позвоночника роженку до самого хвоста, укрепляет его свободный конец в земле и острым ножом, начиная с хвоста, начинает срезать кожу с чешуею; сняв кожу, отделяет пласты мяса, не задевая реберных и позвоночных костей. Срезанное мясо частями, смотря по желанию, насаживается на роженку, солится и слегка поджаривается над огнем. Блюдо еще вкуснее, чем первое.

У огня шум. Каждый шутит над приготовлением другого и хвалит свое. Говор, смех! А солнце уже взошло над кедровой стеной противоположного берега, играет лучами на застывших на поверхности Ваха лужах. Лес как бы ожил. Раздается туканье дятла в сухую лесину, перелетывают синицы, заливаются малиновка. Вернувшаяся в старое гнездо ворона сидит на сухой осине и, озаренная солнцем, каркая, смотрит на нас.

Собаки насторожились, сорвались с места и залились на яру. «Идет кто-то». И мы выходим на яр. С противоположного берега смело идет по окрепшему за ночь льду человек. За ним на веревочке облас, в руках — копьё. Подойдя к полынье, он еще на льду садится в облас и толкается вперед. Облас соскальзывает в полынью, у человека в руках уже весло. Несколько взмахов, и разошедшийся облас далеко вылетает на лед противоположной стороны полыньи.

Человек встает на ноги, пробует лед копьём и снова садится, убедившись в его непрочности. Облас опять скользит по льду.

Это гость с противоположной стороны. Кто бы он ни был — остяк или русский, мы с радостью встречаем его. Расспросы, угощение.

Гость ушел. Мы еще долго разговариваем, но под конец сон одолевает. Ага и Зоя уходят за перегородку: у них своя комната, мы же ложимся в передней, в «общей мужской каюте второго класса», как мы ее называли. Наш день кончился, наступает плоховая ночь, ясное весеннее утро у живущих обыкновенною жизнью людей.

В течение почти месяца, с последних чисел апреля и до последних мая, когда продолжается «плоховая пора», настолько осваиваешься с

этой новой ночью, что не можешь спать ночами и, лишь не поспав несколько суток, едва устанавливаешь нормальное время дня и ночи.

Виктор с Иваном еще долго не спят и жалуются своему папе, что один из них лягает другого и не дает спать, и только обещание папы отодрать их без разбору восстанавливает тишину и покой в плоховой избушке в ликующем лесу над р. Вахом.

Просыпаемся поздно, за полдень. Ага и Зоя хлопочут у костра. Мы идем к мордам и возвращаемся с рыбой. После сна не шутится, хочется делать. Напившись чаю, перебираем рыболовные сети или уходим с ружьями. Иногда, когда не попадает ничего в мордах, берем сети и отправляемся на еще покрытое льдом Карасье озеро; промыслять по курьям еще рано — Вах скован и не разлился по сорам. Ямы, т.е. станковые места, на озере уже известны.

Начиная от берега, по прямому направлению во льду продалбливаем с десяток отстоящих сажени на полторы друг от друга прорубок, последняя прорубка — прорубь аршин до двух длиною и до одного шириною. В нее по направлению прорубок проводим длинный шест, к концу которого привязываем бичеву. Шест с помощью развиистой палки, которою действуют через прорубки, передвигается до берега и протаскивает за собою бичевку, которая и вынимается в последнюю прорубь, шест же отводится в сторону по направлению берега. К другому концу бичевы в большой проруби привязывается конец однотетивной (сеть без грузил) сети. Сеть собрана последовательно, колено к колену, нижний ряд опускается в прорубь, верхний же остается сухим; это для того, чтобы нижний ряд скорее опустился на дно и не путался с верхним. Я тяну к себе береговой конец бичевы, старик опускает сеть в прорубь, и она последовательно, колено за коленом, растягивается подо льдом.

На другой день сеть вытаскиваем через прорубь обратно и, смотря по добыче, или ставим ее опять на прежнее место, или переносим на другое.

Иногда, когда много добычи, сидим, смотря по погоде, или на берегу реки, или в избушке, читаем, играем в карты, в пешки (шашки). Вечером — опять в плохи, слушать ночную тишину, считать ясные звезды.

В конце апреля ночи стают все короче, в конце первого часа брезжит предрассвет. Нам еще не хочется выходить из избушки, но старик то и дело выходит на улицу и, послушав, возвращается обратно.

«Что-то тепло стало и морок. Однако, полетит», — говорит он, свертывая цыгарку и поглядывая на нас, как бы приглашая разделить его мнение.

«Однако, полетит», — подтверждаем и мы, и сами выходим на улицу, слушаем и возвращаемся обратно.

И вот то там, то тут, то над Вахом, то в вышине начинают раздаваться то характерный свист гоголиных крыльев, то хрюканье вострохвоста.

Мы уже все в плохах. Никому не хочется пропустить первую добычу, первых долгожданных вестников вскрытия рек.

Где-нибудь прогремят веки: кто-то спустил и поймал. Почему не ты?! И еще пристальнее вглядываешься в темноту плохи, слушаешь напряженными ушами. И вот по плохе, далеко впереди, мелькнули темные точки и пропали. Ухо улавливает едва слышный свист крыльев. Ты весь насторожился. Свист все ближе и ближе. Ррк! Глаз ловил мелькнувшие почти в самом перевесе точки, и рука инстинктивно выдернула рожонок. Перевес вздрогнул. Точки, как камни, пурхают в его середине и вместе с ним валяются на подгон, ты бежишь к ним, без жалости закусываешь в голову, тихо, без крови, вынимаешь из перевеса и снова поднимаешь его.

В первые ночи добыча плоха, но вот понесло Вах, и ночи, ставшие уже значительно светлее, изменились. Воздух звенит от резкого свиста крыльев — свист, кряканье! Свист вверх, свист по сторонам, на воде хлопанье крыльев, кряканье, хрюканье.

Тогда уже не ходишь ночью в избушку. Перевес то и дело подымается и опускается, и у станка все более возвышается груда птицы всех сортов и мастей: белые, черные, черно-пестрые, красно-пестрые, с маленькими и большими носами, с короткими и длинными шеями.

Это полетные, наройные ночи — 5–10 мая. Поезжай по всему Ваху — весь Вах не спит, везде по плохам люди.

Ночь кончилась, утки затихли, рассевшись по рекам и озерам, и солнце освещает пробуждающийся лес. Дребезжит малиновка, чекают дрозды, каркают вороны.

«Сколько поймал?» — несетя с противоположного берега.

«Сколько поймал?!» — кричит чуть не каждая плоха.

«20! 30! 50!» — несетя в ответ.

У избушки ста два уток: добыча наших пяти плох. Все веселы, гремят чайники, жарится рыба.

«После чаю домой нужно ехать, — решает старик, — птицы много».

«Нужно ехать», — соглашаемся и мы, так как уже вторую неделю не заглядывали в деревню.

Скоро длинные ходкие обласа, тяжело нагруженные, режут спокойную поверхность Ваха, оставляя за собою мерно расходящиеся волны.

Едем кругом, по Ваху — прямого пути нет, сора еще не стопило. Запоздавшие льдины и сухие деревья, плавнины, несутся навстречу, ударяются в берега, приостанавливаются и опять увлекаются течением.

Часто на них сидят утки. Им любо нестись по течению. Завидев нас, они вытягивают шеи и передвигаются на дальний конец льдины или плавнины, но мы все ближе и ближе. Они лениво взлетают и, далеко окружив нас, опускаются на воду.

В деревне нас уже ждут, посылаемых нами ежедневно 10–15 уток хватало ненадолго, все рады добыче. Расспросы, рассказы — чуть не до полудня.

Едва выпавшись, мы уже спешим в плохи, там дело — необходимо ставить сети в курью, морды.

День проходит в работе. Ночь наступает такая же пролетная, с криканьем, писком и хрюканьем, с новыми звуками далеко, в вышине

Жжж!!! Расплывчато звучит сверху и опускается все ниже. Это с недоступной глазу вышины спускаются завидевшие воду, летевшие издалика, быть может, за несколько тысяч верст, табуны уток. Звуки все ниже и ниже. И вот с шумом, взвизгнув крыльями, на реку падает табун вострохвостов, бессильно отдается течению и жадно хватает воду.

Жжж! Звучит по плохе в самое ухо, рука инстинктивно спускает перевес, но их уже нет — они пролетели сквозь. Никакой перевес не в состоянии удержать их стремительного напора, когда они, сжав крылья, камнем несутся сверху вниз.

Следом за ними мчится пара перелетных. Они все ближе. Перевес спускается, но они летят, как летели: эти пронеслись в сделанное первыми отверстие. Иногда, долетев на аршин до перевеса, утки, особенно чирки, столбом, с криком, поднимаются и поднимаются все выше и выше и, наконец, чуть не скрывшись во мгле, направляются на прежний путь — это им все еще чудился перевес.

В середине ночи пролет несколько стихает, лишь изредка перелетывают поселившиеся около в курье или на ближних озерах. Они настолько

освоятся с перевесом, что, кажется, совсем уже залетели в него, как вдруг или поднимутся наверх, или свернут вбок.

Поселившиеся пары отличаются любовью друг к другу, особенно мужички. Попадет женка, мужичок с криком летает вокруг, сядет на Вах или ближнее озеро и кричит, кричит.

Потом решается и несется в перевес, поводя во все стороны головою и ища взглядом внезапно упавшую вниз подругу.

К утру снова возобновляется полет и кончается с восходом солнца, когда птица уже видит перевес.

Весна уже берет свое: на осинах — пушистые сережки, на талу — белые барашки с желтыми тычинками, распускается черемуха, особенно на припеке, на березе распухли почки, материк потемнел, южный ветер, как теплое дыхание, переносится через материк и врывается в гриву, освещенную солнцем и наполненную жизнью.

Но Север капризен.

Иногда, проснувшись после такого ясного утра и выглянув в окно, с удивлением видишь другую картину: морочно, все бело кругом, на земле — на четверть снегу, ветви хвойных деревьев склонились под его тяжестью, и по реке бушуют крутые волны, вздымаемые северным ветром. Как мало прошло времени, и такой резкий переход!

«Вот тебе на! — говорит Иван, спросонья протирая глаза. — Зима!».

Ага и Зоя тоже выглянули на улицу из маленького окошка каюты первого класса и, высунув нос из-за занавески, также заявляют нам: «Зима!».

«Что ж тут, — нехотя вставляет старик, лежа на кровати и до половины закрывшись заячьим одеялом. — Разве не слышали — вчера гром гремел». И начинает свертывать цыгарку, глядя в окно на разбушевавшуюся погоду.

— Так что же?

— Ничего, как он рано загремит, так и знай, что снег будет!

Как не хочется вставать и выходить на улицу. Кто-нибудь соскочит, растопит железную печь, поставит на нее чайник и — опять под одеяло.

К вечеру стихает, выяснивает, наступает мороз, градусов пять, озера и курьи стынут, птица собирается на реку, к пескам, и бьется около них. Днем курьи и озера оттают, птица вылетает на них кормиться, но к утру они опять на реке. Пролетной, двигающейся вверх, не видно. Так продолжается несколько дней.

«Однако, птица назад полетит», — говорит старик. И мы рано уходим в плохи. Кругом снег, все замерзло, лишь угрюмо шумит река, волнуется стихающим ветром. И старик не ошибается.

К полночи птица словно срывается с места, и табун за табуном мчит-ся обратно на юг, сначала низко, по плохам — это ближняя, еще надеющаяся опуститься где-нибудь вблизи, но чем далее, тем птица летит все выше — это уже дальние, отправившиеся до мест, нетронутых воротившейся зимой.

Такая ночь — самая обильная по лову.

Через несколько дней подует теплый южный ветер, снегу — как не бывало. И снова весна, еще краше, еще шумнее. К новым звукам белой сумерчатой ночи примешиваются новые: кваканье лягушек, а к середине мая — первое кукование кукушки оглашает распускающиеся леса.

Это последние дни плох и время гостей. Избушка прибирается и украшается хвойником и зеленеющими ветвями берез и черемухи. И вот из соседних плох заявляются веселые оравы в сопровождении не менее веселых собак. Говор, смех до самого вечера. На следующий день мы едем отдавать визит. Своих собак, как не понимающих элементарных законов приличия, свирепо подравшихся вчера с собаками визитеров, мы запираем в избушку. Но спустя немного времени они выносят рамы и следом за нами с радостным лаем мчатся по берегу.

Мы едем.

Весна! Уже настоящая весна! Кругом море воды. Все стоплено за исключением высоких грив. Поезжай, куда угодно, меж высоких сосен, бросающих на тихую воду темную задумчивую тень, меж распускающихся берез, издающих липкий приятный запах — запах весны. «Ведь это сон! Волшебный сон!» — говорим мы, тихо подвигаясь в легком обласу по затопленному лесу с выдающимися зелеными островками, покрытыми зеленью, мхом и цветущей, пахучей брусницей.

Да, это был сон, сон невозвратной, веселой юности на быстром Ваху!

Гр. Дмитрий-Садовников.

1913 г.

С. Ларьякское

Архип

(Тип зырянина)

Архип — молодой зырянин из Обдорска. Он отличный стрелок, охотник, хорошо знает тундру и любит говорить о ней; я также люблю простор севера, также охотник: мы товарищи*.

«Я видел море!» — как-то в прошлую зиму рассказывал мне Архип, возвратившись из своей поездки край Байдарацкой губы. И с каким одушевлением рассказывает («Я видел море!»), как бы открыв что-либо неведомое. И это неведомое тянет Архипа в безлюдные пустыни. Энергичный, деятельный, он рыскает по ним, срывая таинственную завесу, и возвращается полный жизни, сведений.

Я жду его. Мы долго сидим. Он рассказывает о незамерзающих полынях край Ямала, признаках теплого течения, о жизни самоедов, живущих в тундре круглую зиму. У него там есть и приятели, скорее охотники, чем олениводы. Они предпочитают охоты за песцами, моржами и белыми медведями перекочевке в лесные домики Надыма и Полуя. Море держит их. Они перебираются и на остров Белый, и Архип знает, что там много промыслового зверя, а главное — на севере Ямала нет тех странных болезней, какие свирепствуют в ближних к Обдорску тундрах.

* О близости между автором и героем очерка свидетельствует следующая запись из дневника Г.М. Дмитриева-Садовникова «Экскурсия Тобольского губернского музея в долину р. Надыма», сделанная 27 июля 1916 г.: «В тихую ночь, на пути между Каменным и Вильпаслом, у (1 нрзб.) острова, на берегу Оби, я виделся с Архипом. Друзе мой, друже! Единственный, с кем мне жаль расстаться в Обдорске, это с Архипом. Был полумрак тихого вечера. Вдали, над горами, клубился легкий туман. Пароход отходил. Архип: «Утро туманное, утро седое!». Помнишь ли в Лонгот-Югане?» — «Помню, помню!». И Архип махнул мне шляпой. «Прощай, друже!»» (Российский гос. архив литературы и искусства. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 27).

Архип, зырянин из Обдорска 26–27 лет.

Январь 1914 г.

Из фонда фотографий ТТИАМЗ

Там — богатые места, но везде по Ямалу и Северному Уралу места богаты. «Возьми любое озеро, даже в горах, — везде рыба. Лови, сколько хочешь, но куда и кому ее нужно?». И мы соглашаемся, что ее мало кому там нужно.

Ночь. А Архип все рассказывает. Он знает многое. Знает и то, что самоеды находят на Белом следы чьих-то костров. «Чьи, они не знают, а они знают Ямал». Да, там еще много таинственного и вместе с тем простого. Там жизнь, полная приключений.

Из-за Урала на Ямал наезжают большеземельские самоеды. «Вот где плуты: головорезы!». Они грабят оленей почти открыто и, кроме того, часто выигрывают попавшие в зауральский суд грабительские дела. Наши, ямальцы, не остаются в долгу. И разбойные дела тундры процветают: там — далекий край, концы которого теряются во льдах холодного океана. И будут процветать, пока он не сделается доступнее. А это совершается. Я знаю, что Архип только и желает, как бы «кочевать» где-либо в тундре по примеру других таких же Архипов, а они знают свое дело.

Я жил у Архипа на рыболовном песке. Лову не стало. Тут сказалась его натура. Они кинулись в сора, и здесь, когда подымалась погода и неводить, по мнению остяков, было невозможно, они выезжали. «Зальет» — решали про них, а они возвращались с полным грузом моксуна.

Сейчас Архип за Обью, в Урале, где подошли олени стада и идет забой телят. Но как только станет Обь, он примчится на быстрой четверке, примчится, чтобы через несколько недель исчезнуть снова.

И я жду его.

Г.Д.С.

1915, 5 октября

(Сибирский листок. 1915. 20 нояб.)

В.А. Баталин

Новые материалы

В одиннадцатом выпуске «Подорожника» под заголовком «Тернистый путь отца Всеволода» была дана сводка материалов к биографии незаурядного человека — уроженца Сургута архимандрита Всеволода (Владимира Алексеевича Баталина). За минувший год посчастливилось отыскать кое-какие новые материалы и, прежде всего, некролог «Вечная память почившим» во втором номере «Журнала Московской патриархии» за 1979 год. Этот текст был найден не без труда: нужного номера почему-то не оказалось в церковных библиотеках Тюмени и Тобольска, копия была сделана в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

Далее в Сургутском городском архиве отыскиались документы, свидетельствующие о том, что в 1921–1922 гг. Владимир Алексеевич после выхода из Тобольской духовной семинарии жил в Сургуте, преподавал в школе для взрослых¹.

В феврале этого года выпала возможность побывать в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинском Доме), куда вдова петербургского библиофила М.С. Лесмана Н.Г. Князева передала его коллекцию рукописей. В составе коллекции — несколько автографов В.А. Баталина, но познакомиться с ними тогда не удалось, так как документы поступили недавно и проходили стадию обработки. Однако было уже известно, что один из них — воспоминания В.А. Баталина о профессоре-антропологе В.В. Передольском — войдет в готовящийся к изданию выпуск «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома». Публикатор документа Н.Г. Князева согласилась на воспроизведение его в «Подорожнике» после выхода в свет «Ежегодни-

¹ Сургутский городской архив. Ф. 169. Оп. 1. Д. 13. Лл. 6, 118–121.

ка». В конце октября копии девяти его страниц были присланы сотрудницей Пушкинского Дома Е.М. Аксененко, за что редакция приносит ей глубокую благодарность.

Как некролог, так и воспоминания В.А. Баталина о В.В. Передольском и предисловие к ним Н.Г. Князевой многое прибавляют к тому, что нам уже известно о Баталине и круге его общения в Ленинграде, и открывают новые возможности для поиска.

Вечная память почившим

Архимандрит Всеволод (в миру Владимир Алексеевич Баталин), заштатный клирик Симферопольской епархии, скончался 30 апреля 1978 года на 75-м году жизни.

Родился он в 1903 году в г. Сургуте Тюменской области (бывшей Тобольской губернии) в семье крестьянина-бедняка. По окончании 2-классного приходского училища учился в Тобольской духовной семинарии, затем был учителем начальной школы. В 1924 году окончил рабфак в г. Омске, три года учился в Пермском университете на медицинском факультете, а в 1930 году окончил славянское отделение историко-филологического факультета Ленинградского университета и находился на преподавательской работе.

В 1952 году поступил послушником в Псково-Печорский монастырь, в том же году был рукоположен в иеродиакона, а в 1953 году — во иеромонаха епископом Гавриилом (Абалымовым, ум. 1958), находившимся в этом монастыре на покое.

В 1955–1956 гг. был настоятелем Свято-Троицкого кафедрального собора в г. Пскове, затем состоял в клире Ставропольской епархии и в 1959–1963 гг. был секретарем епархиального управления. С 1964 года был настоятелем кладбищенского храма в г. Астрахани, с 1967-го — секретарем Челябинского епархиального управления и благочинным храмов епархии. С января 1972 года вышел за штат по болезни и проживал в Ялте. Он неукоснительно посещал местный храм и участвовал в богослужениях.

Архимандрит Всеволод сподобился кончины в день праздника Святой Пасхи: он принимал участие в богослужениях пасхальной ночи, служил пасхальную вечерню в первый день праздника, христосовался с многочисленными богомольцами и дома поздним вечером тихо отошел ко Господу.

Отпевание отца Всеволода в среду Светлой седмицы, по благословению архиепископа Симферопольского и Крымского Леонтия возглавил настоятель собора протоиерей Николай Дзичковский. Множество прихожан пришли проститься со своим духовным отцом. В надгробном слове настоятель собора отметил кротость, смирение отца Всеволода, его любовь ко храму, к богослужению и верующим, ревность в окормлении чад духовных. По прочтении разрешительной молитвы иеромонах Глеб (Савин), клирик Ворошиловградской епархии, произнес надгробное слово о своем духовном отце.

При пении пасхальных ирмосов гроб с телом архимандрита Всеволода был предан земле на кладбище г. Ялты.

(Журнал Московской патриархии. — 1979. — № 2. — С. 30).

В.А. Баталин (архимандрит о. Всеволод)¹ о Владимире Васильевиче Передольском

(Публикация Н.Г. Князевой)

Передо мною фотография благообразного старика в духовном облачении, окруженного, видимо, надлежащими его сану предметами культуры. Сухие, сморщенные пальцы придерживают страницы богослужебной книги. Голова повернута ко мне, лицо сурово, губы сжаты.

Это архимандрит о. Всеволод, в миру Владимир Алексеевич Баталин, хороший знакомый, скорее, друг моего мужа, Моисея Семеновича Лесмана, ленинградского музыканта, известного библиофила². Отец Всеволод, для нас Владимир Алексеевич, поражал меня, далекую, как все наше безбожное советское поколение, от официальной религии (хотя прадед мой был служителем православной церкви, и фотография его стоит у меня на бюро), своей удивительной мягкостью, добротой и терпимостью. Бывая в нашем доме, он никогда не говорил о делах церковных, в нем не было никакой «елейности», хотя, мы знали, был он человеком глубоко верующим. Беседы В.А. Баталина и М.С. Лесмана всегда касались литературы, особенно поэзии. И в этом Владимир Алексеевич проявлял себя большим знатоком и ценителем. Блок, Ахматова, Клюев — имена эти были постоянно у него на устах. Мне кажется, что Владимир Алексеевич знал наизусть все стихи Серебряного века, ими была оснащена его устная и письменная речь. Такой постоянный лирико-филологический настрой говорил о полученном скорее светском, нежели церковном образовании. И действительно, как о том свиде-

¹ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. — СПб., 2010. — 696 с.

² Лесман Моисей Семенович (1902–1985) — пианист-концертмейстер; собиратель книг и рукописей (русская литература XVIII—начала XX вв.). О нем см.:

тельствует приведенная ниже биографическая справка¹, Владимир Алексеевич закончил славянское отделение историко-филологического факультета Ленинградского университета. Это было в 1930 г., а в 1952 г. он «поступил послушником в Псково-Печорский монастырь». В источнике, из которого взяты эти сведения, видимо, не отражено то, что в сентябре 1933 г. (об этом пишет сам Владимир Алексеевич в своих воспоминаниях) он был арестован и отправлен в один из дальневосточных лагерей (Дальлаг), где и отсидел 16 лет.

В.А. Баталин познакомился с М.С. Лесманом в конце 50-х – начале 60-х гг., и дружба их продолжалась до самой смерти Владимира Алексеевича в 1978 г.

В годы своего учения в университете Владимир Алексеевич часто встречался с поэтом Н. Клюевым. Узнав об этом, М.С. Лесман попросил его написать все, что он помнит об этих встречах, как всегда он это делал, уговаривая своих знакомых записать все, что они помнили о

Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989; Князева Н. 1) Рядом с веком // Невский библиофил. СПб., 1998. Вып. 3. С. 84–98; 2) «Звук шагов тех, которых нету...». Моисей Семенович Лесман, человек и библиофил // Библиофилы России. М., 2006. Т. 3. С. 180–219.

¹ Баталин Владимир Алексеевич (архимандрит о. Всеволод, 1903–1978) родился в г. Сургуте Тюменской обл. (быв. Тобольской губернии) в семье крестьянина-бедняка. После окончания двухклассного приходского училища учился в Тобольской духовной семинарии, затем был учителем начальной школы. В 1924 г. окончил рабфак в г. Омске, три года учился в Пермском университете на медицинском факультете, а в 1930 г. окончил славянское отделение историко-филологического факультета Ленинградского университета и находился на преподавательской работе. В 1952 г. поступил послушником в Псково-Печорский монастырь, в том же году был рукоположен во иеродиакона, в 1953 г. — во иеромонаха. В 1955–1956 гг. был настоятелем Троицкого собора в Пскове, затем — в клире Ставропольской епархии (с 1959 по 1963 г. — секретарем епархиального управления). С 1964 был настоятелем кладбищенского храма в г. Астрахани. С 1967 г. — секретарем Челябинского епархиального управления и благочинным храмов епархии. С января 1972 г. вышел за штат по болезни и проживал в Ялте. Архимандрит Всеволод скончался в день Пасхи — 30 апреля 1978 г. Он принимал участие в богослужении пасхальной ночи, христосовался с прихожанами, а дома поздним вечером в первый день пасхальной недели отошел ко Господу. (Сведения эти предоставлены С.С. Бычковым, за что выражаю ему сердечную признательность).

встречах с людьми замечательными или просто интересными. Так в собрании появились воспоминания о Н. Клюеве, О. Мандельштаме, Д. Хармсе и др. (ныне РО ИРЛИ. Ф. 840. Собр. М.С. Лесмана). Написал Владимир Алексеевич, также по просьбе Моисея Семеновича, и о своем университетском учителе, профессоре антропологии, замечательном собирателе и создателе (вместе со своим отцом) частного Музея русских древностей в Новгороде Владимире Васильевиче Передольском¹. Все герои воспоминаний В.А. Баталина разделили участь миллионов своих замученных соотечественников.

На моей памяти Владимир Алексеевич Баталин никогда не имел своего жилья, служил в разных приходах страны, был очень тяжело болен (астма), но в своих письмах к М.С. Лесману не жаловался на невзгоды и благодарил Бога за подаренные ему дни. В одном из писем (1976 г., Ялта) есть такие строчки:

«...О, конечно же, надо писать. Ведь ни о чем, действительно, не рассказано и не написано, а уже «Горизонт в огне и ясен нестерпимо!»² и там Владимир Алексеевич «закат, закат». Я по-хорошему

¹ Передольский Владимир Васильевич (1869–1936) — антрополог и этнограф. Родился в семье известного новгородского краеведа, основателя НОЛД (Новгородское общество любителей древностей) и Музея древностей В.С. Передольского. По окончании отделения естественных наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета в 1896 г. продолжил образование по кафедрам анатомии и антропологии с этнографией и географией. Преподавал в С.-Петербургском университете. До революции состоял в должности директора гимназии Русского собрания. С 1918 г. — профессор кафедры антропологии и этнографии эстонского сектора Петроградского коммунистического университета. В 1921 г. Московским государственным научным советом утвержден в звании профессора антропологии Новгородского института Отдела народного образования. Издал свыше 40 научных работ на русском, французском и немецком языках, в том числе книги: «На заре человечества», «Иностранцы Сибири», «Антропология, наука о человеке», «По Енисею». Неоднократно подвергался репрессиям и арестам. В 1934 г. арестован как «враг народа» и выслан в Дальлаг, где и скончался. (Статья обнаружена в 2005 г. в архиве библиотеки университета г. Марбурга. Автор — А. Передольская).

² Неполная строка из «Стихов о Прекрасной Даме» А. Блока: «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо, — / Все в облике одном предчувствую Тебя. / Весь горизонт в огне — и яснее нестерпимо, / И молча жду, — тоскуя и любя» (1901).

взволновался, дорогой Моисей Семенович, получив Ваше доброе письмо, даже ночью не спалось: «Вобла воображения»¹ и воспоминаний теснилась в сердце и в голове. И сегодня встал с решимостью: спешить, спешить что-то начать и сделать...». Далее Владимир Алексеевич рассказывает эпизод, который запечатлелся в его памяти на всю жизнь. Однажды в колымском лагере зимней ночью в землянке, заметенной снегом, обреченный, казалось, на неминуемую смерть, он, подметая пол, нашел листок из какого-то журнала с отрывками из поэмы А. Ахматовой «Реквием»... О многом собирался он написать. Но жить Владимиру Алексеевичу оставалось уже недолго. Он скончался в пасхальную ночь 1978 г. от приступа сердечной астмы.

Возможно, что некоторые даты и детали жизни В.В. Передольского в изложении В.А. Баталина не всегда совпадают с официальными документами, которые сейчас появляются в разных информационных источниках, ведь воспоминания написаны много лет спустя после описываемых событий, но, в целом, они добавляют живые штрихи к картине истории России тех лет.

¹ «...и тихо барахтается в тине сердца глупая вобла воображения...» (В. Маяковский. Облако в штанах. 1915).

Писать-вспоминать о моем дорогом учителе, дарившем меня даже своим доверием и дружбой, — для меня большая радость.

Впервые я увидел его на кафедре в 9-й аудитории Ленинградского университета, где он читал факультативный курс «Антропология» в 1927/28 учебном году. Седой высокий старик (ему было тогда 63 года), в поддевке, сапогах, красивая седая борода, по-крестьянски подстриженные волосы. Так же ходили тогда А.А. Ухтомский (впоследствии академик)¹, поэт Н.А. Клюев². Более утонченно, но так же с длинной бородой и усами и длинными волосами «носили себя» проф. Кареев (историк)³, акад. А.П. Карпинский⁴ и ряд других. Но помню, что у Н. Клюева — при его непосредственной «крестьянскости» — было это в значительной степени позой, а у природного дворянина Передольского (по его словам, потомка древнего новгородского воеводы «Передоли») этот внешний вид простого (хотя уже для воспоминаемых лет и анахронизма) русского человека был очень ограничен.

Лекции его привлекали глубокой самостоятельностью суждений, своеобразным колоритом несколько старинной русской речи. Множество живых примеров — случаев из его собственной, богатой впечатлениями и приключениями жизни исследователя-путешественника — делали его лекции очень интересными. Посещаемость их могла бы сравниться, по моему, только с колоссальным интересом к лекциям проф. Е.В. Тарле⁵ (в той же 9-й самой обширной аудитории университета). Но читать лек-

¹ Ухтомский Алексей Алексеевич (1875–1942) — физиолог, академик АН СССР (1935). Умер в блокадном Ленинграде.

² Клюев Николай Алексеевич (1884–1937) — русский поэт. Арестован в 1934 г. Расстрелян в 1937 г. по приговору «тройки» НКВД Новосибирской обл.

³ Кареев Николай Иванович (1850–1931) — историк, членкор. Российской АН, членкор. Петербургской АН, почетный член АН СССР (1929). Автор трудов по истории Франции второй половины XVIII в., истории Великой французской революции, новой истории Западной Европы.

⁴ Карпинский Александр Петрович (1846–1936) — геолог, основатель русской геологической научной школы; академик АН СССР, первый выборный президент РАН (1917–1925); президент АН СССР (с 1925 г.).

⁵ Тарле Евгений Викторович (1875–1955) — историк, академик АН СССР (1927). Основные труды по истории Франции, Великой французской революции, о наполеоновских войсках.

ции ему пришлось, к сожалению, кажется, только два учебных года. Уже в 1929–1930 гг. курс антропологии был исключен из учебных планов университета. Сам профессор остался почти безработным, имея только несколько недельных уроков естествознания в одной из средних школ Васильевского острова. Вот тогда-то, в 1930 году, я и познакомился близко с Владимиром Васильевичем. Он жил на 16-й линии Васильевского острова (кажется, в доме № 43?), в университетском доме, в маленькой комнате нижнего этажа. Вверху над ним жил А.А. Ухтомский, и — помню — Владимир Васильевич частенько ворчал, жалуясь на верхнего жильца: «Опять, видно, у Ал. Ал. сегодня память кому-то из родителей: всю ночь бил земные поклоны, а ведь он тяжелый дядя — мой потолок весь содрогается, когда он бьет поклоны». А.А. Ухтомский был «старовер» и «правил» свой быт по обычаям «древлего благочестия». Но при встречах оба профессора дружески друг друга обнимали, лбызались по древнему обычаю и ласково друг над другом подтрунивали.

Передольский: «Опять, отче, поклоны ночью бил?».

Ухтомский: «А ты, чаю, своего обезьяньего человека всю ночь придумывал? Помешал? А?». Владимир Васильевич в это время писал популярную книгу для издательства П. Сойкина¹ «Первобытный человек».

Комната Владимира Васильевича была, собственно, беспорядочным музеем, где древние иконы соседствовали с глиняными идолами, классическими скульптурами, крестьянскими зипунами, древними полотнами и пр. Хозяин — крупный костистый человек — непостижимо «лавировал» в этом хаосе, который нарастал с каждым четвергом (только по четвергам тогда «работал» толкучий рынок в Чубаровом переулке², где непременно «искателем жемчуга» был проф. Передольский). На Чубаровом рынке Владимир Васильевич оставлял обычно почти всю маленькую зарплату, а сам возвращался счастливый, возбужденный каким-либо, по его словам, «поразительным» приобретением. Так однажды он принес потускневшее от времени, прорванное в нескольких

¹ Сойкин Петр Петрович (1862–1938) — русский издатель, в том числе журналов: «Природа и люди», «Мир приключений», «Знание для всех» и др.; собраний сочинений писателей. Основатель петербургского издательства (1885–1930), в котором вышла кн. В.В. Передольского «Наука о человеке» (Л., 1925).

² Чубаров переулок — ныне Транспортный переулок в Петербурге.

местах живописное полотно, натянутое на подрамник. Не то икона, не то — светская картина. Профессор, зорко вглядываясь в полотно, заранее предсказал: «Боюсь подумать — итальянский ренессанс!? Что-нибудь из Великих Стариков..». И какова же была его радость, когда через неделю он, сияя, нам сообщил: «Корреджио...¹ Подлинный. Сегодня был на экспертизе у Вальдгауэра² в Эрмитаже. Все убеждены». На нас смотрела со стены — промытая, «подлатанная» прекрасная Мадонна... Корреджио. Где-то она сейчас?

Хранились в этой комнате на 16-й линии и русские древности: грамота именная какому-то новгородскому воеводе (не помню имени) царя Феодора с подлинной царской подвесной печатью и множество новгородских «рублей» (кусков «рубленного» на доли серебра), и новгородских гривен, и прочего всякого добра. Тут же старинный ларец из черного лака, в котором бережно хранились подвенечная фата, засохший букет белых роз и венчальные свечи рано умершей матери профессора — Александры (отчества ее не помню); серебряные кувшин и поднос (александровского времени) — также предвенчальные сувениры его покойной матери.

Наиболее ценные (и исторически, и по семейным воспоминаниям) вещи из новгородского личного музея Передольских профессор в 30-х гг. перевез уже в эту комнатку, так как предвидел неизбежность отчуждения всего новгородского музея в государственную собственность.

Музей — говорил профессор — основан личными трудами и средствами его отца — адвоката Василия Степановича Передольского, убежденного прогрессивного защитника на нескольких политических процессах в Петербурге 70–80-х гг., сосланного «по месту жительства» в родной Новгород, где он и закончил свою жизнь уже после 1905 года, продолжая служить по юридическому ведомству, и где он на свои скромные средства начал создавать Музей новгородских древностей, пополняя их результатами на свои личные средства организованных первых археологических раскопок на территории Великого Новгорода. Когда подрос единственный сын Владимир, окончивший курс С.-Петербург-

¹ Корреджио, Корреджо (Correggio, собственно Allegri) Антонио (ок. 1489–1534) — итальянский живописец, представитель Высокого Возрождения.

² Вальдгауэр Оскар Фердинандович (1883–1935) — историк античного искусства. С 1903 г. работал в Эрмитаже.

ского университета и совершенствовавшийся по кафедре проф. Лесгафта¹, то музей стал быстрее пополняться трудами обоих Передольских. Владимир Васильевич в ранней молодости много путешествовал в поисках антропологических находок главным образом по р. Енисею. В одну из поездок он посетил художника Сурикова², жившего тогда в родном Красноярске и писавшего «Покорение Сибири». Молодой ученый понравился Сурикову, и тот тут же упросил его пробыть у него с недельку, чтобы заново «под него» переписать одного из видных персонажей картины. И в 30-х годах, когда мы с Владимиром Васильевичем частенько бывали в Русском музее, он нередко останавливался со своими «экскурсантами» (обычно это были мы, немногие студенты университета и его ученики-школьники) перед картиной и спрашивал: «Здесь есть ваш знакомый. Угадайте!». Мы, помню, без труда узнавали в молодом красивом рыжеватом ушкуйнике³, вполоборота засмотревшемся на кишмя-кишащую массу остяков-аборигенов — нашего, тогда уже седого, в морщинах, но все такого же отважного новгородца Владимира «Передолю». «Мне бы с ним, с Передольским и с другими, неподдельно русскими, а я с ними. Противно», — так писал о нем В.В. Розанов в «Уединенном»⁴.

¹ Лесгафт Петр Францевич (1837–1909) — русский педагог, анатом и врач. Основоположник научной системы физического воспитания и врачебно-педагогического контроля в физической культуре в России.

² Суриков Василий Иванович (1848–1916) — русский живописец, автор исторических полотен «Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Березове», «Боярыня Морозова», «Покорение Сибири Ермаком».

³ Ушкуйник (от др.-рус. «ушкуй» — речное судно с парусом и веслами) — в Новгородской земле XIV–XV вв. участник вооруженной дружины, совершающей набеги и промысляющей на ушкуях (по В. Далю — «речной разбойник»).

⁴ Цитируемая по памяти, искаженная цитата из В.В. Розанова: «...Безумие моя прежняя жизнь; недаром “друг” так сопротивлялась сближению с декадентами. Пустые люди, без значения, ненужные России. “Слава литераторов да веет над нами”. Пусть некоторые и талантливые, да это все равно. Все равно с точки зрения Костромы, Ельца, конкретного, жизненного. Мое дело было быть с Передольским, Титовым, Максимовым (“Куль хлеба”); вот люди, вот русские. А “стишки” пройдут, даже раньше, чем истлеет бумага» (14 дек. 1911 г.); (цит. по: «Розанов В.В. Уединенное. Избранное. — Германия. — 1970. — С. 77–80. «Друг» — вторая жена В.В. Розанова Варвара Дмитриевна Бутягина, урож. Руднева).

В. А. Баталин о Владимире Васильевиче Передольском

К моменту революции 1917 г. музей уже переполнен был буквально различными униками — главным образом, русско-историческими. В первые же годы Октябрьской революции городские власти Новгорода хотели, пользуясь персональным отсутствием хозяина музея — В. В. Передольского, жившего тогда в Петербурге, механически его экспроприровать без ведома владельца. Владимир Васильевич был по этому поводу в Смольном у В. И. Ленина и получил за его подписью охранную грамоту для музея, ограждавшую его неприкосновенность как созданного исключительно личными трудами и энергией двух русских интеллигентов-тружеников. Владимир Васильевич и имел в виду — по завершении им самим трудоемких работ по систематизации материалов, поступивших в послереволюционные годы, и влив туда и то, что им было приобретено и хранилось в ленинградской комнатке, — все это передать «по-хорошему» в вечное владение Великого Новгорода. Но события и люди опередили его благородные намерения: в 1933 году Владимир Васильевич (в возрасте, близком к 70-ти) был арестован, водворен в Дальлаг на Аскольдов остров, где он, вероятно, и скончался, выполняя обязанности — как он писал своей крестной — тетке Кашевской Наталии Константиновне, жившей тогда еще в Ленинграде — «сторожа оленьего поголовья». Мне совершенно не известно, что стало с бесценными коллекциями новгородского личного музея Передольских. А равно ничего не знаю и о судьбе уже основательной и многоценной коллекции, собранной профессором в комнатке на Васильевском острове. Могу свидетельствовать только одно, что в сентябре 1933 — за несколько дней до моего неожиданного ареста — как-то вечером Владимир Васильевич зашел ко мне в мою комнату в Зоологическом пер., 3, кв. 19 и, взволнованный, побледневший, сказал мне, что вчера его (уже в который раз!) вызывали на Шпалерную¹, требуют немедленно передать его музей в городской фонд Новгорода (ленинскую охранную грамоту назвали «липой, которой надо... подтереть»); и «инкриминируют мне, — сказал профессор, — какую-то несусветную политическую чепуху в виде “буржуазно-профессорского заговора”, что я плюнул только и слушать не стал». Он просил меня — если я не боюсь за себя — принять

¹ На ул. Шпалерной, д. 25 в Ленинграде находился дом предварительного заключения ВЧК НКВД, где содержались политические заключенные до вынесения им приговора.

на сохранение («а если я умру там, то это Вам — в мою память», — сказал профессор) заветные сувениры его покойной матери (о них см. выше) и драгоценнейший, но, к сожалению, им еще даже и не разобранный аракчеевский архив из Грузина¹. Помню, тут же профессор, улыбаясь, прибавил: «Вот Вам случай, Владимир Алексеевич, покопаться в нем и написать хороший исторический роман об Аракчеве...². Вы сами увидите, какой это был “ёмкий”, интересный человек, совершенно искаженный тенденциозными историками». На другой вечер он привез ко мне все вышеуказанное, посидел у меня с часок (он очень любил крепкий чай, и мы — друзья его — всегда ему старались чайком угостить), и мы расстались навсегда... Прощаясь (конечно, оба мы и думать не могли, что навсегда), он вынул из бокового кармана своей поддевки массивные золотые часы «луковицей» и, передавая мне, сказал: «А это Вам уже сейчас на память. Это часы моего деда, павловских времен». Я, помню, крайне смутился, не умея выразить свою признательность дорогому человеку... Так и проводил его, не находя нужных слов, через темное «ущелье» нашего двойного двора до трамвая. Вскоре я был арестован. Длительно сидя под следствием, я, не имея почти никакого личного имущества (кроме порядочной библиотеки — дара бывшей хозяйки нашей коммунальной квартиры, жены покойного известного зоолога В. Шимкевича³), очень горевал и беспокоился о ценностях, переданных мне Владимиром Васильевичем на сохранение... Года через два только, будучи в ИТЛ⁴ на Дальнем Востоке, я вдруг получаю письмо от милейшей старушки — крестной и тетки Владимира Васильевича Наталии Константиновны Кашцевской. В ее письме было и письмо, написанное характерным крупным почерком Владимира Васильевича. В нем он писал своей тетке: «Сходи, Крестная, на бывшую квартиру Владимира Алексеевича (мою) и узнай, где теперь Владимир Алексеевич, и не известна ли им (его бывшим соседям) судьба моих вещей, отданных на сохранение Владимиру Алексеевичу. Если эти вещи сохранились —

¹ Грузино — имение графа Аракчеева в Новгородской губернии.

² Аракчев Алексей Андреевич (1769–1834) — граф, русский гос. деятель. С 1808 г. военный министр. Организатор военных поселений.

³ Шимкевич Владимир Михайлович (1858–1923) — русский зоолог, академик РАН (1920).

⁴ ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь.

попроси их и перевези к себе. А мне обязательно напиши адрес бедного Владимира Алексеевича, милейшего и честнейшего человека...». Дальше он писал ей о своей новой карьере «сторожа оленьего стада». Я, помню, сразу же ответил Наталье Константиновне, что никто мне — несмотря на мои многократные запросы — не отвечает с бывшей квартиры о том, что стало с моей библиотекой и вещами, и что вещи Владимира Васильевича меня особенно беспокоят. Тут же я написал и самому Владимиру Васильевичу, сколько можно утешая его и себя надеждами, что все это пройдет, «как сон, как утренний туман», и мы непременно еще увидимся. Но прошли еще многие годы. Я оставался в лагере уже на Колыме, а Владимир Васильевич, вероятно, недолге и скончался там на Аскольдовом острове. А может быть, он и освободился и умер где-нибудь на «Большой земле» (так мы, колымчане и дальстроевцы, величали нашу оставленную Россию). Как бы мне хотелось об этом знать!

В 1949 году как-то, просматривая, кажется, «Литературную газету» (а может быть, и другую центральную газету), я с волнением прочел: «Публичная библиотека в г. Ленинграде приобрела редчайший уникам — грузинский архив Аракчеева, о существовании которого знали историки, но не знали места его нахождения». Весь ли был тогда приобретен этот архив (у меня хранилось 10 объемистых фолиантов в кожаных переплетах) или только часть его? Кто его представил в Публичную библиотеку? Какой он путь проделал и через кого? — от моей комнаты до библиотеки за 16 лет (с 1933 по 1949 г.)?¹ все это очень интересно было бы знать. А что стало с семейными реликвиями Передольских? А где «павловские» часы из семейной коллекции этого исторического рода Передольских? Все это интересно. Но обо всем этом мне уже никогда и не узнать, так как и сам я сейчас в том возрасте, в каком я встретил в 1927 году дорогого Владимира Васильевича Передольского. Вечная ему память и Царство Небесное!

Для внимания близких родственников Владимира Васильевича должен сказать, что жил он в те годы моего с ним знакомства (1927–1933) очень одиноко и неуютно. Питался скудно: жареная треска из ближайшего продмага, отваренный картофель, крепкий чай. Это — пос-

¹ Об одном из «странствий» части архива Аракчеева см. беллетризованный рассказ Ю. Алянского «Злополучный архив» в его кн. «А.Б.В.» меняет маску» (М.: Книга, 1980. — С. 29–55).

ле целодневных хождений сначала на уроки в школу, затем (очень часто) в музеи со своими учениками, а потом и в «поисках жемчуга» — музейных уникалов, тогда разбросанных по рынкам и захолустным конурам бывших швейцаров, лакеев вельможных особняков и квартир. Только по субботам, помню, он, вернувшийся из бани, раскрасневшийся, успокоившийся от недельных трудов, «принимал» нас в своей «музей-квартире»: Севу и Костю — старшекласников своей школы (откуда-то я позднее узнал, что оба юноши погибли в лагерях, взятые по «одному делу» с Передольским. А откуда узнал — не помню), низкорослую девушку Леночку (тоже бывшую ученицу его по средней школе, а тогда уже студентку биофака ЛГУ и поэтому восторженную поклонницу двух кумиров одновременно: прежнего — Владимира Васильевича и нового — А.А. Ухтомского), студентку ЛГУ ЯМФАКа¹ Клавдию Васильевну Коновалову (впоследствии известную общественную деятельницу и организатора литературной жизни на Урале — К.В. Рождественскую (по мужу), теперь уже покойную) и меня, ее коллегу и друга. По субботам бывали «пиршества». Я посылался профессором в ближайший продмаг «закупить» провизию: глиняную амфору (со строгими наказами: «не разбить!») наполнить кисловатым разливным кагором, купить фунта три (тогда еще не привыкли к «кило») колбасы «собачья радость» (без жиринки, но очень сочная — и тогда — вкусная-превкусная), жареных миног, а для дам — счетом — пирожных. Все это с большим энтузиазмом поглощалось под интереснейшие рассказы-воспоминания милого нашего Владимира Васильевича. Расходились обычно часа в два ночи и потом ждали свода мостов, обсуждая слышанное и виденное (из новых приобретений с Чубарова рынка). Клавдия всегда настойчиво требовала: «Ребята, кому-то из нас надо научиться стенографии и все это, все записать, что он рассказывает и что помнит... Ведь этого нигде не прочтем... А сам он! Ведь это же замечательный, неповторимый... Как нам не стыдно просто сидеть и слушать его, ничего не закрепив в памяти!». Тогда мне казалось, что все, что я слышу и вижу у него, я навсегда и запомню. Увы! Почти все это стерлось временем. Запомнилось общее: красивый седой старик. Гордая независимость в суждениях. Благородство и щепетильная честность. Кстати, вспомнил: за

¹ ЯМФАК ЛГУ — факультет языка и материальной культуры при Ленинградском государственном университете. Упразднен в 1930 г.

В.А. Баталин о Владимире Васильевиче Передольском

вышеназванную картину Корреджио Владимир Васильевич дал на Чубаровом рынке молочнице, покрывавшей картиной молоко, 70 коп. Узнав вскоре, что это — шедевр, он несколько четвергов подряд искал на Чубаровом эту женщину, чтобы отдать ей хотя бы свою месячную зарплату, но так и не встретил ее там и очень этим огорчился. А за мраморный бюст работы Витали¹ он, удостоверившись в подлинности его автора, снова ходил на квартиру бедной вдовы-чиновницы, чтобы «доплатить» ей, по его мнению, причитающееся.

Из интимных бесед с ним я помню только единственную. Весной (это было, вероятно, уже в 1933, последнем нашем году) я зашел к нему в надежде встретить там «мою девушку» Клавдию. Но ее там не оказалось. Владимир Васильевич был как-то необычно «лирически» настроен. Глядя на цветущую сирень через распахнутое настежь окно, он, зорко ко мне приглядевшись, сказал: «Хорошо Вам, Владимир Алексе-евич. Молодость — все впереди! Дорожите этим — не вернется. Вы, я думаю, любите Клавушку, а она Вас. Берегите любовь». И, подумав, сказал: «А я вот не сберег... В Новгороде у меня жена, дети. А я вот один, бобылем. Невеселое это дело...». И, как бы встряхнувшись от невеселых дум, сказал: «Сирень-то нынче разбушевалась. Так, бывало, у нас в Новгороде — перед моим окном».

23.XI-1966, г. Астрахань

¹ Витали Иван Петрович (1794–1855) — русский скульптор, представитель классицизма. Автор, в частности, одного из скульптурных портретов А.С. Пушкина.

Содержание альманаха «Подорожник»

Выпуск 7–12

Экология

Штуден, Л. Экология и сознание. — 2007. — Вып. 7. — С. 190–196.
Об этических проблемах отношения человека к природе.

Васильев, В. В. Кондо-Сосвинский заповедник. — 2009. — Вып. 10. — С. 63–97.

Сведения об охотничьих ресурсах лесной зоны Тобольского округа и предложения по организации охоты и охраны животных в Кондо-Сосвинском заповеднике в 1920-е годы.

Новиков, В. П. Опережая время. — 2009. — Вып. 10. — С. 98–106.
О работе В.В. Васильева, опубликованной в «Подорожнике».

Краеведение

Белобородов, В. Самаровская паромная пристань. — 2007. — Вып. 7. — С. 28–36.

О значении пристани в XIX—начале XX в. и ее местонахождении.

Белобородов, В. Пленные в Самарово. — 2007. — Вып. 7. — С. 37–38.

О факте пребывания в 1915 г. военнопленных немцев и венгров в с. Самарово и заготовке ими валунов для мощения тракта в г. Тобольске.

Мандрика, Ю. Сибирский Березов на европейский взгляд. — 2007. — Вып. 7. — С. 183–186.

О ссыльной полячке Еве Фелинской и ее дневнике, который она писала, будучи в березовской ссылке в 1839–1841 гг.

Пуртова, Т. 15 лет с краеведческой книгой. — 2007. — Вып. 7. — С. 81–84.

Об истории краеведческого отдела Государственной библиотеки Югры.

Содержание альманаха «Подорожник». Выпуск 7–12

Струсь, В. Мы с тобой одной крови.... — 2007. — Вып. 7. — С. 197–201.

Краеведческое расследование по установлению имени автора «Дневника новобранца», опубликованного в альманахе «Подорожник» за 2003 г. Вып. 2, 3.

Пьянков, К. С. Как мы оказались в Ландиной. — 2007. — Вып. 8. — С. 93–95.

Рассказ по детским впечатлениям о переезде семьи из Тобольского в Кондинский район.

Кузнецов, К. И. Записки самаровского крестьянина. — 2008. — Вып. 9. — С. 122–126.

Записки о жизни села конца XIX — начала XX в.

Исаева, Т. Одного лоскутка земли разные люди. — 2008. — Вып. 9. — С. 127–131.

О взаимовлиянии хантыйской и русской культур в Сургутском Приобье.

Михайленко, А. Березовские казначеи. — 2009. — Вып. 11. — С. 36–40.
Уездное казначейство в XIX — начале XX в.

Драгоценная паутина. — 2009. — Вып. 11. — С. 194–197.

О краеведческом открытии причастности выдающегося лингвиста С.И. Карцевского к истории Кондинского района.

Кондакова, Г. К. Когда уходят домовые. — 2009. — Вып. 11. — С. 268–272.

Охрана памятников истории в Тобольске.

К участникам третьих чтений. — 2010. — Вып. 12. — С. 47–49.

Перспективы изучения биографии Х.М. Лопарева.

Геология. Геофизика

Академик из Березово : рассказы геофизиков / зап. Е. Шмелева. — 2008. — Вып. 9. — С. 47–68.

Воспоминания геофизиков об академике С. В. Гольдине и работе Березовской экспедиции в 1960-е гг.

Патранова, В. Геолог-большевик. — 2009. — Вып. 10. — С. 35–37.

О геологе Б.В. Дидковском, исследовавшем Урал в 1920–1930-е годы.

История. Археология

В русле национальной политики. — 2007. — Вып. 7. — С. 204–208. — Содерж.: Березовские курсы туземного актива; Кадесников, А. Новые люди в тайге.

О подготовке кадров в Березовской школе туземного актива в 1930-е годы.

Титов, А. Мои воспоминания о северном крае Тобольской губернии. — 2007. — Вып. 8. — С. 3–21.

Автор — чиновник, служивший в 1873 г. в Кондинском участке Березовского округа.

П-ровский, Н. Из Березова: к 415-летию Березова. — 2007. — Вып. 8. — С. 22–47.

Факты из жизни г. Березова в корреспонденциях газеты «Тобольские губернские ведомости» за 1865 и 1866 гг.

Белобородов, В. Круги на воде. — 2007. — Вып. 8. — С. 54–61.

О побеге Л.Д. Троицкого из Березова и о том, как побег отразился на судьбе уездного исправника И.В. Евсева.

Юрьев, Д. Описание города Березова. — 2008. — Вып. 9. — С. 3–9.

Отрывок из труда «Топографическое описание Северного Урала, исследованного Уральскою экспедициею в 1847 и 1848 годах...»

Сибиряков, А. М. О северных путях; Новый путь на Печоре: (письмо в редакцию). — 2008. — Вып. 9. — С. 25–28.

О возможности устройства дороги через Урал между реками Печорой и Сыгвой.

Онуфриева (Шилова), Д. С. Жизнь на Севере политико-ссыльного т. Сенькина Тихона Даниловича и его партизанского отряда. — 2008. — Вып. 9. — С. 174–178.

Козлова, Ю. М. Из набросков к повести «Сенькин»: [знакомство Сенькина с городом Березовом] — 2008. — Вып. 9. — С. 178–182.

Фрагменты, не вошедшие в раннюю публикацию (Подорожник. 2005. Вып. 6).

Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму. 1763 год / публ.: Л. Завьяловой, В. Струсь. — 2009. — Вып. 10. — С. 3–34.

Белобородов, В. У истоков обдорского большевизма. — 2009. — Вып. 11. — С. 79–116.

Подборка документов из Государственного архива г. Тобольска о событиях 1917–1919 гг. в Обдорске.

Содержание альманаха «Подорожник». Выпуск 7–12

Белобородов, В. К. Неправильные крестьяне. — 2010. — Вып. 12. — С. 202–232.

Материалы двух судебных процессов из фонда ГАХМАО-Югры.

Все под контролем. — 2010. — Вып. 12. — С. 183–193.

Архивные документы, характеризующие положение на Тобольском Севере после Гражданской войны.

«Лишние люди». — 2010. — Вып. 12. — С. 168–179.

Материалы к биографиям заложников, расстрелянных в Березове во время восстания 1921 г.

Материалы 3-й ревизии по Самаровской волости / публ. Л. М. Завьяловой, В. Ф. Струся. — 2010. — Вып. 12. — С. 112–148.

От двадцать первого к тридцать седьмому. — 2010. — Вып. 12. — С. 149–151.

О содержании подборки публикаций рубрики «...нет у революции конца».

Родионов, Н. На медленном жертвенном огне. — 2010. — Вып. 12. — С. 75–111.

О судьбах членов одной крестьянской семьи, репрессированной в 1930-е гг.

Со своей колокольни. — 2010. — Вып. 12. — С. 152–167.

Воспоминания участников и очевидцев восстания 1921 г. в Сургутском уезде.

Не на ту попал. — 2010. — Вып. 12. — С. 180–182.

Частный конфликт на политической почве в г. Сургуте после окончания Гражданской войны.

Музеи. Архивы.

Мурашова, Н. История библиотеки Тобольского губернского музея (1870–1917 гг.). — 2007. — Вып. 8. — С. 81–92.

Наумова, Н. Жилплощадь для истории. — 2007. — Вып. 8. — С. 128–131.

О 70-летней истории Сургутского городского архива.

Кондакова, Г. Нужны ли Тобольску музеи? — 2008. — Вып. 9. — С. 137–142.

Зашторенные временем дома. — 2009. — Вып. 11. — С. 41–43.

Из документов фонда И-353 Тобольской строительной комиссии и строительного отделения Тобольского губернского управления за 1830–1918 гг. в фонде Государственного музея г. Тобольска.

Белобородов, В. К. Тобольский губернский музей и тобольское общество. — 2010. — Вып. 12. — С. 233–259.

История музея.

Скалозубов, Н. Л. О дальнейшем направлении деятельности Тобольского губернского музея. — 2010. — Вып. 12. — С. 260–264.

Юдель, Т. Достойно ли настоящее Тобольского музея его прошлого? — 2010. — Вып. 12. — С. 265–266.

Наука

«...и Сибирь меня не забудет». — 2007. — Вып. 8. — С. 118–127.

О выдающемся российском ученом Р.С. Ильине, который в 1930-е годы обосновал вывод о перспективности поиска нефти и газа в Западной Сибири. Письма ученого.

Культура

Из истории Березовской Пушкинской общественной библиотеки. — 2008. — Вып. 9. — С. 38–46.

Волженина, С. Библиотеки в борьбе с коррупцией: размышления о том, кто виноват и что делать библиотекам в условиях 94-го федерального закона о закупках. — 2008. — Вып. 9. — С. 132–136.

Кондакова, Г. За помощью к Жириновскому. — 2010. — Вып. 12. — С. 267–272.

Об охране культурного наследия г. Тобольска.

Торговля

Колпаковский, Г. [Обдорская ярмарка] — 2008. — Вып. 9. — С. 69–84.

Лискевич, Н. О недовольстве обдорскими торговцами в 1916 г. — 2009. — Вып. 11. — С. 51–78.

Костиков, Л. Одна из причин экономического истощения туземцев Крайнего Севера Сибири. — 2009. — Вып. 11. — С. 130–151.

Статья участника Гыданской экспедиции 1927 г. о снабжении населения Крайнего Севера продуктами питания и работе торгово-заготовительных организаций.

Сельское хозяйство

Как награда разошлась с героем. — 2009. — Вып. 11. — С. 3–20.

Архивные материалы о растениеводческих опытах священника И.Я. Тверитина и оценке его трудов.

Печать

Пуртова, Т. 15 лет югорского книгоиздания. — 2007. — Вып. 8. — С. 132–135.

Лушай, Л. «Красный туземец» : (из истории местной печати). — 2009. — Вып. 10. — С. 60–62.

О газете, которая издавалась в Сургуте в 1933 г.

Рогачева, Н. Частный краеведческий журнал: опыт жизни длиною в десять лет. — 2009. — Вып. 10. — С. 250–253.

О журнале «Лукич», его редакторе и авторах.

Константиныч. Яблоко от яблони. — 2009. — Вып. 11. — С. 245–247.

О тюменском издателе Ю. Мандрике и его краеведческом журнале «Лук & Чок».

Искусство

Сухорукова, Н. Иван Конев — художник из Ханты-Мансийска. — 2009. — Вып. 11. — С. 189–193.

Геннадий Райшев, знакомый и неожиданный : (к 75-летию художника). — 2009. — Вып. 11. — С. 263–267.

Петр Шешкин, далекий и близкий : (к 80-летию со дня рождения художника). — 2010. — Вып. 12. — С. 273–279.

Дневники. Переписка. Воспоминания

Письмо в редакцию ; Письма к родным. — 2007. — Вып. 7. — С. 7–20.

Письма Н.Л. Скалозубова.

Ларионова, М. Девочка Маша : главы из «Семейной хроники». — 2007. — Вып. 7. — С. 85–107. — Содерж.: Зима в Обдорске ; Зимняя поездка в Тобольск ; Лето на рыболовном песке ; Мариинская школа.

Корепанов, К. М. Самодельная энциклопедия / вст. сл. В. Белобородова. — 2007. — Вып. 7. — С. 108–123.

Из тетрадей для повседневных заметок.

Новицкий, В. В. Братья Новицкие. — 2007. — Вып. 7. — С. 209–216.

Письмо в редакцию о судьбах сыновей В. М. Новицкого, исследователя Тобольского Севера.

Федулов, А. Деревенская порода. — 2007. — Вып. 8. — С. 96–117.

Воспоминания о родных, о ярких страницах детства в Тундрино, Сургуте.

Митусова, Р. П. Год среди лесного народа : из путевого дневника. — 2007. — Вып. 8. — С. 142–189.

Материалы о быте аганских ханты в 1920-е годы.

Ларионов, Ф. Семейная хроника : материалы к истории культуры Западной Сибири. Отрывок. — 2008. — Вып. 9. — С. 85–121.

Штернберг, А. Я. Березов на рубеже XIX и XX веков в письмах А.Я. Штернберга. — 2008. — Вып. 9. — С. 29–34.

«...Я так привык еженедельно получать от вас письма». — 2009. — Вып. 10. — С. 107–109.

О письмах Н.Л. Скалозубова.

Письма Н.Л. Скалозубова к дочерям. — 2009. — Вып. 10. — С. 109–129.

Ларионов, Ф. Ф. Жизнь на заимке и в селе в конце XIX века : (из «Семейной хроники»). — 2009. — Вып. 10. — С. 130–196.

Ильин, И. Р. Сибирь и Коктебель. — 2009. — Вып. 10. — С. 256–267.

Письма Р.С. Ильина к М.А. Волошину со вступительной статьей.

«Ни о ком так не думается, как о тебе» / подгот. к печати Н. Сухорукова, В. Белобородов ; публ. Е. И. Пискунова. — 2009. — Вып. 11. — С. 152–188.

Письма А. Н. Голяновской к своей матери А. В. Скалозубовой.

Разлучница война. — 2010. — Вып. 12. — С. 3–46.

Письма учителя с. Покур Сургутского района А. И. Доронина 1941–1944 гг.

Языкознание

Карцевский, С. И. Халтура. — 2010. — Вып. 12. — С. 197–201.

О влиянии исторических событий начала XX века на русский язык.

Пыхтеева, А. «Свет мой, зеркальце, скажи...». — 2010. — Вып. 12. — С. 194–196.

Предисловие к статье «Халтура».

Проза. Поэзия

Тверитин, Г. Н. [Стихотворения]. — 2007. — Вып. 8. — С. 68–75.

Варламова, И. Ковшик для чистой воды : [рассказ]. — 2009. — Вып. 10. — С. 232–249.

Карцевский, С. Ямкарка : [рассказ]. — 2009. — Вып. 11. — С. 203–244.

Тверитин, Г. Н. «Поэт, сторонившийся славы» : [стихотворения]. — 2009. — Вып. 11. — С. 251–258.

Дмитриев-Садовников, Г. Плохи : (природа и люди р. Ваха) ; Архип : (тип зырянина). — 2010. — Вып. 12. — С. 286–301.

Фольклор

Исаева, Т. Тонья-богатырь : образ героя в локальной мифологии ханты. — 2007. — Вып. 7. — С. 73–80.

Религия

Цысь, В. Приходы севера Западной Сибири в конце XIX века. — 2007. — Вып. 7. — С. 39–72.

Архивные документы по истории Русской православной церкви.

Козлов, З. Описание прихода села Чемашевского Березовского уезда, составленное священником Зосимой Козловым : (отрывок). — 2007. — Вып. 8. — С. 48–53.

[Попов, П.] О ревизии церквей Березовского и Сургутского ведомства. Путевой журнал протоиерея Петра Попова. 1882 г. / подг. к публ. Н. Сухорукова. — 2009. — Вып. 10. — С. 197–227.

Персоналии

Патранова, В. Сибирский депутат в царской Госдуме. — 2007. — Вып. 7. — С. 3–6.

О Николае Лукиче Скалозубове, сибирском агрономе, депутате Государственной думы от Тобольской губернии.

Березовские знакомые Н. Л. Скалозубова / собрал В. К. Белобородов. — 2007. — Вып. 7. — С. 21–27.

О круге общения во время ссылки в 1906 г.

Федулов, А. Судьба человека — судьба страны : (моя бабушка Мария Федоровна Калашникова). — 2007. — Вып. 7. — С. 124–137.

О М.Ф. Калашниковой из г. Сургута и ее семье через призму исторических событий России XX века.

Конев, Ю. Жить не страшно : (страницы мальчишеского дневника) / публ. В. А. Коневой. — 2007. — Вып. 7. — С. 138–178.

Тержевик, И. О детских годах брата. — 2007. — Вып. 7. — С. 179–182.
Воспоминания старшей сестры Ю.Е. Конева.

Забытый декабрист : Крижановский (Кржижановский) Северин Фаддеевич. — 2007. — Вып. 7. — С. 203, 204.

О полковнике польского гвардейского Конноегерского полка, осужденном за принадлежность к тайному обществу к ссылке в г. Березов.

Белобородов, В. Поэт, сторонившийся славы. — 2007. — Вып. 8. — С. 63–68.

О сибирском поэте Г.Н. Тверитине.

Белобородов, В. С духовной миссией по Сибири. — 2007. — Вып. 8. — С. 76–80.

О сибирском роде священнослужителей Тверитиных.

Анисимова, Л., Волженина, С. «Всегда Ваша...»: заметки по поводу юбилея Марии Мадьяровой. — 2007. — Вып. 8. — С. 136–141.

О Марии Николаевне Мадьяровой, заместителе директора Государственной библиотеки Югры, заслуженном работнике культуры РФ.

Содержание альманаха «Подорожник». Выпуск 7–12

Повод, Н. Деятельность А. М. Сибирякова в Тобольской губернии. — 2008. — Вып. 9. — С. 10–24.

Об А. М. Сибирякове, одном из инициаторов освоения Северного морского пути, его просветительской и благотворительной деятельности.

Белобородов, В. Грязновы. — 2008. — Вып. 9. — С. 35–37.

О смотрителе уездного училища и училищ Березовского округа Петре Никандровиче Грязнове и его семье.

Мадьярова, М. В главном сходимся. — 2008. — Вып. 9. — С. 143–147.

О заведующей краеведческим отделом Государственной библиотеки Югры Т.В. Пуртовой

[Букина, М. Н.] Материалы к биографии Бориса Владимировича Дидковского : доклад М. Н. Букиной на областной конференции 22 декабря 1963 года в г. Свердловске. — Вып. 10. — С. 38–52.

Воспоминания коллег / Я. М. Черноусов, В. А. Покровский. — 2009. — Вып. 10. — С. 53–59.

Об В. Дидковском.

Белобородов, В. Слово родниковой чистоты. — 2009. — Вып. 10. — С. 228–231.

О корреспонденте газеты «Сталинская трибуна» в 1944–1946 гг. К. Г. Ландау.

Юрий Иванович Гордеев: [некролог]. — 2009. — Вып. 10. — С. 268–269.

Лопарев, Х. М. Моя биография. — 2009. — Вып. 11. — С. 22–26.

Лопарев, Х. М. Материалы для моей биографии. — 2009. — Вып. 11. — С. 26–35.

Белобородов, В. К. Сыромятниковское дело. — 2009. — Вып. 11. — С. 44–50.

Об А.А. Сыромятникове, тобольском предпринимателе и общественном деятеле XIX — начала XX в.

Тернистый путь отца Всеволода / собрал и прокоммент. В. Белобородов. — 2009. — Вып. 11. — С. 117–129.

Об архимандрите В.А. Баталине, уроженце г. Сургута.

Кузнецов, В.Г. Сергей Иосифович Карцевский. — 2009. — Вып. 11. — С. 198–202.

Биография русского лингвиста, уроженца г. Тобольска.

Детство и юность Г.Н. Тверитина. — 2009. — Вып. 11. — С. 258–262.

Белобородов, В. К. Шеймины. — 2010. — Вып. 12. — С. 57–74.

Из истории рода самаровских крестьян.

«Вечная память почившим». — 2010. — Вып. 12. — С. 307–308.

Дополнение к публикации «Тернистый путь отца Всеволода» (Вып. 11).

Константинов, В. «Сейте доброе, господа...». — 2010. — Вып. 12. — С. 380–385.

О педагоге, краеведе и журналисте Г.М. Дмитриеве-Садовникове в связи со 125-летием со дня рождения.

Сперанский, М. Хрисанф Мефодьевич Лопарев (1862–1918). — 2010. — Вып. 12. — С. 50–54.

25-летие научной деятельности Х. М. Лопарева. — 2010. — Вып. 12. — С. 55–56.

В. А. Баталин : новые материалы. — 2010. — Вып. 12. — С. 305–306.

В. А. Баталин (архимандрит о. Всеволод) : о Владимире Васильевиче Передольском / публ. Н. Г. Князевой. — 2010. — Вып. 12. — С. 309–321.

Библиография. Обзоры. Рецензии

Штуден, Л. Сновидящие в мире духов. — 2007. — Вып. 7. — С. 187–189.
О книге Т. А. Молдановой «Архитипы в мире сновидений хантов».

Содержание альманаха «Подорожник». Вып. 1–6. — 2007. — Вып. 7. — С. 217–229.

Содержание «Краеведа» — приложения к газете «Новости Югры» 1995–2000 гг. — 2007. — Вып. 8. — С. 190–226.

Библиография работ Т. В. Пуртовой. — 2008. — Вып. 9. — С. 148–156.

Ершов, М. «История Югры», или Путь от учебников к пособиям. — 2008. — Вып. 9. — С. 157–160.

О краеведческих пособиях по истории Югры.

Содержание альманаха «Подорожник». Выпуск 7–12

Мандрика, Ю. О запахе плесени под сенью цветущей липы : (краеведческий капустник). — 2008. — Вып. 9. — С. 161–170.

О культуре краеведческих изданий.

Мандрика, Ю. В поисках современных мифов. — 2008. — Вып. 9. — С. 171–173.

О книге «Тропа жизни учителя Знаменского».

О газетных строчках и их авторах. — 2009. — Вып. 10. — С. 254, 255.

О книге «Авторы публикаций об Югре в западносибирской периодике. 1857–1960 гг. : материалы к биографическому словарю».

Х.М. Лопарев : коллективный портрет. — 2009. — Вып. 11. — С. 21.

О книге писем к Х.М. Лопареву «Самаровский петербуржец».

Лукич. Бремя истории своего края. — 2009. — Вып. 11. — С. 248–250.

Об ишимском краеведческом альманахе «Коркина слобода».

Содержание альманаха «Подорожник». Вып. 7–12. — 2010. — Вып. 12. — С. 322–333.

Составила Т.В. Пуртова

Содержание

«Я вам жить завещаю...»

Разлучница война. Публикация М.А. Сухачевой. Подготовила к печати А.И. Маслакова	3
---	---

Лопаревские чтения

К участникам третьих чтений	47
<i>М. Сперанский</i> . Хрисанф Мефодьевич Лопарев (1862–1918)	50
25-летие научной деятельности Х.М. Лопарева	55
<i>Валерий Белобородов</i> . Шеймины	57

Тропа жизни

<i>Н.П. Родионов</i> . На медленном жертвенном огне	75
---	----

Источник

<i>Лидия Завьялова и Владимир Струсь</i> . Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму и селениям Самаровского ведомства Сибирской губернии за 1763 г.	112
<i>Владимир Струсь</i> . Ревизская перепись душ разночинского сословия по Самаровскому и Демьянскому яму Сибирской губернии за 1762 год	144

«...нет у революции конца»

От двадцать первого — к тридцать седьмому	149
Со своей колокольни	152
Лишние люди	168
Не на ту попал	180
Всё под контролем	183
<i>А.А. Пыхтеева</i> . «Свет мой, зеркальце...»	194

<i>С.И. Карцевский. Халтура</i>	197
<i>В. Белобородов. Неправильные крестьяне</i>	202

Краеведение

<i>В. Белобородов. Тобольский губернский музей и тобольское общество</i>	233
<i>О дальнейшем направлении деятельности Тобольского Губернского Музея. Доклад консерватора музея Н.Л. Скалозубова, прочитанный на общем собрании членов музея 24 апреля 1895 г.</i>	260
<i>Т. Юдель. Достойно ли настоящее Тобольского музея его прошлого?</i>	265

Злободневное

<i>Г. Кондакова. За помощью к Жириновскому</i>	267
--	-----

Юбилей

<i>Петр Шешкин, далекий и близкий. (К 80-летию со дня рождения художника): 1931–1981</i>	273
--	-----

Наследие

<i>В. Константинов. «Сейте доброе, господа...». (К 125-летию со дня рождения Г.М. Дмитриева-Садовникова)</i>	280
<i>Гр. Дмитрий-Садовников. Плохи (Природа и люди р. Ваха)</i>	286
<i>Г.Д.С. Архип (Тип зырянина)</i>	302

Постскриптум

<i>В.А. Баталин. Новые материалы</i>	305
<i>Вечная память почившим</i>	307
<i>В.А. Баталин (архимандрит о. Всеволод) о Владимире Васильевиче Передольском. Публикация Н.Г. Князевой</i>	309

Библиография

<i>Содержание альманаха «Подорожник». Выпуск 7–12. Сост. Т.В. Пуртова</i>	322
---	-----

Подорожник
Краеведческий альманах
Вып. 12

Редактор-составитель Валерий Белобородов

Книга издана по заказу
Учреждения Ханты-Мансийского автономного округа-Югры
«Государственная библиотека Югры»
(директор О.А. Кривошеева)

Технический редактор Ю. Мандрика
Корректор М. Кремлева

Подписано в печать 01.12.2008.
Формат 60x84/16. Гарнитура «PeterburgC».
Печать Riso. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 14,88. Усл.-печ. л. 19,59. Тираж 300 . Заказ № 1885.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, ул. Республики 10/2.
Тел. 8(912) 391-93-20.
e-mail: lukitsch_mandr@mail.ru

Отпечатано в ООО «ПК «Зауралье»,
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.
E-mail: zpress@zaural.ru

086792011

Государственная библиотека Югры

